

**КНИЖНЫЕ
СЕРИИ ЦДРА**

Центральный Дом Российской Армии имени М.В.Фрунзе

**КНИГА СОВРЕМЕННОЙ ВОЕННОЙ
ПРОЗЫ И ПУБЛИЦИСТИКИ**

ГОРЯЧИЕ ВЕТРЫ

Федеральное государственное бюджетное
учреждение культуры и искусства «Центральный
Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе»
Министерства обороны Российской Федерации

Военно-художественная студия писателей

ГОРЯЧИЕ ВЕТРЫ

*Книга современной военной прозы
и публицистики*

Москва
Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе

г. Пушкино Московской области
Издатель Витюк Игорь Евгеньевич

2021

УДК 82-3, 82-4

ББК 84 (2Рос=Рус), Ш6(2Рос-Рус), ТЗ(2), Ц68

Г-71

18+

ISBN 978-5-9907860-5-9

Горячие ветры. Книга современной военной прозы и публицистики. / Составитель В.А. Силкин — . М. : Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе, Пушкино: Издатель Витюк Игорь Евгеньевич, 2021. — 312 с., — (Современная военная проза: книжная серия ЦДРА).

Некоммерческое литературно-художественное издание

В книгу «Горячие ветры» вошли произведения авторов, пишущих на военную тему в жанрах прозы и публицистики, в разное время прошедших военную службу в Вооружённых Силах и других силовых структурах. Произведения охватывают период со второй половины 18-го века до наших дней. В них рассказывается и о героических страницах истории Российской (Советской) Армии, и о повседневной деятельности Вооружённых Сил.

Книга рассчитана на широкий круг читателей: от юношества до ветеранов Великой Отечественной войны и участников локальных вооружённых конфликтов, от любителей приключенческой военной литературы до профессиональных филологов и литературных критиков. Произведения из книги могут быть использованы в качестве учебного материала в школах при изучении истории, русского языка и литературы, а также для подготовки уроков мужества и патриотизма в образовательных учреждениях.

© Коллектив авторов

© Александр Кабин — оформление обложки

Александр МАРГЕЛОВ, полковник в отставке

Александр Васильевич Маргелов — прозаик. Родился 21 октября 1945 года в г. Кишинёве. В 1970 году окончил ракетный факультет МАИ и поступил на работу инженером в Центральное конструкторское бюро экспериментального машиностроения (ЦКБЭМ) в подмосковном Калининграде (ныне город Королёв). С 1971 года — на службе в Советской армии (ВДВ), до 1980 года — в Научно-техническом комитете Воздушно-десантных войск. Окончил экстерном Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище и Военную академию бронетанковых войск. Работал главным экспертом управления Государственной компании «Росвооружение».

Полковник в отставке. Герой Российской Федерации. Руководитель «Фонда содействия войскам специального назначения и ВДВ имени Героя Советского Союза, генерала армии В.Ф. Маргелова». Награждён орденами Красного Знамени и Красной звезды, многими государственными и ведомственными медалями. Лауреат премии Дружбы народов «Белые журавли России» с вручением одноименного ордена. Член Союза писателей России.

Скончался 19 июля 2016 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

ОГНЕННЫЕ ДОРОГИ ОТЦА

Документальная повесть

Ещё при жизни генерала армии В.Ф. Маргелова называли «Человек-легенда», «Десантник № 1». Люди, которые служили под его командованием, именовали себя «маргеловцами», а аббревиатура Воздушно-десантных войск — ВДВ, и по сей день расшифровывается как «Войска Дяди Васи». Патриот, человек отважный, дерзкий, прямой, заботливый командир, талантливый военачальник, способный на поступки на основе чести, всегда готовый к самопожертвованию...

Именно ему принадлежит честь и слава создания непревзойдённых Воздушно-десантных войск. Участник пяти войн, как он сам говорил, Василий Филиппович всей душой войну ненавидел, рассказывал о ней редко и скупно. Зато фильмы про войну любил — усаживаясь перед экраном телевизора, признавался: «Люблю войну в кино смотреть!»

В ноябре 1943 года части 2-й гвардейской армии, разгромив фашистские полчища на подступах к Днепру и в Левобережной Украине, вышли к Днепру. Однако из-за больших потерь в личном составе, недостатка хорошо обученного пополнения, постоянного отставания корпусной и армейской артиллерии, а также армейских тылов, форсировать с ходу Днепр частям и соединениям армии не удалось. В этой сложной обстановке командующий 4-м Украинским фронтом генерал Ф.И. Толбухин отдал приказ 2-й гвардейской армии перейти к обороне на фронте Екатериновка, Каховка, Британы, Казачьи Лагера, Алешкин, Збурьевка и далее по побережью Чёрного моря и подготовке к освобождению Правобережной Украины. Задача перед гвардейцами стояла весьма серьёзная, так как они не должны были ни в коем случае допустить форсирования Днепра противником и высадки его десантов в тыл нашим войскам и на берег моря. Для усиления войск приказом командующего фронтом армии передавался 1-й гвардейский и 116-й укрепленные районы. Полным ходом развернулось строительство оборонительных рубежей.

С выходом к Днепру обеспеченность советских войск материальными средствами, особенно боеприпасами, значительно снизилась. Из-за осенней распутицы и бездорожья машины с боеприпасами либо завязали в глубокой грязи, либо стояли без горючего. Сильно отстали и артиллерийские части, тылы растянулись на десятки километров. Советские воины рыли окопы и траншеи, сооружали дзоты и блиндажи, готовились дать фашистам достойный отпор.

А угроза со стороны фашистов оставалась реальной. Особенно беспокоил советское командование Херсонский укрепленный плацдарм на левом берегу Днепра в районе озера Вчерашнее. Нашему командованию стало известно, что Гитлер приказал своим войскам удерживать этот плацдарм любой ценой. Более того, 13 ноября фашисты высадили десант на Кинбургской косе и, закрепившись на ней, пытались контролировать воды Днепровского и Бугского лиманов, ведущих в Николаев и Херсон.

Со 2 по 4 декабря развернулись сильные бои в низовьях Днепра по ликвидации Херсонского плацдарма и укреплений фашистов на Кинбургской косе силами 13-го гвардейского стрелкового корпуса и 2-го гвардейского механизированного корпуса. Гвардейцам 3-й стрелковой дивизии в боях за ликвидацию Херсонского плацдарма пришлось сражаться против противника в плавнях сухопутья, рукавов и проток Днепра. А стоял уже декабрь, и советским солдатам, с боями продвигавшимся по заболоченной местности, приходилось то и дело принимать холодные, в полном смысле этого слова, ванны. Но гвардейцы в этих тяжёлых боях прорывали одну за другой линии фашистской обороны, прижимали противника к реке и уничтожали. Большую помощь в этих боях оказывала «матушке пехоте» артиллерия. На одном из совещаний командующий 2-й гвардейской армией генерал Г.Ф. Захаров сказал командующему артиллерией генералу Стрельбицкому: «Устройте мне здесь настоящий артиллерийский обмолот противника!»

И артиллеристы свою задачу выполнили блестяще. Демонстрируя высокое огневое мастерство, они на отдельных участках создавали такую высокую плотность огня, что буквально сметали с лица советской земли целые фашистские части, засевшие в обороне.

Здесь, в этих боях, отлично проявили себя воины самых различных родов войск и специальностей. Так, например, химики полковника А.Т. Бабаяна умело провели задымление вражеских позиций. Под прикрытием дымовой завесы наши части ринулись вперёд и сбросили остатки частей 4-й горнострелковой дивизии фашистов в ледяные воды Днепра. 20 декабря нашими войсками была одержана ещё одна блестящая победа: сильно укреплённый Херсонский плацдарм прекратил своё существование.

Гвардейцы блестяще завершили год упорных боёв за освобождение советской земли. Начав героические бои у стен Сталинграда, они высоко пронесли свои победные знамёна сквозь пламя сражений на реке Мышкова и «Миус-фронте», в Донбассе и на Молочной. За год боёв гвардейцы 2-й армии освободили 2500 населённых пунктов и вызволили из фашистской неволи сотни тысяч советских людей. Пройдя от Волги до Днепра две тысячи огненных километров, гвардейцы-богатыри очистили от врага 125 тысяч квадратных километров родной земли.

Теперь, после ликвидации Херсонского плацдарма и херсонских передовых укреплений противника, создались предпосылки к форсированию Днепра и освобождению Херсона.

Далее рассказывает сам Василий Филиппович Маргелов. «В войсках 3-й гвардейской стрелковой дивизии полным ходом развернулась подготовка к форсированию Днепра. Я целыми днями находился в частях, организовывая подручные средства для переправы, обучая воинов действиям в ходе форсирования широкой водной преграды, каковой являлся Днепр. И вдруг меня вызвали в штаб армии. То, что я услышал от командующего, оказалось для меня большой неожиданностью. 2-я гвардейская армия получила боевой приказ Верховного Главнокомандующего ударом из Кула прорвать оборону противника на Перекопском перешейке, главными силами овладеть городом Армянск и к исходу первого дня операции выйти на рубеж южнее Суворово, Караджанай; к исходу второго дня – на рубеж южнее Заливная, озеро Янгул; в последующем развивать наступление во взаимодействии с соседней 51-й армией, наступавшей с плацдарма на Сиваше, уничтожить перекопскую группировку противника в районе города Ишунь и к исходу четвёртого дня выйти на рубеж реки Чатырлак.

Советское Верховное Командование придавало большое значение Крымской операции, и поэтому координирование действий сухопутных и военно-морских сил в ходе её осуществления Маршалы Советского Союза А.М. Василевский и К.Е. Ворошилов. В авангарде наступающих на Крым войск шёл 13-й гвардейский стрелковый корпус генерала П.Г.Чанчибадзе. И, откровенно говоря, я считал, что меня, заместителя командира 3-й гвардейской стрелковой дивизии, которая входила в 13-й гвардейский стрелковый корпус, вызвали для постановки боевой задачи по прорыву обороны на Перекопском перешейке и боям в Крыму. Однако я услышал совсем другое: приказом командующего фронтом я назначался командиром 49-й гвардейской стрелковой дивизии. Признаться, я несколько растерялся, услышав приказ о столь высоком для меня, тридцатипятилетнего полковника, назначении. Всего какой-то год назад был подполковником – командиром полка под Сталинградом... От командующего

фронтом, видимо, не укрылось то, что творилось в те мгновения в моей душе. И он, как бы поддерживая меня, крепко пожал руку и сказал:

– Командование фронтом, как и командование армией, считает, что вы, товарищ Маргелов, будете достойным командиром 49-й гвардейской и под вашим командованием она одержит ещё не одну победу! Готовьтесь к форсированию Днепра и взятию Херсона!

– Служу Советскому Союзу! – только и смог от волнения произнести я».

Чуть больше двух месяцев выпало полковнику Маргелову исполнять должность (ИД) командира 3-й стрелковой гвардейской дивизии, а теперь новый поворот в его боевой биографии – ИД командира 49-й... В мае 1944 года при-ставка «ИД» к его должности была убрана.

* * *

В начале марта 3-я гвардейская дивизия находилась в обороне и занимала по фронту огромный участок почти, что в 70 километров. Знакомясь с личным составом дивизии, полковник Маргелов – новый командир дивизии отметил, что хотя гвардейцы и «сидели» в обороне довольно продолжительное время, однако настроение у них было наступательное. Все понимали: раз вышли к Днепру, значит, оборона – дело временное, впереди их ждёт наступление.

Форсирование водного рубежа – всегда задача не из лёгких. А тут перед гвардейцами простирался широкий и величавый Днепр. Противоположный берег его, изобилующий высотами и кручами, фашисты сильно укрепили. Переправиться через широченный Днепр, а затем ещё и прорвать сильно укреплённую оборонительную полосу немцев – эта задача по плечу только закалённым в боях воинам. А дивизия в этот период была укомплектована в основном пополнением из бывших оккупированных районов, ранее в армии не служившем. Поэтому первое, на что комдив В.Ф. Маргелов обратил внимание при подготовке личного состава дивизии к форсированию Днепра – это научить солдат преодолевать водные преграды, умению прорывать оборону противника.

Занятия по боевой подготовке командир дивизии приказал проводить в условиях, максимально приближенных к реальным. Днём и ночью бойцы учились в днепровских плавнях, как вязать плоты, как грузить на них технику, как вести огонь с лодок и других плавучих средств. По его приказу широко практиковалась подготовка к форсированию Днепра и последующим действиям на макетах местности. Комдив добивался, чтобы буквально каждый боец знал свою задачу при форсировании и в бою.

Немцы, предвидя вероятность форсирования нашими войсками Днепра, взорвали, сожгли или вывезли всё, что могло быть использовано для переправы. Поэтому для подготовки переправочных средств в ход пошло всё, что было под рукой. Плоты вязались из брёвен, досок, порожних снарядных ящиков, а иногда и просто из вязанок камыша, которого в днепровских плавнях было хоть отбавляй.

Особую смекалку проявил полковой инженер 144-го гвардейского полка гвардии капитан-инженер Константин Жуков, ранее отличившийся при подрыве железнодорожного моста у Херсона. Ему предстояло переправлять полковые

Александр МАРГЕЛОВ. Огненные дороги отца. Документальная повесть

артиллерийские орудия, а пушка – это не пулемёт, её на камышовом плотике не переправишь. И тогда капитан Жуков предложил делать плоты под орудия из бочек из-под горючего. Плоты получились на славу! Во время форсирования они не тонули, даже когда их дырявили осколки и пули.

Также по приказу командира дивизии В.Ф. Маргелова каждым полком было проведено тренировочное форсирование озера в районе села Костогрызово, которое по своей ширине не уступало Днепру. Да и местность здесь, изобилующая высотами и оврагами, была во многом сходна с местностью на правом берегу Днепра, где немцы создали мощную полосу обороны.

Большую партийно-политическую работу в период подготовки к форсированию Днепра и освобождению Херсона провели партийные и политические органы дивизии во главе с недавно прибывшим в соединение гвардии полковником Миролевичем.

Партийно-политическая работа в дивизии проходила в соответствии с поставленными перед гвардейцами задачами. Благодаря усилиям политработников во всех стрелковых ротах были созданы полнокровные партийные организации. Пополнение рядов партийных организаций шло главным образом за счёт приема в ряды ВКП(б) отличившихся в бою солдат, сержантов, офицеров. За это время было принято в члены ВКП(б) 157 человек.

Одной из лучших партийных организаций дивизии была партийная организация 147-го гвардейского стрелкового полка. Её возглавлял смелый и отважный офицер – политработник гвардии майор Рыжков. Он вёл постоянную работу с парторгами рот и батальонов за увеличение рядов партийцев в подразделениях, прилагал большие усилия для улучшения партийно-политической работы перед наступлением. И его энергичная деятельность дала впоследствии положительные результаты. Отец вспоминал, что в ходе боев за Херсон коммунист Рыжков не раз личным примером увлекал бойцов на подвиги.

Большую пропагандистскую работу проводила в войсках дивизии газета 49-й гвардейской стрелковой дивизии «Гвардеец». Она постоянно помещала на своих страницах корреспонденции, репортажи и очерки о лучших бойцах, их боевых подвигах.

В начале марта 1944 года комдивом был получен боевой приказ командующего армией на форсирование Днепра и взятие Херсона. Однако командование фронта и Ставки, учитывая, что фронт наступления дивизии слишком велик, указало: «...форсировать по мере возможности». Вспоминая те дни, отец рассуждал: «Но что значит «...по мере возможности». Мне было известно, что ранней весной 1944 года Красная Армия на всех главных стратегических направлениях разворачивала крупномасштабные наступательные операции. В том числе и наш 3-й Украинский фронт. И если командование приказывало наступать, хотя и «...по мере возможности», то я, как командир дивизии понимал, что надо сделать всё невозможное – форсировать Днепр – на то мы и гвардейцы!»

Командир дивизии вместе с начальником штаба дивизии гвардии полковником Валерием Фёдоровичем Шубиным, командирами полков – гвардии полковником Андреем Григорьевичем Лубенченко, гвардии полковником Михаилом Егоровичем Прокоповичем, гвардии подполковником Тюриным Андреем Ивановичем, командиром артполка гвардии подполковником П.К. Федорковым

– самым тщательным образом изучали обстановку, не раз ездили на рекогносцировку. В эти дни активизировали свою деятельность разведчики. Однако им долго не удавалось взять «языка». Два раза разведчики пытались пробраться через Днепр, но фашисты, засевшие в прибрежных кручах, непрерывно освещая в ночное время хрупкий приднепровский лёд ракетами, срывали все попытки наших разведчиков добыть «языка». Время шло, а одна разведгруппа за другой возвращались домой с задания промокшие с ног до головы, так и не сумев добыть столь необходимые сведения.

Тогда комдив приказал очередную группу возглавить гвардии сержанту Ноговицину. Разведывательную задачу ему и его группе полковник В.Ф. Маргелов ставил лично. Разъяснил, что от успеха группы будет зависеть и успех дивизии. Уяснив задачу, Ноговицин без лишних слов коротко ответил:

– Задание принято, «язык» будет доставлен!

– Не слишком ли вы самоуверенны, товарищ сержант? – усомнился начальник политического отдела полковник Миролевич.

И действительно, глядя на этого невысокого, хрупкого бойца с обветренным лицом и воспалёнными от бессонных ночей глазами, вряд ли можно было подумать, что за его плечами десятки дерзких и успешных разведывательных поисков.

– Хлопец он хоть и не видный, зато сердце у него – львиное! – заступился командир дивизии за гвардейца.

И не напрасно. Своё слово разведчики сдержали благодаря отваге и находчивости командира группы сержанта Ноговицина. Скрытно подобравшись к переднему краю противника, Ноговицин и его бойцы целых четыре часа вели наблюдение за оборонительными позициями фашистов. Детальное изучение противоположного берега показало, что оборона противника состоит из отдельных огневых точек, связанных между собой ходами сообщения. Когда ночь опустилась на землю, сержант Ноговицин приказал своим бойцам по-пластунски преодолеть набухший прогибающийся лёд Днепра и первым пополз к противоположному берегу.

Переправа группы прошла настолько скрытно, что немцы даже не шелухнулись. В прибрежном откосе разведчики отыскали ложок, по нему поднялись в гору и вышли к дороге. Здесь разведчики обнаружили фашистский пост. Сориентировавшись на местности, сержант Ноговицин решает осуществить дерзкий план. На наших разведчиках были одеты трофейные плащ-палатки, и сержант-гвардеец решил воспользоваться этим. Он построил своих бойцов в колонну и повёл их прямо по дороге к немецкому посту. Фашисты никак не могли предположить, что на их участке могут появиться советские разведчики, и подпустили бойцов сержанта Ноговицина вплотную. А этого гвардейцам только и надо было.

Появление наших разведчиков возле самого немецкого поста было настолько неожиданным, что фашисты не успели даже открыть огонь. Меткими выстрелами гвардейцы четырёх из них уложили наповал, а унтер-офицера захватили в плен. Умело обеспечив отход и прикрытие группы, сержант Ноговицин без потерь переправился через Днепр и доставил долгожданного «языка» в штаб дивизии.

Из показаний пленного стало известно, что немецкое командование потребовало от херсонской группировки войск защищать свои позиции до последнего солдата. Немецкие части и подразделения, занимающие оборонительные позиции по днепровским берегам севернее и южнее Херсона, а также в самом Херсоне, находятся в состоянии повышенной боевой готовности. В особенности сильные укрепления немцы создали в самом городе, используя для них все постройки, а также жилые дома, из которых они силой выселили всех людей, не считаясь с тем, что под пронизывающим мартовским ветром и дождём оказались тысячи женщин, детей, стариков. Бойцы дивизии, да и сам комдив, не раз слышали доносившиеся из-за Днепра лающие голоса немецких солдат, выстрелы и стоны мирных советских людей. Это фашисты, осуществляя тактику «выжженной земли», изгоняли их из-под родного крова, создавая «мёртвое пространство» вокруг своих оборонительных рубежей.

Гвардейцы рвались в бой, а командир дивизии полковник Маргелов упорно искал ту самую «возможность», которая обеспечила бы дивизии успех в ходе форсирования Днепра и штурма Херсона.

8 марта комдив побывал в своем левофланговом 147-м гвардейском стрелковом полку, которым командовал М.Е. Прокопович. Левофланговые подразделения полка соседствовали с подразделениями 295-й стрелковой дивизии, части и подразделения которой занимали позицию прямо напротив Херсона и готовились штурмовать его в лоб. Немцы, судя по всему, понимали это и, создав мощную оборону, готовились здесь к упорному сопротивлению. Проведя рекогносцировку и оценив обстановку, комдив 49-й пришел к выводу, что на левом фланге его гвардейская дивизия, учитывая плотность и мощь фашистской обороны, вряд ли будет иметь успех. Да и чувствовалось, что немцы именно здесь ждали главного удара советских войск и готовились ко всем неожиданностям.

Изучая обстановку перед наступлением, полковник В.Ф. Маргелов побывал и в подразделениях своего центрального 144-го гвардейского стрелкового полка, которым командовал гвардии полковник А.Г. Лубенченко. Здесь подготовка к форсированию была в полном разгаре. Люди рвались в бой, но средств форсирования было подготовлено ещё мало. Побывав на занятиях по боевой подготовке, командир дивизии пришёл к выводу, что солдат этого полка необходимо упорно готовить к грядущим боевым испытаниям.

А между тем вышестоящие штабы торопили командира 49-й гвардейской дивизии с форсированием Днепра. А он, не раз изучая обстановку по карте, сам приходит к выводу, что командование торопит его не зря – успешное форсирование войсками его дивизии Днепра и удар по левому флангу фашистской группировки, прикрывавшей Херсон, с последующим охватом Херсона справа, могло создать для немецких войск угрозу окружения. Чего-чего, а «котла» фашисты боялись после Сталинграда как огня! Да и командование, торопя комдива, не скрывало, что от успеха 49-й гвардейской стрелковой дивизии во многом зависит успех всей херсонской операции.

«9 марта 1944 года, – вспоминал генерал армии В.Ф. Маргелов через 40 с лишним лет, – я дал приказ своему правофланговому 149-му гвардейскому стрелковому полку гвардии подполковника Тюрина совершить ночной марш и сосредоточиться по левому берегу Днепра южнее города Берислава.

Проведя этот маневр, командир полка доложил мне по телефону, что полк сосредоточился и готов к выполнению дальнейших приказаний.

Я срочно выехал в полк. Ночь была адская. Дождь хлестал как из ведра. Беспорывными порывами налетел сильный ветер. Великая река только что освободилась ото льда, и её тяжелые воды плескались где-то рядом в крошечной темноте.

«А не попытаться ли форсировать Днепр прямо сейчас? – неожиданно подумал я. – Ночь, хоть глаза выколи. Немцы сейчас, наверное, попрятались по блиндажам. Не любят они такой погоды. А пока очухаются, так не то что полк, а дивизию можно будет переправить... Да и бойцы, узнав, что их комдив уже на правом берегу, с утроенной энергией совершат бросок через Днепр...»

Не думал, не гадал я тогда, что боевая обстановка внесёт совсем иные коррективы в мой план, и мне придётся с 67-ю бойцами почти трое суток удерживать плацдарм, и в живых нас останется только 14 человек...»

После этого отец закурил новую папиросу из лежащей на столе пачки «Беломорканала» и на какое-то время замолчал, как бы заново переживая выпавшие на их долю испытания. Затем он медленно, охрипшим от волнения голосом продолжил свои воспоминания.

– Кто у вас лучше всех подготовлен к переправе? – спросил у подполковника Тюрина.

– Третий батальон гвардии капитана Валуева, – ответил комполка.

– Пошли, – сказал я.

Через некоторое время мы были в расположении батальона.

– Пулемётную роту в моё распоряжение! – приказал я комбату. – Будем форсировать...

– Товарищ комдив! – запротестовал было гвардии подполковник Тюрин. – Зачем же так рисковать! Ведь неизвестно, что там, на том берегу...

– Переправимся, узнаем! А ты оставайся здесь в готовности к форсированию и жди моей команды! – ответил я командиру полка.

– Пулемётная рота к выполнению задачи готова! – доложил прибывший командир пулеметной роты гвардии старший лейтенант Семен Гуменюк.

Приказав старшему лейтенанту Гуменюку готовить бойцов и матчасть к переправе через Днепр, я ещё раз уточнил ранние и поставил новые задачи частям и подразделениям по форсированию реки и боевым действиям на том берегу. Соблюдая все меры предосторожности, отчаливаем от берега. Днепр встретил наши тяжелогружённые лодки и плоты крутой волной. По-прежнему хлестали порывы ветра вперемежку с колючим дождём. Едва достигли середины Днепра, как над нашими головами, словно люстры, вспыхнули ослепительные огни немецких осветительных ракет. И тут же чёрная днепровская вода закипела от разрывов мин и снарядов. В бой вступили наши пулемётчики.

Одна из мин взорвалась где-то справа, и в сполохах разрывов я увидел, как перевернулся один из плотов. С него в ледяную воду посыпались люди. Однако гвардейцы не растерялись, а, уцепившись за брёвна полуразрушенного плота и удерживая на нём «максим», продолжали плыть к берегу. Как я потом узнал, в ледяной купели оказались гвардейцы пулемётного взвода гвардии младшего лейтенанта Георгия Ноги. Но и в этой ситуации, как-то пристроившись у пулемёта, сам командир продолжал бить по вражескому берегу короткими очередями.

Хочу сказать, что этому отважному офицеру в дальнейшем фронтовая судьба ниспослала не только это испытание. Несколько позднее, в боях за Николаев, гвардии младший лейтенант Георгий Нога был ранен в живот. Ранение было настолько тяжёлым, что хирурги не стали делать операцию, полагая, что она всё равно не поможет. Однако офицер каким-то чудом, без всякого хирургического вмешательства, поправился и снова встал в строй, не комиссовался, хотя и имел такую возможность.

Разве это не пример героической стойкости советского гвардейца! Гвардии младший лейтенант Георгий Нога был представлен мной к награждению орденом Боевого Красного Знамени.

Но вот, наконец-то, наша лодка ткнулась носом в прибрежный песок. Десант есть десант, и действовать тут надо сноровисто и быстро. В едином порыве гвардейцы ринулись на берег и, выбив фашистов из прибрежных оборонительных линий, устремились вперёд.

Вскоре, используя складки местности, мы успешно продвинулись ещё дальше и оседлали дорогу Берислав-Херсон. Удар наш был настолько силен и неожидан, что фашисты решили, что Днепр форсировала, по крайней мере, целая дивизия. И они начали панический отход к Херсону. Однако к утру опомнились, и обстановка резко изменилась. Едва забрезжил рассвет, как показались густые цепи немецких автоматчиков. Подлустив фашистов поближе, пулеметчики старшего лейтенанта Гуменюка открыли кинжальный огонь. Не многим немцам удалось уйти живыми. Не повезло и тем транспортёрам, которые двигались по шоссе Берислав – Херсон. Надеждам фашистов прорваться к Херсону был положен конец.

Видимо, обеспокоенное положением на своём левом фланге обороны, немецкое командование решило во что бы то ни стало ликвидировать захваченный плацдарм. Одновременно фашистское руководство предприняло все меры, чтобы на захваченный нами Бериславский плацдарм не переправился ни один советский солдат.

В воздухе нудно завывали моторы десятков фашистских самолётов, которые наносили удары по переправляющимся войскам и по нашему плацдарму. Бесперывно била фашистская артиллерия, в том числе и шестиствольные минометы. Эта огневая завеса и приостановила форсирование Днепра подразделениями как 149-го полка, так и другими частями и подразделениями дивизии.

Прошёл один день сражения за Бериславский плацдарм, пошёл второй, а подкрепления, которого мы ждали с таким нетерпением, не было. Всё меньше и меньше оставалось в живых героических защитников плацдарма. Кончились боеприпасы. А немцы продолжали наседавать. В этой обстановке мне ничего не оставалось, как прибегнуть к крайней мере – вызвать на себя по радиации огонь артиллерии своего артиллерийского полка.

Чтобы не потерять управление частями дивизий, я всё время поддерживал связь по радио с начальником штаба 49-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии полковником Шубиным. Понимая всю сложность создавшегося положения, он делал всё возможное, чтобы не только подразделения 149-го полка как можно быстрее переправились через Днепр на захваченный нами Бериславский плацдарм, но и другие части дивизии могли оказать нам посильную помощь.

Надо отметить, что начальник штаба дивизии гвардии полковник Шубин был закалённый в боях, храбрый и решительный офицер. Ему довелось так же, как и мне, участвовать в боях с белофиннами. Он отличился при прорыве линии Маннергейма, при форсировании Выборгского залива. В августе 1941 года в должности начальника связи 41-й лёгкой танковой бригады В.Ф. Шубин совершил поход в Иран. В том же месяце прямо из Тегерана его бригада была переброшена под Новороссийск. Особенно отличился В.Ф. Шубин в ходе Феодосийского десанта. Здесь, в боях за Феодосию, он был сначала назначен начальником оперативного отделения 236-й мотострелковой дивизии.

1944-й год, командир 49-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии генерала-майор Василий Маргелов

Инициативным, вдумчивым офицером зарекомендовал он себя и в боях по освобождению Ростова. После освобождения Ростова, когда 271-я стрелковая дивизия гнала фашистов на запад, Валерий Федорович был тяжело ранен. Ему давали негодность к службе в армии, но он остался в строю. Перед началом боёв по прорыву «Миус-фронта» подполковник Шубин был назначен начальником штаба 49-й гвардейской стрелковой дивизии. И вот теперь, в боях за Херсон, проявились лучшие качества этого боевого офицера. Благодаря его находчивости 3-й батальон 149-го гвардейского стрелкового полка 11 марта 1944 года успешно форсирует Днепр и высаживается на Бериславский плацдарм. К этому времени из 67 защитников Бериславского плацдарма осталось только 14 человек. Поэтому можно понять нашу огромную радость, когда в перепаханые фашистскими снарядами и минами окопы, в которых мы отбивались до последнего, влились бойцы гвардии капитана Валуева. Однако фашисты продолжали яростные атаки, стремясь во что бы то ни стало сбросить защитников Бериславского плацдарма в Днепр. Но чаша боевого успеха постепенно клонилась в нашу сторону. Немотря на сильнейший артиллерийский и миномётный огонь, 149-му гвардейскому стрелковому полку гвардии подполковника Тюрина удалось прорваться через кипящий от разрывов Днепр и высадиться на плацдарм. Теперь мы навязывали фашистам свою инициативу. В ходе упорных боёв по расширению плацдарма полку А.И. Тюрина удалось выйти в район Пареводар, Новая

Тягинка. По моему приказу полк продолжил развивать наступление вдоль берега Днепра на Херсон».

Бывший комсорг 1-го батальона 149-го сп гвардии сержант И.Г. Степаненков вспоминал командира дивизии «стройным, высоким и... строгим командиром. Он лично наблюдал за полем боя, а при необходимости сам шёл в боевых порядках наступающей пехоты. Так было и в районе Кучегуара, где песчаные курганы на берегу Днепра, в беспорядке разбросаны на местности. Особенности курганов в том, что они скрывают перспективу обзора за ними и кажется, что за ними ничего нет. И так по всему берегу. Фашистское командование использовало эти курганы для создания глубоко эшелонированной обороны, превратив каждый из них в укрепленную огневую точку. И, как мне представляется, комдив полковник В.Ф. Маргелов умело нащупал, а затем и использовал слабость немецких солдат – их боязнь вести огонь в ночных условиях по причине легкого обнаружения (демаскировки) их позиций, а также умение наших младших офицеров использовать штурмовые отряды при штурме обособленных огневых точек. Основные достоинства штурмовых отрядов в ночном бою – маневренность, быстрота действий во время боя, возможность охвата боевыми действиями большой территории. Это и в дальнейшем широко использовал командир дивизии».

Штурмовой отряд – это стрелковый взвод, усиленный различными огневыми средствами в зависимости от решаемых задач: станковым пулеметом, 45-ти мм пушкой и противотанковым ружьём.

«И вот такими мелкими группами бойцы 1-го батальона прорвали оборону немцев и вышли на берег Днепра в районе Казачьих Лагерея. С позиции сержанта мне трудно оценить действия моих боевых товарищей и командиров, но боевую задачу в ночном бою на этом участке фронта наша дивизия, сплочённая и вдохновлённая отважным комдивом Маргеловым, выполнила, за что ей позже было присвоено почётное наименование «Херсонская». Василий Филиппович Маргелов был душой и вдохновителем всех наших боевых операций, а для бойцов и командиров дивизии – строгим, но чутким человеком».

Очень не любил генерал армии В.Ф. Маргелов вспоминать один короткий, но весьма драматический и показательный для того сурового времени эпизод. Когда он вернулся на левый берег Днепра, чтобы организовать на месте дальнейшее наступление частей своей дивизии на Херсон, командир корпуса Чанчибадзе грубо обругал комдива.

– Ты бросил дивизию, – кричал он, – я тебя расстреляю! Под трибунал отдам!

С трудом сдерживаясь (сказывалось нечеловеческое напряжение трёхдневных бессонных смертельных боёв), комдив Маргелов сказал, грозно сверкнув глазами:

– Один полк уже воюет на том берегу, второй заканчивает переправу. Мы с бойцами выстояли и обеспечили успех соединению. Разрешите продолжать наступление? А список героев я представлю вам на утверждение после взятия Херсона...

Командир корпуса, видя направленные на него неодобрительные взгляды рядом стоящих офицеров, как-то сразу сжался, а потом выпрямился, извинился перед комдивом и приказал:

– Теперь Ваша дивизия будет на основном направлении наступления на Берислав и Херсон, 295-я гвардейская дивизия, замешкавшаяся в ходе форсирования Днепра, продолжает наступление на вспомогательном направлении. Я не сомневаюсь, товарищ Маргелов, что Вы успешно справитесь с поставленной задачей!

В ходе наступления ожесточённые бои развернулись за село Никольское, которое обороняло свыше двух батальонов противника. Используя хорошо подготовленные в инженерном отношении позиции, немцы ураганным огнём из пулемётов и миномётов пресекали все попытки наших бойцов хотя бы подойти к окраинам села. В этих боях опять отличился 3-й батальон гвардии капитана Валуева. Используя наступившую темноту, отважный командир всё-таки прорвался к окраине Никольского и зацепился за одиноко стоящий домик. Быстро превратив его в опорный пункт, гвардии капитан Валуев решает с помощью обходных маневров рот выбить немцев из села. Под прикрытием темноты 3-я гвардейская стрелковая рота под командованием гвардии лейтенанта Карыгина обходит село справа, а 9-я гвардейская стрелковая рота под командованием гвардии старшего лейтенанта Алонна обходит село слева. Совершив обходные манёвры и выйдя на заданный рубеж, обе роты обрушили на фашистов внезапные удары. Ураганный огонь гвардейцев косил фашистов десятками. В рядах противника началась паника, и, бросая оружие, боевую технику, немцы в ужасе разбежались. Вскоре всё село Никольское было очищено от противника. Этот бой гвардейцы капитана Валуева провели без потерь. Фашисты же потеряли 75 солдат и офицеров убитыми и пленными, были захвачены большие трофеи. Вот что значат грамотные и инициативные действия на поле боя!

Развивая наступление в ночь с 12 на 13 марта, 149-й гвардейский стрелковый полк гвардии подполковника Тюрина вышел к реке Ингулец в районе села Дарёвка и завязал бой за переправы. И здесь опять отличились бойцы 3-го гвардейского батальона капитана Валуева. Действуя решительно и инициативно, гвардейцы, не дожидаясь приказа о переправе, форсировали реку Ингулец на подручных средствах и устремились дальше. Наступая вдоль течения Днепра, полк освободил 16 населенных пунктов, уничтожил и пленил около 300 солдат и офицеров противника, захватил многочисленные трофеи.

Надо отметить, что все эти бои характеризовались полным отсутствием артиллерийской поддержки, так как артиллерия не успела переправиться. По сути дела пехоту поддерживали только пулемёты, а единственным тяжёлым оружием были противотанковые ружья.

Но наступательный порыв гвардейцев был настолько велик, что даже при наличии только лёгкого пехотного оружия части дивизии безостановочно гнали фашистов, имевших на вооружении артиллерию, самоходные пушки и одно- и шестиствольные миномёты. И гнали по бездорожью, по весенней непролазной грязи, через плавни и водные преграды. В этих боях личный состав 149-го гвардейского стрелкового полка проявил образец исключительного мужества, героизма, сметливости и инициативы.

Боевые успехи 149-го гвардейского стрелкового полка Тюрина создали предпосылку к успешному развитию наступления всеми частями и подразделениями дивизии.

В ночь на 13 марта 1944 года успешно форсирует Днепр 144-й гвардейский стрелковый полк гвардии полковника Лубенченко. Едва высадившись на правый берег Днепра, гвардейцы с ходу ринулись в атаку, обходом справа перерезали дорогу Снегиревка – Херсон. Удар воинов 144-го гвардейского был настолько стремителен, что немцы обратились в паническое бегство, покидая свои оборонительные позиции, и к концу дня полковник Лубенченко доложил командиру дивизии, что его гвардейцы перерезали дорогу Херсон-Николаев. Это уже был серьёзный успех.

В этот же день начал форсирование Днепра 100-й артиллерийский полк полковника Федоркова. Форсирование проходило по чётко организованному плану. В то время как первые орудия были загружены на плоты, собранные из рыбацких лодок, и начали переправу, расположившиеся на левом берегу Днепра артиллерийские подразделения прикрытия мощными и точными ударами сокрушали огневые точки противника и его артиллерийские и миномётные позиции.

Форсирование шло полным ходом, когда бойцы вдруг увидели, что со стороны Херсона, рассекая стремнину Днепра, прямо к ним идёт пароход. Комдив дал команду не стрелять, так как на его мачте виднелся белый флаг. Когда пароход пристал к берегу, выяснилось, что это херсонские рыбаки и моряки угнали его прямо из-под носа у немцев. Пароход оказался как нельзя кстати. На нём была переправлена на правый берег почти вся тяжёлая техника дивизии, а херсонские моряки и рыбаки влились в ряды 49-й гвардейской дивизии.

В боях на подступах к Херсону и за сам город мужество и отвагу проявили многие бойцы дивизии. И как всегда, в авангарде наступавших шли коммунисты.

Под сильным пулемётным огнём залегла одна из рот. Но вот поднимается коммунист Криницкий и с возгласом «За Родину!» бросается вперёд, увлекая за собой всю роту. Стремительным броском рота ворвалась в село, в короткой схватке уничтожила и пленила 30 фашистов, а остальных обратила в бегство.

В одном из боёв на подступах к Херсону отличился гвардии красноармеец Уроженко. Он первым ворвался во вражеский блиндаж и уничтожил в рукопашной схватке трёх фашистов, а остальных обратил в бегство. В «Боевом листке» после этого боя он написал:

«Я молодой гвардеец. Велика честь быть гвардейцем. Бывалые воины помогли мне овладеть оружием. Этим оружием я истребляю фашистскую нечисть. До войны я жил и работал в городе Херсоне. Жизнь текла хорошо, красив был наш город. Кулаки мои сжимаются от ярости, сердце горит злобой, когда подумаешь, что нашу родную херсонскую землю ещё топчут грязные сапоги немцев. Где бы я ни дрался с врагом – буду разить его насмерть. Я дерусь за Родину, за родной Херсон!».

Утром 13 марта 1944 года 49-я гвардейская стрелковая дивизия начала решительный бой за освобождение Херсона. Наступая на Херсон, её гвардейцы дрались бок о бок с 295-й стрелковой дивизией, которая уже с 11 марта пыталась штурмовать Херсон в лоб. Однако, несмотря на героические усилия солдат, 295-я дивизия успеха не имела. И только обходной маневр 49-й гвардейской дивизии, перерезавшей фашистскую группировку, прикрывавшую Херсон, и создавшей предпосылку окружения немецких войск в районе города, сломил волю оборонявшихся германских войск.

Несмотря на ожесточённое сопротивление фашистов, гвардейский 147-й стрелковый полк 49-й гвардейской стрелковой дивизии первым ворвался в город. Бой вёлся за каждую улицу, каждый дом. Начальник штаба дивизии полковник Шубин, несмотря на бессонные ночи последних боевых суток, умело обеспечивал чёткое управление частями на поле боя.

Бойцы дивизии дрались по-гвардейски! В одном из боёв рядовой Цветков первым ворвался в траншею противника и в рукопашном бою уничтожил трёх фашистов.

В ходе наступления путь гвардейцам преградил каменный дом, оборудованный немцами под дот. Из его бойниц фашистские пулемёты и автоматы извергали тучи смертоносного свинца. Наступление замедлилось. Но вот поднимается боец Чугай и с кличем: «За Родину – вперед!» устремляется в атаку. Его порыв воодушевляет бойцов. Гремит гвардейское «Ура!», красноармейцы поднимаются вслед за ним в атаку.

Высокую боевую выучку в ходе боёв за Херсон продемонстрировали сапёры гвардии лейтенанта Буренкова. На подступах к Херсону и в самом городе фашисты установили сплошные минные поля, заминировали подходы ко многим зданиям, а также и сами здания. И вот тут-то сапёрам пришлось потрудиться, как говорится, в поте лица. Сотни мин обезвредили гвардейцы-сапёры гвардии лейтенанта Буренкова и расчистили наступавшим подразделениям путь вперёд. За мужество и героизм, проявленные в боях, гвардии лейтенант Буренков был награждён орденом Красного Знамени.

Во время штурма города отличился командир взвода противотанковых ружей лейтенант Оганесов. Немцы неожиданно предприняли контратаку силой до роты, которую поддерживали несколько бронетранспортёров. Путь бронированным машинам преградили истребители танков гвардии лейтенанта Оганесова. От метких выстрелов гвардейцев загорается несколько машин, а автоматчики шквальным огнём уничтожают пехоту противника. Один из бронетранспортёров подбил сам командир взвода гвардии лейтенант Оганесов.

И опять на самых трудных участках наступления впереди были коммунисты. Большим уважением среди бойцов дивизии пользовался парторг 144-го гвардейского стрелкового полка гвардии старший сержант Савицкий. Этот немолодой 42-летний солдат отличался не только незаурядной храбростью и отвагой в бою. Он также был прекрасным агитатором, но, прежде всего, учил бойцов на личном примере. Большую работу проделал парторг Савицкий перед форсированием Днепра. Особое внимание он уделил роли коммунистов в успешном выполнении предстоящей боевой задачи. И слова этого коммуниста не расходились с делом.

Он одним из первых вместе со своим подразделением переправился через Днепр. В ходе наступления был в первых рядах атакующих гвардейцев. За храбрость и мужество он снискал себе почёт и уважение среди бойцов. А когда надо было, то он проявлял себя и как незаурядный организатор.

В ходе быстрого наступления частей 49-й гвардейской стрелковой дивизии постоянно отставали тылы. И тут парторг Савицкий проявил инициативу. В освобождённых сёлах он собирал жителей на сходку, проводил с ними беседу, после чего простые советские люди с воодушевлением помогли своим освободителям, чем могли, в особенности – продуктами питания. Они готовили пищу для бойцов, а парторг Савицкий заботился, чтобы она была доставлена

Александр МАРГЕЛОВ. Огненные дороги отца. Документальная повесть

гвардейцам в их подразделения. В ходе боёв за Херсон коммунист Савицкий был, как и всегда, в первых шеренгах атакующих гвардейцев. Его голова, убеждённая ранними сединами, мелькала то в одном подразделении, то в другом.

Вспоминая те дни, генерал армии Маргелов В.Ф. сказал: «На мой взгляд, благодаря таким людям, а их было немало, мы победили. Шаг за шагом продвигались вперёд гвардейцы моей 49-й гвардейской стрелковой дивизии. Благодаря их мужеству, решительности, массовому героизму Херсон был освобождён в самые короткие сроки».

И вот уже отгремели последние залпы гвардейцев, штурмовавших Херсон. Город полностью очищен от немецких оккупантов. Во всех частях и подразделениях дивизии начались торжественные митинги, посвящённые освобождению города. Разгорячённые боем стоят в строю красноармейцы и офицеры. Отличившийся в боях за Херсон гвардии майор Грачев зачитывает:

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Генералу армии МАЛИНОВСКОМУ.

Войска 3-го УКРАИНСКОГО фронта, форсировав реку ДНЕПР в нижнем течении, заняли город БЕРИСЛАВ и, развивая наступление, сегодня, 13 марта, в результате уличных боёв, овладели городом ХЕРСОН – крупным узлом железнодорожных и водных коммуникаций и важным опорным пунктом обороны немцев у устья реки ДНЕПР.

В боях отличились войска генерал-лейтенанта ГРЕЧКИНА, генерал-майора РУБАНЮКА, полковника МАРГЕЛОВА, полковника ДОРОФЕЕВА; артиллеристы генерал-лейтенанта артиллерии НЕДЕЛИНА, генерал-майора артиллерии ОСМАЛКОВСКОГО; танкисты генерал-лейтенанта танковых войск СВИРИДОВА; лётчики генерал-лейтенанта авиации СУДЕЦ и понтонёры генерал-лейтенанта инженерных войск КОТЛЯРОВА, полковника СЕРГЕЕВА.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за освобождение городов ХЕРСОН и БЕРИСЛАВ, представить к присвоению наименования «ХЕРСОНСКИХ» и «БЕРИСЛАВСКИХ» и награждению орденами.

Сегодня, 13 марта, в 22 часа столица нашей Родины МОСКВА от имени Родины салютует доблестным войскам 3-го Украинского фронта, овладевшим городами ХЕРСОН и БЕРИСЛАВ, – двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырёх орудий.

За отличные боевые действия ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение городов ХЕРСОН и БЕРИСЛАВ.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины! Смерть немецким захватчикам!

**Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. Сталин.
13 марта 1944 года.**

Этой высокой чести была удостоена и 49-я гвардейская стрелковая дивизия. Она получила почётное наименование «Херсонская». Многие офицеры, сержанты и рядовые были награждены высокими правительственными наградами. Командир 149-го гвардейского стрелкового полка гвардии подполковник Тюрин был награждён орденом Ленина. Его заместитель по политической части гвардии майор Грачёв был награжден орденом Александра Невского.

Несколько особо отличившихся воинов 3-го Украинского фронта генерала Малиновского были представлены к высшей правительственной награде – ордену Ленина и медали Золотая Звезда. К высокому званию Героя Советского Союза был представлен командир пулемётной роты 149-го гвардейского стрелкового полка гвардии старший лейтенант Семён Гуменюк.

К этому же высокому званию за форсирование Днепра и освобождение города Херсона был представлен и командир дивизии – гвардии полковник Маргелов Василий Филиппович.

В наградном листе на звание Героя Советского Союза кратко описан подвиг отца:

«Обороняясь на фронте свыше 50 км на левом берегу реки Днепр, 49 гв. сд 10.3.44г. получила задачу форсировать р. Днепр и во взаимодействии с 295 сд овладеть г. Херсон. В течение полутора суток, полковник МАРГЕЛОВ перегруппировал силы дивизии, сосредоточил их южнее САДОВАЯ в готовности к выполнению задачи. Одновременно одним полком с боями форсировал р. Днепр в районе КАЗАЦКАЯ и, развивая успех на запад во взаимодействии со 2-м гв. мк, начал свертывание обороны немцев на правом берегу. В ночь на 12 и 13.3.44 г. основные силы дивизии, преодолевая упорное сопротивление противника, на подручных и местных переправочных средствах форсировали р. Днепр и устье р. Ингулец и захватили плацдарм на правом берегу в районе САДОВАЯ. Не давая противнику закрепиться, дивизия совместно с 295 сд развивает стремительное наступление на ХЕРСОН и ударом с северо-востока к 12.00 13.3.44 г. овладевает городом.

Командир дивизии – полковник МАРГЕЛОВ чёткой постановкой задач подчинённым частям, тщательной подготовкой форсирования р. Днепр и боя на правом берегу, обеспечил успешное выполнение боевой задачи. В течение всего периода форсирования находился на переправах и лично руководил действиями частей, одновременно осуществляя руководство правым флангом через свой штаб.

Своей настойчивостью, высокой требовательностью, хорошей организацией взаимодействия пехоты с артиллерией, полковник МАРГЕЛОВ обеспечил своевременное выполнение задачи по овладению г. Херсон без серьёзных потерь и нанёс противнику большой урон в живой силе и технике.

За умелое управление войсками при форсировании р. Днепр и овладении г.Херсон, проявленные при этом инициативу, настойчивость и личную храбрость полковник МАРГЕЛОВ достоин звания «ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА».

Александр МАРГЕЛОВ. Огненные дороги отца. Документальная повесть

Представление подписано 16 марта 1944 г. командующим 28-й армией генерал-лейтенантом А.Гречкиным и членом военного совета генерал-майором А.Мельниковым. Командующий войсками 3-го Украинского фронта генерал армии Малиновский и член военного совета фронта генерал-лейтенант Желтов в своём заключении также записали: **«Достоин присвоения звания «Герой Советского Союза».**

Ниже – отметка о награждении, всего две строчки: «Присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» – Указ от 19.03.44 г.»

В Грамоте «Герою Советского Союза», подписанной Председателем Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калининым, записано: «За Ваш геройский подвиг, проявленный при выполнении боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 19 марта 1944 г. присвоил Вам звание Героя Советского Союза».

По представлению рабочих и служащих херсонских предприятий генералу армии Маргелову В.Ф. в 1968 году было присвоено звание «Почётный гражданин города Херсона».

Гвардии старший лейтенант Аркадий Питанов в дни форсирования Днестра и боев за Херсон написал стихотворение, впоследствии ставшее «фамильным» рода Маргеловых.

ПЕСНЯ СЛАВИТ СОКОЛА

Песня славит Сокола
Храброго и смелого...
Близко ли, далёко ли
Шли полки Маргелова.

Шли полки могучие
Шагом молодецким,
По Задонским кручам,
По степям Донецким.

Шла большая сила
Грозно на врага,
Да перегородила
Путь ей Днепр-река.

Ой, как закручинился
Храбрый генерал,
К берегу спустился,
Так бойцам сказал:

Мне река родная,
Сам-то я – моряк.
Вплавь переплыву я,
А вот вы-то как?

Кто вас переправит?
Нет здесь кораблей...
Ну, а немец палит
В двадцать батарей...

– Не печалься очень,
Храбрый командир,
Коль солдат захочет –
Обойдёт весь мир!

Нам искать ли броду!
Немец, только тронь...
За тобой мы в воду,
За тобой – в огонь!

Ой, как заиграли
Пушки поутру,
Немцы нас не ждали
На крутом яру.

Колет, гонит врага
Первый батальон.
Здравствуй славный город,
Городок Херсон!

Это стихотворение мы, его сыновья, с самого юного возраста знали наизусть и исполняли на всех семейных торжествах, а позже хором пели (и поём сейчас) на мотив «Песни о Щорсе», а все гости дружно поддерживали.

Недолг был отдых. Вновь гвардейцы 49-й стрелковой дивизии двинулись на запад. Уверенна поступь гвардейских колонн. А над нами от края и до края привольных херсонских степей летит удалая солдатская песня гвардейцев 49-й гвардейской Херсонской стрелковой дивизии о гордой и смелой птице, ставшей негласным символом дивизии.

1948 год, командир 76-й гвардейской Черниговской Краснознамённой воздушно-десантной дивизии генерал-майор В.Ф. Маргелов перед десантированием. Он лично совершил более 60 прыжков с парашютом, свой первый прыжок в 40 лет, последний – в 65 лет.

Владимир КРУПИН, майор в отставке

Рис. В. Харлова

Владимир Николаевич Крупин родился на Вятской земле 7 сентября 1941 года. Годы, ознаменовавшие и тяжелейшие, и спасительные для России времена. Окончил Московский областной педагогический институт (университет). По окончании работал в школе, сценаристом на телевидении, преподавал в Литературном институте им. А.М. Горького, в Академии живописи, ваяния и зодчества, Московской духовной академии. Избирался секретарём Правления Союза писателей СССР. В настоящее время — сопредседатель Союза писателей России. Первый лауреат Патриаршей премии.

В.Н. Крупин принадлежит к поколению, для которого служение армии было святым делом, а желание умереть за Родину было естественным. *«Мы рвались в армию, — вспоминал писатель. — У нас девчонки с парнем, который не служил, даже и не дружили»*. Служил три года, дослужился до старшины ракетного дивизиона Войск ПВО. И потом проходил несколько раз переподготовку, в том числе и на Высших офицерских курсах. Гордится званием старшего офицера. Он — навсегда в строю защитников Отечества. Многие его произведения посвящены армии. Последнее время у писателя одна тема — спасение России через приход к Господу. А кто был в России самым верующим? Конечно, военные.

ПОЛКОВНИК-ПАЛОМНИК

Рассказ

В аэропорту к нашей паломнической группе подошёл молодой, крепкий мужчина и спросил, туда ли он попал. Вот ему друзья подарили путёвку, сказали, что в Израиль, на море, а тут что? А тут паломническая поездка. Он зорко оглядел членов группы: все женщины, все, в основном в годах, увидел в группе одного мужчину, то есть меня и подошёл. Мы познакомились.

Конечно, в монастырской гостинице нас поместили в один номер. Конечно, мы стали на ты.

— Мы — братья во Христе. И если Его называем на ты. «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, спаси, сохрани и помилуй», так чего мы друг с другом будем выкать?

— Это-то, конечно, — согласился он, глядя на Библию на тумбочке и на иконы в переднем углу, — но мне сказали: отдых, море, экскурсии, магазины, женщины.

— Нет, брат, тут долгие поездки, стояния на молитвах, ранние вставания. А уж пляжей вообще никаких. И женщин тут нет! Тут не туристки, тут паломницы.

Он затосковал:

– Вот я вяпался!.

– Да ты что? Это же великое счастье – ты в центре мира, ты на Святой Земле! Я над тобой беру шефство. Неужели ты такой тёмный? Ты же крещёный?

– Ну, как иначе, я не какой-то социопат, я русский полковник!

В автобусе мы сидели вместе с ним. Первая поездка была в Вифлеем, и она его очень впечатлила. Особенно поразило благоговение, с которым все шли и прикладывались к Вифлеемской звезде. Он тоже приложился.

Вверху он потрясённо спросил:

– Так это точно, что здесь Он родился?

– Более чем!

– И всё так и было? Подлинно?

– Всё, как в Евангелии. Им даже места в гостинице не было, пришли в эту пещеру. Волхвы, знали предсказания, принесли Ему золото, как царю; ладан, как священнику; смирну, как простому смертному. А пастухам ангел с небес возвестил.

– Да не тёмный я, читал, знаю. Но, чтобы так, что всё по-настоящему? Библиотекарша, роман с ней был, подарила «Мифы народов мира», интересный двухтомник. Лернейская гидра, Геракл, Прометей, Ахиллес. И об Иисусе Христе там много. Читал. Я и думал, миф, на грани вымысла. Мне хватало.

– Но ты же видел, люди в церковь идут! Какой миф?

– Так есть же выражение, не помню кто сказал: если Бога нет, надо его выдумать. Предмет поклонения. Легче народом управлять. И Ельцын со свечкой стоял, и Путин бывает. Я сильно и не вдавался. Да и когда при нашей службе. Ну, миф и миф. Жить кому помогает. Кто и верит. Мы же верили в светлое будущее.

– Какой же миф – Бог воплотился от Духа Святого и Марии и Девы и вочеловечился. Он был и человек, и Бог. Он и страдал, как человек. Он за нас, за наши грехи, за тебя и за меня сам! Сам добровольно взошёл на Крест. Любил людей, мог и на небесах оставаться. Пришёл к нам. А что получил? Крест, гвозди, копии! Всемогущий! Создавший из ничего мир. А разве не мог призвать легионы небесных сил? Мог!

– А почему нет?

– Спасти хотел гибнущий мир, жалел нас! И спас!

– Как?

– Смерть уничтожил!

– Как?

– Читать будешь Евангелие, молиться, поймёшь.

Полковник долго молчал. Мы уже сидели в автобус, когда он, как-то встряхнувшись, ещё раз спросил

– Значит, всё так и было?

– Именно так!

– Ну, тогда, – подытожил полковник, – тогда давай, воспитывай!

– Вечером. Ты матушку Ирину слушай.

С последних сидений мы не видели матушку Ирину, которая нас сопровождала, тем более она сидела к нам спиной, лицом к движению, но слышали её проникновенный голос. Иногда она замолкала, тогда я продолжал просвещать полковника. Боясь быть занудным, говорил:

– Запомни: всё в мире сложно, только одно просто – Бог. И не влезай во всякие умничанья. Теизм, атеизм, пантеизм – всё это знать можно, но не нужно. Заинтересуешься – сразу начнёт только голова работать, тут и гибель. Сердце, душу питай! Молись и всё! Мы столько должны Богу, что нам за всю жизнь долги не отработать!

– А чем я должен?

– Жизнью ты должен, жизнью! Вон какой орёл, а мог и не быть.

– Я думал, меня папа-мама выродили.

– Так они-то откуда взялись?

– Их тоже родили.

– А те откуда? И те, и те, и те? От живой клетки? А клетка откуда? Из какой клетки? Всякие инфузории-туфельки? Выползли на сушу, выросли до обезьян, залезли на дерево, так? Потом хвост отпал, спрыгнули на землю? Встали на лапы, изобрели книгопечатание? От обезьяны один Дарвин произошёл. Мы – от Бога. От Адама и Евы мы. А их Господь сотворил!

Очень внимательно вслушивался полковник в мои слова. Спасибо ему, не возражал. Только сказал:

– Откуда ты такой умный? Не сердись, я с юмором.

– Чего сердиться? Это не я умный, это пора всем знать. Это главное в жизни – Бог. Это счастье – мы в Святой Земле. Приехали из Святой Руси. А это одно и то же. Тут мы за десять дней пройдем все и Господские, и Богородичные праздники. И хорошо, что начали с Вифлеема. С Его Рождества. Да тут с чего ни начни. И Благовещение в Назарете, и Преображение на Фаворе, и Богоявление на Иордане, и Вознесение на Елеоне. Вдумайся! Без Бога ни до порога. Россию лихорадило именно тогда, когда она отходила от Бога. Наполеон, Гитлер, Хрущёв, Ельцин – это нам бывало для вразумления, когда Бога забывали. Давай, Павел Сергеич, к концу срока готовься к причастию! Готовь генеральную исповедь. Вспоминай грехи и записывай.

– Чего их записывать, я и так помню. Я ещё об сейф не ударенный

– Куришь? Нельзя курить! Это каждение дыма сатане.

– Нельзя? Ладно, нельзя, значит, не буду, – сказал он.

И ведь в самом деле, как отрезало – перестал. Сила воли у него не хромала.

В первый же день в магазине Русской Православной миссии в Иерусалиме мы купили нательный крестик (полковник непременно захотел дорогой), и я своими руками надел его на шею раба Божия Павла Сергеевича.

Но с ним было очень нелегко. Матушку Ирину он взял, да и назвал на ты и Ириночкой. Он услышал, как она говорит на нескольких языках.

– Ириночка, ты и по-ихнему рубишь?

– Иначе нельзя, – улыбнулась матушка Ирина, – здесь надо знать и арабский, и английский, иврит тоже.

– Ну, ты молоток! – одобрил он.

Я оттащил его в сторону и вдалбливал:

– Так не смей говорить с монахиней. Она – монахиня, она – матушка!

– Матушка? – потрясённо спросил он. – Какая она матушка, такая молодая.

А ты знаешь, ей идёт чёрное. Я сразу не разглядел. Да она же красавица. И без косметики.

– Прекрати! Социопат! Она не женщина!

– А ещё чего скажешь?

– Ещё скажу, что она старше тебя в духовном смысле.

– Ну, сказанул.

– Не ну. Вот тебе и грех – неуважение к сану.

– Она же не обиделась.

– Вспомни, на кого не обижаются. Тебе надо словесное молоко, а не твёрдую пищу.

– У меня зубы крепкие. Я как на какого разгильдяя взгляну – сразу сверху донизу весь мокрый. – Он помолчал, вздохнул. – Да, вот бы из неё жена вышла. Все её достают, всем всё объяснит, ни на кого не цыкнет. Спокойная. Всё с улыбкой. Терпеливая. А у меня жена такая дура психованная.

Очень ему понравилась матушка Ирина. Он стал её первейшим помощником. И за стол не садился, пока все не сядут, из-за стола выходил первым, подгонял отстающих. При посадке в автобус стоял у дверей и энергично помогал паломникам.

– Ты повежливей с ними, – просил я.

– Они что, в профсоюзный санаторий приехали? Это же Святая Земля, центр Вселенной. Ты же сам мне пуп Земли показал.

– Терпение вырабатывай. Пример с матушки бери.

– Начну.

И при молитвах на святых местах полковник стоял смиренно.

– Раз полагается, значит, надо.

Он отстоял и долгую утрению.

– А я-то думал, – говорил он, – что у меня ноги железные. Ты же в армии служил, знаешь. У Знамени части – Первый пост в штабе, на виду, не шелохнись. Два часа. Потом четыре часа отдых. А тут четыре часа без отдыха. Спина отнимается.

– Делай поклоны глубже, спина не заболит.

Он доверился мне, рассказал, что у него в семье дело идёт к разводу, и, когда ему эту путёвку подарили, он её схватил, чтобы побыть без жены и приучить себя к жизни без неё. Честно признался, что надеялся на курортный роман.

– Думал, какое будет знакомство. А чего теряться? В поездке все мы холостые. В Тулу же не поедешь со своим самоваром.

– А из-за чего решил разойтись?

– Ни в чём не угодишь, всё ей неладно. Что бы ни сказал, всё не так. А молчу – тоже неладно. Дружья зашли – морду воротит.

– Так вы по любви сходились?

– С ума сходились. Перед выпуском из училища, больше по пьянке. – Да вот, покажу. – Он достал бумажник. – Вишь, где она у меня, умеет прятаться: между шекелями и долларами. – Красивая? Показал я тебе, дорогая, Святую Землю, а дальше живи сама.

– Она в церковь ходит?

– Да нет, с чего? Когда Патриарх бывает по телевизору, то, когда и слушает.

Полковник терпеть не мог платить лишнего. Торговался ужасно. Что называется, до потери пульса. Не своего, продавца. А в Иерусалиме все продавцы говорят по-русски. Почти все из России.

– Девочка, – говорил он полной еврейке, – мы тебя всему выучили, образование у нас бесплатное, а ты ещё чего-то требуешь. – Обязательно много выторговывал и уходил от продавщицы довольный. Ещё бы, чуть её до инфаркта не довёл. – А зачем я свои кровные буду евреям отдавать.

– Вообще, знаешь, что тебе скажу, какой вывод: порядка тут нет. – Помолчал и после паузы усилил: – Никакого! Откуда взял? Я ж сразу на военных гляжу. Идёт пичужка в зелёной форме – штаны велики, ноги в ботинках болтаются, автомат не на плече, а на сгибе локтя. И ... курит!

– У них женщины в армии служат.

– Да это-то, может, и неплохо. А парни военные стоят, тоже курят. Тоже с автоматами. Все расстёгнутые, наглые. Такие, хоть что, будут в народ стрелять. Всё равно, не много они навоюют.

– За них американцы повоюют.

– А эти вообще давно по морде не получали. Да, японский бог, порядка тут нет.

– Нас тут не хватает, да? Паша, не ругайся, грех. Забыл, что ли: за каждое, не только бранное, но и праздное слово взыщется.

– Если японский бог ругательство, как тогда разговаривать?

Его расположение к матушке Ирине было, конечно, замечено. Он же был личностью заметной. Ясно, что матери игумении донесли. И на четвёртый день утром у автобуса нашу группу встречала новая сопровождающая, монахиня Магдалина. Святую Землю любящая, досконально изучившая. Полковник на первой же остановке отвёл её в сторону и допросил. И рассказал мне, что узнал. А узнал он, что у матушки Ирины новое срочное задание – дальняя поездка с группой на Синай. А это дня три.

– Сам виноват, – хладнокровно сказал я. – Её из-за тебя туда отправили. Ты бы ещё в полный голос кричал о своей любви.

Полковник заговорил с такой болью, что я поверил в его искреннее чувство:

– Да я и любви-то ещё не знал! Перед выпуском в училище с лёту женился. Да, может, это у меня единственный шанс – создать семью. Детей же нет у меня! А я очень семейный! Мне же полста всего, и без хвостика...

– Молись! В храмах подавай о здравии жены. Венчанные? Венчайся!

– С ней? Никогда!

– Дело твоё. Но о матушке Ирине забудь!

– Забыть? А чего полегче не посоветуешь? Я запылал. Вот! – Мы стояли перед храмом в Вифании. Он истоиво перекрестился. А крестился он, как шаг строевой печатал. – Вот! Вот! И вот! И вот! И упал на колени и так треснул лбом о плиты, что площадь вздрогнула.

– Не крестись на грех. Лоб береги!

– А зачем он мне теперь?

– Напомнить тебе пословицу: заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибёт?

– Я лучше плиту расшибу.

Полковник даже чуть ли не курить снова начал. Но удержался. Молча сидел у окна автобуса, смотрел на пространства Святой Земли. Его крутило переживание. Иногда он даже как-то пристанывал.

Его переживание дало выход в его поступке, в Горнице Тайной вечери. Перед нами туда вошла группа протестантов. Мы вошли, крестясь, встали у

входа и ждали. Они по команде выстроились. Их старший, не могу его назвать священником, громко что-то рассказывал. Вскрикивал, махал руками. Конечно, о том, что здесь были собраны апостолы и на них, по предсказанию, в день Пятидесятницы, сошёл Дух Святой. Рассказывал долго, наращивая вскрикивания. Матушка вполголоса переводила, что он тоже, как и апостолы, чувствует приближение Духа. «Я слышу Его! Он идёт! Он приближается! Я чувствую Его! Он близко! Он зде-есь! Он во мне-е-е!». И тут его прямо затрясло.

И через минуту-другую они уже все чу-у-ув-ству-у-у-ю-ю-ют!!! Вздевают руки, и, то ли хором кричат, то ли хором поют.

– Но орать-то зачем? – спросил полковник матушку Магдалину.

– Не знаю. Может быть, показать, что они такие, достойные Духа Святаго.

– Матушка, – попросил полковник. – Можно я его спрошу? Переведите.

Группа протестантов выходила. Полковник в самом деле резко тормознул их старшего. Взял за пуговицу.

– Ты чего в таком святом месте орёшь? Ты что, апостол? Какой тебе Дух Святой?

Протестант мгновенно вспотел. Матушка торопливо говорила ему: «Ай эм сори, ай эм сори!». Тот, прикладывая руку к груди и торопливо огибая полковника, говорил: «О, кей, о, кей». Их группа освободила Горницу Тайной вечери.

– Ну, Павел Сергеевич, ну, ревнитель нравственности, что ж Вы так? – говорила матушка Магдалина полковнику. – Это ж мог быть скандал международный. Я прямо еле живая.

– С ними только так, – хладнокровно отвечал полковник. – Святая Земля, понимаешь, а они орать.

Я тоже поддержал возмущение полковника: очень уж показушно молился этот протестант. Моя поддержка улучшила его настроение.

– Ещё бы! Да и матушка Ирина меня бы одобрила.

– Ну, снова да ладом! Забудь о ней! Говорю по складам: за-будь! Ты человек сильной воли. Забудь. У тебя хорошая жена, запомни.

– Хорошая? С чего ты взял? Тебе б её, ты б её давно убил!

– Молись, будет хорошая. Ты русский мужчина! Русский мужчина верен жене! Единственной! Усвоил? И у русской жены единственный муж.

– Это в теории. А как в практике достичь? Тебе хорошо, ты уже старик. А я ещё кровокипящий.

Мы готовились к отъезду. Полковник очень страдал, пошёл в канцелярию узнать, когда вернётся группа с Синая. Сказали, что уже вернулась. Полковник рванулся увидеть матушку Ирину, но ему сообщили, что мать игуменья сразу послала её сопровождать новую группу.

– Вот ведь какая Салтычиха! – возмущался полковник. – Да тут хуже, чем в армии!

– Не хуже, а лучше.

– Даже маршрута не сказали. А то бы я рванул на такси.

– Паша, опять двадцать пять?

– Можно, я одну сигаретку выкурю?

Думаю, в наступившую ночь он выкурил не одну сигарету. Аж лицом потемнел. И объявил мне, что не полетит в Москву, а поедет в Русскую

Миссию и будет просить оставить его на Святой Земле.

– Прямо сейчас. Да хоть в том же Иерихоне. Или Хевроне, я их пока не выучил, путаю. Но везде же работы невпроворот. А я мужик рукастый. Что по технике, что по дереву, печку могу сложить. Русскую. Камин. Всё могу. И матушка Ирина, когда туда группу привезёт.

– Ой, Паша, Паша. Трудничество оформляется в Москве. Конечно, ты по всем статьям подходишь. Тогда, уж лучше, вообще в монахи готовься. Сколько монахов из военных, тот же Игнатий Брянчанинов. Александр Пересвет. Только оставь ты эти свои завихрения с любовью. Дай ты ей спокойно жить.

– А кто не даёт? Она сама будет решать. Она же вернётся, всё равно же её увижу. Объяснюсь! Она же России нужна. Дети будут, много надо. Я детей больше всего люблю. Ты ж видишь, – Россия чернеет, рождаемость русская падает. Она поймёт. Да и чувствую, нравлюсь ей. Разве криминал, что я, как мужчина, имею право на семейное счастье? Имею? Чего ты молчишь? В Тивериаде на озере она со мной как с человеком поговорила. И смотрела не как монахиня. Как девушка обычная. А в Бога она может и так верить. Да и я. Бабушка, помню, говорила: Паша, больно ты жалостливый, священником будешь. А жизнь-то в военные вывела. Но там тоже, везде же бывал – попадёшь под обстрел, жмёшься к земле и только одно: Господи, Господи! Я же её полюбил, не от Бога же я её оттягиваю.

– Паша, перетерпи. Как налетело на тебя, так и отлетит.

– Нет, отец, ты что? С мясом не оторвёшь.

И опять он маялся, опять не спал. Выходил на улицу, возвращался, стоял на коленях у икон. А утром заявил:

– Нет, жизнь моя или с ней, или никак.

И, в самом деле, случилось событие из ряда вон выходящее: паломник-полковник с нами обратно не полетел. Дальнейшую судьбу его я не знаю. А интересно бы в старых, добрых традициях православной прозы закончить рассказ о полковнике тем, что вот приехал я недавно в дальний монастырь и встречаю седовласого старца и узнаю в нём героя моего рассказа.

– Помните ли Вы, отец игумен, матушку Ирину?

– Я Бога помню! – отвечает он. – Ты смотри, на службу не опаздывай. Тут у нас не армия, тут дисциплина.

Игорь НЕХАМЕС, капитан запаса

Игорь Маврович Нехамес — прозаик, капитан в отставке. Действительный член Академии российской литературы, Академии гуманитарных наук России, Академии литературной документалистики, член Союза писателей России, член Союзов журналистов России и Москвы, кавалер орденов М.В. Ломоносова и В.В. Маяковского, М.Ю. Лермонтова и Г.Р. Державина. Лауреат литературных премий: им. А.А. Фадеева, им. К.М. Симонова, «Московский Парнас», «Золотая осень» (с вручением ордена С.А.

Есенина), Всероссийской премии «Левша» им. Н.С. Лескова (дважды), «За лучшую детскую книгу» 2011—2012 гг. (с вручением медали имени С.Я. Маршака), «Золотое перо Московии» Московской областной организации Союза писателей России, «Серебряный крест», Всероссийской премии имени П.Л. Проскурина, лауреат Золотого диплома имени Ф.И. Тютчева, лауреат II степени второй Международной олимпиады искусств Международной федерации искусств под эгидой ЮНЕСКО в России.

И СОБАКИ ЗАЩИЩАЛИ МОСКВУ

Рассказ

Бывают встречи, которые запоминаются на всю жизнь. Пять лет тому назад, осенью 2011 года, я находился на лечении в Московском областном госпитале для ветеранов войн, что рядом с деревней Жилино Солнечногорского района. По вечерам в рекреации собирались пациенты — участники и ветераны Великой Отечественной войны, люди средних лет, исполнявшие интернациональный долг в различных точках земного шара.

Всеобщим уважением пользовался Пётр Викторович из Серебрянопрудского района Подмосковья, 1919 года рождения.

После ужина и вечерних процедур ему всегда предоставлялось почётное право включать телевизор, выбирать желаемый канал для просмотра.

Своё первенство он определил одной фразой: «Мне уже десятое десятилетие идёт. Так что вы все — дети по сравнению со мной. И слушайте меня».

Часть этих «детей» сами были людьми далеко преклонного возраста — за восемьдесят и под девяносто. Но старше его на нашем этаже никого не было. Как не уступить самому уважаемому?!

Несмотря на трудную жизнь, он не сгорбил: оставался высоким, стройным, как будто бы судьба баловала Петра Викторовича.

Но на самом деле у него в жизни было столько драматических событий,

которые достойны восхищения.

В середине сентября 1941 года из-под города Вязники, что ныне во Владимирской области, он вместе со своей воинской частью, составленной из выпускников стрелковых курсов, пешком за восемь дней добрался до границ Подмосковья, потому что немцы развивали наступление на столицу нашей Родины.

Батальон, где стрелком служил герой этого повествования, был пусть и без боевого опыта, но отмотилизованной боевой единицей Красной Армии. Состав батальона согласно штатному расписанию, новое обмундирование, современные по тому времени винтовки. Были и артиллерийские пушки «сорокапятки», которые тащили трудяги «ЗИСы». Издалека была слышна канонада, постоянно летали фашистские самолёты. Но командование батальона строго-настрого запретило обнаруживать себя. Большинство батальона скрывалось в тянувшемся вдоль дороги перелеске, а отдельные стрелковые окопы были очень хорошо замаскированы и ничем не выдавали себя. Даже на случай дождей имелось закамуфлированное брезентовое укрытие, которое натягивали над окопами.

Солдаты чувствовали, что боестолкновение с фашистами будет страшным, но пока война обходила их стороной. Пётр Викторович, у которого было прозвище «Владимирская жердь» из-за его высокого роста и худобы, в редкие минуты свободного времени успевал сбегать в расположенную неподалеку деревню, принести на своей широкой спине в прочном холщовом мешке картошку и самогон, чем радовал весь свой взвод. И каждый его поход заканчивался тем, что обязательно он приходил с одной или двумя собаками.

В основном это были дворняги – беспородные псы, которые отличались бесстрашием и не обращали внимание на завывание фашистских самолётов, пикирующих с целью высматривания добычи, а также на стрельбу.

Командир взвода однажды пошутил: мол, ты что, вместо нашей части хочешь притон для собак устроить?

Петруша, как ласково называли его бойцы, в ответ лишь моргал своими белесыми ресницами.

Политрук заступился за солдата:

– Товарищ командир! Собак-то всего одиннадцать! Смотрите, у нас на одну собаку приходится три-четыре бойца – всё им радость. Да и как-то, когда звери и люди вместе, то оно уютнее и надежнее. И есть о ком заботиться.

Пётр Викторович регулярно занимался с собаками. То заставлял их ползти и напрыгивать на стоявший в поле сгоревший немецкий танк, то учил двух вожakov нападать на фашистов, которых потехи ради изображали бойцы. Все собаки оказались смыслёными и различали каски наших бойцов от фашистских касок.

Однажды кто-то из солдат нёс из одного окопа в другой бачок с супом и смеха ради нацепил на себя немецкую каску, чтобы перед тем, как спуститься в окоп, крикнуть «Хенде хох!»¹⁾. И хотя подобная шутка могла быть опасной и окончиться тем, что его бы застрелили, но молодость брала своё.

Солдат осторожно опустил бачок в окоп, а в другом конце окопа сидели несколько бойцов и слушали политрука. Молодой солдатик крикнул «Хенде хох!». Бойцы схватились за оружие, а политрук молниеносно выхватил пистолет и направил его на солдата. Но ещё раньше отреагировал пёс по кличке Бездомный, который две недели тому назад увязался за Петрушей и по праву считался

¹⁾ *Хенде хох – руки вверх (нем.)*

вожаком стаи. Он молниеносно прыгнул, головой ударил солдата в подбородок, а когда тот упал навзничь, то положил передние лапы на его плечи и зарычал. Все опешили. Петруша дал команду собаке отступить, и она нехотя вернулась к своему хозяину, время от времени сторожко поглядывая на испуганного бойца.

Было смешно, но от пережитого никто не смеялся. Каска слетела с головы шутника и валялась в полуметре от него. Политрук примирительно сказал:

– Вот до чего глупые шутки довести могут!

– А вам, – обращаясь к Петруше сказал политрук, – объявляю благодарность! У вас талант на обучение собак. Вроде бы и дворняга, а уже стойкая ненависть к проклятым фашистам выработана.

Все бойцы уважительно посмотрели на безродного пса.

Петяша хотел было вскочить, выпрямиться во весь рост, приложить руку к пилотке, отдавая честь, чтобы сказать «Служу Советскому Союзу и товарищу Сталину!», как вдруг вдали послышался звук летящего фашистского самолёта. Без всякой команды солдаты залегли в окопчике.

12 октября шум боя приблизился настолько, что весь батальон понял: битва будет безжалостной и чем всё кончится – неизвестно.

Ранним утром по полю поползли четыре танка. Легкие пушчонки «сорокапятики» произвели несколько выстрелов и поменяли позиции. Два передних танка вроде бы лениво повели стволами, но звуки выстрелов оглушили, и комья земли поднялись вверх. Ротный передал по радиации команду артиллеристам больше не стрелять, и танки бестрепетно продолжили свой страшный путь смерти. Так как в них больше не стреляли, то немецкие танкисты подумали, что их выстрелы оказались точными.

Один из солдат начал обвязывать себя пятью гранатами. Он поймал удивленный взгляд Петруши и хрипло сказал:

– Подползу поближе, брошу гранату. Постараюсь попасть в гусеницу. Если промажу – прыгну на танк. Не забывайте солдата Зубарева, однополчанин! У нас у всех одна доля – биться за страну.

Но Петя неожиданно для всех два раза негромко свистнул и к нему подбежала такса. Подняла умную морду и застыла в готовности выполнить любой приказ.

– Снимай связку! – приказал Пётр Зубареву.

Тот подчинился его властному голосу, но одну гранату, которую зажал в левой руке, оставил.

Политрук почти беззвучно спросил:

– Петруша! Ты что, хочешь, чтобы наш окоп проклятые фашисты отутюжили? А нас раздавили?

Петр отрицательно покачал головой. Он ловко прикрепил три гранаты на спину таксе, что-то прошептал ей на ухо, поцеловал прямо в морду и лёгким движением направил вперёд. Такса выползла из окопа и исчезла.

Все зачарованно смотрели: что же будет дальше?

Танки, освещённые солнцем, всё приближались и приближались. И они уже не казались маленькими спичечными коробками, но становились всё огромнее и огромнее.

Петя свистнул один раз, и к нему подбежала дворняжка Джульетта. Оставшиеся две гранаты он прикрепил к ней. И снова тот же прощальный ритуал. И снова лёгкое похлопывание по спине собаки перед расставанием.

Политрук удивлённо заметил:

– Петяша! Так у тебя на каждую собаку свой свист?

Пётр не успел ответить, как вдруг раздался взрыв, и шедший первым немецкий танк объяло пламенем.

– Эх, таксуля-таксуля! – плачущим голосом сказал Петруша. Может быть, встретимся с тобой когда-нибудь в раю.

Все находящиеся в окопе пригорюнились и сняли пилотки.

На втором танке открылся люк, из которого вылез удивлённый фашист. Он ловко прыгнул на землю и быстро-быстро побежал к первому танку. Он хотел понять, в чем дело. Но испугался, что в танке взорвется боезапас, и тогда и он взлетит вместе с ним на воздух. Он быстро развернулся и побежал обратно. Бежал вприсядку, петляя. Боялся, что вдруг по нему откроют стрельбу.

Но политрук несколько раз опустил правую руку вниз, что означало «не стрелять ни в коем случае». Немец, видимо, подумал, что лидер-танк случайно подорвался на mine. Едва он захлопнул люк, и второй танк начал движение, как вдруг раздался второй взрыв – это Джульетта, благодарная за кормежку и внимание к ней, исполнила свой главный долг.

Страдание выразилось в глазах всех солдат. А у Петра показались слезы. Да он и не пытался их скрыть. Всеобщая любимица, ластящаяся ко всем, своей жизнью сохранила жизни солдат.

В идущем четвертым танке открылся люк и из него наполовину вылез немец, который стал махать руками и громко кричать:

– Ахтунг, минен! Ахтунг, минен?!)

Первым повернул назад третий танк и на большой скорости стал удаляться с места столкновения.

Фашист, прежде чем спуститься в кабину, на несколько секунд замешкался и тут же поплатился за это. Зубарев прицелился и выстрелил. Фашист мешком упал внутрь танка.

Видимо, это был танкист-водитель, потому что танк начал крутиться на месте, а потом вообще остановился. Политрук жестами показал, чтобы трое солдат с трёх сторон поползли к танку.

К танку бойцы приближались осторожно, внимательно оглядывались вокруг, опасаясь попасть на минное поле. Из нижнего люка танка вылезли двое фашистов. Три синхронных выстрела слились в один. Немецкие танкисты остались лежать возле гусениц.

С них ловко сняли автоматы, забрали планшеты, отрезав ремешки, а потом бросили в люк гранату. Через несколько секунд раздался взрыв.

Обратно в окоп вернулись потные, измазанные в земле, но довольные. Политрук похвалил, но в его глазах читался вопрос.

Младший сержант Анохин с грустью ответил:

– Товарищ старший политрук! Видели лапу таксы – и больше ничего.

Все пригорюнились.

Политрук сел писать донесение командиру батальона.

Петр негромко свистнул, и к нему сторожко подошли шесть собак. Каждую он приласкал, затем вскрыл банку тушенки и аккуратно стал раскладывать на порции. Собаки внимательно следили за его действиями, но никто из них к

¹⁾ *Ахтунг, минен – внимание, мины (нем.)*

еде без команды не приближался. Зубарев благодарно сказал:

– Пётр Викторович! Вы мне жизнь спасли! Я предлагаю, после того, как собак накормите, мою банку тушенки вместе съесть.

Петр в ответ согласно кивнул.

После трапезы собаки благодарно облизали Петру руки и отползли к дальней стенке окопа. Сбились в кучу и легли – так они согревались.

Политрук кончил писать и приказал Зубареву ползти к батальонному блиндажу. И жестко указал:

– И не вздумай привставать или бежать во весь рост. Если засечёт немецкий самолёт-разведчик, то нас тут всех бомбами перепашут. Лучше дольше ползи, но приказ выполни.

Через час Зубарев вернулся обратно. Командир батальона принял донесение, поудивлялся и велел представить отличившихся бойцов к наградам.

Политрук был в недоумении: кого представлять? К какой награде? Ведь немецкие танки подбили собаки.

Стало резко темнеть. Политрук предупредил по цепочке по всем шести окопам, чтобы никто не вздумал курить. За неподчинение приказу – расстрел на месте. Некоторые были недовольны, но приказу подчинились беспрекословно. Все понимали, что находятся на самых что ни на есть передовых позициях и если фашисты почуют запах табака, а у них тоже есть солдаты-нюхачи, а также овчарки, то начнётся бой, и выйдешь ли ты живым из него – большой вопрос.

Политрук определил наблюдателей, приказал сменяться через каждые два часа, а сам пополз в другие окопы – проверять и укреплять веру бойцов в победу. За ним увязался пёс Безродный.

Солдаты улеглись в окопе на подостланных шинелях, прижались друг к другу, а двумя свободными шинелями укрылись сверху. Три собаки осторожно подкрались к бойцам и легли по бокам, согревая от раннеосеннего холодка. Зубарев шептал в ухо Петру слова благодарности:

– Вовек не забуду, если останусь жив! Оказывается, и бездомную собаку можно сделать патриотом родины – и ведь не убежала никуда! И скрытно подползла, и манёвр свой исполнила бестрепетно.

Петруша безмятежно улыбался, слушая горячую речь своего товарища и ничего не отвечал.

Ранним утром раздался рокот. Уже пять немецких танков пошли в наступление. Сверху летал кругами самолёт-разведчик, который наши солдаты прозвали «рама». Политрук пылливо посмотрел на Петра, и тот стал готовить собак к бою. По очереди выпустил всех пятерых.

Пока третья собака ползла к танку, две первые совершили подрывы. Танки загорелись, а ветер разносил огонь. Танкисты выбраться не смогли. Третий танк повернул было обратно, но собака успела кинуться под гусеницы. Танк накренился и от взрыва упал набок. Зубарев не выдержал и радостно закричал:

– Ура! Мы побеждаем!

Через мгновение он уже валялся на дне окопа с разбитыми губами – политрук навел порядок.

Зубарев остался сидеть на дне окопа и прижимал к губам большой солдатский платок, который набухал от крови.

Политрук свистящим шёпотом сказал:

– Если ещё кто-то нарушит мою команду – задушу собственными руками!

Все застыли в страхе, потому что знали недюжинную силу политрука: он на ходу останавливал мотоцикл, ухватившись за ручку, он подтягивался на турнике 35 раз, он кидал учебную гранату-лимонку за 80 метров и вообще, несмотря на свой невысокий рост, был жилистым и прыгучим. Да и бойцы понимали правоту его слов, а случай с солдатом Зубаревым посчитали совершенно правомерным, да и сам солдат на избиение не обижался.

Постепенно Зубарев кровь остановил и вдруг раздался мощный взрыв. Это старая восточно-европейская овчарка, следуя примеру своих сородичей, тихонько подкралась к четвертому танку. Пятый танк вырвался вперед и на скорости мчался к окопам. В небе появилась «рама». Политрук точно знал, что у танкистов нет радиосообщения с самолетом, но в это мгновение растерялся, потому что танк двигался синхронно с пролетающим самолетом. Танк на мгновение остановился. И политрук в бинокль увидел, как еще одна собака прыгнула сзади на танк. На ней было четыре гранаты, и танк после взрыва загорелся. Один танкист попытался вылезти из верхнего люка, но языки пламени добрались до него, и жуткий вой разнёсся над перелеском. Немецкий танкист начал кататься по земле, пытаясь сбить пламя. Но постепенно затих. А огонь методично пожирал его форменную одежду.

И снова политрук сел писать донесение об уничтожении без единого выстрела и без потерь среди бойцов пяти вражеских танков. И снова Зубарев пополз с донесением к командиру батальона. Вернулся он через полтора часа, таща с собой пятилитровую банку самогона. Бойцы было оживились, но политрук бестрепетно вскрыл банку и вылил содержимое за бруствер окопа. Зубареву же сказал:

– Ещё раз позволите себе самовольную выходку, расстреляю перед строем. Зубарев пристыженно молчал.

Ближе к вечеру политрук приказал Петру:

– Возьми с собой двух бойцов, крадучись идите в деревню, возьмите немного провианта и, если удастся, примани еще прилудных собак. Думаю, что немцы на этом участке больше наступать не будут. Но ты меня потряс: воюешь на расстоянии и сберегаешь мне личный состав.

Пётр на скудную похвалу политрука лишь пожал плечами.

Вернулись бойцы уже перед полночью. Следом за ними семенили три пса. Один из них узнал пса Безродного и стал тереться об его бок. Две другие собаки тоже оказались дружелюбными. Зубарев восхищённо мотал головой:

– А ещё собак скотинами называют! Какая же это скотина? Это первые помощники людей. И защитники тоже.

Под бормотанье Зубарева остальные солдаты распаковывали вещмешки пришедших, в которых лежала немудрящая снедь. Шкурки от сала, немного молока и вареная картошка Петр разделил между четырьмя собаками. Больше всех досталось псу Безродному. Остальные собаки почтили его за вожака.

14 октября 1941 года на позициях было тихо. Лишь сгоревшие немецкие танки напоминали о произошедшем. А рано утром 15 октября к ним в окоп вместе с командиром батальона крадучись в полуприсяде пришли двое неизвестных. Они были в кожаных куртках и по их голосам и суровым взглядам можно было понять, что это были немаленькие по должности командиры, потому что командир батальона все время старался встать перед ними навтыжку.

Плотную сбитый невысокий мужчина с лёгкой сединой на висках снял фуражку, несколько минут отдыхивался, а потом, стараясь сделать свой

грубый голос помягче, поинтересовался у политрука:

– Представьте мне того бойца, который при помощи собак за два дня подбил девять танков.

Пётр, который в углу окопа возился с двумя собаками, надевая на них железный пояс, а они неохотно ему подчинялись, слегка привстал, но не в полный рост, чтобы его не было видно из окопа, и доложил о себе.

Неизвестный командир в кожанке оценивающе осмотрел Петра. Вероятно, ему понравилась его спокойная уверенность в себе, и он спросил:

– Доложите мне, как вам удается наладить контакт с собаками всего за несколько дней! Это ваши собаки? Из владимирских лагерей?

– Никак нет, товарищ спрашивающий! Простите, не знаю вашего имени и отчества и воинского звания.

Неизвестный усмехнулся:

– Продолжайте доклад!

– Да вообще-то я с собаками себя сызмальства помню! И даже буйных приручал лет с четырёх. Видно, способности у меня есть к собакам. А потом, нет такого пса, если его покормить, погладить, да за ухом почесать, чтобы тебя потом укусить пытался. А если ему потом пошепчешь, да возле себя положишь, то он потом за тебя в огонь и в воду пойдёт!

Договорить он не успел, потому что невесть откуда появился фашистский бронетранспортёр и стал носиться вдоль перелеска, время от времени постреливая.

Петр подозвал к себе едва слышным свистом пса Безродного, быстро надел на него амуницию, что-то шепнул, поцеловал собачью морду и легонько шлёпнул правой рукой по спине. Собака очень аккуратно выползла из окопа, сделала несколько прыжков и исчезла из виду, слившись с осенней землёй. Сучка Лялька, которая была подругой Безродного, начала было подвывать, но Пётр сказал ей какое-то слово, и она тут же замолчала.

Все внимательно вглядывались вперёд. Ощущая свою безнаказанность, немецкий бронетранспортёр остановился и начал хищно поводить дулом пулемёта из стороны в сторону. Это продолжалось минут десять. Командир в кожанке не выдержал тягостного молчания и спросил:

– И когда же это произойдёт?

Ответом ему был взрыв бронетранспортёра.

Лицо Петра напряглось, на глазах выступили слёзы – он переживал за ставшую родной собаку.

Оба командира покачали в удивлении головами, а командир батальона в полуприсяде подошёл к Петру и сказал:

– Десять вражеских машин за четыре дня! Ну ты герой!

Неизвестный в кожанке скомандовал:

– Командир батальона! Обеспечьте прикрытие из пяти солдат. Вон там, в перелеске, за большой копной стоит наш автомобиль. Мы туда должны вернуться.

И приказал Петру:

– Следуйте с нами.

За время службы Пётр привык беспрекословно подчиняться, но в этот раз попросил:

– Разрешите попрощаться с бойцами, товарищем старшим политруком и с командиром батальона? Я понял, что вы меня насовсем забираете.

Командир в кожаной куртке одобрительно похлопал Петра по спине:

– Соображаешь, однако! Если мы при помощи твоего метода с фашистами воевать будем, то победим быстрее, а твои товарищи домой в семьи вернуться. Живыми и здоровыми.

Пётр каждого обнял и пожал руки. Когда очередь дошла до политрука, тот сказал ему:

– За первый бой я тебя к медали «За отвагу» представил, а за второй – к ордену Боевого Красного Знамени. Командир батальона подтвердил, что наградной лист передали по назначению.

Но оба незнакомых офицера уже торопили Петра, поглядывая на часы:

– Меньше чем через десять минут «рама» прилетит, а потом бомбардировщики появятся. У нас радисты сообщения перехватывают.

Через десять минут все произошло так, как предсказывали оба незнакомых командира – появилась «рама». Бойцы только-только сопроводили троих к ожидающему их автомобилю и начали возвращаться обратно.

«Рама» засекла одного из бойцов, который полз со снайперской винтовкой, потому что солнечный луч отразился в окуляре прицела. «Рама» пошла на вираж, чтобы получше рассмотреть, что это такое. Солдаты начали стрелять из автоматов вверх и подбили немецкий самолет на выходе из пике.

Тут же все заторопилось обратно в окоп. Взрывной волной их отбросило на землю, а самолёт загорелся. Немецкий лётчик так и погиб в самолёте.

Через два часа Петра доставили в один из маленьких подмосковных городков. Приказали привести себя в порядок и быть готовым к докладу.

Он сидел в маленькой комнатке и дивился произошедшей в его судьбе перемене.

Тот самый офицер в кожаной куртке пригласил его следовать за ним.

Вошли в кабинет. Навстречу из-за стола вышел красивый с усталым лицом высший генерал-лейтенант, который оказался ростом почти ровень в Петром. Он доброжелательно улыбнулся и протянул руку:

– Командующий фронтом Константин Рокоссовский!

Петр ответил и осторожно пожал командующему руку. Рукопожатие у командующего оказалось очень сильным.

Командующий предложил присесть рядом. Пётр осторожно присел на стул, потому что уже почти три месяца на стульях не сидел. Командующий понял это и благожелательно улыбнулся:

– Докладывайте о своих подвигах! У вас есть две минуты.

Пётр коротко доложил и попытался встать. Рокоссовский удержал его за плечо:

– А вот того не надо! Когда нужно будет, я сам прикажу. А ваше старание я вижу и ценю.

Он посмотрел на незнакомоего офицера:

– К награде представили?

– Да, товарищ командующий. Сразу к двум. За первый бой к медали «За отвагу», за второй – к ордену Боевого Красного Знамени.

Рокоссовский задумался, потом встал, прошелся по кабинету, открыл сейф и достал две коробочки. Сам открыл их и прикрепил к гимнастерке Петра сначала медаль «За отвагу», а потом орден Боевого Красного Знамени. Орден был на винте.

Солдат взволнованно произнес:

– Служу Красной Армии и товарищу Сталину!

Константин Константинович Рокоссовский крепко обнял награждённого бойца, а затем сказал незнакомому командиру:

– К вечеру доставить в Москву, в Сокольники. Поставить на довольствие и определить к дрессуре собак для боевого использования.

– Вы молодец! За три-четыре дня делаете то, на что другим нужны месяцы и месяцы. Я тут ещё несколько строк черкну командиру питомника, чтобы он вас ещё и инструктором сделал – старшим над другими бойцами-кинологами. Вы – собачник от Бога.

...Немцы наступали и наступали на Москву. Жители и Красная Армия обороняли родную столицу. Пётр к началу контрнаступления 4 декабря 1941 года подготовил двадцать шесть собак. И ни одна из них не вернулась обратно в питомник. Единственное, что утешало его, так это донесения с разных мест Подмосковья. Все собаки выполнили боевые задания.

Когда фронт откатился от столицы, его перевели в специальный питомник под Лобню. Там он от своих же товарищей-инструкторов получил прозвище «живодёр». Обижаться было некогда, время было военное, суровое, да и работа была безжалостной, потому что собаки сразу направлялись в войска. А вот у его товарища по кинологической службе собаки были санитарями. А ещё были собаки, которые искали мины. Были собаки – доставщики спецсообщений. Были и караульные собаки, были и собаки, которые ходили в рейды с разведчиками.

Но когда Пётр Викторович шёл по территории мимо вольеров к своему месту службы к своим боевым собакам, то почему-то все другие собаки затаились, а солдаты вытягивались в струнку и обращались к нему почтительно.

Женился Пётр Викторович только в сорок лет. Демобилизовался в звании майора. Вроде боевой офицер, награды на кителе, а почему-то девушки его опасались. Как он только знакомился и вглядывался в них, то им становилось неловко. Но нашлась одна, подавальщица в столовой Валентина. У неё была маленькая собачка, которая всё время визгливо лаяла и крутилась под ногами. Но когда Пётр Викторович заходил в колхозную столовую, то она почему-то сразу затихала и лънула к нему. Когда он пришёл обедать второй раз, то Валентина присела к нему за стол, доверчиво обняла его правую руку и призналась:

– Мне мать моя говорила: «Как только встретишь человека, которого собаки любят, так за него замуж сразу выходи!» Вот я вам в любви и признаюсь.

Пётр Викторович впервые в жизни засмутился, хмыкнул и ничего не ответил.

Двадцативосьмилетняя девушка наклонилась к его руке и поцеловала её.

Разница в двенадцать лет оказалась на пользу в старости, когда Пётр Викторович разменял десятый десяток. А супруга Валентина по-прежнему бодрa, энергична и гордится своим мужем. Они вырастили четверых детей, десять внуков и имеют уже трёх правнуков.

Когда период профилактического лечения в госпитале заканчивался, она приехала с детьми и внуками забирать своего ненаглядного.

Пётр Викторович спустился со ступеней госпиталя. Все родственники выстроились перед ним от старого до малого, а он поочередно обнял каждого из них. Он выглядел бодро и энергично пошагал к ожидавшей его машине. Солдат всегда в боевом строю!

СИЛА НЕНАВИСТИ

Рассказ

Деревенька Жилино приютилась неподалеку от большой деревни Крюково. Вроде ничем не примечательна – около сорока дворов, стояла она в окружении замечательного соснового бора. На краю – большой пологий холм, с вершины которого просматривалась вся округа. У подножия холма стояла изба семьи Богатырёвых. Дед и отец ушли ополченцами защищать Москву, а мать, она же дочь деда, осталась с двумя детьми – четырнадцатилетней Любой и шестилетним Костиком.

Фашисты вошли сюда 21 октября 1941 года. Немного пограбили дома, а потом здесь оставили штаб дивизии. Поэтому пять забитых коров да десятка два курей, насильно взятых у селян, – это был только маленький оброк, потому что кормить крестьянам нужно было почти двести захватчиков.

Гауптман собрал всех местных жителей на площади возле сельсовета, затем забрался на грузовик, брезгливо осмотрел толпу, состоящую из стариков, женщин и детей, и нахально сказал на хорошем русском языке:

– Я вижу, что вы все рады нашему приходу. Вот стоит ваш батюшка, а рядом с ним пожилой мужчина, который держит хлеб-соль. Поэтому немецкое командование проявило к вам милость и оставляет вас всех жить в ваших домах. Вашу скотину больше никто забирать не будет. В каждом доме поселятся от трёх до восьми доблестных солдат вермахта. Ваша обязанность – обеспечить им питание, уход и заботу. Те, кто будет ревностно служить немецкому рейху, обихаживая наших солдат, будет получать дополнительно скотину и корма. Если кто-то попытается встать на пути наших воинских частей или совершать диверсии, то мы их будем публично вешать. Также будем после каждого акта неповиновения забирать по десять детей для отправки в Германию. Все понятно?

Толпа угрюмо молчала. Матери в страхе и отчаянии прижимали к себе детишек, которые испуганно жались к ним, как цыплята к наседке.

Немец усмехнулся. Затем примирительно сказал:

– Сейчас подъедет немецкая кинохроника. У вас должны быть счастливые лица. Каждому ребёнку раздадут по две советских конфетки. Мы уже захватили вашу фабрику «Красный Октябрь» и стоим на окраинах Москвы. Когда я дам команду, хлопнув два раза в ладоши, то вы должны улыбаться и радоваться встрече со своими освободителями от большевизма.

Несколько старушек зарыдали, услышав новость о том, что немцы, якобы, уже на окраинах Москвы.

Гауптман недовольно погрозил пальцем. Старушки расплакались ещё сильнее.

Несколько солдат подошли к ним и бестрепетно выдернули из толпы, подталкивая за ближайший дом. Кто-то в толпе охнул:

– Сейчас расстреляют!

Гауптман рассмеялся:

– Их никто не тронет. Их только положат на землю и будут держать под прицелами автоматов.

Одна из старушек утерла слёзы и попросилась обратно в толпу. Её

милостиво отпустили. Ещё трое побрели к своим домам. Немцы их удерживать не стали.

Приехала машина кинохроники.

Немецкие солдаты начали бесцеремонно расставлять людей.

Немка с санитарной сумкой через плечо стала доставать из неё конфеты и раздавать ребятишкам.

Кинооператор увидел в толпе замотанную в платок четырнадцатилетнюю Любу Богатырёву и поманил её пальцем. Девочка без опаски подошла к нему. Немец сдёрнул головной платок и светлые волосы рассыпались по плечам. Оператор довольно крикнул:

– Колоссаль!

Люба ответила ему по-немецки:

– Герр кинооператор! Я ведь все-таки фройляйн, и вы могли бы меня попросить снять платок. Я бы сделала это с изяществом и уважением к вам.

Немец остолбенел: здесь, в центре России, в глухой деревеньке он услышал родную речь, да ещё она своим замечанием выставила его солдафоном – грубым и неотесанным.

Гауптман при помощи двух солдат спрыгнул из кузова грузовика и строевым шагом подошёл к беседующим. По-русски обратился к Любе:

– Что случилось, крестьянка? Почему вы не выполняете указания достойного представителя немецкой кинохроники?

Люба смело посмотрела ему в глаза и нараспев сказала по-немецки:

– Герр гауптман! Я бы предпочла говорить с вами на вашем родном языке. По-русски вы говорите хорошо, но пусть здесь вы снова вспомните о родине.

Капитан довольно загоготал:

– Действительно, фройляйн! Я привык по-немецки отдавать только команды и, к сожалению, даже и о расстреле. А вы так хорошо говорите по-немецки, откуда это?

Кинооператор тактично отошёл от офицера на несколько шагов и стал настраивать аппаратуру. Нацелил объектив на девушку и на капитана, и кинокамера застрекотала.

Гауптман по-отечески поправил спутанные волосы девушки и вкрадчиво сказал:

– Фройляйн! Я, возможно, бестактен, беседуя с вами здесь, но я готов навестить вас дома, а может быть, даже и поселиться в ваших покоях.

Люба растерялась. В это время к немцу подскочил шестилетний Костик и сжал кулаки:

– Не смей трогать мою сестру!

Гауптман недовольно повернулся и хотел было пнуть мешающего его галантной беседе мальчонку. Но потом передумал, достал из кармана теплого плаща с подбоем небольшую шоколадку и протянул её ребенку:

– Может быть, мы будем ещё и родственниками, поэтому не кричи на меня. И ослабился, показав ровные белые зубы.

Люба тихонько шепнула брату:

– Костик! Возьми шоколадку и скажи по-немецки «спасибо»!

Тот понял, что сестра затеяла какую-то игру и подчинился:

– Данке шен, герр гауптман!

Затем он учтиво взял шоколадку двумя пальцами и стал её внимательно рассматривать. Довольный гауптман потрепал его по голове, а кинооператор продолжил съёмку.

Затем он направил кинокамеру на толпу, и все стали послушно улыбаться. Сделала это и мама Любы и Костика, потому что поняла, что немцам это надо для чего-то и, видимо, от послушания местных жителей будет зависеть будущее деревни.

Гауптман широко раскинул руки и со всей доброжелательностью, на которую он был способен, произнес:

– Я и вверенное мне подразделение по охране штаба дивизии благодарим вас, москвиты, за проявленное к нам внимание.

В это время ему навстречу двинулись семидесятипятилетний местный житель Игнат и батюшка из храма, что в деревне Крюково. Его привезли сюда несколько автоматчиков и разъяснили, что он должен делать.

Батюшка вздохнул и произнес:

– На всё воля Божья, и пока мы вам, супостаты, будем подчиняться.

Немецкий переводчик перевёл так, что выходило, будто бы он готов принять новую власть. Кинооператор, радостно двигаясь по мёрзлой земле, снимал и снимал. По его разумению, киноэпизод выходил удачный. Он отступил на несколько шагов, чтобы лучше было видно, как гауптман ломает каравай и макает краюшку хлеба в солонку.

Дед Игнат хотел было прошептать «жри, скотина, и подавись!», но вовремя сдержался, потому что понял, что если гауптман хорошо говорит по-русски, то реакция с его стороны может последовать самая непредсказуемая. И от покорности Игната во многом зависит судьба деревни Жилино.

Пожевав кусочек хлеба, гауптман запил стопкой водки и слегка скривился. Все жители внимательно наблюдали за его действиями.

Затем гауптман неожиданно обратился к людям:

– А вы довольны приходом немецких войск в вашу деревню?

Люба дипломатично ответила:

– Раз уж вы добрались и до нашей деревеньки, то, значит, войск у вас много, сила ваша велика, и я уже даже видела семнадцать танков и три зенитных орудия. А сколько же идёт ещё и на Москву!

Гауптман покивал ей и добавил:

– Танковая армия Гудериана и почти шестьсот тысяч немецких солдат готовы промаршировать по Красной площади. Так что вы правильно говорите о мощи вермахта, Люба!

Съёмка окончилась. Немецкие солдаты стали показывать жителям, чтобы они расходились. Гауптман взял присмирившего Костика за руку и подвёл его к матери:

– Возвращаю вам вашего смелого малыша, но в следующий раз скажите ему, чтобы он был почтительнее с солдатами немецкой армии, а перед офицерами стоял навтыжку.

Костик обидчиво опустил голову.

Затем гауптман сделал знак двум солдатам, и они подошли к нему:

– Я расположусь в квартире этой доброй крестьянки. Думаю, что не будет возражать и фройляйн Люба. Возьмите мои вещи из кузова грузовика и

отнесите в их дом. Я подойду позднее.

И он стал с дедом Игнатом договариваться: где и по сколько солдат разместят в крестьянских избах.

Валентина Никаноровна наклонилась к Костику и тихонько шепнула ему:

– Сынуля! Быстренько убери все фотографии бабушки и отца из горницы и из спальни. Заверни в холстину и спрячь в закуске в сарае.

Мальчик всё понял и быстро побежал вперёд.

Немецкие солдаты покорно тащили три огромных чемодана. Люба специально замедлила шаг и стала разговаривать с солдатами по-немецки. Её внимание было им приятно, и все они с удовольствием переговаривались.

Валентина Никаноровна приостановилась, достала из большой холщовой сумки небольшой жбанчик с квасом и стала угощать солдат. Они пили из одного стакана и, радостно смеясь, благодарили «русскую матку».

Валентина Никаноровна подливала им и приговаривала:

– Жаль, что вы не будете у нас жить, я бы угостила вас и коровьим молоком.

Она специально затягивала время, чтобы Костик успел выполнить её поручение.

Не спеша дошли до избы Богатырёвых. Костик встретил их у ворот в угодливом поклоне. Зашли через калитку. Немцы поднялись на крыльцо и поставили чемоданы у дверей. Спустились с крыльца, отошли на несколько шагов и с наслаждением закурили. Минут через десять подошёл гауптман. Он хмуро спросил одного из солдат:

– Почему не занесли вещи в дом?

Солдаты ответили, что не знают, в какой комнате остановится герр гауптман.

Капитан похвалил их за исполнительность и добросовестность. Он обратился к Любе на немецком языке:

– Фройляйн, ведите меня в свои покои и выделите мне комнату.

Люба подумала, что лучше всего поселить капитана в горнице, а они продолжали бы жить в спальне и детской.

Гауптману горница понравилась. Он даже несколько раз подкинул одну из трёх подушек, лежащих на широкой железной кровати.

Солдаты стали споро распаковывать чемоданы.

Валентина Никаноровна принесла и показала на стоящее в коридоре оцинкованное ведро, прикрытое фанеркой. И, чуть смущаясь, объяснила, что туда можно оправляться. Немец удовлетворённо покивал головой. В туалет на улицу он ходить не собирался.

Затем он прошёл и внимательно обследовал всю избу. Второй солдат ходил за ним следом.

Осмотр закончился. Гауптман прошёл в кухню и попросил Валентину Никаноровну покормить его. Стараясь умаслить квартиранта, Валентина Никаноровна выставила и отварную картошку, и рыбу, и разносолы. А также поставила и графинчик водки.

Гауптман приказал солдатам поселиться в соседнем доме, метрах в тридцати от избы Богатырёвых. А сам приступил к трапезе. Ел он молча, а Люба и Валентина Никаноровна стояли в дверях и наблюдали за ним.

Поев, гауптман представился на русском языке:

– Меня зовут Фридрих. Фамилия моя Паульсен. Когда нет немецких солдат, можете обращаться ко мне «герр Фридрих». При солдатах называйте только «герр гауптман». Сейчас пусть мать помоеет меня, и я лягу отдыхать. Никаких посторонних в доме быть не должно. Если кто-то из вас что-либо у меня возьмёт посмотреть или украдёт – расстрел на месте. Если я вас сам не позову – меня не беспокоить. Я люблю играть в лото и разрешу вам составлять мне компанию. Мои сапоги будут стоять снаружи у дверей горницы. Они всегда должны быть помыты и начищены. Также вы должны заботиться о безупречном виде моего мундира и моего плаща и ежедневно стирать моё нижнее бельё.

Валентина Никаноровна потемнела от обиды, но сдержалась: немцы начали устанавливать свои порядки.

Вечером, когда стемнело, гауптман проснулся. Он прошёл в кухню в кальсонах и в майке и потребовал хорошего ужина, как днём. Валентина Никаноровна достала оладьи, огурчики и поставила подкипать самовар.

Высокий и худощавый Фридрих съел и приготовленное ему, и то, что оставляли себе на ужин Богатырёвы. Затем ему захотелось играть в лото. Он проиграл около трёх рейхсмарок и небрежно сдвинул монеты Любе. Время от времени он похотливо посматривал на девушку.

Валентина Никаноровна глазами показала Любе, что если он прикоснётся к ней, то мать разможжит топором ему голову. Но немец повёл себя тактично:

Он предложил Любе выйти из комнаты, а сам обратился к матери:

– Мне нравится ваша дочь. Я – молодой мужчина, не женат, мне двадцать шесть лет, в ноябре меня произведут в майоры, а в декабре, когда захватим Москву, дадут подполковника. Я – выгодный жених.

Валентина Никаноровна помолчала и сказала:

– Когда будете подполковником, тогда продолжим этот разговор.

Немец обиженно надулся:

– Я могу сейчас изнасиловать вашу дочь в вашем присутствии и в присутствии её брата. Лучше договориться сейчас вдвоём.

Валентине Никаноровне в голову пришла спасительная мысль:

– А что, так невенчаннные и начнёте семейную жизнь?

Немец задумался:

– Ну, если для вас так важен этот обряд, то я согласен на него и даже дам выкуп за вашу дочь. Что предпочитаете: рейхсмарки, золото?

Валентина Никаноровна попросила:

– Господин Фридрих Паульсен! А можно, мы батюшку позовём – Люба сбегает. А он уже скажет, с какого возраста можно выходить замуж.

Капитан благосклонно кивнул в ответ.

Мать вышла к Любе и уже через минуту хлопнула входная дверь.

Батюшка ещё не уехал к себе в храм в Крюково. Он откликнулся на просьбу Любы.

Немец милостиво разрешил батюшке сесть и по-русски поинтересовался:

– Ответьте мне на три вопроса. Можете коротко отвечать «да», и мы назначим дату венчания.

Батюшка вопросительно посмотрел на Валентину Никаноровну, увидел боль в её взгляде и неопределённо покивал.

Немец взял ситуацию под свой контроль:

– Вы проводили когда-нибудь венчание?

Батюшка хотел сказать, что с супостатами никогда не проводил и проводить не собирается, но решил сдержаться и односложно ответил: «Да».

– Сколько времени нужно на подготовку обряда венчания? – продолжил гауптман.

– Недели две-три, – ответил батюшка.

Немец недовольно поморщился, но по его лицу было видно, что он согласен.

– Покров уже прошёл, свадьбу играть можно, – встряла Валентина Никаноровна.

Немец поощрительно улыбнулся Валентине Никаноровне: похоже, дело слагивалось.

И он задал последний вопрос:

– С какого возраста у вас можно вступать в брак по светским и церковным законам?

Батюшка встал и твёрдо ответил:

– Предельно низкий возраст – пятнадцать лет. До этого периода девушка считается ещё ребёнком.

Ответ немного расстроил капитана. Он побарабанил пальцами по столешнице, а потом вдруг попросил-приказал:

– Принесите мне метрику Любы.

Валентина Никаноровна охнула, но перечить не посмела.

Немец внимательнейшим образом изучил свидетельство о рождении и сказал: – 10 декабря 1926 года. Значит, свадьбу назначаем на следующий день.

Потом уточнил:

– До этого периода я вашу дочь трогать не буду и даже целовать не буду. Но чтобы она себя блюла.

Батюшка усмехнулся:

– Господин капитан! Где у нас тут молодые-то мужики есть? Так что вернато она вам будет, раз уже сговорились.

Валентина Никаноровна в страхе посмотрела на батюшку и увидела лукавинку в его глазах. Это её успокоило и она только поклонилась немцу.

А тот встал и молча вышел из кухни.

Люба сидела в спальне и горько плакала: её судьба решалась без неё.

Минут через 15 немец вышел из своей комнаты и укрепил на косяке входной двери дощечку с колокольчиком. Один конец длинного шнура он продел в специальное кольцо, а провел в комнату. Позвал хозяйку и показал ей:

– Я дергаю один раз – ко мне приходите вы. Два раза – Люба. Три раза – ваш маленький сын. Если дергаю четыре раза, вы приходите все вместе. Он зашёл в свою комнату и дернул шнурок. Колокольчик громко зазвонил. На звук вышла Люба, вытирая слёзы. Довольный, Фридрих ушёл к себе в комнату.

Люба приобняла мать за плечи, отвела её на кухню и тихонько прошептала:

– Вот так, мамочка! Ты, знатная колхозница, и я, ученица 7 класса, отличница, стали слугами.

Опять раздался звоночек. Валентина Никаноровна пошла в комнату к немцу, через несколько секунд вышла с потемневшим лицом и яростно зашептала Любе:

– Он требует, чтобы я его мыла. Всего!

Люба застыла в отчаянии. Потом выдавила из себя:

– Мама! Ты же Костика-то купаешь?

Мать тяжело вздохнула и пошла греть воду.

После помывки фашиста Валентина Никаноровна долго не могла успокоиться: это была моральная пытка.

Из-за закрытой двери раздавался храп.

Валентина Никаноровна обиженно прошептала:

– Слава Богу! Уснул, немчура.

Люба в это время прилаживала к двери своей спальни еще одну щеколду – мало ли что ещё втемяшится немцу в голову?!

В пять утра следующего дня раздался звонок – Фридрих Паульсен требовал к себе Валентину Никаноровну.

Она быстро набросила на себя халат и со спутанными волосами зашла в комнату к немцу. Тот отрывисто приказал:

– Через десять минут я должен кушать, а вечером приду около семи часов.

– Куда же вы, батюшки-светы, Фридрих?

Гауптман значительно посмотрел на неё и ответил:

– Мы будем строить один объект, и я буду там руководить.

Валентина Никаноровна деланно выказала ему своё восхищение, что очень понравилось немцу. Он решил, что повысил свой авторитет в глазах простой русской крестьянки.

По 6 ноября 1941 года Фридрих уходил очень рано и возвращался уже за-темно. Немцы работали как проклятые.

Валентина Никаноровна привыкла к такому режиму дня немца. Смирилась она и с его ежедневными купаниями.

Любу он будто бы не замечал, а малышу иногда давал конфетку или шоколадку.

Костик односложно говорил «данке шен», брал подарок и убегал в комнату к матери.

Фридрих Паульсен смотрел ему вслед и негромко говорил сам себе:

– Ничего, и этого дикарчонка приручим.

Днём 7 ноября 1941 года гауптман вышел из дома в сопровождении трёх солдат. Валентине Никаноровне и её детям приказал на улицу не выходить. Вечером в окно постучала испуганная соседка и сообщила, что в деревне Крюково взорвали три немецкие автомашины, и погибло несколько солдат из шофёрской obsługi и охраны.

Едва соседка ушла, пришёл злой гауптман и сходу спросил:

– Вы ничего не знаете?

Люба ответила ему на немецком языке, что они были дома, как приказал гауптман, а к ним никто не приходил.

Немец подумал-подумал и рассказал о произошедших в Крюково событиях.

– Некоторые ваши жители, Валентина Никаноровна и Люба, не хотят честно служить Германии, их всё равно найдут и расстреляют, а лучше – повесят. Если что-то произойдёт у нас в деревне, то мы расстреляем десять взрослых, а десять детей пошлём в Германию.

Валентина Никаноровна охнула и стала мелкок-мелкок креститься.

Довольный произведённым эффектом Паульсен снял в коридоре сапоги и

в носках прошёл в комнату. Перед тем как закрыть дверь, он кивнул Валентине Никаноровне: мол, помой и почишь сапоги.

Пришлось выполнять приказание.

Режим охраны вокруг деревни Жилино усилился. Как поняла Люба, объект достраивали, а потому немцы не хотели излишней огласки.

Люба решила во что бы то ни стало узнать, что это за объект. Вечером 10 ноября 1941 года она попросила разделить трапезу вместе с гауптманом. У немца было хорошее настроение и он милостиво разрешил. Подавала на стол Валентина Никаноровна. Костик стоял в дверях и с обидой смотрел на сестру и на немца. Тот вальяжно махнул мальчику рукой, чтобы и он сядил за стол.

Подав блюдо, Валентина Никаноровна тоже пристроилась на табуретке у края стола. Немец пил рюмку за рюмкой и философствовал:

– Великая Германия совсем скоро пройдёт парадом по Красной площади. Потом война закончится. Советы мы выбросим за Урал. Я буду здесь большим человеком – землевладельцем. Мне нравится ваша чистоплотная семья, ваша исполнительность и ваша готовность служить нам, арийцам. Люба, откуда ты так хорошо говоришь по-немецки?

Люба простодушно отвечала:

– Сама не знаю, почему, герр гауптман. Во втором классе нашла немецкую книжку с русским переводом и стала читать. Мама привела меня к учительнице немецкого языка. Та сказала, что у меня большие способности и начала со мной заниматься.

За каждые два месяца мы отдавали ей курицу. А уже в четвертом классе, когда по школьной программе стали изучать немецкий язык, у меня были одни пятерки. В апреле 1941 года я ездила на областную языковую олимпиаду в Москву. Там я получила золотой жетон победителя и двухтомник немецкого поэта Генриха Гейне.

Люба попросила у немца разрешения отлучиться на минуту и возвратилась обратно с жетоном, Похвальным листом и двухтомником немецкого поэта.

Фридрих Паульсен заинтересовался. Внимательно посмотрел грамоту, перелистал книги.

Люба предложила:

– А давайте я вам почитаю наизусть несколько стихотворений!

Немец благосклонно кивнул.

Люба читала самозабвенно, с увлечением. Прочитала пять или шесть стихотворений подряд. Фридрих Паульсен с восхищением смотрел на неё. А потом сказал:

– Когда ты выйдешь за меня замуж, ты станешь гражданкой великой Германии. Твоя мать получит вид на жительство, как и твой младший брат. А сейчас, Люба, я пью за твоё здоровье.

Он выпил рюмку до конца и как-то сразу опьянел.

Валентина Никаноровна и Люба еле дотащили его до кровати. Он упал и захрапел. Люба увидела, как из планшета торчит небольшая записная книжка. Она тихонько вытащила её, выключила свет в комнате и осторожно вышла. Затем взяла карандаш и начала быстро перерисовывать схемы, которые увидела в записной книжке. Мать стояла возле дверей в горницу и внимательно вслушивалась в хrap Паульсена.

Через двадцать минут Люба закончила свою работу. Осторожно зашла в горницу

и положила записную книжку в планшет точно также, как она лежала раньше.

Потом быстро оделась и сказала матери:

– Я скоро вернусь.

Сложенные листы со схемами она спрятала в валенок под стельку.

Минут через сорок она вернулась весёлая и довольная.

Мать не спрашивала у Любы, куда она ходила и зачем. Она поняла, что этого ей лучше не знать.

Через три дня прилетели бомбардировщики с красными звёздами на крыльях и начали скидывать бомбы на край леса, где велось строительство. После бомбежки, спустя некоторое время, пятеро немцев принесли гауптмана; его контузило. А несколько солдат были убиты.

Валентина Никаноровна и Люба поочередно ухаживали за Фридрихом Паульсеном, а в коридоре неотлучно находился и спал на полу немецкий солдат.

Два раза в день из Крюково привозили доктора, потому что Фридрих Паульсен категорически отказался лечиться в госпитале. Доктор внимательно осматривал больного и каждый раз всё более оптимистично говорил:

– Зер гут! Зер гут!

Действительно, дело шло на поправку.

Хотя гауптман и болел, но время от времени приходил в себя и требовал продолжения стройки. Немецкий солдат убегал передавать его приказания, а потом возвращался обратно.

25 ноября вечером раздался звонок. Валентина Никаноровна опрометью бросилась в горницу. По комнате прохаживался гауптман, и его молчание было зловещим. Он спросил:

– Люба и ты ни с кем не общаетесь?

Трясаясь от страха, Валентина Никаноровна упала перед ним на колени и испуганно зашептала:

– Нет, нет! Мы ни с кем не общаемся! Дом, скотина во дворе – вот наши маршруты.

Видя такую покорность, немец слегка смягчился, но проговорился:

– Мои солдаты видели человеческие следы невдалеке от вашего дома. Он стоит на отшибе. Не приходили ли сюда партизаны?

Валентина Никаноровна заохала:

– Да разве ж такое может быть? Какие партизаны! Мы никому не нужны и нам никто не нужен!

Но немец оставался задумчивым. Неожиданно он взял шнурок и дернул два раза, требуя Любу. Девушка пришла без промедления.

– Люба! Ты можешь подтвердить слова матери?

– Какие? – удивилась Люба.

– Как проходили твои дни, когда я был занят на стройке или болел?

Люба ответила слово в слово, как раньше говорила мать.

Немец сел на стул. Опять помолчал.

Люба подошла к нему, прижала его голову к своей груди и поцеловала в щеку:

– Фридрих! Милый мой! Я так рада, что ты выздоровел! Не мучь себя напрасными подозрениями, эта бомбежка не смогла отобрать тебя у меня. Осталось пятнадцать дней до того момента, когда я полностью растворюсь в

твоих объятьях.

Фридрих улыбнулся и пригласил всех на кухню ужинать.

Он принёс бутылку шнапса, но Люба решительно убрала её со стола и отнесла обратно в горницу. Гауптман опешил:

– Ты что себе позволяешь, Люба!

Но Люба не испугалась:

– Большим после контузии пить нельзя. А будешь спорить, я разобью бутылку!

Гауптман рассмеялся, а потом спрятал правую ладонь Любы в своих руках:

– Валентина Никаноровна! Впервые я слышу слова участия с того момента, как мы пересекли большевистскую границу и вступили в советскую Россию! Я очень ценю это. А Люба стала уже настоящей хозяйкой. Как сообщали мои солдаты, объект почти не пострадал, так как был хорошо замаскирован. Завтра я снова выхожу на работу, и к 1 декабря мы его закончим. А потом начнутся боевые дежурства.

Валентина Никаноровна вроде бы по простоте душевной спросила:

– А что вы там такое строите? Овощехранилище?

Гауптман рассмеялся её глупости:

– Я, выпускник Берлинского университета, разве могу строить какое-то овощехранилище? Я руковожу строительством долговременного огневого сооружения. Это будет настоящая твердыня, которая на три километра не позволит никому наступать на деревню Жилино.

Преданно глядя ему в глаза, Валентина Никаноровна и Люба восхищённо закивали головами.

Немец потерял осторожность и начал рассказывать, как они обманут глупых русских: некоторые бойницы этого сооружения на самом деле являются ложными, но стрельба организована таким образом, что всё находится под наблюдением.

Он потребовал, чтобы Люба подошла к нему, и поцеловал её в голову.

Валентина Никаноровна заохала, а Люба разыграла смущение.

Фридрих Паульсен встал и сказал, что пойдёт спать.

Минут через десять Валентина Никаноровна подошла к дверям, чтобы взять сапоги и пойти мыть их. Её встревожило то, что Фридрих храпел как-то ненатурально.

Прямо с сапогом в руке, она прошла в спальню к Любе, которая было начала одеваться, и помахала сапогом, что означало: разденься, ляг спать, никуда не вздумай уходить!

Люба всё поняла и уже через минуту лежала в кровати.

Валентина Никаноровна помыла и почистила сапоги и поставила их у дверей горницы.

Вдруг дверь бесшумно открылась, и она увидела одетого в форму немца. Фридрих Паульсен держал в руке пистолет и показал ей следовать впереди него.

– Где твоя дочь? – сдавленным шепотом спросил Фридрих Паульсен.

Валентина Никаноровна молча показала на дверь спальни. Немец недоверчиво посмотрел на неё и глазами приказал открыть дверь. Валентина Никаноровна подчинилась.

Люба лежала в кровати и спала.

Немец разочарованно вздохнул, повернулся и на цыпочках пошёл к себе

в комнату. Валентина Никаноровна поняла, что он в чём-то подозревает Любу.

Даже мать не знала того, что после победы на олимпиаде по немецкому языку с Любой разговаривал один из организаторов олимпиады, как он представился. Он предложил Любе пройти специальные ускоренные разведывательно-диверсионные курсы.

Дело в том, что предвоенная ситуация требовала подготовить подростков, хорошо владеющих немецким языком, для разведывательно-диверсионной работы: собирать сведения, уметь незаметно передавать их, в случае необходимости заложить мину.

Летом Люба уехала в Москву в пионерско-комсомольский лагерь. На самом деле она училась в специальной разведывательно-диверсионной школе в районе Ростокино.

Домой она привезла грамоты за победы в волейбольных и баскетбольных соревнованиях. На самом деле никаких соревнований не было, а награды давались для прикрытия.

Сотрудники разведшколы даже не предполагали, что немцы так быстро дойдут до Москвы, а законспирированная агентура должна будет приступить к работе.

Волею случая получилось, что деревни Крюково и Жилино стали узлом обороны врага, хорошо укрепленными. А Люба, согласно легенде, должна была разыграть из себя девочку, которой нравится всё немецкое. Никто не знал того, что взрыв в деревне Крюково организовала и провела Люба. Немцы сбились с ног, разыскивая партизан.

Люба лежала в кровати с закрытыми глазами и всё думала: почему вдруг гауптман стал подозревать её? Она тщательно перебирала минуту за минутой, час за часом, раздумывая: где же она могла допустить ошибку?

Но так и не найдя ответа, уснула.

Следующие четыре дня она вела себя очень-очень осторожно. Выходила во двор кормить скотину, тут же возвращалась обратно и хлопотала по дому. В последний день ноября, когда она вышла во двор, то вдруг услышала треньканье синички. Она обернулась на звук и вдруг увидела отпечатки своих валенок на снегу. Страшная мысль пронзила её: еще год тому назад, чтоб её валенки не скользили, отец прибил к ним резиновые набойки. И, возможно, когда она шла по первоснегу затемно утром 7 ноября в Крюково, следы частично остались. Неужели её выследили?

В глубокой задумчивости Люба возвратилась обратно. Вдруг она услышала, как со стороны деревни раздались крики. В одном из домов начался пожар. Люба быстро накинула платок, запахнулась в телогрейку и со всех ног кинулась туда. Костику она наказала оставаться дома.

Вокруг горящего дома сгрудились жители деревни Жилино и громко охали: в избе оставалась старая бабушка и двое маленьких детей.

Люба немедля кинулась в дом. Старая женщина сидела в сенях обессиленная. К ней прижимались мальчик и девочка трёх и четырёх лет. Люба вытолкнула детей, и они кубарем полетели с крыльца. Жители подхватили плачущих и кричащих ребятшек, а старушка была уже почти в бессознательном состоянии.

Люба быстро сняла свои валенки с ног и бросила их в горящее пламя. А сама в длинных вязаных крестьянских носках из овечьей шерсти, подхватив бабушку, вырвалась наружу.

Несколько ещё не старых женщин кинулись им навстречу. Люба сошла с

крыльца и потеряла сознание. Сердобольные жители довели Любу до её дома. Иногда сознание возвращалось к Любе, и она делала несколько шагов, но потом опять впадала в забытё.

Навстречу ей кинулась Валентина Никаноровна. Девочку занесли домой, и стали отпаивать от угара клюквенным морсом. Постепенно Люба пришла в себя.

Мать случайно посмотрела на её ноги и закричала:

– Люба! Где твои валенки?

Сознание вернулось к Любе, но она притворилась непонимающей и стала закатывать глаза. Односельчанки стали рассказывать Валентине Никаноровне, какая у неё героическая дочь и что если бы не её смелость, то детишки и их бабушка сгорели бы заживо. Да, теперь они погорельцы, дома у них нет, но зато остались живы.

На другом конце деревни жили родственники этой семьи, и они сказали, что обязательно возьмут пострадавших к себе.

Костик расплакался:

– Люба! Как же ты без валенок почти километр шла по снегу?

Люба старательно играла: мотала головой, строя из себя непонимающую.

Теперь улик против неё не осталось.

Кто-то из немецких солдат сообщил гауптману о произошедшем в деревне. Тот прибежал в избу к Богатырёвым и увидел такую картину: Люба лежит в спальне, а Валентина Никаноровна сухой варежкой растирает ей ноги. Какими бы ни были теплыми шерстяные носки, а все равно девушка слегка поморозилась.

Немец принёс бутылку шнапса. Мать и Люба в ужасе замахали руками. Но немец взял чашку, плеснул туда шнапса, затем вырвал из рук Валентины Никаноровны варежку, обмакнул её в чашку и стал растирать ноги девушки. Постепенно в ногах появилось покалывание, и Любе стало чуть-чуть легче. Ей снова давали клюквенный морс, а потом заварили крепкий чай.

Потрясённый поступком девушки, немец принёс две банки тушенки, открыл их и галантно сказал:

– Ешьте, фройляйн! Если бы вы спасли немецких солдат, а не этих недосков, то фюрер наградил бы вас железным крестом.

Люба съела несколько ложек тушёнки, потом выпила крепкий чай и впаала в забытё.

В себя она пришла только 3 декабря 1941 года. Возле кровати сидел Костик, а на стоящей рядом табуретке стояла банка с тёплой водой. Время от времени Костик протирал ей лоб и лицо, а также руки. Температура спала, молодой организм победил болезнь. Любу уже почти не знобило, но во всём теле была слабость.

Со двора вернулась Валентина Никаноровна и радостно заохала, увидев пришедшую в себя дочь. Она приготовила ей куриный бульон и заботливо начала кормить дочь из ложки.

Уже 4 декабря Люба могла сидеть на кровати и дрыгать ногами – они не болели.

Люба осторожно надела носки и решила пройтись по спальне. Её не тошнило и не покачивало. Девушка поняла, что уже здорова.

А 5 декабря, днём, Костик принес ошеломительную новость: началось контрнаступление под Москвой. Издалека доносилась глухая канонада, немцы стали раздражительными, люди лишний раз старались не показываться им на глаза. Рано утром 6 декабря в спальню зашёл Фридрих Паульсен.

Люба натянула до горла одеяло, ей показалось, что немец хочет овладеть

ею. А она была только в одной рубашке.

Гауптману понравилась её решительность отстаивать свою невинность, и он раскатисто рассмеялся:

– Не бойся, Люба! Я не сделаю тебе ничего плохого! Я пойду пока на службу, отстреляем проклятых русских, а потом я вернусь к тебе 10 декабря, и мы сыграем свадьбу.

Испуганная Люба согласно кивала ему в ответ.

Он ушёл к себе в дот, захватив с собой несколько солдат.

А вечером 6 декабря 1941 года несколько солдат Красной Армии вошли в деревню.

После небольшого боя немцы отступили. Но неожиданно из дота раздалась пулемётные очереди: наши солдаты были ранены.

Рано утром 7 декабря уже целое подразделение Красной Армии было в Жилине. Раненых солдат, наскоро перевязанных местными жителями, увезли в госпиталь. Благодарение судьбе, они все остались живы.

Попробовали стрелять из орудия по доту. Но эффекта это не дало. Как только солдаты пытались подняться в атаку, немецкий пулемет начинал бить снова и снова. Подобраться к доту было невозможно.

К вечеру 7 декабря командир подразделения Красной Армии пришёл в избу Богатырёвых.

Его напоили чаем, угостили шанежками. Валентина Никаноровна сказала, что у них был на постое немецкий офицер. Но не это интересовало командира. Он не знал, что делать с этим взбесившимся дотом. И вдруг Люба сказала:

– Я пойду и справлюсь с ним!

Она сноровисто начала чистить картошку и наварила целую кастрюлю. Потом опрокинула в кастрюлю содержимое банки немецкой тушенки, сверху посыпала укропом и репчатым луком. Закутала кастрюлю в полотенце, взяла с собой краюху домашнего хлеба и, надев мамины валенки, пошла к доту. Она шла спокойной и размеренно по просеке, чуть-чуть оскальзываясь, потому что валенки были ей великоваты.

Солдаты напряженно всматривались в уходящую фигуру. Укутанная в красный платок девушка бесстрашно шла вперёд. Шла она медленно, часто останавливалась, потому что сил было ещё недостаточно. Над её головой раздалась пулемётная очередь, но она упрямо шла вперёд. Больше не стреляли.

Люба подошла почти вплотную к доту и носком валенка стала бить в бронированную дверь. Время от времени она голосила:

– Фридрих, миленький, открой! Я тебе кушать принесла!

Ответом ей было молчание.

– Фридрих, если я оставлю еду у дверей, то все замерзнет. Пусти меня, я тебя покормлю! Это я, Люба Богатырёва, твоя невеста!

Неожиданно дверь заскрипела. Едва Люба успела сделать два шага назад, как дверь открылась. Оттуда вытянулась длинная рука и втащила Любу внутрь. Затем дверь вновь закрылась.

Она увидела заросшее щетиной лицо Фридриха и лихорадочный блеск в его глазах. Он молча стал осыпать её поцелуями, а она безвольно стояла, прижимая к телу хлеб и кастрюлю с картошкой.

Рассудок вернулся к немцу. Он легко приподнял Любу и спустил её по сту-

пенькам внутрь дота. Она увидела подобие стола, подошла и поставила кастрюлю. Затем развернула краюху хлеба, освободила кастрюлю от полотенца и подняла крышку. Аромат разнёсся по всему доту и мгновенно забил смрадный запах в помещении. Немец открыл рот от удивления, а Люба достала из тряпицы большую ложку, нож и показала немцу, чтобы он начинал есть. А сама взяла нож и стала резать хлеб.

Потрясенный произошедшей переменой в его жизни, немец с набитым ртом, с куском хлеба в одной руке и с ложкой в другой, восторженно мычал:

– О, майн гот!

Люба улыбнулась ему и бестрепетно вонзила в шею нож.

Удивление отразилось в глазах фашиста, а она всё проталкивала и проталкивала нож глубже.

– Вот так-то, герр гауптман! – громко сказала Люба. – Получил себе русскую невесту?

Немец упал. Он попытался выдернуть нож и ему это удалось. Но тут же кровь хлынула из развороченной шеи, он несколько раз дернулся и затих.

Люба обернулась, почти что в темноте нащупала ступеньки и поднялась на площадку. По какому-то наитию она дернула за нужный рычажок, и дверь медленно, со скрипом, начала открываться.

Невысокая худенькая девочка в телогрейке стояла в проеме и смотрела вниз на просеку. Потом она догадалась, сдёрнула с головы красный платок и начала размахивать им, крича:

– Победа!!!

Ответом ей было громогласное «ура!».

Когда, светя мощными фонариками, красноармейцы вошли внутрь дота, то перед ними предстала страшная картина: на самодельном столике стояла кастрюля с картошкой и тушёной, а на полу с растёрзанной шеей лежал немецкий офицер, возле которого валялся окровавленный нож.

Командир подошёл к Любе приобнял ее за плечи и спросил:

– Как ты смогла это сделать, девочка?

Люба, не оборачиваясь к нему, сдержанно ответила:

– Фашисты к Москве не пройдут!

А 8 декабря 1941 года Красная Армия освободила и деревню Крюково.

Накануне нового, 1942 года, 14-летняя Люба Богатырёва была награждена орденом Красной звезды.

До 1955 года она жила в родной деревне. Замуж выйти не могла: её очень боялись парни и молодые мужчины, когда она внимательным и суровым взглядом смотрела на очередного ухажера и спрашивала:

– И что тебе надо?

В 1955 году она уехала на целину и стала работать там председателем колхоза. Дальше следы героини этого рассказа затерялись.

Сергей ПЕТРОВ, подполковник юстиции запаса

Сергей Владимирович Петров родился 1 апреля 1960 года. С 1978 по 1980 гг. служил в рядах Вооружённых Сил СССР, в танковых войсках. В 1986-м году окончил юридический факультет Казанского государственного университета.

С 1986 по 2000 гг. служил в прокуратуре Республики Марий Эл. Ушёл на пенсию по выслуге лет с должности первого заместителя прокуратура Республики Марий Эл, в чине младшего советника юстиции. Работает заместителем директора по юридическим вопросам холдинговой компании.

Литературным творчеством занимается с 2010 года. Публиковался в журналах «Юность», «Невский альманах», «Наша молодёжь», «День и ночь», «Север», «Сибирские огни», «Кольцо А», «Воин России», «Пограничник» и других. Автор исторического детектива «Всё когда-нибудь заканчивается», книги «Субъективный фактор». Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

СВЯЗЬ

Рассказ

Позиции отступающих немцев полк занял утром. Оставленные противником землянки были вырыты основательно, с солидным накатом. Солдаты безгласно выбрасывали с нар полотенца, тряпки, куски брезента, мешки с соломой, на которых спали немцы, рассовывая по карманам сигареты, разбирая консервы и хлеб, запаянный в целлофан. Сигареты, впрочем, оказались трава травой, хлеб – пресным. Удивило обилие газет и журналов с красотками, которые мгновенно разошлись по рукам.

Между тем, не спеша подтянулась полковая артиллерия, рассредоточились пулемётчики, выжигая шквальным огнём всё на холмах, где засел противник. Немцы отвечали редкими миномётными залпами.

Понимая, что артподготовка наступления – дело не скорое, уставшие от бессонных ночей бойцы укладывались спать. Ольга устроилась в углу землянки. Мешкообразная форма, уставшее, обветренное лицо старили её, но тонкие кисти рук и неокрепший ещё голос выдавали юный возраст. Она сидела, не шевелясь, закрыв глаза, начиная дремать, но на этот раз не повезло.

– Рядовой Смирнова, ко мне! – зычный голос командира не давал отсрочек.

Рис. Веры Орловой. Девушка с фронта. 1944 г.

Не успела, запыхавшись, встать перед комбатом, как прозвучал приказ – восстановить связь со штабом дивизии.

– Есть! – отчеканила она.

Чёрный провод уходил в сторону леса. Грязь противно чавкала, пропитывая обмундирование липким месивом. Было скользко, ползти удавалось с трудом, хватаясь за траву и подтягиваясь. Узкие стебли резали в кровь пальцы, а катушка с кабелем, рация, оружие и подсумок за спиной замедляли и без того нескорое передвижение к месту обрыва. С таким снаряжением ползти даже по сухой земле было тяжело. Когда она поднимала голову, было видно, что позади горизонт подсвечивается артиллерийскими вспышками, а впереди светло от ответного огня.

Передохнуть решила прямо тут, в грязной жиже. Под свист мин всплыл в памяти грязный зал районного военкомата. Вдоль стен – деревянные скамьи, вокруг толпится множество незнакомых людей, на лицах – растерянность и слёзы. Они, поселковые, втроём прижались в уголке – высокая и статная Катя, живая, со вздернутым носиком, усыпанным веснушками, худенькая Надя, и она, Оля – голубоглазая кнопка, старше остальных и самая робкая. Потом были вагоны, полные вагоны молодых девчонок. Увидев их, на одном из полустанков кто-то ахнул, крестясь и причитая: «Уже и девочек на фронт повезли...»

Когда выдали первое обмундирование, и Ольга, от горшка два вершка, стала натягивать брюки, то утонула в них. Ботинки на ногах тоже не держались. Но самыми жуткими оказались мужские трусы, из грубого сатина, широкие и длинные, почти как юбка. Выходило так, что ты вроде бы на войне, собираешься умереть за родину, а одет как пугало. Смешно и грустно, но ничего не поделаешь – обмундирование, как сказал старшина, включая нижнее бельё, у каждого солдата должно быть одинаковое. Но и это ещё ничего... Самым же трудным было найти возможность хотя бы раз в сутки умыться. О «женских» днях и говорить нечего – ваты и бинтов не хватало даже для раненых, потому приходилось использовать любые подручные средства, но чаще всего пропитанные кровью и понятными выделениями брюки засыхали, становясь стеклянными, режущими кожу до глубоких ран. Но это никого не интересовало, главное, что от неё требовалось – это связь, которая не должна прерываться никогда, особенно во время боя.

Запомнилось первое поручение – доставка секретного пакета в отдел СМЕРШа. Путь лежал через поле. Она шла, придерживая за пазухой пакет, кругом была непроглядная тьма. И вдруг ей показалось, что следом кто-то крадётся. Несколько раз она останавливалась и прислушивалась, но вокруг была тишина. А как только снова начинала идти – тут же слышала шорох позади. Пока дошла до места назначения – перетрусилась; лишь когда отдала пакет, то вздохнула с облегчением. На обратном пути уже рассветало, потому и страхов поубавилось. Так и осталось неясным, кто же крался позади, да и был ли этот кто-то реальной угрозой...

Ольга приподнялась. Темнеющее небо стало хмурым и недобрим. Время от времени резали глаза вспышки пулемётных очередей, но огонь был неприцельный – на всякий случай. Она поползла дальше, цепляясь руками за траву – теперь, с небольшого пригорка, ползти было легче, дорога шла под уклон.

Картина художника Б.В. Окорокова

Где-то внизу сиротливо темнела развороченная туша «тридцатьчетверки», ствол высунутым языком свисал к земле. Сорванная снарядам башня лежала рядом с распластавшимся змейй гусеничным трактом.

Ольга была уже где-то неподалеку от немецких окопов, но обрыва провода так до сих пор и не обнаружила. Она легла на осклизлую землю и снова закрыла глаза... Вспомнился первый день на передовой. Первую ночь в общем блиндаже, оказавшись тут единственной девчонкой, долго не могла сомкнуть глаз. Спали одетыми, вплотную, тесно прижавшись друг к другу. От усталости всё же отключилась на время, но тут же пришлось отмахиваться от наглых рук. Уже позднее, попав после ранения в госпиталь, так и продолжала махать руками во сне. Нянечка стала допытываться, что, мол, за оказия, а было так стыдно объяснять, что пришлось отшутиться.

А потом в батальон прибыл новый ротный. Молодой, с необычным именем Арман, красивый настолько, что напоминал Ольге... вечерний летний луг, в который садится солнце. При каждом его появлении она смущалась, а однажды ротный и вовсе вогнал в краску шутивными расспросами о любовных похождениях. Она тогда покраснела и отмахнулась, но ротный не унимался, приговаривая, что любовь – это така-ая штука, повкуснее пирожного. Ольга пирожных никогда и не видела, откуда в деревне такие изыски, а уж про эти самые любовные утехы и говорить нечего: не принято было до свадьбы подобным заниматься. Была у них в деревне Варька, шалава, так до свадьбы побаловалась – и не один парень так и не взял в жены, порченную-то... Арман между тем продолжал о чём-то нежно ворковать и уговаривать, и его голос звучал как безупречно настроенный музыкальный инструмент, словно не было вокруг войны...

А на следующее утро его принесли, тяжелораненого. Вокруг рвались снаряды, а ротный лежал на плащ-палатке и почему-то смущённо улыбался. Врач тихо сказал, кивнув на него, что, мол, не жилец уже. Ольга прониклась к ротному необыкновенной жалостью, погладила ласково по голове, не зная, что ещё может сделать. Арман снова смутился, достал помятую шоколадку и, извинившись, сказал, что хоть это и не пирожное, но тоже вкусно. А затем неловко попросил:

– Хоть расстегни гимнастерку и покажи грудь... не видел никогда...

Она вспыхнула и сразу убежала, краснея со стыда, а когда вернулась, на лице ротного уже замерла смиренная улыбка. Склонившись перед умершим, Ольга виновато поцеловала его в щёку, – таким и вышел её первый поцелуй... А ночью ей приснился сон, будто она держит какую-то диковинку, от которой идёт сказочно вкусный запах, а рядом стоит Арман и говорит, что теперь она наконец-то отдаёт тех самых пирожных. Но только она подносит кусочек к губам, как раздаётся зычный приказ: «К бою!» – и больше нет ни Армана, ни пирожного, есть только война...

Однажды она всё же решилась попробовать того самого, на что намекал Арман, выбрав для этого тихого и неказистого пулемётчика Жилиева. Он был деревенским, почти своим. Всё случилось в лесочке, и не было никакой сладости, было только больно и страшно. А ещё было стыдно. Очень стыдно. Но самое ужасное произошло на следующий день – её отозвал молодцеватый Слава Тимофеев по прозвищу Тимоха и шепнул:

– Предлагаю вечером в лесочке... прогуляться.

– Да как ты смеешь!

– Думаешь, не видел, как ты вчера с Жилиевым кувыркалась? Сморчком, выходит, не брезгуешь, а я для тебя не гожусь?..

Ольга растерялась и замолчала, не зная, что ответить.

– Не лома-айся... – тем временем продолжал уговаривать Тимофеев.

– Уйди!

Тимоха попытался приобнять, но неожиданно получил звонкую пощечину.

– Шлюха! – разозлился он. – Я тебе устро-ю, дрянь! Ещё пожалеешь...

На следующий день к ней подошёл сержант Григорьев и, ехидно улыбаясь, предложил прогуляться всё в тот же лесочек.

– Не гуляю я по лесу, – хмуро ответила Ольга.

– С Жилиевым гуляла, с Тимофеевым любила, а я чем-то плох тебе?.. – удивился Григорьев.

– Не было у меня ничего с Тимохой! – выпалила Оля и отправилась искать обманщика.

Тот вместе с двумя солдатами курил махорку, над чем-то посмеиваясь, – уж не над ней ли...

– Сплетни распускаешь, – закричала она ему ещё издали, – не стыдно врать-то?

– А что, с Жилиевым не миловалась? – нагло улыбнулся Тимоха. Его товарищи тоже не скрывали ухмылок.

С этого и началось... Не было дня, чтобы к ней не подходил кто-то из солдат и не звал в лесок. Ольге стало казаться, что даже смотреть на неё теперь стали оценивающе и презрительно. Раньше она, когда случилось затишь, мечтала о будущем, о времени, когда закончится война и наступит мир. В такие минуты становилось светло и хорошо, будто стоишь на косогоре у родной деревни, над соцветием дурманящих лугов. Теперь же каждый вечер она уходила подальше ото всех и тихо плакала от бессилия и унижения.

Однажды в таком вот заплаканном виде Ольга попалась на глаза командиру батальона, бывшему учителю, человеку пожилому и совсем уже седому.

– Почему у вас глаза опухшие, в чём дело? – как мог, проявил участие капитан.

В ответ на это Ольга снова расплакалась: ей давно хотелось выговориться, и она рассказала всё от начала до конца.

– Что ж ты, дочка, молчала... – вздохнул комбат. – Надо было сразу ко мне обратиться, не дал бы этим ухарям в обиду. Хорошо, будет первая передышка, выстрою батальон – и этот твой Тимоха будет у тебя на коленях прощение вымаливать!

– Ой, не надо, товарищ капитан... – испугалась Ольга.

– А это уже теперь не тебе решать. Несправедливости в батальоне не место... Ты не бойся, всё будет хорошо!..

Земля под ней содрогалась и ухала. Деревья неясными силуэтами выступали в сумерках. В той стороне, где окопался противник, стали вспыхивать жёлтые осветительные ракеты. С нашей стороны длинными очередями отвечали пулемёты, захлопали винтовки.

Ольга вытерла пот суконной пилоткой. Показалось, что запахло кислой капустой.

Обрывая она так и не могла найти, хотя искала его, с какой-то детской наивностью веря в то, что ещё немного – и всё получится, всё будет хорошо. Почему-то вспомнилось детство. Мама достает из печи глиняный горшок с молоком, покрытым румяной пенкой. Она выходит на крыльцо. Только что прошёл дождик, всё вокруг сверкает. По двору важно шествует гусыня, ведя за собой ватагу гусят. Они пищат, посвистывают и толкают друг друга. Процессию бдительно сопровождает гусак, глава семейства. Он поминутно оглядывается – не грозит ли откуда опасность? Но всё спокойно, и слышится его тихое, миролюбивое «га-га». Гусята, увидев одуванчики, бегут к ним, тыкаются клювами и пускают пушинки по ветру. Гусыня смотрит на гусят и качает головой – какие они ещё глупые. Оля тоже, бывало, фукала парашютиками одуванчиков в лицо младшему брату, когда тот оглядывался на неожиданный оклик. А потом уже брат, подкараулив, отвечал тем же, и она хохотала, а мягкие пушинки щекотали её лицо...

Свист и ухнувший рядом взрыв оборвал воспоминания. Ольга вскрикнула от острой боли, виной которой был глубоко шошедший в руку осколок. От вида крови даже закружилась голова. Она одним отчаянным рывком выбросила

тело из воронки, охнула, но поползла дальше. Руку жгло будто огнем, но она ползла и ползла... Она не помнила, сколько так продолжалось, придя в себя, только когда уткнулась лицом в лужу. От прохлады стало так легко, что не хотелось поднимать голову. Но надо было двигаться дальше – и она снова попыталась ползти, но свалилась в очередную подвернувшуюся воронку, закричав от боли в руке и даже зажмурившись от вспыхнувших в глазах искр.

Когда Ольга открыла глаза, то снова вскрикнула – теперь уже от радости: прямо перед ней торчал оголенный конец провода, это был тот самый злосчастный обрыв. Оставалось теперь только срastить провода. Она неуклюже присела; перебитая осколком рука безжизненно висела плетью, другая рука была, похоже, сломана после неудачного падения в воронку, и даже поднять их не было сил.

Зажмурившись от страха перед будущей болью, она всё же приподняла руку и соединила оба конца провода. На их скрутку сил уже не оставалось – и тогда, поняв, что остается только одно, Ольга сжала зубами концы, вздрогнув от удара током: инструктор в училище им говорил, что когда на том конце кто-то крутит ручку, устанавливая связь, напряжение подскакивает до ста двадцати вольт.

Рядом громыхнул новый взрыв. В глазах у Ольги потемнело, и она почувствовало жгучую боль.

Тут и нашли её после боя, присыпанную землей и стискивающую зубами концы провода.

В расположение батальона Ольгу принесли на растянутой плащ-палатке. Из пилотки достали бумажку с адресом родных, которых надлежало уведомить о том, что случилось. К расстеленной на земле плащ-палатке стали подходить бойцы из её взвода, бросил занятие даже повар, отмывающий котёл полевой кухни.

– Давалка... – вдруг сквозь зубы процедил Тимоха.

– Тимофеев, оставить! – прогремел голос комбата. – Жаль, поздно Оля рассказала о том, как ты себя повёл... Не довелось мне восстановить справедливость, пока живой была. Но я тебе сейчас скажу: сволочь ты и мерзавец, коли травил человека и сплетни распространял! И остальные, кто на твою брехню повёлся, тоже хороши. Была у нас одна девочка в батальоне, беречь её нужно было, а мы – не берегли...

Взгляды у солдат потупились.

– Сволочи мы, мужики, всё-таки, – вдруг хрипловато продолжил за капитаном худой и белобрысый сержант по фамилии Хлебный, обычно тихоня тихоней. – Прости нас, Ольга, безвинная душа...

Пожилой и седовласый рядовой Акимов, медленно подбирая слова, добавил:

– Она была всегда грустной... Говорила негромко, рассудительно. Иные от переживаний начинают языком молотить, а Ольга немногословна была... А чтобы смеялась – почти и не видно было. И мы в том виноваты...

– Будем представлять к награде... посмертно, – подытожил комбат. – На таких и держится Россия.

Владимир СИЛКИН, полковник в отставке

Владимир Александрович Силкин родился 14 октября 1954 года в г. Рязске Рязанской области. Окончил редакторское отделение военно-педагогического факультета Военно-политической академии. Более 32 лет прослужил в Вооружённых Силах СССР и России. Полковник в отставке. Автор пятидесяти книг разных жанров. Лауреат Государственной премии России.

Заслуженный работник культуры РФ. Кавалер ордена Почёта. Святейшим Патриархом Московским и всея Руси удостоен орденов Русской православной церкви святого благоверного князя Даниила Московского и преподобного Серафима Саровского. Кандидат педагогических наук. Главный редактор военного литературного альманаха «Рать».

Книги В.Силкина «Журавинка», «Три имени» и «Золотое крыльцо» находились в космосе и кругосветных морских плаваниях на парусных учебных судах «Надежда» и «Крузенштерн». Именем В.А. Силкина названы

улица, библиотека № 2 г. Рязска Рязанской области, литературный салон в Рязском краеведческом музее. Он – Почётный гражданин Рязанской области и Почётный гражданин г. Рязска, Почётный краевед Рязского района. С 2004 года в Рязске проходят ежегодные поэтические чтения «Читаем стихи Владимира Силкина».

Строки из стихотворений поэта увенчали монумент на Аллее Героев родного города Рязска и памятник Герою Советского Союза Андрею Серебрякову на территории Рязского дорожного техникума.

Секретарь Союза писателей России, председатель Приёмной комиссии Московской городской организации Союза писателей России, начальник Военно-художественной студии писателей Центрального Дома Российской Армии имени М.В. Фрунзе. Член Координационного совета земляков при губернаторе Рязанской области, член Правления Рязанского землячества. Ответственный секретарь Совета ветеранов Главного управления кадров Министерства обороны Российской Федерации.

Возглавляет литературное объединение имени Героя Советского Союза, писателя Владимира Васильевича Карпова при Военно-художественной студии писателей Центрального Дома Российской Армии имени М.В. Фрунзе.

Член Союза журналистов СССР (России) с 1982 года, Союза писателей СССР (России) с 1991 года. Проживает в Москве.

«ОКРАСИЛСЯ МЕСЯЦ БАГРЯНЦЕМ...»

Новелла

«Гусар!» – любовался я своим взводным. Статный, чернявый, он выкрикивал фамилии первогодков. И мы один за другим, разбивая новенькими кирзачами асфальт, выходили к столу, где лежал текст Военной присяги.

– Я клянусь!

И что-то глубокое, неизведанное доселе, вонзалось в наше сознание, заставляло выпрямляться.

– Я клянусь!

И тяжелее казалась шинель. А рука всё крепче сжимала цевьё автомата.

Но чернявый лейтенант Беленький ободряюще кивал каждому из нас. И его взгляд успокаивал, снимал многовольтное напряжение с наших душ...

Два месяца пролетели как один день. Второгодки называют нас «дедушками».

Утром метём плац. Сосновые иголки, застрявшие в недельной давности лужах, проскальзывают под метлой. А ветер снова и снова швыряет их горстями туда, где уже очищались квадраты, за креплённые за нами навечно, как заявил Колька Смирнов из Владимира.

– Тут дел немного, – рисовал он нам перспективу проживания в военном городке, а точней, «учебке». – Ну, с утра, там, лужи разгоните, строевой тренаж пройдёте, потом занятия по матчасти до обеда. В перерывах заботливый прапорщик Гапончук запустит вокруг учебного корпуса на три круга. Это – чтоб аппетит нагулять. В два – наш ресторан. Вкусно, сытно, калорийно, все блюда-по-солдатски. А потом вообще рай – целых пятнадцать минут перерыв. Затем сплошной балдёж – надеть, снять противогаз. Увлекательная игра. Её очень любит Гапончук. Поигрались, поигрались – и на плац. Метёлочку в зубы – и каждый свой район гляncует. Короче, времени на всякие там весёлые вещи хоть отбавляй...

И вот мы метём. Сеет народившийся невесть из чего дождичек, хлюпают по лужам кирзачи.

Я закуриваю и прислоняюсь к дереву. Непонятное чувство охватывает, когда слышу любимую песню. В это осеннее блёклое утро вольно и по-особому печально звучит голос Руслановой; «Поедем, красotka, кататься...».

– Чёрта с два, – делаю я глубокую затыжку. – Не поедем, – уже два месяца ни одного письма.

«Давно я тебя поджидал...».

– Ну, и что с того? – завожусь я и вижуперед собой лейтенанта Беленького. Подтянутый, в отполированных до зеркального отражения сапогах, так не вяжущихся с погодой, он подходит неожиданно, здороваются.

– Ну, что, привыкаете?

Я озабоченно начинаю крутить головой, и прятать за спину окурков.

«Что я тебе, друг что ли?» – теряюсь и не знаю, о чём говорить.

– Нормально, – пожал плечами.

– Слышал, боксируете?

– Изредка, со временем пока туго...

– Ничего, всё наладится.

Командир отделения, младший сержант Владимир Силкин, 1975 г.

Лейтенант ушёл. А днём, когда бежали три километра, Беленький пристроился к косяку, в котором я финишировал. Поравнявшись, крикнул: «А может, попробуем вечером?»

– Что? – задыхаясь потянул я.

– Ну вот и хорошо, я знал, что вы согласитесь, – заразительно засмеялся он, ускоряя бег и легко оставляя нас позади.

... Перчатки были старенькие, белые от соли и пота. Здесь, в учебке, они лежали в курилке. Распоряжались ими младшие командиры. Если по рассеянности не спросил разрешения войти в эту комнату, надевай перчатки и работай с тенью пятнадцать минут.

Теперь против меня стоял не условный соперник, а лейтенант. Стоял и улыбался. Наверное, и не знал, что перед ним чемпион области, работавший по нормативу кандидата в мастера спорта.

Но и мне что-то подсказывало: «Не прост, ох, не прост Беленький...» Жилый, с длинными руками и накачанной, хотя и не короткой, шеей, он быстро выдал себя, сделал мягкий нырок из-под прямого удара с левой. Улоны, отходы, хук без продолжения-всё это мы демонстрировали с упоением.

Он повис на мне минут через пять.

– Молодец! Хватит. Всё вижу. Надо тебе работать. Надеюсь, в спарринг возьмёшь?

Я восторженно смотрел на этого розовощёкого офицера с чуть заметным шрамом на левой брови.

А через неделю я его «приревновал». Беленький сидел в ленкомнате и играл в шахматы с балаболкой Смирновым. Лейтенант даже не глянул в мою сторону. Я прошёлся мимо них несколько раз, но так и остался незамеченным. Не услышал удивительного лейтенантского: «Чего маешься?» Напротив, додался раздражённого: «Хватит маячить!».

Вечером я узнал, что лейтенант Беленький и Колька Смирнов земляки. И уже в который раз подвёл курсант «гусара». И теперь вот отправился на гауптвахту...

Мы бежали в ОЗК, и горячий липкий комбинезон становился с каждым шагом тяжелее. Стёкла противогаза вспотели и затрудняли видимость. Я оглянулся. Рядом бежали двое. И я отчётливо услышал: «Отверни трубку, дурак!».

Я продолжал движение по полной форме. Но через несколько минут увидел обогнавших меня сослуживцев. Они бежали «налегке». И я открутил трубку от противогазной коробки... сдался. Но бежал уже наравне со всеми.

– Стой! – как по спине хворостиной, рассекла воздух команда.

В одношереножном строю лейтенант Беленький, похожий на марсианина, заглядывал в противогазные сумки.

– Мальчишки, – только и сказал Беленький и снова под маску. Снова бег. Утомительный, десятиминутный.

После кросса я видел, что неловкость одолевает не только меня. Что-то подленькое, довлеющее над нами, присутствовало в отношениях со взводным. Он молчал. И это было невыносимо. Лучше бы накричал, как прапорщик Гапончук, обозвал бы, но не молчал.

Заговорил Беленький во время чистки оружия. Не со мной. С Витей Мурачем. О нашем зенитно-ракетном комплексе. И так упоённо стал рисовать

картины боя с воздушными пиратами, что подумалось оего бывалости. «Вот только жаль, не отпускают меня по рапорту, – не глядя на Мурача, вздохнул взводный. Говорят, вы тут больше белые, а там красные нужны.

Насчёт белых я не понял и потому не удержался: «А при чём тут белые-красные?»

– А при том, что командир вашего взвода Беленький, замполит – капитан Белозёров, а командир второго взвода – Белов. Уловил? – и он подтолкнул меня к выходу: «Пообещай, что сделаешь...»

Я, удивляясь переходу на ты, пожал плечами: «Если смогу...».

– Сможешь! Собери ребят, организуй секцию бокса. Я не успел. На днях уезжаю, но об этом пока – молчок».

Я ошарашено глядел на лейтенанта и не узнавал его. Глубокая складка заблудилась в переносице, живые тёмные глаза задержали грустинку.

– Я ненадолго. Постараюсь к вашему выпуску вернуться.

Через неделю, не простившись с подчинёнными, Беленький уехал и увёз с собой четырёх воспитанников учебки, специалистов по низколетящим целям.

Мы встретились перед моим отъездом в линейную часть.

Я драил пряжку, когда вошёл старший лейтенант и сел напротив. Я вскочил, приветствуя незнакомого офицера, и чуть было не вскрикнул. Передо мной сидел Беленький. Из-под фуражки «гусара» дымился чуб.

– Вот, возвратился, – как-то буднично обронил он. – Один... – добавил медленно это короткое и страшное.

На груди Беленького к колодке юбилейной медали прижались колодки ордена Красной Звезды и неизвестной мне награды.

– Жара там, вот и уехал, – закончил он горькой усмешкой.

Спустя несколько лет дорога привела меня в гарнизон, где начинал срочную службу. Я стоял в комнате Боевой славы и вспоминал, что мог, из истории свой первой части. Небольшой, но яркой. Переходя от стенда к стенду, я обратил внимание на один, видимо, недавно оборудованный. И вдруг.. Я чуть не принял положение «смирно». Чернявый, улыбающийся Беленький смотрел с траурного фото. Подпись не могла солгать: «Погиб при выполнении интернационального долга. Посмертно награждён орденом Красного Знамени». И ни слова больше.

Я шёл с поэтом-фронтовиком к своему квадрату.

– Вот здесь я убирал территорию, – сказал я. – И вот тут познакомился с лейтенантом Беленьким. Другого такого не встречал.

«Окрасился месяц багрянцем...». Как не хватало сейчас этой светлой песни, которая меня выпрямляет.

Николай СТАРОДЫМОВ, подполковник запаса

Николай Александрович Стародымов — прозаик, журналист. Подполковник запаса, донской казак, потомственный офицер. Участник боевых действий, кавалер трёх боевых наград. На всех войнах побывал в качестве военного журналиста. Это позволяло везде бывать в самых разных боевых ситуациях.

В Афганистане принимал участие более чем в 20 боевых выходах. Среди них: выход «на караван», десантирование с вертолётов в тыл душманам, глубокий рейд по «духовским» районам, участие в переговорах с главарями душманских группировок.

На протяжении службы в Афганистане вёл подробные записи, которые потом издал отдельной книгой под названием «Боевой дневник Афганской войны», которая уже несколько раз переиздавалась.

Автор более тридцати изданных художественных, документальных и публицистических книг. Член Союза писателей России. Член Союза журналистов России. Член литературного объединения имени Героя Советского Союза, писателя В.В. Карпова при Военно-художественной студии писателей Центрального Дома Российской Армии имени М.В. Фрунзе.

Лауреат ряда международных и российских литературных и журналистских премий, в т.ч. премии Союза журналистов России в номинации «За работу в «горячей точке».

АГИТРЕЙД: ИРАНСКАЯ ГРАНИЦА

Отрывок из дневника

В Афганистане я имел честь служить в 5-й гвардейской Зимовниковской Краснознамённой ордена Кутузова II степени мотострелковой дивизии им. 60-летия СССР. Был я тогда капитаном, ответственным секретарём дивизионной газеты «Гвардеец». Совершил более двадцати боевых выходов. Об одном из них рассказывается в приведённом ниже отрывке из дневника, который вёл на протяжении всего периода службы «за речкой».

17.04.1986

Опять я на войне. Вчера собирался ехать в Герат в 12-й полк, делать материал о секретаре парткома майоре Куксине. Но с утра не получилось. А потом майор Володя Малюженко сказал, что 101-й полк идёт на операцию. Я, конечно, поехал к ним.

Капитан Николай Стародымов (третий слева) с друзьями-сослуживцами в составе ограниченного контингента Советских войск в Демократической Республике Афганистан, 1986 год

Ответственный секретарь газеты «Гвардеец» капитан Стародымов (слева) получает указания от своего руководства.

Николай СТАРОДЫМОВ. Агитрейд: иранская граница. Отрывок из дневника

В 101-м полку я узнал, что идёт и 3-й батальон, с которым я воевал в октябре, соответственно, пошёл и теперь. В батальоне мне обрадовались. И замполит капитан Сергей Бондарь, и командир майор Геннадий Иванович Зайцев, и Бомбин, и Дьячук... В общем, хорошо встретили. В этот вечер обмывали орден, и меня тоже пригласили. **(Дополнение. В те времена началось резкое закручивание гаек по части спиртного, потому в дневнике имени виновника того торжества не сохранилось.)**

Утром в 4.30 выезд. Я думал, что пойдём туда, где дали чертей разведчикам. Но потом выяснилось, что пойдём на иранскую границу. Там богатые базы, в январе их пытались взять, но не получилось. Но потом оказалось, что и это неправильно. Мы совершаем агитационный рейд. Так что старший сейчас замполит по работе с местным населением майор Марсель Габитов.

(Дополнение. В полку в Афганистане была такая должность – заместитель командира по работе с местным населением. Он же являлся командиром агитотряда. Марсель Халиулович Габитов был просто легендарной личностью. Он пользовался огромным авторитетом у местного населения. Как правило, именно Марсель возглавлял кампании по раздаче местному населению припасов, участвовал во всех мероприятиях, проводимых с местными.)

Туран Исмаил (капитан Исмаил) – главный душман Запада Афганистана, именно он руководил всеми операциями моджахедов против 5-й гвардейской дивизии Советской Армии.

Говорили, что за голову Марселя руководитель местных моджахедов Туран Исмаил назначил немалую премию. Однако местные жители взяли его под свою охрану. И потому никто из душманов не решался на акции против Марселя. Когда он через полтора года после описываемых событий уезжал в Союз, местные жители устроили ему пышные проводы – организовали целый кортеж до самой границы.

Такие агитотряды должны были выполнять роль пряника в проводимой нами политике. Мол, войска воюют только если есть сопротивление. А если всё тихо-мирно, приезжает агитотряд. Он раздаёт столь дефицитный керосин, столь любимые местными жителями калоши, столь необходимый рис... С ним приезжали врачи, артисты. И конечно агитаторы – местные партийные активисты, которые объясняли, что лучше жить мирно и получать муку и масло, чем воевать и получать бомбы и снаряды.

Дело, слов нет, хорошее. Но поговаривали, что в некоторых агитотрядах имели место различные махинации. Мол, керосин и калоши не раздавали, а передавали местным властям, которые их продавали, а с нашими «агитаторами» делились доходами. Что брали взятки. И т.д. Было ли такое, утверждать не буду – давайте думать о людях хорошо! Только вот что любопытно: другие агитотряды всегда уклонялись от того, чтобы брать с собой журналистов. Марсель Габитов всегда был открытым. Мы с ним дружили. И его всегда колотило от злости и обиды, если кто-то в его присутствии говорил, даже в шутку, что что-то из гуманитарной помощи может продаваться. Его поддразнивали, конечно. Но за глаза о Марселе говорили как о человеке исключительной честности и порядочности. К тому же он был скрупулёзно добросовестным. Я гордился и горжусь дружбой с ним

И совсем недавно я узнал еще об одной стороне жизни Марселя. Оказывается, его служба «вторым замполитом» была лишь агентурным прикрытием. Он там ходил на переговоры с местными бандами под видом мусульманского муллы и сагитировал на переход на сторону нарядной власти несколько тысяч афганцев).

Ехали долго. Сейчас стоим примерно в 20 км от границы. Дорога всё время шла вдоль реки Герируд, вдоль северного берега. Жарко. Сидел на броне, там прохладнее, внутри жарко. Цветов – море. Особенно много маков. Местность – как в Туркмении, в районе Тахта-Базара или Ташкепри. Правда, туда отсюда не так далеко – километров 100-150, так что неудивительно.

Уже недалеко от места возле моста подорвался МТЛБ (это тягач гусеничный бронированный). Жертв нет.

Поднялись на плато из долины реки. Перепад метров 30. И приехали в кишлак Кахистан. **(Если посмотреть на карту Афганистана, этот населённый пункт находится как раз в том месте, где Герируд поворачивает на север. В этом**

Николай СТАРОДЫМОВ. Агитрейд: иранская граница. Отрывок из дневника

колене и расположен кишлак). Год назад здесь наши воевали, но несильно.

Приехали, стали все вместе кучей. Выставили в охранение «васильки» (автоматические миномёты). Тем временем Габитов, подполковник Нескоромный Юрий Иванович (замполит полка), группа афганцев и, конечно, я поехали к кишлаку на бронетранспортёре с ЗВУ (звуковещательной установкой). По громкоговорителю что-то громко кричали по-афгански, но что – я, конечно, не понял. Через полчаса из кишлака вышла группа в белых чалмах. Мы подъехали к ним, всем пожали руки, улыбки, «салямы»... В общем, друзья после долгой разлуки. Наши афганцы со всеми даже перецеловались.

(Дополнение. Ох уж эти поцелуи! С женщиной – сколько угодно, а с мужчинами – не люблю. А ведь эти мужские ритуальные, приветственные поцелуи приняты у некоторых народов, да и у нас в некоторых ветеранских организациях. Но вернёмся в Азию. Когда я только приехал в Афган, меня удивляло, что афганцы при встрече обязательно целуются, даже офицеры с солдатами. Это было непривычно, даже дико. Но это – их обычай. Когда показывали вторжение американцев в Ирак, был эпизод – его несколько раз по телевидению прокручивали: идёт весь такой упакованный в военную амуницию янки, а к нему навстречу идёт иракский мужчина и лезет целоваться. Американец сначала отшатнулся, а потом был вынужден облобызаться с тем).

Сели в кружок. Сначала говорил приехавший с нами заведующий отделом провинциального комитета НДПА Шарор. Говорил хорошо – темпераментно, страстно. Габитов нам кое-что переводил. Он перечислил, что мы с собой привезли для раздачи местному населению. Что у нас с собой врачи – отдельно для мужчин и для женщин, а также ветеринар. Что мы стрелять не будем. Что они должны помогать шурави. Что народная власть помогает бедным, уважает ислам, а душманы грабят, прикрываясь исламом.

Николай Стародымов с сослуживцами после боевой операции

18.04.1986

Вчера стемнело и не успел дописать.

Короче, выступил хорошо.

Потом говорил заместитель председателя провинциального комитета партии по делам племён и народностей тов. Маршал. (Ударение на второе «а»). Интересный человек. Всё время улыбается, постоянно вокруг него люди. Он говорил коротко. И ещё выступал представитель ХАД (афганский КГБ).

Короче говоря, пообещали на следующий день собраться все. ***(Дополнение. Хорошо помню своё чувство тогда, 20 лет назад, когда разговор принял оборот, о котором я пишу ниже. Мы им – о высокой политике, о гуманитарной миссии, о дружбе... А они...)***

Первый вопрос, который задал один из вышедших из кишлака – о разнице в исламе в Афганистане и Иране. Потом жаловались, что их юношей забирают в иранскую армию и отправляют воевать против Ирака. Когда Шарор сказал, что народная власть даёт людям работу и продукты, а душманы это отбирают, оживились.

Когда мы вернулись назад, как раз поспели к ужину. Поговорили с Зайцевым, Дьячуком. Они в частности рассказали, как тут воевали в январе. Они были на иранской границе и на ночь поставили технику так, что с иранской стороны их легко могли обстрелять. Но не думали, что это произойдёт. Ночью же по нашим из прибрежного кустарника ударили гранатомёты с иранской территории. Сначала наши разбежались, попрятались за машинами, а потом развернули технику и из всего оружия ударили по Ирану. Потом отошли и туда же влупили «Грады». Незадолго до этого из 17-й пехотной афганской дивизии сбежали 70 с лишним человек. Они сидели в башне на иранской стороне. Туда тоже «Грады» вмолотили. ***(Дополнение. О подобных историях, когда на границе происходили перестрелки с противоположной стороной, я слышал неоднократно. Сам лично свидетелем не был. Но у меня есть все основания полагать, что такое случалось. Границы в тех краях – понятие весьма условное. Её переходят легко и просто. В частности, душманы уходили что в Иран, что в Пакистан. Ну, и стреляли друг в друга с нашими).***

Николай СТАРОДЫМОВ. Агитрейд: иранская граница. Отрывок из дневника

Ночевал я по старой памяти в «таблетке». С нами был ещё майор Борис Александрович Македонский.

Утром возле кишлака был митинг – в сам кишлак нас попросили не заходить. Опять выступал Шарор – чувствовалось, что он сильный оратор. Также выступали Габитов, Маршал, приехавший с нами мулла провинции – красивый представительный мужчина, говоривший очень тепло об СССР и обосновавший на Коране необходимость помогать нам и не воевать. Говорил также местный мулла, читал нараспев по бумажке.

Затем начали раздавать продукты. Давали пшеницу, жир, чай, мыло. Давка началась, все лезут. Выстроились в очередь, откуда-то и женщины появились, хотя на митинге их не было. Все сухие, измождённые, старые, лиц не закрывают (говорят, что им не больше 40 лет, а я бы им дал не меньше 60). Каждый перед получением должен расписаться, а кто неграмотен (а таких тут большинство) оставляет отпечаток большого пальца.

Дует дикий ветер, а на пустыре, где всё это происходит, много пыли. А я где-то посеял очки и глаза запорошило, слезятся...

Раздаём всё местным, а вокруг стоят БТРы с расчехлёнными пулемётами, недалеко взвод «Васильков» и обыкновенных миномётов. От греха подальше.

19.04.1986

Вчера к вечеру подорвался на mine один сорбоз (афганский солдат). Разнесло в клочья, далеко в стороне нашли сапог с торчащими из него костями и ошмётками мяса и жил. Перед этим подорвался наш БТР, ребят слегка контузило, но ничего страшного. (***Дополнение. О посттравматическом синдроме, о том, что даже самые маленькие контузии не проходят бесследно, я тогда не знал***). И ведь и тот, и другой подорвались там, где перед этим и машины ездили, и люди ходили.

Сейчас 6 часов утра. Мы едем дальше к иранской границе. Там, говорят, мин ещё больше.

Вчера вечером одного солдата в палец ужалил скорпион. Ничего страшного, но в связи с этим вечером проводили занятие по мерах безопасности. (***Дополнение. Там этой живности хватало – скорпионы, фаланги, каракурты... Но кусали кого-нибудь очень редко. И о смертных случаях мне слышать не доводилось, хотя в целом в пустыне я прослужил 11 лет***).

Вторые сутки дует сильный ветер. Холодно. Продувает насквозь. Не хочется вылезать из машины. А вокруг пустыня до горизонта. Только на юге видны невысокие горы. Перед ними течёт Грируд, но отсюда его не видно.

Тот же день. 17.10.

Только что вышел из кишлака Кизыл-Ислам. Приехали к нему утром. Туда сразу поехал Габитов на ЗВУ. Через некоторое время он вернулся на мотоцикле в сопровождении другого мотоциклиста. (***Дополнение. Марсель вообще всегда ходил на подобные переговоры один и без оружия. Так и хочется добавить «бесстрашно». Не знаю, наверное, он тоже боялся. Но ходил. Только «дежурную» гранату обязательно имел в кармане. Но такой «самоликвидатор» был у большинства офицеров, да и у многих солдат***

тоже. У меня, во всяком случае, – обязательно всегда). Оба афганца были вооружены. Вместе с ними мы поехали на БТР к кишлаку. На стенах были видны **вооружённые люди, в т.ч. с пулемётом Дегтярёва (Дополнение. Не сомневаюсь, что все знают, что это за оружие, но исключительно на всякий случай: это самый известный и узнаваемый пулемёт времён Великой Отечественной, с круглым диском сверху).** Мы сгрузились и с нашими врачами пошли в кишлак.

Все жители кишлака вооружены. Каждый мужчина от 14-16 лет ходит с винтовкой или автоматом. Снуют мотоциклы – «Хонды» и «Судзуки». Улочки повосточному кривые и запутанные. **(Дополнение. Я до сих пор хорошо помню, как мы тогда шли. Высокие глинобитные дувалы разбросаны как придётся, а улочка между ними – где метра 3, где 5 в ширину, не больше. Сплошные повороты, зигзаги. Я заблудился мгновенно – было ветрено и без солнца ориентироваться было невозможно. Уж не знаю, специально нас так вели, чтобы сбить с толку, или же полнейшее отсутствие планировки... Всюду арычки журчат, через них мостики.)** Пошли к зданию, которое, как оказалось, выполняет роль больницы. Врачи остались там, 10 человек оставили им для защиты, сами пошли к мечети. Весь путь – по каким-то немислимым закоулкам. В мечеть вошёл один Габитов, мы остались охранять вокруг.

Нас тут же окружила толпа. Это кишлак малишей. **(Дополнение. Точного аналога этому явлению в русском языке нет. Некоторую параллель можно провести со стародавней казачьей вольницей, но именно некоторую.)** Малиши – это племена, которые проживают вдоль границы, несут

Николай СТАРОДЫМОВ. Агитрейд: иранская граница. Отрывок из дневника

пограничную службу, за что получают от государства плату. В то же время они никого и ничего не признают, занимаются контрабандой, спекуляцией и грабежом. **(Дополнение. Если свести ситуацию к самому простому, малиши определяли, кого пропускать через свою территорию, а кого нет. Хотя это не самый лучший способ охраны границы, государство старалось задобрить малишей, выплачивая им немалые деньги – как говорится, лучше иметь пассивного друга, чем активного врага. В то же время на участках границы, которые контролировались отрядами, принявшими сторону кабульской власти, крупные отряды моджахедов с территории Ирана пройти не могли. Во всяком случае, для них это было проблематично).** В кишлаке Кизыл-Ислам до 800 вооружённых мужчин.

Обступили они нас. Улыбаются, представляются, повторяют «Дуст, дуст». Если попросишь, показывают оружие, но предварительно обязательно его разряжают. Вооружены пёстро. Есть американские винтовки, западногерманские, бельгийские, «буры», китайские автоматы. Пистолеты от ТТ и «Парабеллума» до английского крохотного револьверчика, который я видел у пацанчика лет 12. Видел у одного могучий западногерманский пулемёт с треногой и большим магазином, торчащим вверх. **(Дополнение. Помню, как мы посмеялись между собой. Афганцы все сухопарые, поджарые, жилистые. А этот под тяжестью пулемёта аж согнулся, но ни разу даже на землю его не поставил, так и таскал. «Молодой, наверное», – шутили мы. Так и не знаю, это они всегда так ходят или только в честь нашего визита – силу свою показать).** Напротив больницы на плоской крыше стоял «Дегтярёв» и возле него неотлучно двое малишей. В общем, вооружены все поголовно. Один афганец сказал (из тех, кто приезжал за нами), что если бы в блоке не стояли пушки и БТРы, ни один из нас не ушёл бы отсюда живым, всех бы перебили. Кто бы сомневался! Только ведь и мы бы сюда так не пришли бы.

А так – все улыбаются, будто лучшие тебе друзья.

Сразу начали предлагать сделки. Особенно интересовались ракетами. Предлагали махнуть оружием. Даже за мой укороченный «Калашников» предлагали новенький «бур». Конечно, все отказались.

(Дополнение. Тогда произошёл случай, который мог иметь весьма тяжкие последствия. Когда мы отправлялись в кишлак, с блоком прикрытия была договорённость, что если нас зажмут, сигнал – серия красных ракет. Тогда артиллерия открывает по кишлаку огонь из всех стволов, а мы прорываемся самостоятельно. Так вот, когда мы толкались возле мечети, местный мальчишка подскочил к одному из наших солдат и выхватил у него из «лифчика» – самодельного разгрузочного жилета – ракетницу. Я был недалеко и увидел, что на колпачке три красные точки, т.е., если свинтить колпачок (секунда), дёрнуть колечко (ещё секунда), над нами взвьётся три красных ракеты... Понятно, этот кишлак потом размолотили бы. Только нам это не помогло бы – уйти из кишлака у нас шансов не было никаких: пулемёт на крыше и вооружённые малиши вокруг... Но один из седобородых афганцев закричал что-то мальчишке и тот послушно вернул ракету. Слова, которые произнёс командир тому солдату, приводить не буду).

Афганская женщина на приёме у советского военного врача

Афганская женщина на приёме у советского военного врача

чи тоже ведь прекрасно понимали, что случись что – убить их не убьют, конечно, но жизнь их сладкой не будет. К слову, таблетки местным насыпали в фунтики из листовок, которые агитировали за народную власть. А поскольку большинство были неграмотными, то информация доносилась в виде рисунков, наподобие комиксов. Я привёз несколько таких, их у меня уже брали, использовали при оформлении документальных книг об Афганистане).

Устали мы, закоченели, часов в 17 двинулись обратно. Ветер не утихает. Холод собачий. И это 19 апреля! Пылюка мелкая, противная...

Трогаемся назад.

Как жаль, что я вчера растранижил всю взятую на командировку фотоплёнку. Сегодня были бы не снимки, а чудо! Ведь в самом логове «духов» побывал.

(Дополнение. История имела продолжение, причём, продолжение трагическое. Поскольку о дальнейших событиях я рассказываю исключительно по рассказам других, могут быть неточности, но в целом ситуация такова. Переговоры, которые провели Марсель, Маршал и Шарор, ока-

Тем временем в мечети служба закончилась. Оттуда обрадовано сыпанули мальчишки – они везде одинаковы, ясно, что на религиозной службе им скучно. А мы вернулись к больнице.

(Дополнение. Работа наших медиков в Афганистане заслуживает отдельного и обстоятельного разговора. Но это не моя тема. Потому коротко. Работать медикам с местным населением было очень трудно. Языковой барьер. Неумение местных жителей рассказать о своих болезнях. Неверие местных жителей, что пилюля или таблетка может помочь в болезни. Опять же психологический барьер, особенно для женщин. Они привыкли к жёсткому патриархальному строю, а тут посторонняя женщина, необычно одетая – и ей надо рассказывать о болезни, да ещё через мужчину-переводчика... Трудно. Опять же наши девчата-вра-

Николай СТАРОДЫМОВ. Агитрейд: иранская граница. Отрывок из дневника
зались успешными. Они даже превзошли ожидаемые! Малиши выполнили все взятые на себя обязательства. Они перекрыли границу, не пропускали через подконтрольную территорию вооружённые отряды с той стороны. Они отвели помещение под школу, оборудовали его и через некоторое время прислали в Кабул гонца: мол, давайте учителя! Местные власти даже растерялись, не ожидая такого эффекта. Учителя не сразу, но нашли – в такую опасную и далёкую Тмутаракань желающих ехать было не много. Но нашлись. Это переполнило чашу терпения Турана Исмаила. В одну из ночей на кишлак было совершено мощное нападение, с применением тяжёлого вооружения. Говорили, что в нападении принимали участие и подразделения иранской армии, но тут уж ручаться не могу. Кишлак был разгромлен, активные сторонники народной власти убиты. Когда на помощь подошли части афганской армии, кишлак представлял страшное зрелище. Душманов выбили, они ушли за границу. Сын погибшего командира отряда поклялся отомстить за отца и продолжить взятый им курс на сотрудничество с властью. Больше сведений у меня о них не было).

20.04.1986

Переехали к следующему кишлаку. Сасель или что-то в этом духе.

Когда трогались с места, опять подорвался на mine БТР. Погиб солдат и ранен в руку майор Малюженко.

(Дополнение. Вот так вот буднично: погиб, ранен... На войне это и в самом деле обыденность. А ведь это горе, боль, слёзы... Вот в чём подлость войны: горе и боль превращаются в строки донесений и в цифры в графе потерь – возвратных или безвозвратных. Человеческая плоть сплющена безжалостной взрывной волной – в соответствующей клеточке бланка появляется единичка. Кусок горячего металла наполнил человеческое тело невыносимой болью, заставил его корчиться от боли – ещё одна единичка в другой графе. В эфир уходит доклад: есть «двухсотый» и «трёхсотый». И – вперёд, к новым целям, потому что для всех жизнь продолжается! А для этих двоих уже включены другие механизмы. Для истерзанного тела, которое ещё в поле, в пункте постоянной дислокации уже со склада достают цинковый гроб. Начинают сколачивать деревянный ящик. Писарь в штабе, пережёвывая бутерброд, заполняет стандартный бланк. Командир назначает группу сопровождения гроба. Сопровождающие получают таким образом дополнительный отпуск – имеют возможность, выполнив скорбную миссию, на пару-тройку дней заскочить домой, ибо для них жизнь продолжается. Где-то командир экипажа «чёрного тюльпана» получает предписание лететь в Шинданд... А где-то далеко родители, близкие, девушка или жена того солдата, даже имя которого не сохранилось в дневнике, ещё ничего не знают, и заглядывая с замиранием сердца в почтовый ящик, облегченно вздыхают: всё в порядке! Между тем того, за кого они так переживают, уже готовят к отправке... Страшно сказать: всё это происходит параллельно, и пока не пересекается. Для близких беда ещё не пришла. И раненый – «трёхсотый» на бездушном языке условных сигналов – корчится от боли, в машине или вертолёте. Он не безликий

«трёхсотый», он живой конкретный человек, которого терзает боль! А где-то уже деловито готовят операционный стол, койку в послеоперационной палате. Медсёстры раскладывают хирургические инструменты, сплетничая по поводу очередного увлечения подруги. Хирург торопливо глотает обед, потому что неизвестно, сколько продлится операция – для него это тяжёлые, но будни... А в дневнике сохранилось только: один убитый и один раненый. И жизнь продолжалась, будто ничего и не произошло).

Сорбозы пошли на прочёску кишлака. Мы стоим в блоке. Когда пошли «зелёные», из кишлака потянулись мирные жители – верная примета, что там есть душманы. Но пока тихо. Пару раз раздавались по несколько выстрелов, да на окраине кишлака прогремел взрыв. И тут же всё стихло.

Тут намного теплее. Всё же спустились в долину Герируда и холодный ветер сюда не задувает.

Со вчерашними малишами, как объяснил вчера вечером Габитов, всё обстоит не так уж серьёзно, как я думал вчера. Они в общем-то за народную власть, но предпочитают явно ни на одну сторону не становиться. Ясно одно: душманы теперь через их кишлак не пройдут и продуктов тут не получают. Уже кое-что. (Дополнение. Как я уже писал чуть выше, Габитов и я ошибались: результат переговоров оказался значимее, чем мы тогда решили).

Во время одной из боевых операций капитан Стародымов (слева) с боевыми товарищами уничтожили нескольких моджахедов, а вот в плен смогли взять только чёрного горного козла. В центре – Анатолий Дячук – легендарный фельдшер батальона, – сколько он солдат от смерти спас – не счесть!

Тот же день. 21.00

Достаточно неожиданно снялись и переехали на новое место. После того, как я сделал предыдущие записи, произошло несколько подрывов, в т.ч. на фугасах. Один из них, самый мощный, отбросил БТР на 10 метров в сторону. Всех посбрасывало, тяжело ранены офицер и солдат. Сегодня же на минах подорвались советники, в т.ч. генерал. Здорово пострадали сорбозы.

У всех растёт озлобление – ведь не сделала ни одного выстрела, а уже столько потерь!

Два слова о дороге. При выезде из Герата она отходит от той, что идёт на север в Туругунди, строго на запад, вдоль опять же северного берега Герируда. Когда-то она была асфальтированная. А сейчас здорово разбита, но кое-где по-прежнему хороша. Кое-где на путях селевых потоков сделаны не мосты как у нас в Туркмении, а сама дорога забетонирована и с неё сделан сброс. То есть сель идёт прямо через дорогу, а чтобы её не разбивало, со стороны гор склон бетонный, а с другой стороны скат к реке тоже. А в некоторых местах нет и признака асфальта, очевидно, он был положен без достаточной подушки. В этих местах – просто песок.

Вечером нам давали концерт афганцы, которые едут с нами. Это артисты Кабульского радио и телевидения. Поближе познакомился с рафик (товарищ по-афгански, с ударением на букву «и») Шарором. Партийный стаж у него 20 лет (сама партия существует 22 года), сидел в тюрьме до революции и при Амине, имеет две раны.

11.04.1986

Пишу уже в Герате, в 101-м полку. С утра сапёры поехали взрывать цементный завод, который является гнездом «духов». А я собрался и поехал с бензовозами.

Подошёл к колонне, спросил у старшего, в какую машину можно сесть.

– Садись в любую, – отмахнулся тот.

Я стоял возле второй машины, но там в кабине уже кто-то сидел на пассажирском месте, и я пошёл вдоль колонны. Свободное место оказалось буквально в следующей машине и я забрался в кабину.

Проехали примерно полпути, когда вдруг едущая впереди машина скакнула влево и над ней взвился столб чёрного дыма.

– Мину поймал, – спокойно сказал мой водитель.

С неба падали какие-то чёрные ошмётки.

Подорвавшаяся машина проехала метров 25 и остановилась. Остановились и мы сзади её. Подошли к ней. Да, сразу, когда рассеялся дым, я увидел, что метрах в 10 от дороги стоит солдат, трясёт головой, потом пошёл к машине.

На машину было страшно смотреть. Взрыв произошёл под передним правым колесом. ***(Дополнение. По разбитым дорогам машины обычно так и ездили – правое колесо по обочине, левое – по дороге. Этим хоть немного уменьшалась тряска на разбитом дорожном полотне. Однако на обочине и мину куда легче поставить. Это все понимали, но рисковали, потому что стиральная доска, в которую превратилась сама дорога, выматывала***

В центре – капитан Николай Стародымов, 1986 г., Фарахруд

всю душу. Если же ещё сделать поправку на русское «авось», да ещё любовь к быстрой езде и не слишком большую любовь к ПДД... В общем, пассажиру грузовой машине всегда было ехать хоть немного мягче, чем водителю, но зато и удар мины обычно приходился именно по нему. Причем, если, как в случае, о котором я рассказываю, машина была ЗиЛ-131, удар взрыва вырвал колесо. Если бы пассажир сидел в КамАЗе, взрывная волна пришлась бы непосредственно в него). Взрыв произошёл под передним правым колесом. Его сорвало и выбросило метров на 20-25 от дороги и столько же от места взрыва. Капот оказался на левой обочине дороги. Все эти 20 метров машина катилась, а из неё сыпались детали. Двигатель, разбит вдребезги. А ни бензин, ни масло не разлились.

Водитель рассказал, что взрыва он не слышал, но ощущение было такое, будто на скорости 60-70 км/час его подбросило на кочке. Зажав руль (что его и спасло), водитель сержант Евгений Никандров глянул на соседа рядового Сергея Иванова, но того в кабине не оказалось. В момент взрыва всё закрыло чёрным дымом, поэтому водитель не видел, что творится вокруг. А Иванова взрывом выбросило в открывшуюся дверь и он, не упав, пробежал по инерции этот десяток метров от дороги. Водитель не пострадал вообще, а Иванов получил царапины на ноге и голове.

Потом рассмотрели, что метрах в 5-7 дальше на другой обочине дороги есть ещё одна воронка, ещё большего размера, чем «наша».

По радиции сообщили о случившемся. Вскоре подъехали 2 БТРа, машина с подъемником для буксировки. И поехали дальше.

Проезжая через Герат, водитель показал мне публичный дом. Дом как дом

Николай СТАРОДЫМОВ. Агитрейд: иранская граница. Отрывок из дневника

– а идёт как достопримечательность.

Всюду в Герате по дороге ходят взрослые и мальчишки и предлагают наркотики. Едешь, а они стоят вдоль дороги и показывают пакетики (героин) или коричневое что-то (чарс).

22.04.1986

Итак, можно подвести итоги. Сколько ж раз мне повезло?

Малюженко предложил мне ехать с ним. Я не поехал, и он подорвался. Раз.

Мы с Габитовым ездили на БРДМ с звуковещательной установкой, а потом на «Чайке» (БТР-КШМ) по тому месту, где потом подорвался БТР из агитотряда, когда ранило солдата и контузило переводчика. Два.

По тому же месту я шёл пешком из Кохистана. Три.

Назад возвращался на бензовозе, который шёл в колонне третьим. А мог бы и вторым. Четыре.

Многовато. А ведь я никуда не лез попусту. Повезло.

(Дополнение. О том агитрейде я подготовил большой материал, который назывался «Такой обычный агитрейд». Он был опубликован в журнале «Коммунист Вооружённых Сил» – огромная честь для любого журналиста того времени, тем более – сотрудника крохотной дивизионной газеты. Да и гонорар был более чем приличный – рублей 30, кажется, или даже 50).

Александр МАХНЁВ, полковник в отставке

Александр Владимирович Махнёв — прозаик. Родился 15 марта 1949 года. Профессиональный военный. Полковник в отставке. В 1972 году окончил Рижское высшее командно-инженерное училище имени Маршала Советского Союза С.С. Бирюзова, в 1981 году с отличием и золотой медалью — Военно-политическую академию имени В.И. Ленина. Служил в Ракетных войсках стратегического назначения — в Литве, на Украине, в Иркутске и Калининградской области. С 1988 года проходил службу в Москве в политическом управлении Космических частей Министерства обороны РФ.

Награждён орденом «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» III степени и двенадцатью медалями. После увольнения в запас работал в различных коммерческих структурах, в том числе и генеральным директором производственного предприятия, продолжает трудовую деятельность и сейчас.

С 2010 года активно занимается творческой деятельностью. Член литературного объединения имени Героя Советского Союза, писателя В.В. Карпова при Военно-художественной студии писателей Центрального Дома Российской Армии имени М.В. Фрунзе.

КОФЕ ПО-ПОЛЬСКИ

Рассказ

— Демышев, что ты тут сидишь, к складу давай, опоздаешь, с трёх часов наше время. Давай, давай, шагай. И комбат нетерпеливо подтолкнул Сергея к выходу.

— Мать честная, четвёртый час. Не успею!

Лейтенант скорым шагом двинул в сторону складов главного инженера.

Сергей Демышев вот уже три недели как в полку. После окончания училища, отдохнув в отпуске у родителей, прибыл к месту службы в этот небольшой гарнизон, на юге Украины. Привыкает, втягивается, присматривается к армейской жизни. Хотя сказать «втягивается» было бы не совсем верно. Он одним из первых сдал на допуск к несению боевого дежурства, на следующей неделе ему заступать. А сейчас вот регламент, здесь уж предстоит «пощупать» технику. Теория пройдена, зачёты с утра сданы, сегодня последний день под-

готовки к полугодовому обслуживанию, надо было получить расходный материал, ветошь, смазку и прочее, прочее...

Завтра в бой, точнее начинается первый день обслуживания.

Среди всего, что предстояло получить на складе, был спирт, которого, согласно нормам снабжения и перечню регламентных работ, выдавалось весьма много. Впрочем, ракетчики знают, много спирта не бывает, скорее его бывает мало. И все знают так же, что не всё надо на технику использовать, и себя, родного, желательно не обидеть.

Итак, наш герой у склада. Здесь царствуют майор Данелия Иван Павлович, главный инженер дивизиона, и заведующий складом старшина Мышкин Петр Харитонович. В такие дни, как сегодняшний, то есть при выдаче спирта, Данелия присутствует обязательно – как бы чего не вышло – и не дай Бог старшина кому лишку передаст.

Но по лицу Петра Харитоновича было видно – не то, что лишку, а своего не получите. Так-то.

Обстановка здесь была рабочей. Получил – отходи.

– Ты кто такой, лейтенант?

– Как кто, с восьмой я, оператор машины подготовки.

– А! Это новенький, что ли? Вместо Квакина прибыл?

– Ну да. Вот список, давайте по нему, и я пошёл.

– Что там у нас?

Старшина пробежал глазами накладную, скрылся на минуту в складском закутке и, вернувшись, положил на стол груду белых тряпок – ветошь.

– Имей в виду, ветошь – на всю батарею.

– Ну, что ещё?

– А спирт?

– Так я тебе что, в карманы налью его? – ухмыльнулся Харитонич.

– Зачем же, в карманы, вот фляги.

– Знаешь что, лейтенант, не дури. Ваш зампотех получил спирт, дуй к нему.

Не знал Сережа, что эту ценную жидкость заместители командира батарей получают и сами раздают уже в батареях тем, кто непосредственно работает, обслуживая технику в батарее. Естественно, спиртом колеса тележки не моют, он идёт на обработку самых тонких узлов и деталей, коих у лейтенанта Демышева в его машине подготовки было великое множество, ну и спирта по нормам положено было почти килограмм.

Мельникова он нашел в учебном корпусе.

– Андрей Павлович, можно спирт получить на обслуживание?

Сергей достал из портфеля две потертые солдатские фляги, причём одна из них, та, что от Квакина осталась, была, как у многих ракетчиков, раздута компрессором, и вместо положенного объёма один литр могла вместить литр триста жидкости.

Мельников с удивлением посмотрел на офицера.

– Это какой же спирт?

– Так тот, который положено по инструкции. Другого не бывает.

– Ну, ты нахал, однако! Бери, отливай из канистры бензин, и гуляй. Ишь, спирта ему захотелось.

– Товарищ капитан, я комбату доложу! Чем я клеммы и контакты протирать буду? Вы же знаете, бензином нельзя. Мне положено кило, вот и отливайте.

Мельников задумчиво посмотрел на летёху. Ну что с него возьмёшь? Молодой ещё. А туда же. Правду-матку ему, старику-ракетчику, режет.

– Ладно, давай тару.

Андрей Павлович заворчал, как бы нехотя, лениво, но к канистре со спиртом потянулся.

– Много вас таких. Главному инженеру дай, комбату отлей, заначку старшине оставь, тебе вот ещё налей. На всех всё одно, не хватит.

– Куда две фляги? И одной хватит.

Он медленно и аккуратно нацедил через воронку во фляжку спирт.

– Получай, и меня помни, добрый я сегодня.

Серёжа поболтал флягой. Забулькало.

– Так здесь граммов триста, не больше!

– Дуй отсюда, правдолюб. Я у тебя все акты списания и каждую позицию регламента лично проверю. Что не понятно? Ещё минута, и это отберу!

Лейтенант понял, надо уходить.

Несмотря на то, что его явно со спиртом провели, Сергей чувствовал себя победителем. Вот и он уже становится настоящим ракетчиком, «спиртяшка» в портфеле, можно и себя порадовать.

Нельзя сказать, что лейтенанту выпить очень уж захотелось, нет, он к этому делу совсем не тянулся. Однако на его памяти рассказы ракетчиков о службе, вообще о ракетных буднях в той или иной мере всегда касались спирта. Ну, вот обо всём поведает в кругу коллег рассказчик, обо всем буквально, но его рассказ не рассказ, если он не вспомнит, как они однажды... А дальше, естественно, шла спиртовая история. Их, этих историй, как и армейских анекдотов, не счесть. Это как бы обязательный атрибут, украшение любой армейской байки.

Обслуживание техники шло по плану. Где бензином, ну а где спиртом, узлы и агрегаты обработаны, инженер дивизиона, начальник отделения придирчиво приняли работу лейтенанта. Комбат даже похвалил старательного офицера.

Драгоценная жидкость во фляге ещё оставалась, правда, сколько её – Сергей не знал, по бульканью и на вес, вроде как что-то было. Не будешь ведь при людях проверять, что осталось? Как-то неприлично. Оставим это занятие на потом.

Уже на квартире, переодевшись, Сережа решил всё же проверить, сколько составляет его заначка.

Перелил в стакан.

Да...

Практически всё пошло на обслуживание. Ну, видимо, утряска, усушка и так далее. Да ещё Мельников зажал. Маловато осталось...

В стакане было чуть более ста граммов спирта.

В коридоре послышался телефонный звонок.

– Серёжа, это вас – квартирная хозяйка заглянула в комнату.

– Что-то спиртным пахнет. Никак с друзьями отметились?

– Да что вы, я не пью. Вот спирт с обслуживания остался, переливаю.

– Да вы что, а у меня кончился. Даже ранку, если что, и обработать не чем.

Отлейте сколько не жаль.

Александр МАХНЁВ. Кофе по-польски. Рассказ

– Зоя Ивановна, да тут крохи совсем.

– Так мне литры и не нужны. Ладно, вот во флакончик чуть-чуть отлейте. После благотворительной акции на столе осталось граммов пятьдесят спирта. Незадача!!!

– А звонил кто, Зоя Ивановна?

– Судя по голосу, ваша знакомая, Машенька.

Сергей перезвонил подруге. Договорились встретиться. И уже на их месте, в парке, у цветочной будки, Сергей с иронией рассказал историю со спиртом. Друзья от души посмеялись.

– Послушай, Сергей, а ты знаешь, что такое кофе по-польски?

– Да откуда, просвети.

– Пошли. Только за спиртом заскочи.

Лейтенант удивлённо поднял брови.

– Да, да, не удивляйся.

Через полчаса они уже были у Маши дома. Мама, Нина Петровна, гостеприимно накрыла стол. Хоть Серёжа и отказывался, чисто по соображениям вежливости, в общем, поест он был не прочь.

Голубцы, салат из овощей, всё по-домашнему, вкусно и сытно. Ужин отличный!

– А вот и кофе.

Замполит ракетного дивизиона старший лейтенант Александр Махнёв поздравляет молодых солдат с принятием Военной присяги, 1976 год, Винницкая область, Украинская ССР.

Маша принесла из кухни приличных размеров турку. Налила в чашки кофе. Аромат – просто прелесть!

– А теперь смотри. Где там твой спирт?

Маша вылила грамм двадцать спирта в половник и подожгла жидкость.

Как горел спирт, видно не было, лишь изредка на покачивающейся поверхности в половнике появлялись и исчезали нежно голубые лепестки пламени. Маша осторожно влила горящую жидкость в чашки с кофе. Спирт продолжал гореть на поверхности напитка.

– Здорово! – восхитился Серёжа.

– А ты говорил, мало осталось. Да тут ещё на десяток чашек хватит, расмеялась Маша. Пей, давай, да осторожненько, пусть выгорит.

Парочка наслаждалась напитком. Действительно, во вкусе кофе было нечто необычное. И аромат его получил какой-то особый, едва уловимый, пьянящий оттенок.

На следующий день Сергей по пути на службу, в машине, рассказывал новым друзьям-коллегам по службе о чудесном напитке, коим его угостили.

– А почему, кофе, да ещё по-польски?

– Так если бы я знал! Как мне сказали, так и я называю. Наверное, поляки так его, этот кофе, пьют, со спиртом, исключительно.

Друзья весело смеялись, подначивая Серёгу.

– Ну, всё, пропал парень!

– Жди скорой свадьбы!

– Начал с кофе, завершишь в ЗАГСе!

За шутками и прибаутками время в пути пролетело мгновенно. Вот и КПП, казармы, столовая, штаб, клуб.

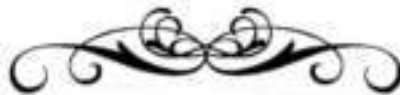
Вперёд! Служба ждёт.

Офицеры и прапорщики, весело переговариваясь, быстрым шагом шли в расположение своих подразделений.

И среди них шёл, уже чувствуя себя бывалым, опытным ракетчиком, лейтенант Серёжа Демышев. Настроение – блеск! Первый регламент позади, ракетный спирт испробовал, правда, не вживую, с кофе. Ну и что?

Для коллег по службе он уже стал своим, правда, ещё подшучивают и порой снисходительно посматривают на него коллеги, мол, молод ещё. Но это не важно, молодость, как недостаток, быстро проходит. Важно, что в коллективе он уже не чужой. А это здорово!

Скоро на первое самостоятельное боевое дежурство, тоже важное событие, а там – смотришь – на повышение, и в генералы недолго. Жизнь-то она, вон какая. Годы быстро летят.

СЛУЧАЙ В ДОРОГЕ

Рассказ

Пятница, вечер. Конец рабочей недели. Построение дивизиона. – Командиры подразделений, поставьте задачи подчиненным! Пять минут. В семнадцать сорок пять колёса крутятся!

Командир дивизиона устало развернулся и пошёл к штабу, за ним замполит и начальник штаба, они, как правило, убывали, чуть позднее транспорта, увозящего офицеров.

Народ потянулся к машинам. Впереди лихо мчались те, кто моложе и шустрее: старлеи¹⁾, прапорщики. Лидерами в этой гонке, как всегда, были любители самой интеллектуальной и единственно приспособленной игры в транспорте. Какой игры? Да, конечно же, игры в домино.

Причем, команды доминошников сформированы уже давно и состав их менялся крайне редко, разве что кто на боевом дежурстве или в наряде. Как только один представитель этой компании поднимается в машину, он тут же забивает места коллегам. Покуситься на эти места уже не может никто. Всё. Слово поперек здесь никто не смеет сказать, разве старшие офицеры, комбаты или кто из замов командира, пододвинут игроков. Но это случается крайне редко. У доминошников свои доски для игры, коробки с костяшками. Всё это разворачивается мгновенно. Ещё машина стоит, а кости вовсю гремят по доскам, слышны смешки и прибаутки игроков.

Старшие офицеры к машине не особо спешат, их места, что поудобнее, всегда свободны. В каждом транспорте такие сидухи есть. То ли автобусные кресла прикрутят к полу, то ли ещё каким либо образом дивизионные автомобилисты отличатся. А впрочем, особо привередливых в те времена ещё не было, что есть, тем офицеры и довольствовались.

Одним словом, ритуал посадки в транспорт отработан и отшлифован годами. Вот и сейчас все быстро расселись. В кузов заглянул Виталик Квак, он сегодня старший машины.

– Ну что, готовы? Поехали.

¹⁾ Старлей – старший лейтенант (жаргон)

Однако уже через минуту он же, открыв дверь, попросил командиров батарей выйти:

– Командир вызывает, он у казармы четвертой батареи.

Чертыхаясь, комбаты, их было трое, вышли из машины. В этой ситуации все понимали: что тут возмущаться? Быстрее выйдешь, быстрее вернешься. Так и получилось. Командир в течение десяти минут чехвостила комбата третьей батареи за беспорядок на территории казармы, его коллеги молча слушали разнос. А уже спустя пять секунд после того, как командир отпустил офицеров, все грозные слова забыты и скорым шагом комбаты вернулись в транспорт.

– Виталик, вперёд.

КУНГ¹⁾ медленно тронулся, пересек линию КПП²⁾. Всё, теперь уж вряд ли кто остановит. Поехали.

А теперь отвлечёмся, пусть пока народ подремлет, или побалагурит, и в домино, конечно, поиграет.

Что такое пятьдесят три километра? – а именно такое расстояние предстоит преодолеть офицерам. На хорошей иномарке от силы полчаса езды. Так это сейчас. А речь идёт о семидесятих годах прошлого века. Давненько это было. В те времена полста километров, это, почитай, целая жизнь...

Прежде всего, дороги. С ямками и неровностями, как некогда было подмечено, это не дороги, это – направления, разве что деревья здесь не растут. Да техника. Как правило, добротные надежные грузовики с кузовами, их чаще КУНГами называли, изредка ЛАЗы³⁾ или ПАЗики⁴⁾, тоже надежные и технически неплохо поддерживаемые. Но эта техника, хоть и надежная, однако с учётом необходимости обеспечения безопасности людей, передвигалась она, крайне медленно. И, конечно водитель, он молод, и в силу этого, не достаточно опытен. Естественно, этот молодняк, учили, причем жестко, добротню, многому учили. С водителями рядом всегда старший машины. Однако всё же, это ещё молодой человек, пацан безусый, а в его руках жизнь двух десятков человек.

И, если учесть эти обстоятельства, понятно: пятьдесят три километра – это серьёзно. На работу и с работы – это практически три часика отдай, не грехи. И получается, чтобы прибыть к построению личного состава дивизиона, а оно, как правило, в половину девятого утра, надо из города выезжать примерно в шесть часов тридцать минут утра. Это из первой точки. Офицеры и прапорщики живут в разных районах города, вот машина и собирает их по установленному маршруту.

А со службы выезд организуется опять же после построения дивизиона – в восемнадцать часов. Плюс минут тридцать на разгильдяйство и дополнительную накачку командира. Так что берём шесть часов тридцать минут вечера, прибавляем полтора часа на дорогу, итого вечером в двадцать часов ты в городе.

Вот тебе и рабочий день. Тринадцать, четырнадцать часов. И при этом никаких бурчаный или обид. Все понимали, что у офицера рабочий день не регламентирован, сколько надо, столько он и работает. Хотя время в пути, какая

¹⁾ КУНГ – кузов унифицированный грузовой)

²⁾ КПП – контрольно-пропускной пункт

³⁾ ЛАЗ – автобус Львовского автозавода

⁴⁾ ПАЗ – автобус Павловского автозавода

уж это работа? Так себе, хочешь, спи, хочешь, книгу читай, если сможешь. Играй в домино, шахматы, шашки, опять же, если водитель нормально ведёт машину, отдыхай, в общем. Твоё право, это твоё личное время...

Однако всё же мы едем.

Не прошло и десяти минут. Стоп машина!

– Ну, что там такое? Так домой, вообще не доедем. Что случилось?

Виталий Квак заглянул в кузов.

– Секундочку потерпите, водичку в радиатор надо долить. Буквально пару минут.

Да! А что он, этот отличник учебы, не мог её у КПП¹⁾ залить?

Всё! Поехали.

Мотор взревел, машина тронулась по бетонке в сторону трассы. До поворота в сторону города оставалось четыре километра. Костяшки опять застучали, кто-то прикорнул, кто-то продолжил разговор, тем всегда предостаточно, поговорить всегда есть о чём.

– Вот я и говорю...

Еще два километра и вновь остановка.

– Да, что сегодня за день, что происходит? Опять закипели? – Это уже не выдержал майор Сивый, помощник командира по ИТС²⁾. – я ему сейчас покажу.

В двери показалась голова старшего машины.

– Где Кравец? Слава, выгляни, тут по твою душу вопрос будет.

Заснувший было зубной техник сверхсрочник Кравец, шумно начал прощиваться к выходу.

– Что там ещё? У кого зубы свело?

Выскочил из кузова и Сивый.

Справа у обочины чуть позади машины стояла повозка. Лошадь мирно щипала придорожную травку. К спустившимся из кузова офицерам подбежал мужчина, лет около сорока:

– Помогите, товарищи, Господом Богом прошу, помогите! Жена рожает. Боюсь, на лошади не доведу, родит по дороге. Растрясёт, наверняка растрясёт. Довезите, хотя бы до поворота, там может, кто и подберёт. А Вы врач? Из-под плаща Кравца виднелся белый халат. Он всегда так ездил. Разве что летом, вне кабинета, снимал свою профессиональную шкуру.

– Да нет, стоматолог я, по зубам специалист. Беременные не мой профиль.

Майор Сивый принимает решение.

– В кабину её, вместе с этим зубодёром. Кравец, не бурчи! Она ещё не родила. Вопрос закрыт. Иди, помоги женщине.

Техник с мужиком быстрым шагом направились к телеге. Рядом с женщиной сидел парнишка, лет пятнадцати, по всей вероятности сын.

– Эй, паренёк! – окликнул майор, – быстро разворачивайся и пулей к нашему КПП. Знаешь где это?

– А то ж. Кто ж у нас не знает ракетчиков?

– Так вот пулей. От моего имени передашь. От майора Сивого. Пусть дежурный звонит в роддом. По Старгородскому шоссе в сорока пяти километрах от города в военной машине едет беременная женщина, вот-вот должна родить, пускай

¹⁾ КПП – контрольно-пропускной пункт

²⁾ Инженерно-техническая служба

срочно высылают скорую. Фамилию мамки передашь. Тебе всё понятно? Повтори. Повторяя, паренёк уже мчался на повозке в сторону военного городка.

– Давай в кузов, как зовут тебя? – это Сивый мужичку.

– Иваном Степановичем кличут.

– Да, не переживай ты, Ваня, всё будет нормально, полезай в машину.

Майор успокоил офицеров.

– Спокойно, спокойно, ещё не родила, но если кое-кто здесь будет причитать, родит. И вот тогда мы точно домой не доедем.

Николай Яковлевич – так звали Сивого – два раза нажал сигнальную кнопку. Мол, давай, езжай поскорее. Дверь КУНГа закрылась, машина тронулась.

Уф, скорее бы, в пути уже час.

Кочка, еще одна.

– Есть поворот! – Не открывая глаз, произнес старлей Симонов. За пятнадцать лет службы в дивизионе он все кочки изучил своими внутренностями и мягким местом, а потому четко ориентировался на местности – без спидометра и часов.

Машина повернула направо – в сторону города и побежала уже более ретиво. Народ повеселел. Лишь Иван Степанович, взволновано поглядывая на часы, да в окошко, явно с нетерпением ждал развязки всей этой семейной истории.

– Не переживай, всё будет в норме – успокаивал Ваню Николай Яковлевич.

– Детей сколько?

– Двое, Петька со мной был, и Василиса, дома на хозяйстве осталась.

– А что ж в селе не нашлось машины?

– Так село – пять дворов, да по случаю пятницы оба водителя с утра уже пьяны. Пришлось вот на телеге выбираться. А на вашей чертовой бетонке только военные и ездят. Хорошо хоть вы подобрали, а то так в телеге и родила бы...

Машина резко затормозила. До города оставалось восемнадцать километров.

В кузов заглянул Кравец.

– Николай Яковлевич, кажется, началось!

– Что, что, началось? – запаниковал народ. Иван сорвался с места и бегом к кабине. Водитель нервно курил в двух метрах от машины.

– Спокойно, спокойно! Если рожает, радоваться надо, спокойно...

Вот что значит командир! Учиться у таких надо!

Николай Яковлевич подошел к кабине. Женщина стонала и охала. Видимо начались схватки. Она уже лежала на сидении, стыдливо одергивая длинную юбку.

– Ох, рожаю. У-у-у-у-у...

– Спокойно, родная, потерпи ещё чуток, сейчас скорая подъедет...

– Что делать будем, доктор? – это вопрос Кравцу.

– Так не учили меня в техникуме роды принимать.

– Значит так, Кравец! Халат носишь, у медпункта крутишься, детей своих имеешь? Вопрос закрыт. Видал? Сейчас родит. Бегом руки мыть и чистое бельё ищи. Бегом, две минуты.

Всё нашлось. Водка для рук оказалась в записке, в большом портфеле у прапорщика Кононца. Чистая, кристальной белизны, парадная скатерть, оказалась в сумке у Степановны – дивизионной продавщицы, по случаю на базе

достала. В дело пошло также и не использованное на дежурстве чистое нижнее бельё, кто-то из лейтенантов постарался.

А роды, видимо, уже действительно начались.

Всё было, как у областного родильного дома. Только вот вместо дома был армейский автомобиль. Иван подпрыгивал у кабины, пытаясь заглянуть, что же там с его жинкой происходит. Кравец, стоя на подножке кабины, так профессионально руководил роженицей, что всем было понятно, не стоматолог это, нет, это прирожденный акушер. Какой талант пропадал в зубном кабинете!

– Давай, родная! Давай. Тужься, ещё маленьчко, давай, родная! Так, так, так! Ещё! Ну, давай, милая, давай!!!

Народ, нервно сбившись в кучу у кювета, гудел.

– А я вот помню...

– У нас как-то прямо на лестнице одна женщина родила, до машины не успели донести...

– А если там не один, а несколько...

– Если пацан родится, можно Кунгом назвать.

– А если деваха?

– Так Кабиной пусть называют.

Нервный приглушенный смех... Шутка – это вполне уместно. Шутка, она всегда помогает. Помогает расслабиться, снять напряжение. Однако в кабине было не до шуток. Женщина рожала, а зубной техник, помогая ей, судорожно вспоминал, что же ещё надо сделать? Что, ещё?

И о – чудо! Все разом замолкли. Послышался приглушенный детский всхлип. Все насторожились!

Да, да!!!

Вот он – детский крик, первый голосок малыша на этом свете. Первый!

В кабине продолжалась суета, а у машины... Здесь был праздник! Все радовались! И отец ребенка Иван, – а как же, ещё один наследник родился, мальчик родился. Искренне радовались и офицеры, прапорщики дивизиона. Степановна даже всплакнула. Да нет, скатерть ей не жаль, ещё обзаведется. Своих девчонок вспомнила, вспомнила, как сама рожала. Так и все своих вспомнили.

Детишки!

Разве такое забывается. Роды. Это ведь Божие чудо. Человек родился! Как Господь повелел? Быть сему в дороге? Ничего, всё в порядке!

Главное, ЧЕЛОВЕК родился!!!

А вот и скорая помощь. Машина с воем затормозила у КУНГа, врачи быстро подхватили Валюшку, так звали женщину, и вот машина с мигалкой помчалась, пыля к городу.

Здоровья Вам, наша Валентина, и тебе, мальчуган, не хворать.

Да!

Вот так поездка!

Жизнь без чудес, ох как не интересна, лишь бы чудеса эти, людей радовали.

Машина весело рванула к городу. Не прошли и пятнадцати минут. Опять, стоп машина!

– Ну, кто нам ещё рожать спешит?

Кто-то пошутил: «А может в морг опаздывает?»

– Тьфу, на тебя.

В кузов заглянул командир дивизиона. Это его машина догнала КУНГ.

– Николай Яковлевич, почти три часа уж едете. Что случилось?

Сивый рассказал о случившемся.

– Да! Такого ещё в истории дивизиона не было. Кравец, ты где?

– Здесь я, товарищ подполковник.

– Молодец! Теперь будешь по совместительству не только зубы рвать, но и внештатным акушером трудиться.

Пассажиры машины дружно засмеялись.

– Езжайте. С Богом!

– Последняя ямка, товсь!

Это значит, готовься к высадке. Так всегда завершалась поездка. Опять Симонов. Уж ему можно верить.

Первая остановка у столовки в микрорайоне. Правда, столовка уже того, закрыта, так что молодёжь, если не запаслась чем в квартирах, без ужина осталась.

Выходи.

Дальше остановимся у трамвайного депо, около универмага, ну, и так далее.

Длинный сегодня путь, ох какой длинный. Устали все, и водитель, ему сидеть за рулём не очень сладко, и пассажиры. Устали ждать родные, у кого есть жены. Дети волнуются за отцов.

Невесты – так те удивляются. Где это мой любимый, не загулял ли, не разлюбил ли?

Долгая сегодня дорога, долгая и длинная.

Однако именно сегодня, именно в этой дороге случилось чудо, – мальчуган родился. И мысли об этом успокаивают душу.

Чуду этому порадуются сегодня и суровые жёны, и капризные невесты, наверное, и детишки, что постарше поймут, почему батя задержался.

А завтра...

Постойте! Как, завтра?

Так, завтра законный выходной, суббота. Отдыхай после смены.

Ура, отдохнём, выспимся, в парк сходим...

Но вот в понедельник...

В шесть тридцать утра, на остановке... Вот там и вспомним пятницу, обсудим, посмеёмся от души.

– Это же надо, зубной техник роды принял, вот это новость!

– А Сивый-то каков! Если бы не он, как бы ещё разрешилась роженица. Как он его: «Бегом мыть руки, да принимай роды! Бегом»!

– Эй, Кононец, ты что же, заначку всё время с собой возишь? Давай, да за здоровье мальчонки, наливай... Не скупись, давай...

Опять шутки, опять прибаутки. Ну, как без них. Без них тяжело.

Поехали...

Александр ВЫРВИЧ, генерал-майор запаса

Александр Леонидович Вырвич родился в 1953 году на Украине. Окончил Калининское суворовское военное училище, Московское высшее общевойсковое командное училище им. Верховного Совета РСФСР, Военную академию им. М.В. Фрунзе.

Военную службу прошёл на командно-штабных должностях от лейтенанта до генерал-майора, выполняя боевые задачи в Чечне, миротворческие — в Приднестровье, Южной Осетии и Абхазии, учебно-боевые — в Казахстане и США, за что награждён «Орденом Мужества» и орденом «За службу Родине в Вооружённых Силах», а также медалями СССР, РФ, ЧССР, Южной Осетии и Приднестровья, среди которых медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За

укрепление боевого содружества», «За службу на страже мира в Южной Осетии» и «Участнику миротворческой операции в Приднестровье».

Являясь членом Союзов писателей России и Приднестровья, пишет стихи, песни, публицистику, прозу, литературную критику и пародии; выпустил 8 авторских сборников.

В 1996 году стал лауреатом первой премии литературного конкурса имени С.Т. Аксакова, проводимого Оренбургской организацией Союза писателей России, в 2001 году — лауреатом Всероссийской литературной премии «Традиция», в 2015 году — лауреатом национальной литературной премии «Золотое перо Руси» и дипломантом Всероссийского литературного конкурса имени генералиссимуса А.В. Суворова.

Проживает в г. Домодедово Московской области, является руководителем литературного объединения «Белый камень» городского округа Домодедово.

«ИОАНЕ, ИОАНЕ...»

Рассказ

Капитан Сергей Александров ехал к новому месту службы. Утром он прибыл в штаб округа, получил предписание и проездные документы. Ехать по меркам необъятной России предстояло не очень далеко — всего ночь на поезде. И уже завтра утром Сергей должен оказаться в небольшом закрытом посёлке, расположенном на краю большого полигона. Именно там располагалось войсковое соединение сравнительно недавно образованных Миротворческих сил России, в которых отныне и предстояло служить офицеру.

Единственное, что Сергей знал о новом месте службы, это то, что в 50-х годах здесь проводились широкомасштабные испытательные войсковые учения с реальным применением ядерного оружия. И что руководителем этих учений был маршал Жуков.

Все офицерские «пожитки», включая несколько комплектов военной формы, поместились в огромный, как его называл сам Сергей, «окупационный» чемодан, приобретённый владельцем ещё в начале военной службы в Чехословакии. И вот с этим большим чемоданом Сергей стоял сейчас на перроне, ожидая свой поезд.

Вечерело. Начался небольшой дождь. И хотя его капли до Сергея не долетали, но холодный порывистый ветер нет-нет, да и залетал под навес.

А вот и нужный поезд. Можно было особо не спешить, так как станция была узловая, и поезда здесь стояли очень долго. Но капитана смущал номер вагона на проездном билете – «17». Значит, сначала надо определить, откуда начинаются номера вагонов, с головы или хвоста поезда, а потом уже тянуть туда свой насколько большой, настолько же и тяжёлый чемодан. Надеяться на объявление по вокзальному радио смысла не было, так как разобраться в тех звуках, что оно издавало, было невозможно.

Подошёл локомотив, замелькали мокрые вагоны, отражая в окнах свет при вокзальных фонарей. Заметив, цифру «1» в окне вагона, следующего за локомотивом, Сергей потащил свой чемодан в конец поезда. Навес кончился и холодный дождь, который к тому времени усилился, уже конкретно поливал офицера.

Когда капитан, наконец, добрался до последнего вагона, то был одинаково мокрым, как извне, так и изнутри. Казалось, можно передохнуть и затащить чемодан внутрь вагона, но, как говорится, «не тут то было».

Неожиданно оказалось, что нумерация вагонов в хвосте поезда заканчивается на числе «15». Сергей озадаченно смотрел на номер последнего вагона, понимая, что так быть не должно, но, если всё складывается именно так, то, что-то тут не так. Самое интересное в данной ситуации было то, что спросить о том, что случилось, куда пропал его вагон, было не у кого, так как последний вагон хотя и был открыт, но проводника у подножек не было.

– Эй, здесь есть кто-нибудь?! – крикнул капитан вглубь тамбура.

После небольшой паузы в полуоткрытые двери вагона просунулась голова проводницы.

– Что за шум?

– Шума нет, как и моего вагона, – сказал Сергей и протянул ей билет.

Проводница мельком взглянула на билет и тут же вернула его офицеру.

– Всё правильно! Прицепные вагоны: шестнадцатый и семнадцатый сейчас цепляют к голове поезда. По радио, наверное, об этом объявляли.

«Ну, прямо как в истории про два девятых вагона, которые прицепили к одному поезду», – подумал Сергей, но вслух это говорить не стал. Училище, как и последующая военная служба, научили молодого офицера многим вещам, но к данной ситуации подходили всего две: первое – в жизни не бывает безвыходных ситуаций; даже, если вас проглотили, то всё равно у вас есть два выхода, а второе – любое решение командира, доведённое до конца, является правильным. И это решение Сергей уже принял, и в нём не предусматривалось, что чемодан придётся тащить обратно через весь поезд.

– Девушка, но вы же понимаете, что обратно дотащить этот чемодан до головы поезда я уже не только не смогу, но и не успею. Он же всего на чуть-чуть меньше вашего вагона. А так как билет на ваш поезд у меня есть, то решайте сами, что со мной делать, – с этими словами Сергей, поднатужившись, поднял чемодан на ступеньки, а затем – затолкал в тамбур:

– Всё! Никуда больше я не пойду.

Проводница, уже давно вышедшая из «девушкиного» возраста, выдержала паузу, хотя её жизненный опыт подсказывал, что данную конфликтную ситуацию, в которую попал этот военный, перемещающийся по служебным делам, разрешить без особого напряжения не только можно, но и нужно.

– Ну, да... Место у меня одно, пожалуй, найдётся. Все, кто садятся в наш поезд на этой станции, обычно размещаются в прицепных вагонах. Так что... толкайте ваш чемоданище дальше, не в тамбуре же его оставлять.

Вагон был купейным. Он встретил промокшего и уставшего Сергея теплом, светом, непривычной чистотой, своеобразным уютом и даже музыкой. По поезднему радио София Ротару пела зажигательную песню про молдавского Ивана:

***«Иоане, Иоане,
Тоатэ лумя доарме
Нумай еу ну пот сэ дорм...»***

Скоро Сергей, получивший в купе место на верхней полке, умывшись и переодевшись в спортивный костюм, стоял в коридоре и смотрел в окно. Радио замолчало. За окном было темно. Огни города остались позади, и только свет из вагонных окон падал на «пробегающие» мимо деревья, кусты и столбы.

Коридор был почти пустым, только шустрая девочка лет четырёх-пяти не поддавалась маминым уговорам успокоиться и не мешать дяденьке. Малышка по очереди опускала сидения откидных кресел, садилась на них, а затем резко соскакивала, умудряясь в прыжке повернуться и придержать сидение руками. Так как это сделать тихо ей удавалось не всегда, потому что сидения, опережая её попытки, хлопали о стенку вагона, мама периодически выходила из купе и негромко ругала девочку:

– Света, как тебе не стыдно! Все уже спят.

– А вот дяденька не спит.

Девочка близко подошла к Сергею и, задрав голову, спросила:

– А ты знаешь, как меня зовут?

– Конечно, знаю. Света. В этом вагоне уже все знают, как тебя зовут.

– А тебя, как зовут?

– Сергей.

– Хм... Так звали моего папу. А мою маму зовут Наташа.

– Хорошо. Вот и познакомились.

Мама Наташа снова вышла из купе и сказала, обращаясь к Сергею:

– Вы уж нас извините, но мы поздно засыпаем.

Потом, повернувшись к дочери, снова поругала её, сказав, что через пять минут будет общий «отбой», и скрылась в купе.

Девочка особо на мамины слова не реагировала, хотя и старалась бегать на носочках и играть без особого шума. Спрыгнув с последнего сидения, она развернулась и быстро побежала к середине вагона, где стоял Сергей. Бежала

она «на цыпочках» и, когда на каком-то небольшом изгибе пути вагон качнуло, она споткнулась, потеряла равновесие и буквально полетела вдоль коридора головой вперёд. Через секунду навстречу ей уже падал Сергей, потому что другого способа спасти ребёнка от неминуемой травмы уже не было. Они встретились на полу коридора почти одновременно, но Сергей, вытянувшийся во всю длину своего среднего роста, всё же коснулся пола на мгновение раньше, и девчушка даже не врезалась в него, а кубарем прокатилась по нему, остановившись в его ногах.

В наступившей тишине Сергей услышал «мамин Наташин» вскрик: «Ох!»

Вскочив с пола, он ошупал девочку со словами:

– Нигде не болит? Не ударились?

– Нет! Ну, мы и летели!

Сергей поднял голову и посмотрел на маму, застывшую в дверях купе, так как её ноги, ставшие вдруг «ватными», по-прежнему не хотели двигаться. Офицер взял девочку за руку и подвёл к бледной и молчавшей маме.

– Всё хорошо, что хорошо кончается. Теперь у нас у всех есть повод, ложится спать, потому что все игры уже закончились. Да, Света?

– Да, пойдём, мама, спать! – сразу согласилась девочка, так как поняла, что в данный момент ей надо быть очень послушной.

Они негромко разговаривали в дверях купе, в котором, как заметил Сергей, все полки, кроме одной нижней были заняты уже спящими пассажирами. На верхней полке головой к окну лежал одетый мужчина. Он, видно, снял только обувь, и его ноги в полосатых носках, упирались в «дипломат», стоящий на полке у вешалки над дверью.

– Не знаю, как вас и благодарить, – наконец-то вымолвила молодая женщина.

– Ну, что вы? Слава Богу, всё обошлось. Спокойной ночи!

Скоро в вагоне всё затихло.

Сергей, уверенный, что проводница его разбудит тогда, когда надо, тоже заснул.

Проснулся он от шума открывающейся двери. Свет из коридора ударил по глазам.

– «Ну, вот и приехали!» – подумал он и соскочил с полки. Но вместо проводницы перед ним стояла Наталья. Глаза её были широко открыты, по лицу бежали слёзы.

– Что случилось? С дочкой что-то?

– Сумочки нет! А там д-документы и д-деньги...

Сергей быстро обулся и выскочил в коридор. За окнами вагона было по-прежнему темно.

«Значит, ещё ночь. И спал я часа два», – промелькнуло в голове.

– Я проснулась, а сумочки нет. А там – деньги. Мы в Оренбург едем, к моей маме. Деньги ей на операцию я собирала.... Одолжила..., – бормотала Наталья сквозь слёзы.

Сергей остановился около открытых дверей купе, посмотрел на спящую девочку.

– А где сумочка лежала?

– Там, за подушкой, в головах. Я её всегда так кладу.

– А где этот... сосед... в полосатых носках?

– Иван? Он сказал, что его зовут Иван. Не знаю. Я проснулась, его уже не было.

– А вещи у него были?

– По-моему, только один чемоданчик.

Сергей постучал в дверь купе проводников. Оттуда появилась заспанная проводница.

– Что случилось? – спросила она, поправляя причёску.

– Пока ничего хорошего. А мужчина из шестого купе, где сошёл?

– Нигде. Мы же пока нигде не останавливались. Минут через двадцать будет станция. Но ещё не ваша, ваша – за ней. А что, его нет? Он мне говорил, что в этом поезде едут его земляки. Наверное, пошёл их проведать.

– Ну, да... Ну, да. И вещи прихватил с собою. Вы дайте ей воды, – Сергей кивнул в направлении Натальи. – Успокойте.... Сумочку у неё, похоже, украли. О, дайте ей валерьянки. А я скоро вернусь.

Проходя мимо заплаканной женщины, Сергей положил ей руки на плечи, встряхнул её, посмотрел прямо в глаза и сказал:

– Успокойся! Рано ещё плакать. Я скоро вернусь. Всё будет хорошо! Поняла?

Та кивнула головой.

Сергей быстро прошёл по коридору, открыл дверь, затем вторую, ведущую в тамбур, и уже сделал шаг вперёд. Но увидев боковым зрением, как что-то блеснуло на дверях туалета, остановился, сделал шаг назад и посмотрел налево.

На ручке туалетной двери висела чёрная женская сумочка, мерно покачиваясь в такт движению поезда. Она была закрыта на защёлку, сверху украшенную двумя блестящими декоративными шариками.

«Вот, дурёха! Ходила в туалет и забыла сумочку», – понял Сергей. Он снял её с дверей и вернулся в коридор.

– Это твоя сумка?

Глаза Натальи заблестели, по лицу скользнула улыбка.

– Ну, да! – повеселевшим голосом сказала она, – А где она была?

– В туалете ты её забыла, вот где!

Глаза Натальи снова потемнели.

– Я не ходила ночью в туалет. И вообще, я сумочку из купе не выносила.

Наталья быстро открыла сумку, заглянула вглубь её и, пошарив внутри рукой, достала паспорт.

– Здесь только паспорт, а денег нет, – сказала она дрожащим голосом и её глаза стали снова наполняться слезами. Затем она добавила:

– И духов нет... французских. Я маме везла на день рождения.

– Понял! Ждите тут! – быстро проговорил Сергей и побежал назад в сторону тамбура.

Конечно, в историю про земляков этого мужчины, назвавшегося Иваном, Сергей не поверил. А так как лица он его не видел, то искать вора надо было по другим признакам.

Об этом и рассуждал Сергей, продвигаясь вдоль поезда:

«Во-первых, рост у него – выше среднего, потому, что лежал на полке, вытянувшись и касаясь ступнями чемоданчика, стоящего на краю полки. Во-вторых, – полосатые носки.... Хотя носки могут помочь в поисках только в по-»

следную очередь. Нельзя же всех встречаемых высоких мужчин просить разуться. Остаётся только третий признак – вещи этого Ивана, а точнее, – его «дипломат», в который и упирались длинные ноги в полосатых носках».

Сергей, когда после падения отдавал девочку маме в дверях шестого купе, сразу обратил внимание на тот чемоданчик, типа «дипломат». Дело в том, что точно такой «дипломат» был раньше и у Сергея. В начале своей службы он с несколькими офицерами выезжал в командировку в один южный городок за молодым пополнением. В военной комендатуре он и увидел такой компактный чемоданчик у одного из местных офицеров. Оказалось, что в городе один завод, выпускающий, в основном «оборонную» продукцию, делает и такие вот «дипломаты». Они отличались от тех, плоских и узких прямоугольников, которые были в широкой продаже. Эти были потолще, с рифлёными боками и слегка округлёнными краями. Короче, Сергей в свою часть вернулся с молодыми солдатами и таким вот «дипломатом». Из-за его вместительности и прочности Сергей неизменно брал его на все полевые занятия, стрельбы и учения. Уезжая к новому месту службы, Сергей подарил свой «дипломат» офицеру, принявшему у него роту

И вот сейчас Сергей искал взглядом именно такой «дипломат». Купейные вагоны он прошёл быстро, не останавливаясь. Несколько человек, встречавшиеся на его пути в коридорах и тамбурах, Сергея не заинтересовали. А вот в конце первого же плацкартного вагона, заполненного лежащими и сидящими пассажирами, когда офицер пошёл помедленнее, активно вертя головой и внимательно осматривая людей и вещи, он увидел, то, что искал.

Чёрный «дипломат», блестя гофрированными боками, мирно стоял на полу между ног высокого мужчины, сидящего на нижней полке у туалета. Дежурный свет горел только в проходе, и тень от верхней полки падала на сидящего, укрывая его лицо.

Долго не раздумывая, Сергей молча сел рядом с мужчиной на самый край полки, потому что больше места и не было.

– Эй! – сказал мужчина, – Ты, что не видишь, что места нет?

– Знаешь, Иван, или как тебя на родине зовут, Ион, а я к тебе пришёл с приветом... из пятнадцатого вагона. Там соседка твоя по купе беспокоится, куда же ты, не попрощавшись, ушёл.

– Ты чё? Я тебя первый и последний раз вижу. Ты что-то перепутал, братан, – сказал мужчина и вдруг резко попытался встать.

Сергей ожидал это движение, так как его кулак уже был наготове и резко воткнулся мужчине в спину. Мужчина охнул, обмяк и плюхнулся на место. Сергей нагнулся, задрал у него брючину на левой ноге и посмотрел на носки. Убедившись, что сидит он рядом с тем, с кем и надо, Сергей сказал:

– Пойдём, выйдем в тамбур, покурим и поговорим... о жизни.

Мужчина был крупнее и, наверное, сильнее Сергея. Но это офицера не беспокоило. На выпускном курсе военного училища к ним на занятие по рукопашному бою приехали члены сборной команды военного округа по боевому самбо. То занятие Сергей, которому наряду с товарищами-выпускниками уже шили лейтенантскую форму, запомнил, как говорится, «на всю жизнь». Ребята конкретно показали, что и как надо делать с противником в ближнем бою, когда ценой победы в схватке является жизнь, то ли твоя, то ли противника.

Сергей хорошо запомнил те точки, куда в бою надо наносить удары, чтобы вывести противника из строя. И только от силы удара зависело, будет противник оглушён или убит. Эти точки он даже своим солдатам на занятиях не показывал, так как знал, что эти приёмы применяются только в настоящем бою. А когда что-то серьёзное начнётся, он успеет научить этому своих подчинённых.

И вот теперь эти знания пригодились. Сергей взял «дипломат» в левую руку, а правой рукой взялся за кисть мужчины, и, вывернув её, встал и потянул мужчину за собой. Острая боль заставляла того подчиняться Сергею и безропотно двигаться за ним. Так они дошли до «нерабочего» тамбура, в котором никого не было. Сергей закрыл дверь и, выворачивая мужчине кисть, заставил его присесть, а затем, сбив с ног, толкнул в угол у вагонной двери. Мужчина упал.

Сергей, присев на корточки у противоположных дверей, открыл «дипломат». Вот и деньги. Находились они в двух разных местах. Пачка, что лежала в основном отделении между всякими мелкими вещами, среди которых явно выделялась коробочка с духами, была аккуратно завернута в целлофан, а купюры из второй пачки, что была значительно тоньше первой, были небрежно брошены в отделение под крышковой «дипломата».

Сергей взял все деньги и духи и засунул их в свои карманы. Потом, немного помедлив, несколько «тысячных» купюр бросил обратно в «дипломат» и закрыл его.

Он уже вставал, когда краем глаза заметил движение мужчины, пытавшегося тоже встать. Сергей резко оттолкнулся ногами, в прыжке поднял дипломат над своей головой и с размаху ударил им мужчину. Тот охнул и, продолжая лежать, прижался к двери.

– Не дури, а то снова сделаю «больно», – сказал Сергей и бросил «дипломат» на пол. Он уже открыл дверь, чтобы уйти, но, передумав, снова прикрыл дверь и повернулся к лежащему мужчине.

– Мораль я тебе читать не буду. Бесплезно. Но и «ментам» я тебя сдавать не буду. Потому что, во-первых, – это хлопотно, а во-вторых, хоть одна, но светлая мысль у тебя есть. У тебя хватило ума не забрать документы... не выбросить и не уничтожить. Но один совет на прощание я тебе всё-таки дам. Закачивай ты это грязное дело и возвращайся в свою солнечную Молдавию. Иначе закончишь ты свою жизнь плохо. Или на нарах или под колёсами подобного поезда. А что-нибудь здесь строить вместе со своими земляками у тебя не получится. Кишка тонка. Потому что они вкалывают, а ты этого не умеешь.

Мужчина снизу вверх посмотрел на Сергея и прохрипел:

– А как ты узнал, что я из Молдавии?

– А у меня в роте были солдаты-молдаване... толковые, дисциплинированные, исполнительные и работающие. Не то, что ты. Но слова «Молдавия» и «молдаванин» они произносили с таким же акцентом, как и ты, – сказал Сергей и вышел из тамбура.

Вагон трянуло. Завизжали тормоза. Поезд начал замедлять ход, подъезжая к очередной станции.

Пока Сергей возвращался в свой вагон, он вспоминал службу в Чехословакии. Действительно у него в роте служило несколько молдаван. Самый толковый из них был командир отделения сержант Ион Жушке. Конечно, все его звали Иваном. Когда же из его роты двух командиров взводов направили в Афганистан, то Сергей предложил сержанту стать не просто заместителем командира

взвода, а стать исполняющим обязанности командира взвода. Жужке, поколебавшись, согласился, но с одним условием: чтобы в его взводе, кроме его самого, молдаван больше не было. И этот взвод на полгода, пока сержант не уволился, стал одним из лучших не только в роте, но и в батальоне.

Когда Сергей вернулся в свой вагон, уже рассветало. Проводница возилась у титана с кипятком, а Наталья по-прежнему сидела в коридоре на откидном сидении, прижимая к себе свою сумочку и отрешённо смотря в открытую дверь своего купе. Увидев Сергея, она вскочила и побежала ему навстречу. Не ожидая её расспросов, Сергей остановился, достал из карманов деньги и коробку с духами. Затем молча взял у женщины сумочку, положил всё туда и вернул ей со словами:

– Я же говорил, что всё будет хорошо.

Далее он крепко взял женщину за плечи, развернул её, довёл до шестого купе и, направив в дверь, сказал:

– Отдыхайте, но сумочку больше не теряйте.

Женщина повернулась к Сергею:

– А где... , а как... ?

– Всё нашлось, и – слава Богу! Отдыхайте! – с этими словами Сергей прикрыл дверь купе и пошёл к себе.

– Ну, Вы даёте, – сказала, обращаясь к нему, проводница, – Чай будете? Хотя вам уже пора собираться. Мы уже подъезжаем к Вашей станции.

Сергей закрыл изнутри дверь своего купе, переоделся в военную форму. Когда он уже собрался вытаскивать чемодан в коридор, в дверь постучали.

– Уже иду! – сказал Сергей и открыл дверь купе, ожидая увидеть за ней проводницу. Но за дверью с сумочкой в руке и выражением недоумения на лице стояла Наталья.

– Здесь больше денег, чем у меня было.

– Погоди секундочку, – сказал Сергей и вытащил свой чемодан в коридор. Затем он молча протащил его по коридору в тамбур. Там остановился, повернулся к Наталье, безмолвно, в ожидании объяснений, следовавшей за ним, и сказал:

– Все эти деньги твои. На операцию маме, на её лечение, на твоё возвращение домой, на возврат долгов, в конце концов. Или тебе не надо отдавать долги?

– Надо, но...

Сергей приложил палец к губам Натальи:

– А раз надо, то считай это подарком судьбы. Жизнь не может состоять из одних чёрных полос. Деньги нашлись, значит, по закону «парности событий» и с мамой всё будет хорошо. Операция пройдёт успешно.

– Но я не знаю, как отблагодарить за всё! Столько добра для меня в жизни никто никогда не делал. Может, только мама...

– Наталья, ты веришь в Бога?

– Да, конечно! Вот и крестик всегда со мной.

– Понимаешь... Я – офицер, то есть, человек, который умеет воевать. А вот со вчерашнего дня я – миротворец, направлен служить в миротворческие силы. И в управлении кадров мне полковник сказал, что в Библии написано: «Блаженны миротворцы, ибо названы они будут сыновьями Божиими». Понимаешь, что это значит? Вот я с сегодняшнего дня и выполняю свою какую-то

высшую миссию. Значит, это не случайно, что я попал именно в этот вагон, где нужна была моя помощь. Вернее, где я мог оказать помощь тем, кто в ней нуждался. Вот и всё!

Наталья покачала головой:

– Но так не бывает!

– Сама видишь, что бывает. И последнее, что я хочу тебе сказать. Запомни, что в жизни всего три несчастья... Это смерть, болезнь и плохие дети. Так написано в одной «умной» книжке. Так вот, смерть тебе в ближайшем будущем не грозит. Болезнь мамы вы преодолеете, она выздоровеет и всё будет хорошо. Так что тебе осталось только одно, не упустить воспитание своей дочери. Чтобы она, даже когда вырастет, продолжала тебя любить. Чтобы относилась к тебе так, как ты относишься к своей маме. Тогда ты действительно будешь счастлива. Потому что всё будет логично, значит, правильно, а потому хо-ро-шо.

Сергей замолчал. Молчала и Наталья, осмысливая услышанное.

За окном показались дома. Поезд начал замедлять ход. Открылась дверь тамбура, появилась проводница.

– Посторонись! Подъезжаем!

Из коридора через открытую дверь донеслась музыка. София Ротару по поезвному радио снова запела песню про молдавского Ивана:

«Ын грэдина луй, Ион,
Тоате пэсэриле дорм.
Тоате пэсэриле дорм.
Нумай уна наре сомн
Ши збоарэ дин пом ын пом
Тот кемындул пе Ион...»

Песня звучала из прошлой жизни, потому что певица пела её на молдавском языке, который практически запрещён теперь в самой Молдавии, где в качестве государственного языка определён румынский, не на кириллице, а на латинице. Сергею это тоже стало известно недавно, как и то, что в первую командировку для выполнения миротворческих задач он, вероятней всего, будет направлен в Тирасполь, где по реке Днестр, разделяющей Молдову и Приднестровье, уже стоят российские миротворческие посты, удерживая здесь мир и позволяя людям в Приднестровье разговаривать и петь на любом языке, в том числе и на молдавском.

Поезд остановился. Проводница открыла дверь и пропустила вперёд Сергея.

– Стоянка две минуты! – объявила она.

– Всем счастливо! – попрощался Сергей, выгрузил свой чемодан и потащил его к зданию вокзала. Начинаясь новый период службы, новый период жизни.

Вячеслав КАЛИНИН, подполковник запаса

Вячеслав Вячеславович Калинин — поэт, прозаик. Родился 18 августа 1979 года в селе Шумейка Энгельсского района. Выпускник Шумейковской средней школы (1996 год, с серебряной медалью).

Член Союза журналистов России и Союза писателей России. Член Правления Московской городской организации Союза писателей России, член Правления Московского отделения Российского творческого Союза работников культуры.

Автор ряда книг, сборников публицистики, публикаций в российских и зарубежных средствах массовой информации

об участии правоохранительных органов и спецслужб России в борьбе с международным терроризмом, мужестве и героизме военнослужащих, проявленных в ходе контртеррористических операций на Северном Кавказе.

Лауреат Всероссийского конкурса «Открытый взгляд» МВД России, Всероссийских премий «Лучшие перья России», «Офицеры России» и др.

Подполковник запаса. Ветеран боевых действий на Северном Кавказе. Награждён государственными, ведомственными и общественными наградами.

Член Совета «Боевого братства» Москвы, член Президиума Общероссийской общественной организации «Офицеры России», член Правления Ассоциации ветеранов боевых действий МВД России, советник Председателя Союза десантников России. Председатель Общественного совета зелёных беретов УФССП России по Москве.

В настоящее время — председатель Комиссии по информационной политике Комитета Торгово-промышленной палаты России по безопасности предпринимательской деятельности; член Экспертно-консультационного совета Комитета Государственной Думы ФС России по безопасности и противодействию коррупции; член Общественной наблюдательной комиссии Общественной палаты России (по осуществлению общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания по г. Москве).

ОДИН ДЕНЬ СЕРЖАНТА КАЛИНИНА

Рассказ

Нет, наверное, в России семьи, которой не коснулась бы Великая Отечественная война. Со стороны моей матери воевали все: дед-пензяк Иван Васильевич прошел всю войну, освобождал Европу, встретил Победу в весеннем Берлине...

Со стороны отца — тоже, но не так гладко: моя саратовская бабушка Александра Николаевна потеряла — трёх братьев. По одному за первые три года войны.

Инвалидом вернулся её муж – мой дед Василий Иванович Калинин. В послевоенные годы он посвятил себя школе, преподавал русский язык и литературу, серьёзно занимался литературным творчеством. Я родился через восемь лет после его смерти, – в далёком 1971 году сердце пятидесятилетнего деда перестало биться... Остались его записи, стихи, проза, дневники....

В семейном архиве уцелел черновой набросок письма деда Василия, адресованного известному советскому поэту Илье Эренбургу, с которым он состоял в переписке... Это письмо меня сильно взволновало, – незамысловатым языком дед скупо рассказывал далёкому собеседнику об одном из эпизодов своей войны....

Белоруссия, **февраля 1942 г., вечер

– Добровольцы, выйти из строя... – Затянутый в полушубок старший лейтенант с улыбкой оглядел стоящих перед ним разведчиков, – замотанные частыми ночными рейдами бойцы разведгруппы сегодня успели отдохнуть...

Василий подал тело чуть вперед, посмотрел налево. Его глаза встретились с глазами товарищей – белорусом Иваном Баборенко и стоящим левофланговым украинцем Остапом Луцаком:

– Ну, что, братья-славяне, в бой?!...

Синхронно вся шеренга сделала шаг вперёд... Явно играя на публику, таджик рядовой Расул Джейкуев замешкался, сделал шаг вперёд, затем назад, и потом уже под дружный смех товарищей сравнялся с ними в строю:

– А что такое? Я просто не расслышал! Я на птичка смотрел.

Смех перешёл в гомерический хохот. Смахивая с ресниц появившиеся от смеха слёзы, старший лейтенант как никто другой понимал важность и необходимость юмора – это действенное средство помогает снять напряжение, мобилизовать разведчиков:

– Младший сержант Калинин, ведите группу в землянку! Через двадцать минут доложить о готовности к выполнению боевой задачи...

И спустя несколько секунд:

– Покажем немцам, почему хрен с перцем!...

* * *

Зимой в Белоруссии темнеет рано. Серое небо, сливаясь с заснеженным лесом, падает на землю как-то незаметно... Мгла обволакивает спящие деревья и промёрзшие кусты. Всё вокруг замирает. Только изредка, лопнувшая от сильного мороза ветка выстреливает в воздух сухим резким треском.

Разведгруппе старшего лейтенанта Смирнова не привыкать к подобным прогулкам. Родная природа – она, известно, помогает. Потому и скользили разведчики на широких, подбитых лосиной кожей лыжах по безлунному ночному белорусскому полесью практически не таясь. Да и дышится в это время суток как-то свободнее...

Линия фронта в этих местах размыта. Фашисты, справедливо опасаясь наводивших на них ужас местных партизан и прозванных «красной смертью» кадровых советских диверсантов, предпочитали по ночам не высовывать из разграбленных местных деревень обожжённые русскими холодами носы. Ок-

купанты лишь усилили охрану основных коммуникационных сооружений района – старый железнодорожный мост и нескольких узловых станций, полагая, что уж сюда-то вышеназванные представители странного, не покоемого народа сунуться не посмеют... Но, впрочем, надо быть осторожнее – как докладывала разведка соседей, немцы предусмотрели в этом районе несколько сильно укрепленных дотов.

Часовая стрелка на фосфоризирующем циферблате трофейного хронометра подобралась к полуночи, когда разведчики, незадолго перед этим замаскировавшие лыжи в густом заснеженном орешнике, вплотную приблизились к намеченной цели. Железнодорожный мост, по которому в течение суток гитлеровцы перегоняли до десяти тяжёлых составов с бронетехникой, продовольствием и личным составом в сторону Союза, и гнавшие обратно бесконечные составы с награбленным добром, был приговорён.

Группе младшего сержанта Василия Калинина поставлена задача скрытно пробраться по льду неглубокой речушки до одной из опор моста незадолго до подхода состава – благо педантичность немцев позволяла верить, что в два часа после полуночи бронепоезд будет снова считать стыки стальных рельс – установить там взрывчатку. После чего – быстро отойти.

И ждать гигантского огненного всполоха, скрежета рвущегося металла, крики и стоны врагов...

* * *

Рябой капрал, поправляя сбившийся на шее женский пуховый платок, надсадно закашлял и, царапая стальными подошвами очолевших ботинок льдистую тропинку поста, посеменял вдоль покрытой сантиметровым слоем инея колючей проволоки... Изредка, кидая рассеянные взгляды на открытое пространство замерзшего русла реки, баварец на ходу закрывал глаза и представлял себя дома. Где ты, милая Гретхен?! Как далеко родной отцовский домик, покрытый весёленькой оранжевой черепицей... После этого его ресницы обычно начинали непроизвольно подрагивать, и здесь не надо было мешкать – быстро протереть глаза тряпкой, иначе мгновенно застывавшая на местном морозе влага неприятно колола глаза. Проклятая Россия, проклятые холода!

– Не спать, капрал! – пронзительный голос оберлейтенанта Гельмута фон Гросса попал точно в ухо Ганса: – Иначе партизаны наделают из твоей кожи ремней и отошлют парочку в подарок на Рождество твоей пухляшке Гретхен...

Офицер беззвучно рассмеялся, наблюдая, как часовой смешно переваливаясь, посеменял намного быстрее, и крикнул ему вслед: – За нами Германия, солдат! Фюрер гордится тобой! Приказываю усилить наблюдение!...

Оберлейтенант фон Гросс гордился своей службой на благо великой Германии. Отпрыск старинного знатного рода часто слышал семейные предания о том, как его предки враждовали с племенами славян. Причём в рассказах деда Отто германцы всегда становились победителями. И сейчас, в лютый русский мороз подчеркнuto затаянутый в чёрный кожаный офицерский плащ, фон Гросс представил себя рыцарем в холодном стальном панцире, обзревающим сквозь прищур хозяйских глаз покорённые земли...

Немец посмотрел на часы: через пятнадцать минут очередное явление германского экономического чуда промчит на всех парах несколько десятков тонн германской технической мощи.... Для фон Гросса стало своеобразным ритуалом наблюдать, как мимо проходили составы с задрнутыми брезентом контурами танков, самоходок, гаубиц... При этом почему-то не хотелось думать, почему эти машины остаются где-то там на востоке. Причём, остаются навсегда...

* * *

Подходы к мосту немцы просвечивали авиационными прожекторами. Огромные пятна желтоватого света медленно ошупывали барханы спрессованных сугробов вдоль всего русла речушки, затем внезапно перекидывались на растущий невдалеке лесок, потом же, словно соревнуясь в яркости со звёздами, серебрили снег вдоль полотна «железки».

Сливаясь масхалатами с молоком одного из снежных сугробов, разведчики больше часа пролежали в снегу. Опасаясь, попасть под свет прожекторов, Василий дал команду товарищам, – в группе минирования вместе с ним были «братья-славяне» Иван и Остап – ждать. Чего-чего, а это разведчики умеют делать хорошо.

Потянувший со стороны немецкой караулки дымок донёс до них приторный запах молотого кофе и горьковатый – палёной шерсти... В нескольких километрах раздавался лай одичавших деревенских псов. В лесочке на правом берегу реки сонно пропела свою печальную песенку совка, с левого берега ей тут же отозвался довольным уханьем оголодавший филин, видимо, поймавший в морозном зазеркалье зазевавшуюся мышь...

Для фашистов эти звуки неотличимы от окружающего мира, для диверсантов – условный сигнал. Василий понял, что группы огневой поддержки заняли позиции на обоих берегах, готовые в случае провала операции отвлечь огонь врага на себя, а в результате выполнения плана – как можно сильнее проредить свинцовым дождём ряды оккупантов...

Кстати, отметил он про себя, движение прожекторов подчинено определённом ритму: река–лес–дорога. Значит, необходимо рассчитать время, и, когда внимание «циклопических глаз» будет обращено не на реку, надо действовать...

Сантиметр за сантиметром они преодолели стометровку до массивной опоры старого моста. Каменная кладка с щербинами выкрошившихся калёных кирпичей, видимо, несколько лет назад была укреплена металлическим углопрокатом. Не спеша, разведчики установили взрывчатку и, протянув за собой провод, так же по-черепаши поползли обратно...

* * *

Гельмут фон Гросс ждал приближения бронепоезда с затаённой радостью. Этот состав словно доносил до него запах родных земель. Задолго до появления в воздухе стали слышны сидящие в подсознании знакомые звуки. Когда же из заснеженного леса показался тусклый глаз стального монстра, оберлейтенант оправил кожаный плащ, выровнял козырек офицерской фуражки и, погладив огрубевшей от мороза кожей большого пальца тяжёлый рыцарский крест, – награда фюрера, – стремительно вскинул правую руку в приветствии:

– Хаиль Гитлер!

Машина локомотива, обдав его своим горячим дыханием, паром и запахом трущихся деталей, пронзительно прокричала грубым гудком своё понятное лишь немногим приветствие, приветствие в котором Гельмут фон Гросс услышал голос фюрера:

– Молодец, офицер! Хаиль Гитлер...

Ради этого стоило жить. И воевать.

Внезапно бронированная гусеница натуженно задрожала... Не понимая, что происходит, фон Гросс с безумной улыбкой на лице, забыв опустить руку, смотрел, как мост, который он, немецкий офицер с большим гарнизоном в подчинении, отмеченный самим фюрером, поставлен охранять, летит вместе с поездом буквально ко всем чертям...

Скрежет рвущихся вагонов заглушили мощные взрывы – сдетонировали артснаряды. Словно новогодние петарды на десятки метров разлетелись тяжёлые бочки чистейшего авиационного керосина, уже в полете брызгая на всё огненным дождём... Запах горящего мяса смешался с гарью растерзанного поезда.... Тяжёлые железнодорожные платформы летали над путями словно щепки, опрокидывая своё содержимое на оставшихся в живых фашистов. Через несколько секунд всё было кончено.

Пошатываясь, фон Гросс сунул в рот ствол именного парабеллума.

* * *

Разведчики уходили быстро. Яркое зарево за спинами, казалось, грело души. Восстанавливать мост фашистам придётся очень долго. В лучшем случае, на это уйдет несколько недель. Железнодорожная ветка не сможет целый месяц питать людьми, техникой, горючим и продовольствием ни одну гитлеровскую дивизию, А, значит, станет чуть полегче своим...

Эйфория от удачно проведённой операции не позволила разведчикам забыть об осторожности. Через час сквозь рваную проседь облаков выглянула незваная луна. Идти путём, которым пришли, стало рискованно. Сверившись с картой, они пошли другой дорогой...

* * *

Кто говорит, что у человека несколько жизней? Наверное, тот, кому пришлось переродиться внутренне или в минуту смертельной опасности выжить вопреки всему. Рябой капрал, выбив пистолет из рук оберлейтенанта, подарил ему вторую жизнь. Прибывший с карательным отрядом штурманфюрер СС Карл Лебинц первым делом сорвал с шеи фон Гросса рыцарский крест. О втором шаге старого вояки потомок старинного рода догадался сразу. Потому, с готовностью возглавил остатки своего гарнизона и под контролем группы эс-совцев перестрелял всех бродячих псов в одной из брошенных деревень...

* * *

...Василий полулежал, прислонившись спиной к широкому стволу старой берёзы. Изъеденная червоточками, кора приятно холодила затылок. Как тихо в лесу... Звонящая тишина, вспомнил он определение... Словно очнувшись, протянул

руку к лежащему рядом пистолету-пулемёту Шпагина. Погладил обжигающе холодный металл ребристого ствола... «Спасибо тебе, дружище...» В магазине есть ещё целых три патрона. Это целое сокровище! Два – врагу. Один – для себя...

Перед глазами пронесли последние сутки. После удачного подрыва железнодорожного моста их группа стала отходить к своим... Испортившаяся погода немного спутала планы разведчиков. Наставшее утро застало их недалеко от немецкого дота. Услышав знакомую до отвращения иноязычную речь, старший лейтенант Смирнов приказал разведчикам залечь... Ведя скрытное наблюдение, они убедились, что их силы и силы противника равны. Но днём штурмовать укрепленный объект! Это больше похоже на самоубийство....

Всё утро, день и вечер они пролежали в снегу. В полночь атаковали. Забросали фашистов гранатами. Смирнов грамотно расположил бойцов, успех был гарантирован. Но оказалось, что метрах в двухстах у немцев был второй дот. У зажатых с двух сторон разведчиков был только один выход – отступить...

Василий, прикрывая товарищей, отходил последним. Отстреливаясь из трофейного «шмайсера», он непроизвольно заставлял немцев не стрелять в его сторону. И только когда фашисты разобрались, что к чему, все стволы были обращены на него... Внезапная боль пронзила ногу... Рванув с плеча ППШ, поливал огнём... Пока были силы, бежал по рыхлому, такому неудобному снегу... Теперь оставалось только ползти...

Василий улыбнулся, встряхнул русской головой, вспоминая, как кричал друзьям, чтобы те уходили... Слава Богу, наверняка, спас ребятам жизни!.. Надо же, в пылу боя и не заметил, как потерял рукавицы... Подышав на озябшие пальцы, сунул их под отворот полушубка... Рана на ноге уже не кровоточила, подернулась крепкой ледяной коркой.

Как же слипаются глаза... Только не спать – сон это смерть... Уже светает... Склонившаяся над головой ветка внезапно стала превращаться в спинку огромной кровати, в штырях которой по-домашнему отсвечивали начищенные металлические шары... Да-да – это же родная изба! Жарко натопленная горница пахнет свежеиспечённым хлебом... Да вот и сам каравай стоит на столешнице, укрытый вышитым рушником... Василий сидит на табурете у жарко натопленной русской печи... В руках старенькая балалайка. Перебирая пальцами струны любимого инструмента, он улыбается и кому-то подмигивает... «Ой мороз, мороз...» – откуда-то издалека доносится знакомый голос...

P. S. Вопреки всему младший сержант Калинин тогда не погиб. Игнорируя приказ старшего лейтенанта Смирнова, за дедом вернулся друг, – тот самый Иван Баборенко. Взвалив потерявшего сознание, ослабевшего от потери крови командира и товарища, он думал только об одном: как донести его до своих... Через полтора часа их встретили наши...

А потом был медсанбат. Несколько месяцев на госпитальной койке. Рана на ноге зажила. Вот только обмороженные пальцы на руках и ногах врачи ампутировали. Впрочем, трагедией для сильного человека это не стало. Награждённому многими орденами и медалями деду эти увечья напоминали о войне ещё целых двадцать пять лет. Напоминали о войне и другим...

Александр КАРЦЕВ, подполковник запаса

Александр Иванович Карцев родился 9 сентября 1964 года. В 1985-м году окончил Московское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР. С августа 1986 года по октябрь 1988 года проходил службу в Афганистане. Награждён орденом «Красной Звезды», медалью «За отвагу», другими медалями. Подполковник запаса.

Автор романов «Шёлковый путь», «Кремлёвцы»; повестей «Школа самообороны для женщин и драконов», «Исмад», «Охотники и те, кто за ними охотится», рассказов и очерков. Лауреат литературной премии имени А.С. Грибоедова (2009 г.) и Международного интернет-конкурса Союза журналистов России «Страницы семейной славы» (диплом 1-й степени, 2010 г.). С ноября 2007 года — член Союза писателей России, с марта 2009 — Международного Союза славянских журналистов.

ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ

Рассказ

Когда лейтенант прилетел в Афганистан отдавать свой, неведомо откуда взявшийся, интернациональный долг, он с удивлением узнал, что вместо эскадрона летучих гусар, ему предстоит принимать какую-то неведомую сторожевую заставу. Располагалась эта заставка на горе Тотакан (отм. 1641 м.) под Баграмом. И состояла из обычного мотострелкового взвода. А так же приданных взводу: танкового экипажа, миномётного расчёта, расчёта пехотного крупнокалиберного пулемёта Владимирова и станции радиоперехвата (из 4-й роты баграмского разведбата). А ведь он с раннего детства мечтал командовать гусарами! Ходить в лихие кавалерийские атаки! Гоняться по степям и ущельям за басмачами. Или, как их сейчас называли, душманами!

Увы, не все наши мечты сбываются. Стоит отметить, что мысли лейтенанта о гусарах и эскадронах были далеко не случайны. Потому как училище, которое он окончил год назад, в народе называлось конно-балетным. «Балетным» Московское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР называли за участие его курсантов практически во всех военных парадах, проводимых на Красной площади (за исключением ноябрьского парада 1941-го года, когда курсантский полк героически воевал под Москвой).

Александр КАРЦЕВ. Первый, второй. Рассказ

И соответственно за образцовую строевую выучку. А «конным» – за отменную огневую и спортивную подготовку его выпускников. Ибо стреляли курсанты-кремлёвцы не хуже киношных ковбоев. А бегали не хуже ковбойских лошадей. И не меньше их. Так что понятно, почему к кавалерии выпускники училища всегда испытывали тёплые и практически родственные чувства.

Все четыре года в училище курсантам внушали: «будешь жить по Уставу, завоюешь честь и славу». И всячески давали понять, что Уставы написаны «кровью». И написаны не просто так! Однако в Афганистане служба заметно отличалась от того, чему его учили. И к чему он привык в Союзе. Даже караульная служба здесь была организована как-то не так! Ведь согласно Уставу гарнизонной и караульной службы часовым на постах категорически запрещалось не только: есть, пить, курить, но и разговаривать. На заставе же часовые изредка что-то жевали, иногда пили воду из фляжек. Единственное, что – на постах не курили (дабы не искушать без нужды духовских снайперов). Но самое забавное заключалось в том, что часовые на Тотыхане постоянно проводили перекличку.

– Первый – Раздавалось с наблюдательного поста, оборудованного у канцелярии роты.

– Второй – Во весь голос кричал миномётчик с минометной позиции.

– Третий – Откликнулся танкист, несущий службу у танка.

– Четвёртый – Эхом доносилось от «Зубов Дракона», небольших скал на южном склоне Тотыхана.

Лейтенант Александр Карцев на сторожевой заставе в Афганистане, 1986-й год

Сначала лейтенанту казалось, что всё это как-то не правильно. И караульную службу необходимо организовать в строгом соответствии с требованиями Устава гарнизонной и караульной службы. Но вскоре он понял, что Устав – не догма, а руководство к действию. И что лучше всё оставить, как есть. Потому что, когда караульную службу несёт бессменно один и тот же взвод – ослаблять бдительность всё равно нельзя, но можно организовать её с учётом «местных условий». Подобная переключка и была некой разновидностью этих самых «местных условий». Днём на заставе службу несли два наблюдателя, выставленные на первом посту и у «Зубов Дракона». Ночью выставлялись четыре, а при необходимости, и пять постов. Днём переключка не велась, только ночью. И стоило ей затихнуть, часовой, который не услышал продолжения переключки, должен был сделать одиночный выстрел (сигнал вызова дежурного по заставе).

Но до этого дело обычно не доходило. Потому что, когда над Тотаханом раздавалась переключка, вся заставка (за исключением часовых на постах и дежурного по заставе) спала спокойно. Сладко посапывая и видя самые яркие в мире разноцветные сны. Но стоило переключке затихнуть, тишина будила всех не хуже длинной автоматной очереди (сигнал тревоги). И тогда из канцелярии роты немедленно появлялся заспанный начальник заставы, а из казармы – недовольный сержант, дежурный по заставе. Следом шел «разбор полетов» с провинившимся. И над Тотаханом снова раздавалось:

- Первый.
- Второй.
- Третий.
- Четвёртый...

Главарь местной банды Анвар привычно обходил свои владения. Его сопровождали три телохранителя с трофейными АКС-74У (5,45-миллиметровые автоматы Калашникова складные укороченные в то время были «писком» последней моды у афганских телохранителей). Но даже эти новенькие автоматы, захваченные недавно на «баграмке» (дорога от Кабула на Хайратон), когда их отряд напал на небольшую колонну «шурави», как-то не особо радовали телохранителей. Моджахеды были явно не в настроении.

– Куда подевались их шутки и веселый нрав? – Думал Анвар, глядя на своих аскеров (героев, перевод с фарси).

Под старой чинарой его зоркий глаз разглядел серого кота. Кота звали Пищак (Кот, на фарси). Дневная жара уже спала, и Пищак мог бы спокойно валяться в тенике и видеть свои кошачьи сны. Но ему было не до сна. Кот явно нервничал. И шерсть у него на загривке стояла дыбом?

Неужели причиной кошачьей тревоги был Сак (собака по имени «Собака», на фарси), устало бредущий по дороге? Нет, едва ли! Сак явно не расположен был бегать за какими бы то ни было котами. Во взгляде пса сквозила невыносимая тоска и вселенская усталость.

Анвар подошёл к своей крепости. У входа в неё были привязаны два его верблюда и корова. Глаза у них были печальные. Он привычно погладил корову по голове.

– Беда с ней. Почти совсем перестала давать молоко. – Подумал с тоской моджахед. – Да, и верблюды валяются с ног от усталости. Сколько они ещё продержатся? Не долго.

Навстречу Анвару вышла жена. Неумытая, взъерошенная, сердитая.

– Похоже, у неё снова подгорел ужин. Вот она и не в духе. – Поймал себя на мысли Анвар. И на всякий случай сделал вид, что не заметил её. Ведь даже сил проучить жену у него не было.

Потому как, он и сам давно уже был не в духе. Вот уже какой год всё валилось у него из рук. У его людей и у его жены. Даже сын не выдержал, ушёл в соседнюю банду. Главарём в ней был Исмад, злобный одноглазый старикан. Тем не менее, сын променял родного отца на этого старикана! Не захотел воевать под рукой отца?! А может быть, все было гораздо проще? Банда Исмада располагалась в «зеленке», километрах в двух от Тотохана. И у него в банде можно было спокойно выспаться. А тут попробуй, усни, когда каждую ночь с Тотохана раздаются истошные крики этих проклятых кяфиров-шурави (неверных шурави).

– Евры!

– Торо!

– Рети!

– Твёрты!

Да, было бы интересно узнать, что означают эти крики? На счёт это было не похоже. Читать по-русски Анвар умел и сам: «один, два, три, четыре»... Любой бача (мальчишка) умеет читать по-русски! Этих же слов Анвар не знал. Но догадывался, что это – какая-то хитрость коварных шурави, чтобы не давать спать его верным воинам, ему самому и его жене. И даже его верблюдам, корове, собаке и коту. Проклятые кяфиры (неверные) придумали эту пытку, чтобы свести их всех с ума!

Сумерки начинали окутывать окрестные горы.

– Скоро начнётся эта еженощная пытка. – С тоской подумал Анвар. Перенести ещё одну ночь подобных издевательств он был не в силах. А потому не удержался, встал с кровати и вышел на улицу. Решил сходить к мулле, испросить совета. Благо, что мулла жил неподалёку. Три телохранителя неохотно поднялись с циновок. И, как тени, последовали за ним. Муллу они встретили у арыка.

– Салам аллекум, мохтарам Мирзо (здравствуйте, уважаемый Мирзо). – Поприветствовал Анвар муллу.

– Аллекум ассалам, азиз Анвар (здравствуй, дорогой Анвар) – Ответил мулла и приложил свои ладони к груди.

– Кар барэтан четоураст (как дела)? Сехатэ шома четоураст (как ваше здоровье)? – поинтересовался Анвар у старика.

– Ташакор, хубаст (спасибо, хорошо). Кар барэтан четоураст (как твои дела)? Сехатэ шома четоураст (как твое здоровье)?

С удивлением и лёгкой завистью Анвар заметил, что мулла выглядит свежим и отдохнувшим. Это было довольно странно! И лишь кивнул в ответ на традиционные вопросы приветствия.

– Видно, Великий Аллах помогает мулле так стойко переносить эти еженощные пытки проклятых кяфиров! – Подумал главарь.

Разговорились. Анвар рассказал мулле о своей проблеме – что вот уже несколько лет он и его люди страдают от бессоницы. И, что силы их на исходе.

– Бисми-Ллахи-Р-Рахмани-Р-рахим... (Во имя Аллаха, Милостивого, Ми-

лосердного) – Ответил ему мулла. – Я знаю, как помочь тебе и твоим людям, мой сын. На днях мне было видение, что скоро все изменится. А вчера ко мне в гости приходили торговцы из Кабула. Просили благословения перед дальним путешествием. Я пожаловался им на нашу нелегкую жизнь и на этих, орущих по ночам, шурави, детей мула и ослицы. Торговцы посмеялись в ответ. Сказали: «Им бы наши проблемы!» И показали мне, как делаются «бирюши» (искаженно от «беруши»). А ещё, в благодарность за благословение, оставили мне мешок ваты. С тех пор я сплю, как младенец!

– «Бирюши»? – С удивлением и вдруг проснувшейся надеждой переспросил его Анвар. – А что это такое, уважаемый?

Мулла объяснил. Показал, как их делать. И подарил Анвару половину мешка ваты. Это был поистине царский подарок!

Весь следующий вечер аскеры Анвара занимались изготовлением этих самых загадочных «бирюш». Вставляли их себе в уши, шутили, кривлялись...

А утром Анвар проснулся отдохнувшим. Впервые за много лет он наконец-то выспался. Главарь сладко потянулся и вышел во двор. Через весь двор важно шёл кот Пищак. Видно представлял себя Царем зверей?! Ну и что, что он не слышал бегущего за ним следом Сака! Не важно, что Сак не понимал больше ничьих команд. Но как он резвился! Как играл со своей тенью! Телохранители тоже не слышали друг друга. Зато улыбались и строили друг другу смешные рожицы! Тем временем довольная корова щипала редкую траву под чинарой. И игриво поглядывала на верблюдов, что пили воду из арыка!

Сегодня утром жена приготовила самый вкусный завтрак из тех, которые Анвару когда-то приходилось пробовать. А как она улыбалась! Анвар снова с интересом посмотрел на её тонкий, девичий стан и подумал... Ну, в общем, вам не обязательно знать, о чём подумал тогда Анвар.

Главное, что он и все его люди, жена, кот, собака, коровы и верблюды были счастливы. У всех у них торчали кусочки ваты из ушей, но это было такой мелочью. Ведь главное, что все они выспались!

– Спасибо Аллаху и мудрому мулле. – Подумал с гордостью Анвар. – Мы смогли пережить этих коварных шурави. И Аллах не оставил нас в трудную минуту!

С тех пор прошло более двадцати лет. Давно уже покинули страну шурави. На их место приехали американцы, немцы, итальянцы. Но не было покоя Афганистану! Столько лет воевал Анвар за мирную жизнь, а она всё не приходила на его израненную землю.

Не любил Анвар новых «гостей»: ни немцев, ни итальянцев, ни американцев. А американцев почему-то не любил больше всех. Если бы кто спросил его, почему именно американцев – едва бы ответил что-то вразумительное. Просто не любил их, и всё!

Все эти годы он так и не смог нормально выспаться. Другие отряды моджахедов воевали с итальянцами, очень шумными ребятами. Рядом с итальянцами можно было спать спокойно. Тем более что итальянцы регулярно платили «отступные», чтобы моджахеды не нападали на их посты и конвои. Те моджахеды, что находились по соседству с немцами, тоже могли спать спокойно. И с немцами можно было договориться! К тому же, когда немцы выпьют шароба

(шнапса, водки), они тоже становились довольно шумными. Когда враг пьёт шароб, можно спать спокойно!

И только у американцев на Тотыхане всё было тихо. От этой тишины можно было сойти с ума. Это когда шурави кричали по ночам, можно было сделать «бирюши». И спать спокойно. А попробуй-ка, усни, когда за всю ночь с Тотыхана не раздаётся ни одного звука! Да, что это за пытка такая?! Проклятые американцы!

Нет, не любил Анвар американцев. Устраивал со своими людьми на них засады. Специально выслеживая конвои с полосатыми флажками на машинах. Американцы догадывались, что охотятся именно за их конвоями. И что узнают их конвои по флажкам! Но ставить на свои машины флажки своих союзников как-то стеснялись. А когда умышленно «забывали» их поставить, моджахеды сразу же догадывались – ЧЬИ это машины? И обрушивали на них всю свою огневую мощь. И гнев Аллаха!

Увы, военные победы уже не так радовали Анвара, как раньше. И не давали душевного покоя. От хронической бессонницы он снова стал нервным и раздражительным. Как когда-то давным-давно. Его постаревшие аскеры смотрели на него с тоской. Старый кот куда-то пропал. Новая собака, уже какую ночь, где-то пряталась. А глаза у коровы и верблюдов снова были полны вселенской грусти. И жена...

– Кстати, куда она подевалась? – Немного раздраженно подумал Анвар. – Опять где-то болтает со своими подружками?!

А его новая молодая жена тем временем ушла к мулле за советом. Женщинам обращаться к мулле было как-то не принято. Но Лейла (жена Анвара) была сиротой. А мулла приходился ей каким-то дальним родственником. Поэтому, ничего не скрывая, она рассказала старику о проблемах своего мужа.

Муллу долго вздыхал и смотрел в бескрайнее небо. Словно вспоминал что-то давно забытое. Затем внимательно посмотрел на девушку.

– Знаешь, дочка, когда-то давным-давно, когда тебя ещё не было на свете, мы воевали с шурави. Они были хорошими воинами. И воевать с ними было почётно. Так вот эти шурави считали, что кроме Аллаха, есть и другие боги. И что когда люди воюют за своих богов, к добру это не приводит. А вот когда боги объединяются, чтобы помочь простым людям, тогда они могут свершить самые великие дела и поступки.

Я научу тебя, Лейла, одной молитве, которой сам научился у шурави. Но прежде, чем прочитать её, сначала ты должна будешь приготовить самый вкусный ужин своему мужу. Спеть ему красивую песню. Исполнить красивый танец. А потом... Запоминай внимательно, дочка!

Вечером того же дня девушка сделала всё, чему научил её мулла. Во время самого вкусного на свете ужина, она спела мужу красивую, шуточную песню о маленьком ослике и бестолковом шурави, который безуспешно пытался его приручить. Затем станцевала зажигательный и страстный танец. После танца она уложила мужа в кровать и стала нежно гладить его голову, плечи, руки. Приговаривая неведомые, но видимо, по-настоящему волшебные заклинания.

– Ервы. Торо. Рети. Твёрты.

Она произносила эти слова раз за разом, усердно коверкая слова. Но очень старательно. И, о чудо! Вскоре её муж уснул...

Наутро Анвар проснулся в небывало хорошем настроении. Потянулся в кровати. Посмотрел на спящую рядом молодую жену. Во сне она сладко улыбалась.

– Кажется, перед рассветом он пару раз... Ай, да шайтан. И откуда только у него столько сил взялось?! Как у молодого. – С нескрываемым удовлетворением подумал он. – Нет, рано ему ещё на покой. Он ещё ого-го!

Анвар вышел из дома. Поднял голову. Над Тотыханом вставало солнце. Анвар ещё не знал, что вскоре у него родится ещё один сын. Но на душе у него было светло и радостно. Жизнь продолжалась! И всё самое лучшее у него ещё было впереди!

Давно уже поседевший, но ещё довольно крепкий мужчина лет пятидесяти, на мгновение отодвинул ноутбук. Откинулся на спинку кресла. Взгляд его невольно зацепился за старую чёрно-белую фотографию, стоящую на столе. На фотографии посреди сторожевой заставы стоял молоденький лейтенант. Сделан этот снимок был давно, более четверти века назад. На Тотыхане под Баграмом. В Афганистане. Он любил смотреть на эту фотографию. Вспоминать свою боевую молодость.

Тем временем дверь в его кабинет приоткрылась, и в появившуюся щель вбежала его младшая внучка Настя. Посмотрела по сторонам и, недолго думая, полезла к нему на колени, обниматься. Следом забежал Серёжка, средний. Старшие – Саша и Марина – вошли неспешно, солидно. По утрам они всегда приходили сказать ему: «Доброе утро»!

Когда они входили в кабинет, мужчина непроизвольно, по старой привычке, всегда мысленно считал их.

– Первый. Второй. Третий. Четвёртый. – Он улыбнулся. – Все! Доброе утро!

Валерий КИСЕЛЁВ, полковник ФСБ в отставке

Валерий Юрьевич Киселёв — прозаик, публицист, поэт, член Высшего творческого совета Московской городской организации Союза писателей России. Ветеран группы специального назначения КГБ СССР «Вымпел», член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Служил в различных подразделениях госбезопасности — погранвойсках, КГБ/ФСБ, спецподразделении «Вымпел», в управлении по борьбе с организованной преступностью и контрабандой. Принимал участие в контртеррористических операциях и спецмероприятиях по обезвреживанию вооруженных преступных группировок на территории Афганистана (1985-1986, 1987, 1988), Никарагуа (1985), бывшего СССР — в Москве (1991, 1993), Тбилиси (апрель 1989), Баку (январь 1990). Лично участвовал в 450 боевых операциях по захвату воору-

женных преступников, в том числе трёх освобождениях заложников.

Известен как первый специалист, разработавший курс стрельб по «Защитной стрельбе» и внедривший эту стрельбу в спецподразделениях спецподразделений «Вымпел», «Альфа», «Витязь», ГРУ. В Афганистане — участник спецопераций КГБ СССР.

АПРЕЛИК

Иронический рассказ

— Ну, что лейтенант, проходи. Я — майор Першин, будем с тобой дежурить сегодня вместе. Остров Сахалин с Курильскими островами в нашем оперативном подчинении....

Я прошёл в дежурку, поздоровался за руку с майором и оглядел огромное количество телефонов с тяжеленными, массивными трубками на приставном столе. Гордые, цвета слоновой кости, они толпились на столе в дальнем углу кабинета. На некоторых из них вместо дисков для набора номера было написано «ВЧ», «ОС» или просто цифры. На стене висела огромная карта. На ней изображён наш родной, похожий на рыбу остров, а сбоку рядом, как раз-

бросанные камни по воде, шла цепью гряда Курильских островов. На карте красным цветом, красивым штабным почерком были нанесены наши силы: например – Отдел УКГБ, Холмск 14 – чел. И далее везде, в каждом районном центре, такая же красная запись. Из-за этих «чел.» в углу карты шла грозная надпись: «Сов. секретно». Всё здесь дышало таинственностью и конспирацией. Даже ходить хотелось бесшумно.

Из сейфа, разговаривающего своим гремящим, железным языком, при хождении по полу рядом с ним, мне выдали пистолет с патронами и предложили расписаться. Я воодушевлённый своей ответственностью, и вооружённый пистолетом с шестнадцатью патронами, был готов оборонять не только Управление, но даже и далёкие острова Шикотан и Итуруп.

«И пока в руках у меня оружие – нет человека выше меня...» – думал я.

В управлении КГБ СССР по Сахалинской области я работаю всего одну неделю. Раньше был я пограничником. А теперь стал настоящим чекистом. Я – опер уполномоченный. К тому же, такая ответственность: помощник дежурного целого огромного КГБ Сахалина....

Вдруг зазвонил один из телефонов. Я запаниковал. Мой старший находился в соседней комнате, вместе со старым дежурным, они занимались приёмом передачей каких-то объёмных, жёлтых пакетов с большим количеством печатей. Дело, наверное, было серьёзное, я бы даже сказал, государственной важности, и отвлекать их было нельзя.

– Возьмите трубку, лейтенант – прокричал майор из соседней комнаты.

Я не мог никак определить, какой из них звонил.... Наугад и наудачу поднял первую – не угадал, молчание, вторую – опять молчание. С третьей попытки меня оглушил очень громкий голос в трубке. В телефонах стояли усилители звука:

– В чём дело? Почему не отвечаете? С кем я говорю? Не узнаю голос...

– Лейтенант, помощник дежурного по Управлению... – начал говорить я.

– Короче, короче... – перебил меня голос – где начальник Управления и с кем он?

– Я не знаю.

– Спросите у Першина...

Выяснив у обоих дежурных, что начальник в Обкоме, доложил об этом требовательному голосу.

– Это начальник первого отдела,... как будет на месте, сообщите мне. И в трубке пошли короткие гудки.

В дежурку зашёл человек. Под мышкой у него были две красивые папки. Золотыми буквами на одной из них было написано Управление КГБ СССР по Сахалинской области. Его костюм, рубашка, галстук и чистота ботинок были безукоризненны. Но самое главное – пробор. Видно было, что волосок к волоску им уложен с такой щепетильностью и, несомненно, это было его гордостью. Он походил на киногероя из фильмов про за границу. Я, мельком взглянул, для сравнения, на себя в маленькое зеркало на стене. Из ясного старинного стекла на меня смотрел очень молодой лейтенант с шевелюрой, торчащей в разные стороны. Я сразу же начал безуспешно приглаживать ладонями волосы.

– Новенький? – Спросил фронт, и, не интересуясь ответом, прошёл во вторую комнату, где был майор.

– Когда приедет генерал, доложите мне... Я на доклад с документами... – и торжественно вышел, тоже не дожидаясь ответа. Успев при этом, перед зеркалом «поправить» идеально уложенную причёску.

– Ебеев! – Сказал мне мой дежурный, сбившись со счёта и бросив пакеты, выйдя, как бы тоже проводить франта. – Начальник секретариата! – и поучительно поднял указательный палец вверх, демонстрируя важность и значение этого человека – с документами на доклад... – Понял?

И майор вдруг неожиданно, весело подмигнул мне левым глазом, видя моё напряжённое и сосредоточенное лицо.

Дежурство пошло своим чередом. Приехал генерал. К нему с докладами шли сотрудники. Кто-то от него выходил довольный и весёлый. Кто-то хмурый и красный. В дежурку заглядывали разные знакомые и не знакомые мне лица. Майор сидел за столом с рабочей тетрадкой и списками под стеклом и, безошибочно угадывая звонящий телефон, брал трубку. Он, играючи, с лёгкостью руководил и связывал всех, кого надо, с кем надо. Ни разу не ошибся и при этом ещё успевал шутить, балагурить и улыбаться.

Мне тоже доставались кое-какие поручения. Я даже зашёл по вызову начальника в кабинет генерала и забрал у него папки с документами для начальника секретариата. Я вспомнил – для Ебеева. Когда вышел в коридор перед дежуркой столкнулся нос к носу с идеально причёсанным человеком. Именно для него у меня было поручение.

– Товарищ Ебеев, генерал передал Вам документы – радостно отрапортовал я.

Два сотрудника, ждущие своего часа перед дверьми генерала, услышав наш разговор, пряча лица, отвернулись, рассматривая трещины на стенах, но при этом стали усиленно прислушиваться. Привстал из-за стола и мой дежурный, наблюдая за нами.

– Я понимаю, мой юный друг, что не Вы виноваты в этом... – начал как-то витиевато и странно начальник секретариата. Он посмотрел зло и холодно на Першина. – Моя фамилия Беев, а зовут Евгений...

И тут я понял – меня подставили... Но видно было, что эта шутка в управлении уже, что называется «с бородой» и Евгений Беев к ней начал привыкать, на этом всё и закончилось. Выдавать майора, я конечно, не хотел. Но по обменявшимся взглядам Беева и Першина я понял, что он уже не нуждается в моих пояснениях.

Когда день пошёл на спад и на улице стало темно, майор пояснил мне: он подписывает документы, ставя впереди букву «Е», точку и, потом фамилию, а получается «Ебеев». Я ему говорил, пиши наоборот Беев Е., хотя в нашем управлении ему это уже не поможет, как-то философски закончил дежурный.

Поздно ночью, около десяти часов вечера, уезжая, из кабинета вышел генерал...

– Ну, что, лейтенант, осваиваетесь?

– Так точно – шёлкнув каблуками, ответил я. Но голос мой для ночного коридора прозвучал слишком громко.

– Вы не шумите.... Тише. Ваша работа теперь это мысли в тишине. Обдуманно, творчески и уверенно. Вот что вам нужно. И тогда будут результаты.... Вы поняли меня?

– Так точно – опять заорал я и весь покрылся потом от своей явной неуклюжести....

– Ничего, ничего. Это скоро пройдёт. Помогите ему Михаил Александрович, – обратился он к Першину. – Машину завтра к дому в 7.30. В управлении завтра буду без пятнадцати восемь. До свидания, товарищи!

После отъезда генерала поговорили про жизнь, я за пару минут рассказал свою, успев при этом перечислить все свои самые важные вехи: школа, военное училище, застава....

И тут после двенадцати часов, под покровом тёмной ночи пришёл он!

Прапорщик позвонил снизу и доложил:

– Пришёл посетитель. Говорит, что у него очень важная информация. Я его провёл в комнату для посетителей....

Майор, выслушав доклад, послал беседовать с посетителем меня.

Комната приёма посетителей представляла из себя: маленькое помещение с окном, одним большим столом и двумя стульями напротив друг друга. На стене висел портрет Дзержинского, а на столе стоял стеклянный графин с водой и тремя стаканами. Всё, больше в ней ничего не было.

Когда я спустился вниз и зашёл в помещение, человек стоял и внимательно всматривался в портрет Дзержинского. Увидев меня, обрадовался, как будто бы встретил старого знакомого и заговорил:

– У меня очень срочное дело. Поэтому я дождался темноты и прибыл сам.... Скажите, Вы – оперативный работник?

– Да! – с гордостью и чувствуя, что начинаю краснеть, проговорил я, – оперуполномоченный Управления КГБ СССР по Сахалинской области....

– Очень хорошо! Дело государственной важности, мною раскрыта глубоко конспирированная сеть агентов японской разведки!

От услышанного я обалдел. В первую неделю моей службы в КГБ, я уже в самом пекле событий. Я думал: «Ничего в жизни случайного не бывает. Не просто так сегодня на моём дежурстве пришёл, пробираясь тайно, ночью этот человек.... С такой информацией не стыдно будет докладывать завтра генералу.... А может ему позвонить прямо сейчас?.. Но нет, надо сначала дослушать!!!».

Человек был неопределённого возраста, ему было где-то от сорока до пятидесяти лет. Высокий, худощавый с хорошими, почти седыми волосами. На изнемождённом усталом лице трёхдневная щетина, тоже с проседью. Глаза серые, я бы даже сказал, красивые, горят азартом охотника и секретного сотрудника.

– Я уже не спал несколько дней, сопоставляя всё происходящее вокруг меня.... – Начал он свой рассказ, усевшись на стул.

Я расположился напротив него и мелким убористым почерком стал записывать всё, о чём он говорил.

– Григорьев Николай Иванович. – Представился он, и стал рассказывать о том, что он родился в Ленинграде, учился в секретном институте, работал по строительству двигателей для ракет и даже имеет отношение к созданию ядерного оружия. – Но, поскольку это не имеет отношение к цели его прихода, я хоть и внимательно и жадно, не перебивая его, слушал, но ждал всё же главного: «Фамилии, адреса, явки...»

– Мне пришлось приехать на Сахалин пять лет тому назад. – Продолжал

он. – Уже тогда мной заинтересовались спецслужбы Японии. Я им нужен, как человек очень много знающий.

Николай Иванович достал из потертого, почти ученического портфеля ворох бумаг и выложил их на стол:

– Вот, смотрите, это – секретные документы... Моя работа над двигателем для ракет. Здесь используется совершенно новое топливо... Какое?... Я вам этого сказать не могу... Не обижайтесь, это государственная тайна.

Но вернёмся к японцам. Когда я поселился в своей квартире, сосед за стеной – кореец, уже жил там. Как они всё просчитали... Знали, что я приеду и заранее подселили мне соседа. Главное – он не кореец, он японец. Я проверял, он знает японский язык. Он стал часто заходить ко мне под предлогом «попить чайку», но усиленно интересуется, чем я занимаюсь и над какими проблемами работаю...

Видите – он стал тыкать мне портфель – я вынужден со всеми документами ходить всё время. Я боюсь, что в квартиру проникнут, и похитят бумаги.... Вы даже не представляете, что тогда будет....

– Что тогда будет?

– Японцы получат мои бумаги и создадут двигатели для ракет нового поколения... Усиление Японии приведёт к дисбалансу приоритетного вооружения и, они, напав на нас, отберут Курилы.... Этого допустить никак нельзя.... – И он уставился на меня, ища поддержки сказанному.

– Да, этого допустить нельзя – задумчиво ответил я, уже не понимая, относится ли это к возможной краже документов, или захвату Курильских островов....

Я исписал около пяти листов информации, которой безостановочно рас-

Оперуполномоченный КГБ старший лейтенант Валерий Киселёв со своим агентом на охоте. Остров Сахалин, 1975-й год.

сказывал мой первый посетитель. У меня ни разу не возникло сомнения в неискренности его слов. Его убедительность, плавное и чёткое построение фактов, действий. Он называл фамилии, ячейки шпионов, события, происходящие в мире, известные мне по радио и телевидению. Высказывал свои суждения о каких-либо политических моментах в капиталистических странах. Всё было логично. Слушая его, я думал:

– «Интересно, вот было бы здорово, чтобы мне разрешили завербовать его! Это был бы кладёзь информации...– Перед отъездом начальник управления сказал: «... вот тогда будут результаты...» А вот вам, пожалуйста, товарищ генерал – результаты уже есть.... Ничего себе, целая сеть.... Могут и медаль дать или даже орден».

Мы беседовали часа четыре. Уже под утро договорились о способах связи. Он тихо и незаметно выскользнул из парадной двери здания, а я с ворохом исписанных бумаг победно поднялся в дежурку.

– Как дела опер? – серьёзно спросил меня Першин. – Пообщался с посетителем?

– Михаил Александрович, – помня наставления генерала, почти шёпотом, стал я докладывать ему о встрече.

Послушав пару минут, майор остановил меня и сказал:

– Вот номер телефона, вот пароль – он ткнул два раза пальцем в разные списки под стеклом рабочего стола дежурного. В восемь утра позвонишь и назовёшь данные ночного гостя, потом и обсудим.... А сейчас, иди пару часов поспи. Я на дежурстве вообще спать не могу. С войны привычка, поэтому в нашем управлении со мной все мечтают дежурить.... Тебе повезло.

Я улёгся, не раздеваясь, на жёсткий диван в соседней комнате, и когда ворочался, устраниваясь поудобнее, сейф с оружием в тиши ночного управления громыхал как листы железа под проходящем танком Т-34. А про себя думал:

– Повезло!.. Конечно, повезло, когда завтра выложу шпионскую сеть на стол генералу – и мгновенно заснул. Во сне меня окружали с ружьями наперевес японцы. Я успешно оборонялся и даже захватил пару пленных...

Проснулся от того, что меня тряс за плечо дежурный:

– Вставай! Умойся... Скоро приедет начальник управления,... машина за ним уже ушла....

За окном было уже совсем светло.

Быстро умывшись, я «отпустил» Першина тоже по неотложным делам. А сам, сидя за столом дежурного, нашёл телефон, по которому должен был позвонить...

– Ничего себе – от удивления вслух проговорил я, уставившись на номер телефона... – это психбольница.... В другом конце в списке паролей перед сегодняшней датой в кавычках было написано слово – «стул». Автоматически я набрал с городского телефона номер, даже, не обратив внимание, что звоню на час раньше указанного срока. Телефон три раза «гуднув» – ответил:

– Слушаю вас... – Ответил заспанный голос.

– Стул.... – сказал я.

– Что ж так рано-то, милый? Или что, совсем достали?.. Назовите фамилию...

В этот раз оперуполномоченный КГБ старший лейтенант Валерий Киселёв не смог поймать иностранного шпиона, зато поймал и привёл на погранзаставу двух оленей. Остров Сахалин, 1976-й год.

– Чью? – Растерялся я.
– Ну, кого проверять будем...
– А... Григорьев Иван Николаевич.

– Ждите.

Через минуту на том конце провода опять зашуршала трубка и тот же голос сказал:

– Вы меня слышите?.. Тяжёлая форма шизофрении с манией преследования. Для общества не опасен, не агрессивен...

– Так что он, псих? – Уныло спросил я.

– Мы их называем больные.

На последних фразах разговора вошёл майор с полотенцем в руках, на ходу вытирая руки.... Услышав разговор по телефону, и дождавшись, когда я положу трубку сказал:

– Апрель.... Весной у них обострение болезни. Вот они и ходят....

– Так что ж вы сразу не сказали?

– Убедительно говорил твой гость?

– Да, очень!

– Поэтому тебе самому это надо было услышать. Теперь навсегда запомнишь. Привыкни, у нас слову не верят, всё надо проверять....

– Апрель?

– Апрель!

И мы оба рассмеялись.

Константин ПОЛУПАНОВ, капитан

Константин Александрович Полупанов — прозаик. Родился и вырос в пос. Шолоховском Белокалитвинского района Ростовской области. Окончил Шолоховскую школу №8 имени Героя РФ Вчерашнева С.Г.

Выпускник Новочеркасского высшего военного командного училища связи (факультет радиосвязи) 2008 года, выпускник Южно-российского гуманитарного института 2013 года, магистр Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (юридический факультет).

После выпуска из НВВКУС проходил военную службу на должности старшего инженера части в г. Острове Псковской области и г. Мурманске. Уволен в запас в связи с организационно-штатными мероприятиями.

В настоящее время проживает в г. Шахты Ростовской области, действующий сотрудник ГУ МВД России по Ростовской области.

Член Союза писателей России с 2010

года. Писать начал ещё в школе, продолжил в училище, окончательно остановившись на военно-патриотической тематике. Победитель Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!» (г. Москва, 2007). Участник Первого всероссийского совещания писателей в 2008 году в г. Москве. Призёр литературных конкурсов «Молодёжь Псковщины», г. Псков (2009), «АСТЭС» г. Мурманск (2010), «В поисках правды и справедливости» (г. Москва, 2016).

Произведения публиковались в журнале «Московский Вестник», «Роман-газете», альманахе «АСТЭС» г. Мурманска, альманахе «Рать» (г. Москва), многих периодических изданиях. Автор сборников: «Не бывает...» (Новочеркасск, 2006), «Разойдись...» (Новочеркасск, 2008), «Шаги слёз...» (Новочеркасск, 2012), «Герой Афгана — Герой России» (Новочеркасск, 2014), «Герои Белокалитвинского района» (Ростов-на-Дону, 2016).

БЕССМЕРТНИКИ

Повесть

На лавочке во дворе двухэтажного дома сидели двое пожилых мужчин. Один из них, тот что с бородой, был в тёмных брюках, и несмотря на жару, в пиджаке того же цвета, он вольготно сидел, откинувшись на спинку, выставив левую ногу вперёд, а справа от него стоял самодельный байдик. Другой же, с седыми размашистыми усами, был в светлых брюках и

чёрной телогрейке, сидел, согнувшись вперёд, придвинув максимально очки и жадно пытаясь что-то увидеть в тексте газеты. Во двор налегке вбежала девочка в лёгком светлом сарафане.

– Да между строк смотри, между строк!!! – вдруг закипел бородатый, угнувшись резко к соседу и несколько раз тыкнув пальцем в газету. – Видишь?!

– Ага, ага... – неубедительно проговорил второй и отвлёкся от текста на проходящую мимо девочку. – Здравствуй, Лиличка!

– Здравствуйте, Матвей Егорович! – поздоровалась она именно с очкариком, так как второго дедушку она не знала, но глядя уже именно на него, добавила: – Здрасти...

– Здравствуй, здравствуй, снежинка... – поздоровался незнакомец, проводив её взглядом до крыльца дома, улыбнулся и уже спокойно спросил у Матвея Егоровича: – Увидел?

Лиле было десять лет, но из-за худобы и невысокого для её лет роста давали ей всегда не больше семи. У неё были кипенно белые прямые волосы до плеч и приятное лицо с естественным румянцем на щеках, чуть задранном острым носиком и глазами цвета неба. Из-за такого нежно-молочного вида её часто называли, то белкой, то снежинкой даже знакомцы, как и сегодня вот этот старичок.

Матвей Егорович был ей мил по трём причинам: во-первых, он никогда не кричал ни на неё, ни на других детей во дворе, даже если видел, что они шкандничают. Во-вторых, он часто угощал конфетами и порой даже шоколадными, которые были в дефиците. И самая главная причина скрывалась в его отчестве – Егорович, оно как-то подсознательно роднило Лилю с ним, потому что фамилия у неё была более чем созвучная – Егорова. Матвей Егорович был неотъемлемым «атрибутом» их двора, если не стоял холод. Он всегда был во дворе: то на лавочке сидел с пришедшими навестить приятелями, то на крыльце курил, то просто ходил по двору. И в те несчастные дни, когда он куда-то уходил, Лиля, возвращаясь из школы, даже удивлялась его отсутствию. До этого лета он часто прогуливал по двору бабушку Нюру Безбожнову, придерживая её под локоть: ей было уже за девяносто. Но после этой зимы она ещё ни разу не появилась во дворе, среди взрослых ходили разговоры, что она скоро помрёт, и эти разговоры порождали лишь тяжёлые вздохи.

Неделю назад начались каникулы, и Лиля прибежала от Народного суда, возле которого жила её школьная подруга Ира. Иры дома не оказалось, и Лиля вернулась сразу на удивление маме.

– Ты уже пришла? – спросила мама, сидя за столом на кухне и качая на руках годовалого сына Витю. – А я забыла тебе сказать, чтобы ты хлеба купила. Сбегаешь?

– А можно и я с ней? – спросила младшая дочь Валя.

– Бегите, только не задерживайтесь! – разрешила мама. – Если останется сдача, купите себе мороженое...

Когда девочки выбежали из кухни, Елена Васильевна улыбнулась, но к этой улыбке категорически не подходили её уставшие глаза. Она занималась исключительно детьми, и, несмотря на то, что и Лиля, и Валя уже ходили в школу, её сильно выматывал беспокойный Витя. Ей настолько сильно хотелось

выйти на работу, что месяц назад она уговорила мужа, и тот разрешил ей убраться в магазине, где он был и заведующим, и продавцом, и уборщицей в одном лице.

– Ты чего удумала?! – недовольно спрашивал он, нахмутив брови, когда она завела этот разговор в первый раз.

– Петечка, ну, пожалуйста, и тебе легче будет, и я отвлекусь... – просила она.

Ей хотелось убежать от этих бесконечных стирок, готовок, убежать из этих стен двухкомнатной квартиры куда-нибудь, хоть на чуть-чуть, но обязательно, она хотела работать. В конце концов, Пётр сдался, и она с сыном на руках садилась на трамвай чтобы через четыре остановки сойти, пройти ещё два квартала пешком, прийти в магазин, отдать сына мужу, а самой с каким-то чувством нужности и полезности обществу, согнувшись пополам, вымывать начисто деревянный крашенный пол.

Лиля с Валец, пробежав наперегонки по двору и оказавшись на Рабоче-крестьянской улице, перешли на шаг. До хлебной лавки пройти шесть домов, но это был другой мир. В своём дворе можно было вести себя по-всякому, а здесь надо было вести себя прилично. Так всегда говорила мама, если они гуляли с ней, она одёргивала за руку или даже чуть повышала голос: «Лиля! Ты на людях. Ты уже не ребёнок, веди себя подстать. Валя! Прекрати бегать, на тебя мальчики смотрят!». На Рабоче-крестьянской, действительно, было много мальчишек всегда, их как магнитом притягивали трамваи. И летом, и зимой они не переставали цепляться за прицепное и волочиться в любом направлении, порой сбивая в кровь ноги, разрывая обувь, чтобы отцепиться на следующей остановке и вернуться оттуда таким же способом, или доковылять пеше с гордо поднятой головой. Вот и сейчас взявшиеся за руки сёстры, шедшие молча и горделиво, понимали, что на них смотрят мальчишки с той стороны улицы, от чего ещё более выгнулись.

– Белки!!! – закричал на всю улицу один из них.

– Дураки... – словно про себя сказала Лиля, не поворачивая головы.

– Лиль, а у нас останется на мороженое? – спросила Валя, не поняв, что крик с той стороны улицы был адресован именно им.

Лиля посмотрела на сестру и подумала: «Нет, всё же мы совсем разные». Единственное, что их точно объединяло, это причёска и округлость лица, а остальное – нет: у Вали были тёмные волосы, округлый нос «картошкой», более крупные скулы и тёмно-карие глаза. Ещё схожи они были телосложением: одинаково худые ноги-спички, торчащие из светлых сарафанов. «А может и похожи», – поколебалась Лиля и ответила сестре:

– Не знаю, если хлеб не подорожал опять, то хватит даже на три!

От этой мысли настроение заметно приподнялось у обеих, и они зашагали быстрее.

Возле булочной снова было многолюдно, очередь растянулась метров на двадцать и двигалась медленно. Девочки молча дожидались, периодически осматриваясь по сторонам. Впереди них стояла очень крупная женщина в тёмно-коричневом плаще. Валя была ей многим ниже пояса, она посмотрела на женщину, на сестру, снова на женщину, опять повернулась к сестре и сказала достаточно громко:

– Лиль, а я не хочу быть такой!

Лиля, продолжавшая держать её за руку, сразу же одернула, по примеру матери, и укоризненно посмотрела.

Мимо прогрохотал трамвай, на котором сзади висел Колька, один из тех мальчишек, ученик параллельного класса, а двое других его друзей бежали по той стороне и что-то кричали, видимо подбадривая товарища. «Дураки...» – опять подумалось Лиле. Она не понимала, что может быть в этом весёлого и интересного, всё-таки это опасно. Да вдобавок можно схлопотать от водителя трамвая или милиционера, или случайный прохожий потом так приподнимет за ухо, что желание пропадет смотреть на эти трамваи.

Лёгкий ветерок пронёс по очереди запах хлеба, вкусный аромат зашевелил народ. Один из трёх мужчин, живо беседующих поперёд большой женщины, отвлёкся от разговора и возмущённо крикнул: «Да двигаемся там или не двигаемся? Чаво стоим, каво ждём? Взяли, отошли!». У Вали громко проурчал желудок, и сёстры засмеялись как по команде. «Да что ж это-то такое-то?!», – недовольно пробурчала проходящая мимо очереди бабушка, на ходу убирая хлеб в авоську.

– Лиль, а кто такой Гитлер? – спросила Валя, услышав эту фамилию в разговоре трёх мужчин, который Лиля тоже невольно слушала. Сегодня она уже слышала разговоры о нём в Ирином дворе у Нарсуда, упоминали там и товарища Сталина, и Молотова.

– Адольф Гитлер? – переспросила Лиля, делая акцент на том, что знает даже имя этого человека, – Это как наш товарищ Сталин, только в Германии.

– А в Германии это далеко?

– Это возле Польши.

– А Польша далеко?

– Далеко.

– Сильно далеко? – не унималась с вопросами Валя, желая загнать сестру в тупик.

– Сильно!

– А на трамвае туда можно доехать?

– Так всё! – Лиля снова одёрнула её за руку, и Валя обиженно замолчала, но потом улыбнулась, добившись цели.

В школе классный руководитель Ольга Павловна рассказывала на уроке, что товарищ Гитлер в дружественных отношениях с товарищем Сталиным, что наши страны тоже дружат, их специалисты приезжают к нам в страну перенимать опыт наших советских передовиков. Только вот эти слова никак не сходились со словами мужчин у нарсуда, один из которых назвал Гитлера «дураком», вроде как он может, как и Колька кататься там, в Германии, на прицепных трамваях. От этой мысли она улыбнулась, представила, как взрослый дядька повиснет на трамвае, и, вероятно, сотрёт себе колени о булыжник, пока доберётся до следующей остановки. А другой мужчина тогда уже тише, но всё же отчетливо сказал: «Будет война, я вам говорю, будет!». Какая она эта война Лиля не знала, но все вокруг говорили, что страшная. Из всех взрослых в их дворе войну видели только бабушка Нюра и Матвей Егорович. Говорили даже, что Матвей Егорович эту войну победил и имеет за

это какой-то неведомый Георгий, но Лиля этого «георгия» не видела, и ей он о войне не рассказывал. Взрослые всегда, однако, одинаково сопровождали слово «война» словами: голод, ужас, страх, стрельба, смерть. А слово «смерть» у Лили ассоциировалось с большим количеством крови. Она потрусилась головой, стараясь не думать об этом.

Она подумала о школе. Ей нравилось учиться, нравилась новая четырех-этажная школа, нравились учителя, одноклассники – и, даже когда она приболела зимой, всё равно рвалась в школу. Ей хотелось новых знаний, она не успела устать, а учебный год уже кончился, и впереди было ещё целых три месяца каникул.

Их очередь почти подошла, женщина в коричневом платье попросила аж семь горчичных булок, они были самые вкусные и самые дорогие. Она долго копалась в кошельке, потом, не торопясь, начала укладывала хлеб в сетку, чем вызвала негодование в очереди, и после неодобрительных криков ускорила и отошла. Лили протянула продавцу двадцать копеек, женщина подала хлеб, высыпала в ладонь сдачу, и девочки сразу же отошли. Остановившись чуть поодаль, Лили убрала хлеб в авоську и открыла ладонь, в неё с любопытством заглянула Валя, и они обе расстроено вздохнули: лежало всего три монеты по копейке.

– Не хватит, да? – на всякий случай спросила Валя.

– Нет... – подтвердила Лилия.

Они не спеша пошли обратной дорогой, думая о своём. Полуденное палящее солнце пошло на убыль, но заметно легче от этого не стало, легкий ветерок по-прежнему гонял разогретый малоприятный воздух, который совсем не охлаждал тело. На подоконниках домов ворковали голуби, цокотя когтями по металлическим карнизам. Из открытого окна по улице расплывалась, уже затёртая за последние четыре года, песня, постоянно прерываемая шумами:

Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек!

Я другой страны такой не знаю, где так вольно дышит человек.

От Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей,

Человек проходит как хозяин, необъятной Родины своей...

– Слушай, а пошли тогда в Бювет? – предложила Лилия, когда они уже свернули с Рабоче-крестьянской на Борисоглебскую и должны были вот-вот заходить в свой двор.

– А нам хватит? – спросила Валя.

– Должно... На обычную-то точно должно, – неуверенно ответила сестра.

– Пошли! – заулыбалась Валя.

Они повеселели и пошли вниз по Борисоглебской. Пройти надо было всего квартал по маршруту, по которому Лилия каждый день ходила в школу, этой же дорогой можно было попасть и на рынок, и в трамвайное депо, и к Нарсуду. Улица была намного уже, тротуаров не было, машины почти не ездили. Бювет представлял из себя старое, покосившееся, но свежеекрашенное, светло-синее, деревянное строение со ставнями, которые закрывали на ночь. Зимой Бювет спросом не пользовался, потому и не работал, а вот летом, в жару возле него останавливались многие, чтобы выпить холодной газированной воды, чуть остыть в тени и утолить жажду. На удивление сегодня рядом с ним почти никого не было, только чуть поодаль стояло несколько мальчишек, пересчитывая мелочь.

– Здравствуйте! – поздоровались с молодой продавщицей девочки.

– Здравствуйте, мои хорошие! – поздоровалась в ответ она, с улыбкой посмотрев на них из-за прилавка, – Вам с сиропом или обычную?

– А сколько стоит? – спросила Лиля, думая, что газировка, как и хлеб, могла подорожать.

– Как всегда: простая – копейка, с сиропом – три!

Сестры посмотрели друг на друга, находясь перед выбором. Пить обычную обоим не хотелось, хоть её получалось и по стакану, хотелось с сиропом, она значительно вкуснее, долго не думали и почти одновременно крикнули:

– С сиропом!

– Малина, клубника, ваниль?

Ответили они ещё раз одновременно, но уже по-разному:

– Малина!

– Клубника!

– Валя, давай сегодня возьмём с малиной, а в следующий раз с клубникой, хорошо? – сразу же мягко спросила Лиля, зная, что Валя может заканючить, и прогулка может закончиться слезами, но Валя на удивление быстро согласилась:

– Хорошо.

Лиля протянула три копейки. Продавщица в несколько секунд что-то сделала под прилавком, раздалось шипение, и она протянула девочкам стакан со светло-розовым напитком, ещё кружившимся в стакане и выбрасывающим множество пузырьков на поверхность. Лиля взяла стакан и протянула его сестре, та сделала несколько глотков и, улыбаясь, отдала его обратно. Лиля допила и отдала стакан продавщице.

– Вкусно... – сказала Лиля.

– Щикотно! – сказала Валя, вытирая забрызганный пузырьками нос.

Они вернулись домой, отдали хлеб матери и выбежали гулять во двор. Ни Матвея Егоровича, ни его приятеля уже не было. Зато по двору пинали ногами консервную банку соседские мальчишки Лёва Житников и Саша Алякин. Сёстры стали чуть в стороне, периодически разговаривая с ребятами и дожидаясь, пока они набегаются со своей банкой и, наконец, остановятся и уделят внимание им.

Вообще в их дворе было много детей, почти в каждой из шести квартир по двое. В первой квартире жили Житниковы: их отец работал на железной дороге, в семье помимо Льва был еще младший сын Дима, Валиного возраста. Саша Алякин с родителями жил во второй квартире, у него тоже был брат, но намного старше, в прошлом году он окончил школу и теперь появлялся здесь очень редко. В третьей квартире жила семья Гавриловых: мать работала в садике, а отец трудился на каком-то заводе, у них был приёмный сын Андрей, которому очень нравилась Лиля, они были одного возраста. Четвёртая квартира была самая загадочная, в ней проживали Назаровы, они почти не общались ни с кем – ни взрослые, ни дети. Мать, несмотря на то, что оба ребенка ходили в школу, не работала, а отец появлялся раз-два в неделю, и то приходил поздно вечером, а уходил рано утром. Но кто видел его хоть раз, подмечали, что одет всегда он был «с иголочкой» и мало походил на работника, да и глава ли семейства это был – никому достоверно не было известно.

Эти четыре квартиры располагались в основном кирпичном строении их

дома. А в деревянной, с виду понятно, пристройке, на первом этаже была двухкомнатная квартира Егоровых, а над ними проживали Безбожновы: у них были отец, мать, дочь Зина и бабушка. Зина Безбожнова была неописуемо красива: высокого роста, стройная, с шикарными волосами, аккуратными эталонными чертами лица и выразительными глазами. Еще со школы у неё было много поклонников, но она близко никого не подпускала. А сейчас она уже окончила театральное училище и почти год как выступает на сцене городского ТЮЗа, её имя нередко мелькает на театральных афишах. Именно на неё хотели быть похожи и Лиля, и Валя, да и женщины во дворе часто подражали ей. Внешность Зины, несмотря на красоту, не вызвала женской зависти, что в жизни бывает крайне редко. И поведение её повседневное не отторгало окружающих: она излучала доброжелательность, всегда улыбалась и была полна энергии. И именно поэтому, когда её после концерта привозил кто-то из поклонников на автомобиле, во дворе про неё не сплетничали. Периодически она занималась с детьми: разучивала с ними песни и подсказывала, как поставить голос, иногда доставала билеты и водила их на спектакли.

Спустя две недели ясным воскресным утром семью Егоровых, как это часто бывало, разбудил крик Вити. Сразу же раздалась команда отца:

– Так, бабоньки мои, подъём! Собираемся, умываемся, и айда купаться!

В дни воскресные Петр Фёдорович Егоров был особо энергичен, просыпался рано, но сразу не вставал, выжидал первый крик сына. Только после него поднимал любимых дочерей, жену, чтобы с ними отправиться куда-нибудь: в город, за город, в зоопарк, цирк, просто в парк погулять, в Красноармейск к отцу съездить, но обязательно всей семьёй. Он очень уставал в будние дни. Все эти магазинные приходы, расходы, постоянные ревизии и периодически появляющиеся недостатки заставляли его дергаться, казалось, сводили с ума. В его бытность завмагом, четыре года уже как, арестовали и осудили не одного из его знакомых заведующих. Выматывался он не столько физически, хотя и таскать приходилось много и лотков, и ящиков, и мешков, сколько морально, постоянно всё проверяя, перепроверя и пересчитывая. Когда он приходил домой, сразу же ложился спать. Он был благодарен супруге за то, что она приезжала к закрытию магазина вымывать полы, хотя он категорически противился и не понимал этого тогда, не понимает и сейчас, но был рад тому, что именно в это время у него была возможность поиграть с сыном. Сын уже делал первые шаги, не один и не два, если давать ему держаться за пальцы, мог протопать несколько метров, но пока всё же ленился, как казалось отцу, и предпочитал играть, сидя на широком прилавке. А вот то, что с дочерьми редко общается, Пётр Федорович знал и испытывал за это вину, и если в субботний вечер он еще приходил в себя и отдыхал, то в воскресенье утром он подсакивал с лёгкостью, был полон сил, и не хотел проводить этот день в лёжке, а хотел полностью посвятить его детям.

Пока супруга пошла кормить сына, Пётр Федорович вошел в комнату, где спали девочки. Ни Лилия, ни Валя не шевелились, и, несмотря на жару, с головой были спрятаны под одеялом. Он сел на край кровати и чуть потянул одеяло на себя. Девочки, выжидавшие момента, набросились на него.

– Ух ты!!! – от неожиданности воскликнул он, через мгновение они обе уже обхватили его шею.

- Папка, папка! – закричала младшая Валя
- А мы на «песчанку» пойдём?! – спросила Лиля.
- А ты удочку возьмёшь?!
- А мама с нами?!
- А будем строить замки?!
- А потом поедем мороженого?!

Пётр Федорович встал с кровати вместе с ними, девочки продолжали висеть, но недолго, первая отцепилась Лиля, за ней Валя. Они стояли босиком в одних трусиках, и смотрели на него снизу вверх уже молча, ожидая ответов на заданные вопросы.

- Будет вам и мороженое, и пирожное! Давайте, собирайтесь!

Девочки запрыгали от радости и начали быстро собираться.

Пётр Федорович вернулся в кухню. Виктор с закрытыми глазами посасывал материнскую грудь. Пётр Федорович посмотрел в усталые глаза супруги, подошёл к ней и погладил её по голове. Елена Васильевна смиренно наклонила голову.

Когда Пётр Федорович с женой и сыном вышли из дома, девочки уже ждали во дворе, сидя с Матвеем Егоровичем на лавочке.

– Опять балуете, Матвей Егорович? – спросил Петр Фёдорович, увидев у дочерей по ириске.

– Шо молодой, шо старый – сладость в радость! – улыбаясь, ответил старик, и, увидев удочку, спросил: Вы никак до Волги?

– Да, Матвей Егорович, пока день выходной: позагорать, покупаться, может рыбки половить...

– Загорать вот и купаться не охота, а на рыбалку бы с радостью... – с досадой проговорил Матвей Егорович.

– Так, а что мешают?

– Да ну брось, родненький... – он посмотрел на небо, – Ни облачка нет, и так задыхаюсь от жары этой, спрятаться не знаю куда. А под солнцем сидеть уже не смогу, отойду сразу в мир иной...

– Ну тогда осени ждать...

– А вот энто верно, не забыть бы, что хотел порыбалить! Напомнишь мне, родненький, осенью, и удочку дашь, коли не жалко будет...

– Напомню, напомню...

Они вышли со двора на Борисоглебскую и пошли вниз к Волге. Елена Васильевна несла Виктора, Пётр Федорович нёс корзинку с продуктами и удочку, девочки с полотенцами бежали поперёд, так что родители за ними еле поспевали. Пройти мимо Бювета не случилось, уже было жарко, и попить газированной воды желание было общее. Девочки выбрали клубничное, взрослые простой воды, стакан на двоих. Пока пили, Пётр Федорович думал, что надо бы ещё на рынок заскочить...

Вдруг со стороны Рабоче-крестьянской раздались крики. Все оглянулись, но не придали этому значения. Он расплатился, и они пошли дальше. Лицо супруги заметно похорошело, было видно, что она рада этому походу. На мгновение Петру Фёдоровичу показалось, что она даже счастлива, отчего он сам тоже расцвёл.

Крик повторился уже заметно ближе и заставил насторожиться. Пётр Фёдорович обернулся. В их сторону по дороге бежал мальчишка лет четырнадцати. Мчался быстро, еле успевая перебирать ноги, и, когда он уже был ближе, Пётр Фёдорович успел рассмотреть его и по выпученным и полным страха глазам понять, что что-то случилось. Мальчишка на секунду остановился и, тяжело дыша, прокричал:

– Война! Война началась!!! – и побежал дальше.

Пётр Фёдорович посмотрел на супругу, её глаза в мгновение налились ужасом и непониманием. Ещё несколько секунд он и сам не понимал, что это, шутка ли или правда. Парень вроде взрослый уже, и эти глаза его – он немного смутился, но всё же быстро взял себя в руки и строго крикнул:

– Валя, Лиля, быстро домой!!! – развернулся, взял жену под локоть и они быстрым шагом пошли в обратном направлении так, что уже девчонки не поспевали за ними.

Они быстро забежали по ступенькам в дом. Пётр Фёдорович строго наказал:

– Из дома ни шагу! – укоризненно посмотрел на дочерей, – Понятно?!

– Хорошо... – согласились они, не понимая, что происходит.

Оставив семью дома, сам он отправился на Рабоче-крестьянскую, узнавать, так ли это на самом деле и откуда такая информация пошла. Он шёл по улице в направлении хлебного павильона, помня, что именно там висит ближайший репродуктор, по которому иногда передавали новости. Прохожие были не меньше его напуганы, удивлены, растеряны. Люди куда-то спешили, кто-то из них тихо шептал: «Война, война, война...», кто-то откровенно плакал. Возле столба с репродуктором собралось много народа, и все с какой-то надеждой и большим ожиданием смотрели на верхушку столба.

– Братцы, чего случилось? – спросил он у мужчин, стоявших в толпе.

– Подожди, подожди, сейчас повторять будут... – отвлечённо ответили те.

Спустя полминуты раздалось шипение и скрежет, спустя ещё полминуты громкий голос известил:

«Внимание! Говорит Москва! Говорит Москва! Заявление Советского правительства. Граждане и гражданки Советского Союза. Сегодня, двадцать второго июня, в четыре часа утра, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбардировке города: Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и другие...»

По телу пробежала дрожь, и появилась какая-то вата в ногах. Страх блуждал по телу, страх не за себя, за семью: Виктор совсем маленький, девчонки тоже не взрослые. И в голову лезли вопросы: вдруг призыв, что теперь будет с продуктами, где немцы сейчас? Пётр Фёдорович снова взял себя в руки и отправился к трамвайной остановке. Помимо семьи, была ещё работа. Он понимал, что надо ехать в управление и получать установки: что делать с магазином, консервировать или продолжать работать, если продолжать, то как.

Девчонки сидели в своей комнате безвылазно. Пытались разговаривать, но разговор не шёл. Хотелось поиграть, но строгий голос отца утром и напуганные глаза матери давали понять, что это неуместно сегодня. Успели

поспать. Часов в пять они услышали обычный крик брата, но почему-то напугались. Потом к ним зашла мать.

– Мам, а что такое война?

– Лиль, сходите во двор подышите воздухом, а то созреете здесь! – сказала она, не ответив на вопрос. Взгляд её был уже более спокоен, но чувствовалась напряжённость и озадаченность. – Только со двора ни ногой!!!

Девочки оделись и вышли из квартиры. Они остановились на крыльце, огляделись. Всё было как и прежде, ничего не изменилось: лавочка, дерево, забор и сараи с погребницей. Войны не было. Лиля ожидала, что будет: голод, ужас, страх, стрельба, смерть. Но этого не было: она совсем не хотела есть, ей не было страшно, не было слышно стрельбы и все были живы, в подтверждение чему от соседнего крыльца к сараю прошагал Матвей Егорович. Девочки побежали к нему.

Он снял навесной замок, открыл дверь и зашёл в сарай. Девочки ждали возле двери, а из темноты раздавался грохот, шорох и кряхтенье. Через минуту Матвей Егорович вышел наружу.

– Чего вы, миленькие? – спросил он с сочувствием.

– А вы куда, дедушка? – спросила Валя, увидев в его руке небольшой дорожный чемоданчик.

– Поеду я подальше, поеду. Я своё отвоевал... – он тяжело вздохнул, хлопнул дверь и начал вешать замок.

– А вы на войне воевали?

– На войне, Лиличка, на войне. – он закрыл замок, повернулся к девочкам, убрал ключ во внутренний карман пиджака и оттуда же достал что-то.

На дрожащей, старой, широкой ладони в шрамах лежал небольшой крест с чёрно-оранжевой ленточкой. Посередине креста просматривался круг с каким-то изображением, но из-за дрожжи руки девочки не могли рассмотреть рисунок.

– Вот это моя война! Это моё ранение и моя кровь! Нет уж, мне хватит! – он сжал ладонь и убрал крест обратно. Снова сочувственно посмотрел на них и пошёл в дом: Да поможет вам Бог..

Позже к сёстрам присоединились и соседские мальчишки, им тоже строго запретили уходить со двора, и если в остальные дни это вряд ли бы их остановило, то сегодня все понимали, что что-то происходит и уходить, действительно, нельзя.

Дети ждали войну, но её не было ни в этот день, ни на следующий, ни позже. Напряжённость взрослых стала меньше, но по лицам было видно, что она не исчезла совсем: люди были хмурые, злые, агрессивные и почти не было улыбок.

Тянулись каникулы. Пётр Федорович продолжал ездить на работу. Он стал ещё более напряжённым, выходных дней не было. Елена Васильевна, как и раньше, занималась сыном. Лиля снова начала ходить к подружке к Нарсуду, иногда брала с собой Валю. Часто вместе с мальчишками со двора они бегали на Волгу купаться. Валя зачастую брала с собой отцовскую удочку и пыталась что-нибудь поймать, но ловились только пескари и то нечасто.

Лиля заметила, что из жизни исчезла музыка, исчезли песни, которые она так любила. Не слышно их было из окон, не звучали они из репродуктора на

столбе, не пели их во дворах. В городе росло количество военных, взвода и роты проходили в разных направлениях по Рабоче-крестьянской, появились вооружённые патрули. Зачастую она выбегала на Рабоче-крестьянскую и подолгу сидела там на лавочке в ожидании колонны солдат. Солдаты ходили строем и пели песни, а она слушала. Песни были невесёлые, но красивые, они часто повторялись. Она сходу запоминала слова и мотивы, а потом тихо напевала их дома и во дворе. Особенно ей нравилась одна песня, раньше её не было, и сейчас её пели нечасто. Слаженный шаг военных и грубые мужские голоса придавали словам мужественности и неведомой силы:

Вставай страна огромная, вставай на смертный бой.

С фашистской силой тёмною, с проклятою ордой!

В сентябре дети пошли в школу. Лиля очень ждала этого не только из-за желания учиться и увидеть одноклассников. Она очень хотела посмотреть на Ольгу Павловну, которая весной сказала, что товарищ Гитлер в дружественных отношениях с товарищем Сталиным и что страны наши тоже дружат. Она непременно хотела спросить её об этом, и спросила первого сентября на первом же уроке, секунды спустя после произнесённых учительницей поздравлений, посвящённых началу учебного года. В классе повисла тишина, вопрос был более чем актуальный, учительница залилась краской, ей было неудобно и, прокручивая в руке мел, она пыталась подобрать правильные детские слова для ответа, но не могла. И в первый раз, вероятно, обрадовалась выкрику с задней парты:

– Батя сказал, что Гитлер – «чёрт»!

– Бортников, ну что это такое, прекрати... – без каких-либо эмоций сказала Ольга Павловна, поймав себя на мысли, что в любой другой ситуации за такое сын папы рецидивиста, который тоже учился у неё, был бы выгнан из класса, но не сегодня, потому что, понимая в общих чертах смысл сказанного определения, она не могла, не согласиться с Бортниковым-старшим. – Вы понимаете, дети... В жизни зачастую встречаются нечестные люди, люди, которые говорят, но не делают, слова которых часто расходятся с их действительными поступками...

– Вруны? – спросил кто-то.

– Лжецы! – скорректировала она, – Вот так получилось и с Гитлером, который говорил одно, а сделал другое, обманув и предав товарища Сталина. Но вы же знаете, что за ложь непременно придёт расплата. Доверие трудно заслужить, но легко потерять...

Дальше продолжать этот разговор Ольга Павловна не хотела. Спустя два месяца после начала войны, даже в учительской об этом разговоры заходили нечасто. Говорили о том, что победим, что враг будет разбит, что необходимо продолжать выполнять свою работу, а вот о том, почему так произошло, никто не говорил...

В классе была тишина. Дети смотрели на Ольгу Павловну. Она сначала улыбнулась, подумав, что уже не те дети сидят перед ней, что были в мае, что война не только состарила её, добавив седины в пряди, но и заставила повзрослеть её воспитанников. А потом, вспомнив о погибшем в гражданскую войну муже и призванном в начале июня на военные сборы в Красную армию

сыне, находящемся сейчас где-то в Ленинграде, вдруг сильно испугалась за него, заплакала и вышла из класса.

В школьной жизни почти ничего не изменилось: стали ещё больше рассказывать о героических подвигах во имя Родины, нередко почему-то ставя в пример испанку Долорес Ибаррури и её сына Рубена; стало больше занятий БГТО: мальчиков чаще гоняли на стадион, девочкам постоянно рассказывали об оказании медицинской помощи.

С начала войны Лиля, как и все дети, пыталась следить за новостями с фронта, и первые учебные дни в классе говорили о наступлении немцев, но те двигались настолько быстро, что детям это надоело, и они перестали отслеживать их победы. Информации было слишком много: иногда о продвижении немцев рассказывали учителя; сводки с фронтов сообщали по репродуктору, их читал мужчина с интересным голосом; короткометражные сюжеты о бесчинствах немцев иногда показывали в кинотеатре «Ударник», и каждый день о войне говорили все взрослые, включая родителей. От этих разговоров было некуда скрыться, и даже в солдатских песнях на Рабоче-крестьянской было тоже:

Двадцать второго июня, ровно в четыре часа,
Киев бомбили, нам объявили, что началась война...

Порой Лиля даже задавалась вопросом, почему столько разговоров о войне, ведь здесь её нет, и вряд ли здесь она будет, далеко Сталинград от границы, и немцев обязательно вот-вот остановят солдаты – так зачем о ней говорить?

Но немцы, почему-то не останавливались, а казалось, что только набирали обороты: давно сдан Минск, теперь вот сдан Киев... Немцы вплотную подошли к Москве, начался массовый призыв в Красную армию.

Пётр Фёдорович собирался весь день – хоть и собраться на войну, что голоду подпоясаться. Он нервно ходил из угла в угол. Сначала он думал надеть полуботинки, потом всё же решил надеть сапоги. Пиджак надевать не стал, натянул старый свитер, брюки с несколькими латками. Периодически он присаживался на стул и закуривал, хотя до этого никогда не курил в квартире. Елена Васильевна наблюдала за ним, сидя на кровати.

– А что мне поверх надеть?! – нервно спросил он.

– Полушубок надевай...

– Да какой полушубок, он почти новый, вам тут сгодится, зима заходит!

– Петя, зима то заходит, но мы-то хоть в доме, а где завтра будешь ты – неизвестно... – спокойно сказала жена, – Надевай, надевай – даже думать нечего...

Он накинул бежевый полушубок, и даже застегнулся, потом снял его, и снова закурил, сев на стул.

– Лёль, вы если что, к отцу уходите... А если уж совсем...

– Никаких если уж совсем!!! – грубо сказала жена, на её глазах проступили слёзы, – Никаких! Вас зачем призывают?! Чтобы остановили! Чтобы победили! Вот и сделайте так, чтобы не дошли они к нам! Слышишь меня?! Нас никогда не побеждали, и теперь мы права не имеем сдаваться!!!

Он потушил сигарету и, пересев на кровать, обнял её, пытаясь остановить начинающуюся истерику. Она пыталась вырваться из объятий и кричала:

– Не имеете права их подпустить к нам!!! Не имеете! Всех должны убить! Каждого немца убить должны! – потом Елена Васильевна чуть затихла, и, захлабываясь, попросила мужа, – Ты только вернись... Живой вернись, я не смогу без тебя, слышишь? Вернись, миленький... Мы тебя ждать будем...

Она замолчала. Он ещё крепче прижал её голову к груди, и чуть покачивался, переполняемый неведомыми до этого объёмами эмоций: ненависти к врагу, страхом перед смертью, обязательством вернуться к семье. А её слёзы ручьём лились по щекам и, каплями падая на свитер, впитывались в ткань. Она представить себе не могла, как теперь сложится их жизнь без него, как ей справляться с детьми, на кого облокотиться и у кого просить помощи...

Он вошёл в комнату к детям. Девочки, сидевшие на кровати и слышавшие крики матери, были напуганы, а Виктор, стоявший на полу и державшийся за кровать, посмотрел на отца и, улыбнувшись, растопырил руки.

– На руки хотите, Виктор Петрович? – заулыбался Пётр Фёдорович и присел на корточки возле дверей, – Ну так иди ко мне, давай, давай, давай!

Сын отпустил кровать и аккуратно, медленно начал шагать, не опуская руки. Пётр Фёдорович подхватил его, подбросил, и, поймав, прокружил вокруг себя. Комната наполнилась детским смехом. Девочки тоже улыбнулись.

– Пап, а ты когда вернёшься? – спросила Валя.

Он с сыном на руках сел на кровать к дочерям и уверенно сказал:

– Скоро, девочки! Немцев прогоним и вернёмся, и всё будет как раньше: на рыбалку ходить будем, в зоопарк ходим – и всё будет хорошо, родненькие, всё будет хорошо... Только я вас прошу, мать слушались чтобы! Понятно?

– Конечно! – ответили они.

– Помогайте ей. С сорванцом этим помогайте, воспитывайте брата.

– Хорошо, пап...

Девочки ещё долго не могли заснуть. Они слышали, что родители тоже не спят, был слышен шёпот, тихий шум, скрип, периодически сквозь щели сквозняком тянуло запах только что выкуренной сигареты.

Утром Пётр Фёдорович одел с вечера приготовленные вещи, зашёл к девочкам в комнату и поцеловал их спящих. Лиля почувствовала этот поцелуй, отцовскую щетину, и где-то сквозь сон вспомнила, что отец должен уйти на войну. Она вскочила с кровати, но в комнате его уже не было, она выбежала в переднюю комнату, но отца не было и там, мать не спала, сидела на кровати. Лиля выбежала на крыльцо в чём была, холодный ветер окатил тело... Свежие следы отцовских сапог на свежем, ночью выпавшем снегу тянулись от их крыльца через весь двор на Борисоглебскую. Отец ушёл на войну...

Спустя месяц Елена Васильевна получила письмо от мужа. Она читала его вслух детям. Он писал, что жив и здоров, находится в Керчи, получил военное обмундирование и полушубок выслал обратно, что их подразделение со дня на день должны перебросить в Севастополь, что очень соскучился по всем и скоро обязательно вернётся. Елена Васильевна плакала. На следующий день и Лиля, и Валя писали отцу ответ, прямо на уроке, абсолютно не слушая учителей.

Посылка пришла через неделю. Елена Васильевна вернулась с почты с большим свёртком. Когда распаковала его, внутри обнаружила старые мешки и два больших голыша. Проревела весь вечер... Такая человеческая подлость

в это время больно и неожиданно ударила по её вере в советского человека.

Количество военных в городе росло. Елена Васильевна сдала комнату девочек четырём молодым ребятам, учащимся недавно образованного танкового училища. Дети спали на одной кровати с матерью. Ребята были совсем ещё юные, они были полны оптимизма и решимости, часто смеялись и шутили. Платили немного, но делились едой из пайков. В марте они уехали в полной уверенности, что скоро вернуться, оставляя Елене Васильевне на хранение два чемоданчика с личными вещами: бритвенные принадлежности, личные фотографии, четыре пары трёхпальных рукавиц и прочее. Ни Елена Васильевна, ни дети их больше никогда не видели...

В это же время четырехэтажное здание школы отдали под военный госпиталь. Буквально в несколько дней школьники перенесли всё имущество школы в старое двухэтажное здание на перекрёстке Рабочее-крестьянской и Борисоглебской улиц. Теперь до школы девочкам было рукой подать. Учились в три смены, Лиля и Валя ходили в первую, ранним утром. Почти сразу после переезда поменялся классный руководитель, правду скрывали, но дети всё же узнали, что Ольге Павловне пришла похоронка на сына, и она в больнице.

Лиля, как и все, боялась похоронок, уже у троих в их классе отцы погибли на фронте, а её отец почему-то не писал...

Вместе с летними каникулами началась массовая эвакуация. С запада тянулись беженцы и, останавливаемые Волгой, наполняли город. Партийные работники и инженеры вывезли семьи уже давно, теперь через Волгу переправляли остальных, но со всем потоком не справлялись. Немцы были уже близко, над городом часто летали немецкие самолёты, периодически бомбили город. Волга была под постоянным обстрелом, как только от берега отходила баржа или пароход, самолёт бросался в атаку – топили всё... По улицам города разлетались ужасные крики тонущих людей. Немногим удавалось добраться до берега.

– Лучше в земле гнить, чем рыб кормить! – сказала Елена Васильевна, отказавшись от эвакуации.

В августе Лиля уже знала, что учебный год вряд ли начнётся. Над городом летали самолеты: днём немецкие – ночью советские. То там, то здесь раздавались взрывы, возникали пожары. Без особой необходимости люди не выходили на улицу.

В воскресенье, двадцать третьего августа сорок второго года, полдня они просидели дома, но в городе было на удивление очень тихо: не было самолетов, неслышно было и выстрелов. Погода стояла жаркая, на небе не было ни облачка, дул лёгкий ветерок. Высоко кружили ласточки, а на фруктовых деревьях гудели пчёлы. После обеда Лиля с трудом отпросилась у матери к Ире. Валя идти не захотела, и, взяв с собой братика, осталась играть во дворе, где уже гулял Дима Житников.

Лиля промчалась по Борисоглебской до Нарсуда. Ира была уже во дворе с каким-то мальчиком. Не без сожаления Лиля рассказала о своих догадках по поводу школы, только Ира не сильно расстроилась, училась она хуже и без желания особого. А мальчик сказал, что немцев всё-равно остановят со дня на день, потому что на днях добровольцем на фронт ушёл его старший во-

семнадцатилетний брат. «Да уж... – подумала Лиля. – Если её отец на фронте уже девять месяцев, и немцев ещё не остановили, то его брат точно ход войны не изменит!». От мыслей об отце ей стало грустно, он так и не написал больше с того первого письма. Лиля думала идти обратно домой, но задумалась, засмотревшись на грузовую машину с двумя военными в кабине, медленно катившуюся по улице...

Неожиданно раздался пронзительный вой сирены.

Сирены одна за другой разорвали тишину по всему городу, мерзким звуком вселяя страх и панику. Одна верещала ближе всех, а звуки десятков других сирен, протяжно доносились со всех сторон. Пассажир военной полторки в офицерской форме открыл дверь на ходу, и, встав на крыльцо, тщательно рассматривал голубое небо. Потом осмотрелся по сторонам, и, забравшись обратно в кабину, как показалось детям, указал водителю на них. Машина повернула во двор, дети бросились к Ириному подъезду, навстречу из подъезда выскочил её отец и, больно схватив детей за руки, швырнул их в направлении вырытой во дворе щели. Ира покорно прыгнула в щель, за ней мальчик. Ирин отец посмотрел на Лилию и строго крикнул:

– Лилька!!! Быстро сюда!!!

– Не пойду! – огрызнулась она, разозлившись на его «Лилька», не переносила, когда её так называли. – Нет никого! – она ещё раз посмотрела на пустое небо.

Из подъезда выбегали ещё люди и забирались в щель. Полупорка остановилась под громадным клёном во дворе. Водитель, и офицер выскочили из неё и присоединились к спрятавшимся в укрытии местным жителям.

Лиля стояла одна посреди двора, не понимая, чего они так испугались, ведь не раз бывало, что сирена срабатывала вхолостую, прилетал самолёт, кружил над городом и улетал, не сделав ни одного выстрела, не сбросив ни одной бомбы. А сейчас и самолёта видно не было... Вой сирен не прекращался, протяжно пронёсся над домами, отражался от стен, блуждал по закоулкам и дворам города.

Дима схватил Виктора и вместе с Валей побежал через огороды до погребицы. Из дома выбежали все соседи и побежали туда же. Бабушку Нюру женщины несли на руках. В маленьком погребе, размером три на три метра, началась сумятица, семь женщин пытались взгромоздить бабушку на верхнюю полку, Валя быстро убирала с неё немногочисленные банки с купоркой. В этот момент никто не заметил как по лесенке вверх вскарабкался Витя и выбрался на поверхность. Он немного отбежал в огород и замер, внимательно осматривая небо. Кружился вокруг себя, выискивая над собой чёрные точки, но их не было: не было ни птиц, ни самолётов – было только исключительно чистое небо и несмолкающий вой сирены. Он перестал кружиться, когда сквозь сирену пробился гул, он смотрел в сторону забора, отгораживающего их двор от Рабочее-крестьянской, ладошкой закрывая медленно опускавшееся солнце. По сторонам от ладошки, сильно щурясь от пробивавшихся сквозь маленькие пальчики лучей, он всё же рассмотрел приближающиеся самолёты. Его глаза загорелись в восторге, точка была не одна, не десять, их было сотни и сотни...

– П а т а в а ... – радостно проговорил он «своё» слово «самолёт».

Елена Васильевна как ошпаренная выскочила из погребницы, когда обнаружила отсутствие сына. Схватила его на руки, но ещё несколько секунд не могла двинуться, в ужасе смотря туда, куда сын смотрел с восторгом, как роем с запада на город двигались изогнутой дугой сотни немецких самолётов. И только когда из них посыпались маленькие точки, и спустя мгновения под роем стали подниматься столбы огня и дыма, а спустя ещё несколько секунд она услышала звуки взрывов, и по земле пошла дрожь, она кинулась обратно к погребу, спустилась в него, закрыла за собой крышку, не собираясь отпустить Виктора ни на шаг от себя.

В погребу, в крошечной темноте повисла тишина, как-то машинально все смотрели вверх, вслушиваясь как сквозь вой сирены, всё ближе был гул двигателей. Заработали одинокие зенитки, всё сильнее раздавались взрывы, всё сильнее дрожала земля, и от этого звонче дребезжали стоявшие бок о бок стеклянные банки. Снаряды начали рваться совсем рядом, стены погреба заходили ходуном. Гул моторов завис над ними, после взрывов стало слышно, как по стенам дома бьют осколки, как из окон вылетают стёкла, а по крышке погреба не переставая, барабанили земля и камни.

От каждого взрыва сердце сжималось, умирало...и оживало вновь, осознавая, что не сейчас, что эта мина не попала в них. Тяжело дышала бабушка, кричал на руках маленький Витя, пытаюсь вырваться, отчётливо слышалась дрожь чьих-то зубов, всхлипывание Вали, по-детски тонкий писк Зины Безбожновой, и был слышен пронзительный вой вороха летевших на них мин. Одна из мин легла совсем рядом и уже сильнее взрывов они слышали биение своих сердец в ушах... Впервые за долгое время молчания бабушка Нюра Безбожнова произнесла чуть слышно, на выдохе, протяжно: «И р о д ы . . .». Елена Васильевна упала на колени и, не отпуская Витю, начала тараторить единственную молитву, рассказанную ей ещё бабкой: «Отче наш, и иже еси на небесах! Да святится имя Твоё, да приидёт Царствие Твоё, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь!». Она повторяла её снова и снова, на колени встали остальные женщины в подвале и повторяли молитву вместе с ней...

Когда Лиля выглянула из щели и увидела сквозь дым самолёт, летящий в обратную сторону, то поняла, что они отбомбили, хотя от Волги ещё были слышны взрывы. Она выскочила на поверхность, её попытка остановить Ирин отец, но она слушаться не стала, ей во что бы то ни стало надо бежать домой, иначе перепадёт от матери, и даже мысли не было в её голове, что они могли погибнуть. Нет, она была полностью уверена, что её мама, братик и Валя живы, обязательно живы. Она мчалась к дому, что было сил, по пылающей улице, спотыкаясь о булыжники на дороге, а над ней летели на базу вражеские самолёты, устроившие настоящий АД в некогда светлом городе.

Она забежала по крыльцу в квартиру, там никого не было, сразу побежала к погребнице. Подняла крышку, все находящиеся внутри вздрогнули, почему-то уже ожидавшие немцев.

– Мамочка, мама, они улетают! – говорила Лиля, спускаясь в погреб.

Пока ещё та спускалась, Елена Васильевна встала с колен, передала Виктора Вале, а как только Лиля спустилась вниз, с десятков раз отходила её ладонью по мягкому месту, а потом заплакала и обняла.

Ещё примерно час выбираться на поверхность никто не рисковал. Только когда пропал гул мотора последнего, вероятно отставшего, самолёта, они выбрались из погреба. Не было ни солнца, ни голубого неба – только дым, много дыма: серого, тёмно-синего, чёрного... Не слышно было ни насекомых, ни птиц, ни животных – только треск пылающих домов и крики людей...

В воздухе была смерть...

Дом уцелел, только не осталось ни одного целого окна, только тёмные пустые глазницы. За домом виднелись языки пламени, горел дом через Борисоглебскую. Деревянный забор взрывной волной от разорвавшейся в огороде мины повалило на тротуар Рабоче-крестьянской, теперь было видно школу.

Елена Васильевна быстро зашагала по грядкам к дому, девочки устремились за ней. Входная дверь вместе с рамой лежала в квартире, всё было разбросано, пол был усеян битым стеклом, штукатуркой с потолка, вещами. Дверцы шкафа и тумбочки были открыты, тяжёлая металлическая заслонка печи оказалась в дальней спальне.

Аккуратно пройдя по комнате, Лиля посмотрела в окно, на пылающий соседний дом, языки пламени вырывались из окон, зажигая деревянные стены снаружи. По улице пробежал мужчина. В обратном направлении быстро прошагала женщина, толкая поперёд себя тележку с вещами.

– Валя, поддержи Виктора! – сказала мать, – Лиля помоги собраться, мы уходим!

– Куда? – спросила дочь, не понимая, куда они могли идти из дома.

– Всё потом! Собираемся...

Валя держала на руках брата. Елена Васильевна доставала заранее приготовленные вещи из шкафа и бросала их на кровать.

– Одевай! – скомандовала она, протягивая Лиле бушлат.

Та спорить не стала и, несмотря на жару, покорно надела бушлат и забрала у Вали брата. Елена Васильевна быстро укладывала детские вещи в их школьные маленькие ранцы. Свои вещи и документы, оставленный до этого братом мужа чёрный кожаный плащ, вещи танкистов из их маленьких чемоданчиков и заготовленные в котомке сухари она уложила в большой чемодан. Валя тоже надела бушлат. Елена Васильевна подняла с пола опрокинутый пятилитровый чайник, поставила его на стол, взяла в углу комнаты ведро с водой и перелила её в чайник до краёв.

– Готовы? – она пристально посмотрела на дочерей, осмотрела комнату, пытаясь понять, не забыла ли чего, – Ранцы одевайте! – сама надела пальто, забрала на руки сына, взяла чемодан, – Чайник берите вдвоём!

Они пошли вверх на Рабоче-крестьянскую, и далее по улице КИМ на запад, откуда сегодня прилетели самолёты. Елена Васильевна задавала темп ходьбы, ей хотелось идти ещё быстрее, но было неимоверно тяжело, почти сразу же начала ныть поясница, простреливая до самых лопаток, но это не могло её

остановить, ей срочно нужно было увести детей из этого пекла. Она очень надеялась, что частный сектор на Дар Горе, на которой жили их друзья, уцелел, и она с девочками сможет у них перекантоваться, определяясь, что делать дальше.

Валя и Лиля плелись чуть поодаль матери, неся вдвоем огромный чайник, еле успевая перебирать своими тонкими ножками, дрожащими под всей этой тяжестью. Длинные рукава армейских бушлатов очень мешали, а подошвы сзади неприятно били по ногам. По лицу лился пот и слёзы, как в самом страшном сне они шли по улице, больше похожей на огненный туннель: горел почти каждый дом, порывы ветра поднимали пламя вверх и с силой загибали его в середину улицы. Дорога была усеяна непонятно откуда взявшимися металлическими бочками, кусками рельсов, еще больше было досок, стекла, булыжников и трупов... Возле уцелевшего куска стены сидела, уткнувшись в колени, женщина, рядом с ней лежала горящая доска, она зажгла её платье, огонь поднимался вверх, обугливая кожу, но женщина не шевелилась. Воронка от взрыва, чуть дальше неё лежит мертвый мужчина с протянутыми руками и согнутыми в напряжении пальцами, в нескольких шагах от рук мёртвый годовалый ребенок. Через несколько шагов на боку лежала женщина с распоротым животом, её кишки лежали на песке, песок был и сверху внутренностей. И снова мёртвые, мёртвые, мёртвые... Из дворов были слышны крики выживших, из-под завалов – душераздирающие крики уже «мёртвых»...

Шли долго. Добрались только к полуночи. Оказалось, что мамина подруга уехала в Тулу, туда же собирались ехать и её муж Саша с сыном Колей, но не успели. Детей, измученных дорогой, уложили спать, да и Елена Васильевна, поговорив с Александром десять минут, улеглась и сразу заснула...

Следующим днём, когда Коля показывал Лиле и Вале оставшееся хозяйство: пять кур и грязного гуся – с запада снова послышался гул, а на востоке, в городе, опять заработали сирены. Они укрылись в старом погребке с деревянной крышей. Самолёты пролетали над ними, только напряжением двигателей нарушая тишину – ни одного взрыва, ни одного выстрела... Было понятно, что самолёты прошли мимо, взрослые вышли на поверхность, детям выходить запретили. Елена Васильевна с ужасом наблюдала, как самолёты, подобравшись к городу, начали сбрасывать смертельный груз, уцелевшее превращая в пепел. Земля сыпалась на головы детей сквозь щели потолочного перекрытия... Донеслись тупые звуки удалённых взрывов...

Двадцать пятого, рано утром, Елена Васильевна разбудила Лилу и сказала, что сходит до дома и вернётся и чтобы та присмотрела за Валею и Витей, пока её не будет. Виктор, проснувшись, заревел, после безуспешных попыток его успокоить и дядя Саша, и Коля с Валею вышли из дома, Лиля была с ним один на один, не зная, что делать, раньше он так никогда не кричал – она подумала, что с матерью что-то случилось... Но Елена Васильевна вернулась к обеду. Она взяла Виктора на руки и тот сразу же перестал плакать. Она села на скамейку у дома, тяжело вздохнула, и как-то по-особенному спокойно, и даже безразлично сообщила, что их дома больше нет: первая-четвертая квартиры уцелели, а пятую и их стую снесло. Всё, что она принесла – это бутылка водки «Белоголовки», уцелевшая в кирпичной печи.

Следующим утром Елена Васильевна собрала детей и повела их обратно в город, этому предшествовала неприятная беседа с дядей Сашей, содержание которой дети не знали, но неприятную интонацию разговора уловили. Домой не пошли, ведь не было его, Елена Васильевна решила остановиться у дома «водников» и одно явное оправдание этому было: дом был добротный, кирпичный, пятиэтажный, и подвал в доме был настоящим бомбоубежищем. Лиля часто бывала здесь до войны, дом больше походил на замок, большой, с огромными арками, башней и не самыми бедными жильцами.

Радости у уже обосновавшихся в подвале людей новым постояльцам не было, но что-то сказать женщине с тремя детьми никто не посмел, впустили, подвинулись, освободили клочок бетона. В подвале стояла тьма: то там, то здесь одиноко горели свечи, слышались стоны, разговоры... Было много женщин, совсем не было мужчин, и куча детей шныряли то в подвал, то из него.

– Как зовут?! – спросил девочек подошедший во тьме мальчишка.

– Меня Валя, а это – Лиля! А тебя?

– Максим Заветников я. Пойдёмте на улицу, бомбить сегодня не будут! – предложил он.

– Можно, мам? – спросила Валя.

Елена Васильевна положила чемодан на пол, сверху кинула два дочкиных бушлата, уселась на них, в бессилии облокотилась на стену, собираясь покормить сына:

– Идите, далеко не уходите, вдруг что – сразу сюда! Понятно? Лиля, посмотрите, может, кастрюльку какую найдёте, или ёмкость какую, каши сварить...

Лиля гулять совсем не хотела, сил было немного после очередного перехода, но оставаться в сыром, тёмном, вонючем подвале тоже не хотелось. Дети выбежали из бомбоубежища, яркий свет неприятно ударил по глазам, но спустя секунды, девочки смогли рассмотреть неизвестного доселе Максима. Перед ними стоял в зимних полуботинках на босу ногу, в коротких шортах, в когда-то белой майке и тёмной кепке, большого размера, конопатый мальчик Валиного возраста, лет девяти, с оттопыренными ушами, на одном из которых не было кромки, а были неровные запёкшиеся кровью края. Он также внимательно осмотрел новеньких девочек, вынул из-за целого уха невесть где взятую папиросу, по-взрослому постучал по ней, помял, достал из кармана спички и подкурил, на удивление сестрам, не закашляв.

– Шкливотные вы какие-то, белки! – заключил он, выдыхая густой сизый дым.

– Ой, прям ты, можно подумать, упитанный кабанчик! – огрызнулась Валя.

– Максим, ты подскажи, где нам кастрюлю поискать? – спросила Лиля, абсолютно не обращая внимания на его попытки выглядеть старше.

– Ща, пойдём, я вам такое покажу, шо потом вы вряд ли где увидите, а потом и с кастрюлей разберёмся вашей! – он зашагал к подъезду дома, продолжая курить.

Девочки пошли за ним. Перед подъездом была куча кирпичей, он взобрался на неё, а сверху на ступеньки, прям перед Максимом, упал кирпич. Максим посмотрел наверх, туда же посмотрели сёстры, на последнем этаже не было куска стены. Он обернулся к ним, и всё с тем же ребячьим пафосом сказал:

– Вот бы нелепа смерть была – вчера выжить, а сегодня умереть. Не зевайте, проскакивайте в подъезд! – он спрыгнул с кучи на крыльцо и скрылся в подъезде.

Девочки быстро проследовали за ним.

Они поднимались по широкой каменной лестнице вслед за Максимом. На ступеньках валялись кирпичи, оконные рамы, какие-то железяки, куски детских игрушек. Двери во все квартиры были настезь распахнуты. Навстречу им спускались два мальчишки, ещё младше Максима, один из них нёс баян, а второй деревянную лошадь-кочалку. На площадке третьего этажа он остановился, и сказав: «Ну, поторопитесь!» – зашёл в одну из квартир. Сёстры осторожно зашли в распахнутые двери, на полу длинного коридора лежала мягкая ковровая дорожка, справа стоял огромный вишнёвый резной комод, слева – такого же типа шифоньер.

– Ты где?! – крикнула Валя, испугавшись тишины.

– Сюда идите! – крикнул Максим из дальней комнаты.

Девочки медленно прошли по коридору и, отклонив двери, заглянули в комнату, где был Максим. Это была детская комната, которая должна была бы вызвать у девочек восторг и зависть: светлые обои на стенах, двухъярусная кровать с розовыми покрывалами, много разбросанных игрушек, но они отшатнулись в испуге назад: посередине комнаты стояла огромная бомба, своим хвостом возвышающаяся выше рядом стоящего Максима.

– Вот такой вот подарок вчера прилетел... – сказал Максим и хлопнул черную бомбу по бочине, отчего девочки отошли ещё дальше в коридор, он посмотрел на дыру в потолке, – Не бойтесь, два этажа прошла и не взорвалась, от моих хлопков точно не взорвётся... Эх, фотоаппарат бы сейчас сюда, да? А то будете кому рассказывать, а вам не поверят! Ладно... – проговорил он, осознав, что девочкам не интересно, а просто страшно, – Кастрюлю, говорите...

Он прошёл мимо них по коридору, и, зайдя на кухню, начал греметь, расталкивая ногами всё, что уже валялось на полу. Открыл шкафчик, что-то ещё со звоном упало на пол.

– Пойдёт такая?! – спросил он, вертя в руке эмалированную глубокую миску.

– Да! – сказала Лиля, забрав посудину.

– Ща, ещё погодите чуть... – он вернулся на кухню, и через минуту вышел с двумя столовыми ложками, протянул их Вале, – Не руками ж хлебать будете...

Они спустились вниз и выбежали на улицу. Лилия пошла к матери, а Валя разговорилась с Максимом. Он рассказал ей, что сам приютский, а в подвале этого дома живёт уже три месяца, в мае здесь ещё были жильцы, но потом они в срочном порядке эвакуировались. С того времени сюда начал стекаться народ с окрестных деревянных домов. А после воскресенья так и вовсе людей сбежалось столько, что он планировал искать новое пристанище, уж слишком шумно теперь было по ночам и слишком многие предпринимали попытки его воспитать или просто сделать замечание. На Валин вопрос про ухо он горделиво сказал, что осколком посекло два дня назад, она заулыбалась, не поверив... Он даже обиделся, но потом для ясности ещё раз повторил:

– В воскресенье осколком срезало!

– Больно? – спросила она, виновато посмотрев вниз.

– Больно это когда в лоб, а так – даже не заметил...

Уже когда была ночь и люди укладывались спать, мать вернулась с улицы с полной миской горячей пшёнки. Виктор съел пол-ложки и сразу же выплюнул её обратно, запачкав кофту. Елена Васильевна отреагировала спокойно, но когда девочки заканючили, что не вкусно, строго, почти приказала: «Есть!!!». Они хотели есть, но с трудом проглатывали эту кашу...

Если бы сейчас Лилию спросили, с чем у неё ассоциируется слово война, она бы рассказала про сирены, взрывы и трупы, рассказала бы про ту женщину с кишками наружу, про огонь и треск горящих домов, про застрявшую бомбу и сырые подвалы... А если бы спросили, чего она хочет, то, не задумываясь, ответила бы, чтобы всё было как и раньше: чтобы дома был отец, а они могли каждый день ходить в школу и иногда есть мороженое и пить газировку в Бювете...

Ночью Елена Васильевна долго не могла уснуть, потом вскочила, услышав ужасный женский крик, вздрогнули дети, женщина пыталась кричать ещё, но, видимо, кто-то закрыл ей рот и повторял: «Тише, тише, тише...». Спящая, рядом женщина, перевернулась на другой бок и как бы безадресно сказала: «У неё ребёнок заживо сгорел. Сама выбежала, схватив куклу впопыхах, а он сгорел...». Этот крик раздавался ещё несколько раз за ночь. Кто-то стонал, кто-то кряхтел, периодически раздавался детский плач. Под утро стало холодно, влажный холодный воздух пробирал открытые участки тела, она сняла с себя пальто и накрыла им детей... Поспать совсем не удалось...

Утром Елена Васильевна решила возвращаться в свой двор, здесь она чувствовала себя одинокой, а там пусть и не родственники, но всё же уже родные соседи, которым и детей доверить можно, и поговорить есть о чём, да и в погребке было теплее.

Дорога заняла с полчаса, несколько кварталов пройти. Кварталы эти теперь мало походили на жилые: одиноко возвышающиеся трубы печей – это всё что осталось от многих домов и руины, руины, руины... Среди руин бродили одинокие силуэты несчастных женщин и беспризорных детей.

И действительно, несмотря на все события последних дней, соседи были рады возвращению Егоровых. Даже Назарова вроде как улыбнулась, но как и раньше, со стороны. Как и говорила мать, дома у девочек больше не было – только одна печная труба осталась. Остальные квартиры стояли нетронутые, окна заколотили, двери вставили... Женщины стали рассказывать, что произошло за время их отсутствия: квартиру снесло при бомбёжке двадцать четвертого, горела Волга, а бабушка Нюра совсем отказалась от еды и была на последнем издыхании... Слушать дальше Лиля не стала и пошла на развалины искать куклу, которую мать при уходе взять с собой не разрешила. Но куклы нигде не было...

Как по часам, в девять, на небе появились немецкие самолёты-одиночки, все спрятались в погреб. Лиля смотрела на бабушку Нюру и действительно не понимала, дышит та или уже нет... Где-то стреляли, где-то бомбили, но было это не рядом, хотя прямо над ними самолёт пролетал не единожды. Полёты прекратились к двенадцати, пунктуальные немцы прерывали войну на обед. В это время народ выходил на поверхность и занимался поиском

еды и воды, дети тоже искали пропитание. После двух полёты возобновлялись, и на улицах снова становилось безлюдно... Ночью топили печь, варили кашу, одну бадью на весь двор, сыпали в неё, что было: и овёс, и пшено, и гречу – не было только уже ни масла, ни сахара, ни соли... Печь сразу же тушили, чтобы к утру и дымка не оставалось. Спали по своим квартирам, Безбожновы ютились в первой, Егоровых к себе забрали Гавриловы, чему был рад влюблённый Андрей. В подвале оставалась только бабушка Нюра...

Следующим утром она умерла. Зина Безбожнова ревела, сидя на крыльце, с ней рядом ревели и Лиля с Валей... Женщины разбудили ещё спящих мальчишек и сказали вырыть могилу, нужно было успеть до девяти часов, пока немцы ещё, вероятно, завтракали. Ребята управились быстро, выкопав углубление у стены первого сарая. Её переодели в чистое и перенесли в могилу... Лиля гуляла по двору с Витей, не желая на это смотреть, Валя стояла, крепко вцепившись в ногу матери, и смотрела, как мальчишки забрасывали тело землёй, как комья пачкали светлое одеяние покойной, как она медленно исчезает в земле. Зина упала в обморок... Мальчишки закидали быстро, сразу же от дома натаскали камней и приложили сверху земли, Саша Алякин вставил в холм крестообразный штакетник от забора, а Андрей Гаврилов черной школьной акварелью написал на стене сарая: «Бабушка Нюра – 28 авг. 1942 г.»

Начались полёты, начался новый день войны...

В обед во двор заезжала чёрная машина с открытым верхом, из неё вышел муж Назаровой, как, по крайней мере, все думали, в сером костюме и чёрной шляпе, с начищенными туфлями, он прошагал в свою квартиру, ни с кем не поздоровавшись. Оказалось, они уже были собраны, водитель погрузил чемоданы в машину, они сели в неё с детьми и уехали, слова никому не сказав...

Вечером, когда стало темнеть, во двор зашёл мужчина грузной прихрамывающей походкой, Лиля сначала не поняла кто это, а Валя сразу побежала навстречу с криками: «Дядя Ваня, дядя Ваня!». Мужчина поднял её на руки, поцеловал, и подошёл ближе, это был брат их отца, директор трампарка – Иван Васильевич Егоров.

– Живы значит, родненькие... – констатировал он с облегчением, – А мать-то где?

– Мама, мама, мама!!! – заверещала Валя прям возле его уха, он опустил её на землю, – Мама, дядя Ваня приехал!!! Мама!!!

Из дома на крыльце в недоумении вышла Елена Васильевна, всмотрелась в фигуру мужчины, стоящего с её дочерьми, угадала его и, сбежав по крыльцу, обняла.

– Жив, значит, Ванечка!

– Вы-то как выжили здесь? – спросил он, – Нас-то не бомбили...

– Ой, Ванечка, в воскресенье после обстрела ушли на Дар Гору к кумовьям, – запричитала Елена Васильевна, – Потом возвращалась сюда, видишь, дома нет... В доме «водников» ночевали, но он как бельмо на глазу у лётчика, по нему не промахнёшься, решила сюда вернуться. Петя больше не писал, только что в Керчи, отправляли их на Севастополь, но больше вестей не было, так уже скоро как год. Выслал он полушубок домой, когда в Керчи им обмундирование выдали, так, представляешь, мешки с камнями пришли, тварюки подменили где-то...

– Лёль!

– И так обидно, ты не представляешь...

– Лёля!!! – ещё раз крикнул он, желая прервать бабий лепет, который переносить не мог.

– А?

– Сами живы, и добренько! Лильку со мной отпустишь?

– Куда? – не поняла Елена Васильевна.

– Я козу бить буду, мяса пусть вам принесёт, да может ещё чего съестного передать...

Елена Васильевна в замешательстве посмотрела на Лилию, та положительно кивнула головой.

– Так а вернётся она как?

– Пеше! – ухмыльнулся Иван Васильевич, – Ночью забью – утром придёт!

– Ну, если только так...

– Тебе собираться надо чаво? – спросил он у Лили, та покачала головой, – Тогда потопали, дорога неблизкая...

Лиля ушла с ним. Дорога была действительно долгая, через весь город до Красных Казарм, пешком туда Лиля никогда не ходила, но несколько раз ездила с отцом на трамвае, и даже помнила ту козу, они игрались с ней, а та больно бодалась. Дядя Ваня хромал давно, отец рассказывал, что он получил травму, когда ещё не был директором, а был начальником цеха, какая-то железяка свалилась ему на ногу и раздробила кость. Дядя по дороге был угрюм, молчал, потом начал говорить о детях, о дочках, о среднем сыне, ударился в воспоминания, чуть повеселел, но, вспомнив о старшем сыне Алексее, который полгода уже был на фронте и тоже давно не присылал писем, снова замолчал.

Добрались уже за полночь, дети Ивана Васильевича уже спали. Он уложил Лилию в передней, а сам ушёл резать козу...

Она моментально заснула, не слышала как жалобно бекала коза – ничего не слышала. Ей снился отец: он сидел в окопе, почему-то в том самом белом полушубке, который он отправил домой, и стрелял из «Максима» по идущим к нему немцам, они падали один за другим, но всё равно настырно продолжали наступать, он закурил, она слёзно просила его: «Папочка, папа! Стреляй, стреляй!» – и он стрелял, а она отчётливо чувствовала запах его сигарет... У него закончились патроны в ленте, он посмотрел на неё, она думала, попросит принести ленту, а он сказал: «Вставай, пора...»

Иван Васильевич дернул её за плечо: «Лиль, пойдём, время...» – шёпотом сказал он. Она ничего не понимала, не хотела открывать глаза, ведь надо принести отцу патроны, ведь ему никто не поможет, а он один, а немцы прут и прут... «Лиль, вставай!». Она скинула с кровати ноги, в комнате было темно, только огонёк дядиной сигареты ярко-красной точкой загорался, когда он затягивался, освещая его глаза. Она встала и послушно, опустив голову, побрела за ним из дома.

Только-только начало светать, ещё не замолчали сверчки... Иван Васильевич пошёл со двора, держа в руке авоську, в которой лежал большой кусок мяса, завернутый в ткань, она пошла за ним... Он шёл быстро, она, ещё полностью не открыв глаза, и скрестив от утренней прохлады руки на груди, старалась не отставать, всё ещё думая, кто же принесёт отцу патронов, его же убьют или возьмут в плен.

В городе шли по трамвайным путям. Хотя сейчас назвать это городом, было трудно: отдельно стоящие здания, камни, кирпичи, развалины – сплошная серость и уныние – от слева стоявшего здания железнодорожного вокзала осталось немного, огромные пустые оконные проемы смотрелись особенно страшно, здание цирка справа в целом уцелело, прошли под железнодорожным мостом...

Лиля несколько раз предлагала дяде Ване возвращаться, но он отказывался, она рассказывала, что ходила сюда и сама до бомбёжки, когда на подступах к Сталинграду сбили большой немецкий самолёт и его выставили на обозрение в сквере Павших борцов. Люди шли со всего города посмотреть на него, и она бегала с дворовыми ребятами... Но он противился и продолжал её сопровождать.

– Дядь Вань! Ну тут-то я уже сама! Вам ещё возвращаться сколько?! – настаивала она, когда уже подходили к реке Пионерке.

– Ладно... – согласился он, остановившись. – Ты давай бегом домой, погляди?!

Она кивнула. Он отдал ей авоську, нагнулся, поцеловал в щёку и, посмотрев на светлое небо, добавил ещё строже:

– Бегом домой!!!

Она побежала вниз к мосту через реку, по которому проходила и трамвайная линия. Авоська, казавшаяся в дядиных руках невесомой, оказалась на самом деле тяжёлой, и перевешивала Лилю набок, самую малость не касаясь земли. Пройдя по мостку, она пошла не по дороге, а наверх, напрямик, чтобы через пустырь срезать путь, минуя Рабоче-крестьянскую. Она обернулась, дядя Ваня быстро удалялся, ещё сильнее, как ей показалось, хромая. Она как-то на автомате с благодарностью помахала рукой, хотя он шёл не оборачиваясь.

Идти с мясом в горку речного оврага было ещё тяжелее, но оставалось совсем немного, уже появились макушки пирамидальных тополей, растущих на краю пустыря. С каждым шагом стволы тополей увеличивались. Она поднялась и замерла...

На неё были обращены дула двух черных танков, чуть прикопанных между тополей. И только сейчас она обратила внимание на мёртвую тишину в округе: ни шелеста, ни звука... Казалось, тишина разрывала воздух, становилось тихо страшно от этого безмолвия природы.

Из люка башни ближнего танка, переключившись, свисал танкист в шлеме, его руки почти доставали до гусениц. Преодолев страх, Лиля бросилась к нему, бросила мясо, встала на пригорок и стала тормозить его за плечи.

– Дяденька, дяденька, давайте я вам помогу! – кричала она, желая помочь ему вылезти. – Дяденька! Давайте, спускайтесь, аккуратно!

Она смотрела в его белоснежные глаза, на фоне чёрного лица, продолжала трусить, но он почему-то не двигался. Она схватилась за куртку и повисла, но тело даже не шевельнулось. Лиля в бессилии опустила руки, опустила глаза, и только сейчас увидев на чёрных, окаменевших, обугленных руках, трещины, сквозь которые проглядывались, как и глаза, белоснежные хрящи и кости, поняла, что танкист мёртв. Она пошатнулась и попятилась в ужасе назад. Ещё несколько минут она неподвижно стояла, рассматривая его и категорически

не понимая, почему же он тогда смотрел на неё, она была уверена, что у мёртвых глаза должны быть закрыты...

Она схватила авоську и решила бежать, но ноги непослушно лишь медленно шагали дальше, где за танком, в нескольких метрах лежал ещё один мёртвый солдат. Она подошла ближе, он лежал на спине с раскинутыми в стороны руками, в одной из которых была крепко сжата винтовка. У него не было ног, только тёмно алые пятна мяса на уровне колен. Лиля огляделась по сторонам и увидела в нескольких метрах правее сапог, с торчащей из голенища костью, она оставила авоську на траве, и пошла за ногой. Она была уверена в том, что так быть не должно, что у него должны быть его ноги, рядом, чтобы его ноги положили вместе с ним в могилу, чтобы они не оказались в чужой могиле, чтобы его не похоронили без ног – так не должно быть... Она схватила сапог за носок и поволокла, он оказался невероятно тяжёлым, и то и дело выскальзывал из детских рук, но она снова и снова цеплялась в него пальцами, во чтобы то ни стало, желая подтащить его к телу. Получилось... Она снова осмотрелась, но больше не видела ничего, только воронки от разрывов снарядов и длинной нитью поперёк пустыря протянутую насыпь свежей земли. Лиля подошла ближе, поднялась на насыпь и обомлела: она стояла на бруствере, а перед ней была свежерытая траншея, битком набитая советскими солдатами: молодыми и старыми, худыми и толстыми, усатыми и наголо выбритыми – кто-то сидел, кто лежал – и ни единого звука, ни единого движения – они все были мертвы...

Ещё пуще прежнего ей стало страшно. Кружилась голова и безумно молотило сердце. Из глаз текли слёзы и хотелось кричать, но она молчала. Она увидела в стороне ещё один сапог, подбежала к нему, схватила подмышку и поковыляла к безногому солдату. Бросила рядом с ним ногу, схватила авоську и побежала, что было сил, через пустырь к дому. Слёзы замывали глаза, она почти ничего не видела, очень боялась: где-то вдали появился вой первого самолёта, а ей казалось, что он совсем рядом, над ней – и она бежала, не останавливаясь: быстрее, к маме, мама обязательно спасёт её от самолётов, от немцев, от этого ужаса...

– Мамочка, мама, мамочка! – кричала она, вбежав во двор, – Мамочка!

Елена Васильевна выскочила из погреба.

– Мамочка, мама! Там солдаты, солдаты – наши! Они мертвы все! Танкисты мертвы! Там все мертвы! Я помочь ему хотела, выбраться, а он смотрит и молчит! А я тяну! У содатика ног не было – а я нашла! Обе нашла! Мама! Почему мёртвые смотря на нас?! Почему?!

– Тихо, тихо, доченька... – успокаивала Елена Васильевна, сама не на шутку испуганная ночными боями в такой близости, – Всё позади... В подвал, в подвал, в подвал...

В погребе её сразу уложили на матрацы, Лиля пыталась ещё что-то рассказывать, но мать гладила её по голове и всё повторяла: «Тише, тише... Всё прошло». Лиля не заметила, как заснула...

В этот день самолётов было совсем немного, немцы брали квартал за кварталом – по городу бесконечным эхом разносились пулемётные и автоматные очереди...

Лиля проснулась уже в послеобеденное время от криков. На лестнице, приподняв крышку погребца, стоял Сашка Алякин и орал во всё горло:

- Сюда ползи!!! Сюда!!! Ползи! Давай, давай, родненький! Ползи!
- Не ори ты так! – одёрнула его мать, – А то с ним и немцы приползут!
- Ползи! – чуть тише крикнул он ещё раз

С полчаса назад на угол Борисоглебской и Рабоче-крестьянской солдаты подкатили пушку-сорокапятку, а как следует укрепиться не смогли, по ним открыли огонь. Они успели выстрелить всего три раза, до того момента, как вражеский снаряд приземлился совсем рядом. Расчет бросился бежать, бросив в пушки командира, которому осколком сломало ногу... Он недолго смотрел в спины убегающим, и отчетливо, даже сквозь боль, понимал, что эти двое за ним не вернуться, его расчёт, его друзья, его настоящие товарищи погибли два дня назад, а этих «сопляков» ему дали только вчера – они не вернутся. Он даже улыбнулся, представив, какие «полные у них сейчас штаны», должны по идее сползти на бегу. И стало невероятно страшно, первый раз вот именно так сильно, ему красногвардейцу, взрослому мужику, сержанту стало дико страшно... За год войны, постоянных боёв, стало страшно именно сейчас – не из-за страха приближавшейся смерти, а просто потому, что не было опоры за спиной, просто бросили, просто убежали. Ему стало стыдно за свой страх...

Он заметил какое-то движение, схватил автомат, взгляделся в сарай на другой стороне дороги, но ничего не увидел, только услышал ещё не мужской, но всё же русский крик: «Сюда ползи!!! Сюда!!!». Свои, подумал он, значит, будем жить. Он пополз, по-над домами, превозмогая боль волокущейся ноги, перебитая кость которой при каждом движении разрывала плоть. Бросило в жар, от боли казалось вылезали глаза, а зубы вот-вот начнут крошиться от напряжения скул. Фашисты продолжали стрелять... Он не останавливался, нельзя ему было умирать, он обещал вернуться живым – ведь мать ждала дома, и жена, и дети – и права он не имеет вот так погибнуть ...

Раздался взрыв, скрежет, Сашка резко отвернулся, зажмурил глаза, потом ещё раз посмотрел на Рабоче-крестьянскую и, с тяжёлым вздохом опустив крышку, спустился с лестницы. Очередной выстрел немцев раздался за спиной, уже переползавшего улицу солдата, и его не зацепило, но зацепило столб, который со скрипом упал на него...

- Mam, я кушать хочу... – сказала Лиля.
- Потерпи, доченька... Потерпи до вечера.

Она безумно хотела есть, последний раз она ела вчера до прихода дяди Вани. Желудок не урчал, он был абсолютно пуст. Как же сильно она хотела, чтобы война кончилась, чтобы, как и в сороковом, взять у мамы денег и сходить в столовую покушать. Она очень любила гороховый суп, который готовили в столовой, именно таким он не получался ни у кого: сытный, наваристый. Зимой всегда готовила мама, а вот летом печь не топили, плюс Виктор родился – проще было обедать в столовой, оттуда носили обед матери и ужин отцу.

Покушать так и не удалось, стрельба не смолкала до поздней ночи, из погреба никто не выходил. Стихло только к утру...

Крышка погреба открылась, и яркий луч света больно ударил по глазам, все испугались. Первое что увидели – чёрные сапоги...серые кальсоны, дуло автомата, китель, каска.

– Ausgehen, ausgehen¹⁾! – сказал что-то немец и показал рукой, чтобы люди выходили из погреба, – Bescheunigt²⁾!

Первой вышла Зина, и рыжий немец расплылся в улыбке. За ней поднялись все остальные, дети были заспанные. Они стояли кучкой, боясь пошевелиться. Почти сразу же подошёл немецкий офицер: в фуражке, с крестами на груди и с пистолетом в кобуре – лицо его было строгим, угловатым, а глаза полны напряжения, это заметил даже солдат, и улыбка спала с его лица. Пока офицер осматривал местных обитателей, солдат спустился в погреб, убедиться, что там никого не осталось. Подошёл еще один немец.

– Sagen³⁾! – сказал офицер, развернулся и ушёл.

– С данного момента, вы находитесь на территории Германии! – начал говорить солдат на ломаном русском, – Вы подчиняетесь Германскому руководству. Вы запрещены помогать помощь русским солдатам, оказывать вред германским солдатам. Не воровать, не мешать – иначе расстрел! Скорее вас увезут, и вы будете жить в безопасности. Вопросы?

Все молчали, прижавшись друг к другу.

– Х о р о ш о... – сказал он и тоже ушёл.

Они стояли и не понимали, что делать, а рыжий немец снова заулыбался. Особенно внимательно его рассматривали дети и не находили ничего особенно отличительного – человек, самый обычный человек: среднего роста, худощавый, молодой, рыжий, конопатый, с совсем незлыми глазами. И эта его улыбка: если бы с него снять форму и надеть обычные шорты с майкой, очень был бы похож он на местного «дурочка», обитавшего неподалёку до войны.

Неожиданно раздалось рычание, и все, вздрогнув, посмотрели в сторону двухэтажного здания на Рабоче-крестьянской. Это завёл большой немецкий танк. Возле здания было много немцев, они ходили в спешке, что-то выносили, заносили. Высунувшемуся танкисту что-то объяснял офицер, потом он огляделся и помахал рукой рыжему солдату, тот сразу же побежал к нему.

Они остались одни в недоумении. Кто-то предложил спуститься обратно в погреб, никто не возражал, оставаться на поверхности совсем не хотелось, и они юркнули обратно вниз.

К обеду крышку погреба снова подняли снаружи. Это был русскоговорящий немец. Он попросил подняться только детей. Женщины испугались, дети поднялись. Немец повёл их к двухэтажному зданию, где шло оборудование штаба. На дороге так и лежало тело вчерашнего солдата, его только чуть оттащили с проезжей части, столб тоже убрали в сторону. Возле штаба стояла грузовая машина, у которой немец показал детям подставить руки. Солдат, находящийся в кузове, открыл одну из стоявших там бочек, и достал булыжник слипшегося сахара.

1) – **Выходим, выходим!**

2) – **Быстрее!**

3) – **Рассказывай**

– Die¹⁾? – спросил он.

Валя схватила протянутый кусок, и, задрав платье, положила его в подол. Её примеру последовала и Лиля, ей немец тоже дал кусок сахара, после чего он закрыл бочку и открыл другую, и дал мальчишкам по два хвоста селёдки. После из мешка достал три буханки, необычного прямоугольного чёрного хлеба, и на край кузова поставил упаковку муки. Они забрали всё, и медленно, чтобы не уронить пошли к сараям, и только сейчас заметили, что за сараями появилось кладбище, как-то незаметно, вмиг выросло огромное немецкое кладбище. Белые берёзовые кресты растянулись метров на тридцать-сорок. «Один, два, три...» – про себя считала Лиля ряды, но постоянно сбивалась, они рябили в глазах...

С того момента дети перестали бояться немцев... Рыжего немца поставили в охранение. В отсутствие других солдат он мало походил на военного, обычный парень балагур: дети смеялись над ним, он смеялся вместе с ними, он где-то достал книжку с картинками про зоопарк и пытался учить их немецкому, они хватили на лету, а вот он от русского был далёк:

– Zoo²⁾! – говорил он.

– Zoo! – повторяла Лиля.

– Nilpferd³⁾! – показывал он на картинку.

– Nilpferd! – повторяла Валя, и говорила по-русски, – Бегемот!

– Бииримёт... – пытался выговорить он.

– Дубина ты стоеросовая! – презренно смотря на него, говорил Алякин.

– Дьюбина ст..ст...сто...

– Во-во!

Женщины побаивались немцев и совсем перестали покидать двор, ползли слухи о том, что женщины пропадают, их насилуют и убивают фашисты. Поэтому добытками стали дети: именно они ходили по городу, между руин в поисках дров; они искали еду, бегали к разбитому продовольственному эшелону, перерывали вагоны, в поисках уцелевших банок с тушёнкой; ходили на Волгу за водой, воду черпали у берега, она была розовая, на берегу горами лежали трупы – пили эту воду, заваривали чай, варили кашу.

К середине сентября заметно похолодало, и немцы начали выгонять местных из города.

– Вам нада двигаться Нижня Чирская, после вы будете получать дополнительную команду! – сказал женщинам переводчик.

Безбожновы, понимая, что Елена Васильевна одна с тремя детьми, предложили двигаться вместе. Зина где-то нашла тачку, всё необходимое скинули в корыто, его на тачку, и в путь, сколько идти никто не представлял, да и направление движения знали примерно. Но заблудиться было трудно, по дороге на запад от Сталинграда тянулись тысячи людей: женщин, детей, стариков, голодных, замученных, раненых, изнемождённых – все двигались к Нижне-Чирской, в неизвестность...

¹⁾ – *Кому?*

²⁾ – *Зоопарк!*

³⁾ – *Бегемот*

На станции было много народа, прибывали поезда, людей грузили и отправляли. На очередной состав, с открытыми платформами, перевозившего огромные булжники, погрузились и Егоровы с Безбожновыми: расположились на камнях, вместе с тачкой. Паровоз шёл медленно... Долго... Ночью было прохладно, под детей и сверху них набрасывали всё имеющееся с собой тряпье, а днём, в обеденное время, ещё всё же припекало солнце – такое было бабье лето сорок второго года...

В гору поезд буквально полз. Елена Васильевна смотрела в степь, на буераки и овраги, на желтевшую до горизонта траву... Всё это казалось нереальным, вымышленным, неправдивым, не настоящим – каким-то чуждым сознанию живого человека... И сотни вопросов вертелись в голове: куда движется поезд и что там будет; как дальше жить; где наши войска; где муж Пётр; добрались ли до станции остальные соседи; чем кормить детей... – спрашивала она себя, не зная ответов.

Некоторые спрыгивали с поезда, чтобы пройтись, размяться. Девочки посмотрели на мать, и та одобрительно кивнула. Они спрыгнули с платформы и побежали в поле, на ходу срывая синие цветы «бессмертника»... Елена Васильевна смотрела на них, и улыбалась: ведь может не так всё плохо было – они живы, она смогла уберечь троих детей от гибели, они ехали, пусть и к немцам, но подальше от войны, подальше от смерти... Но что там дальше? Девочки забрались обратно на платформу с огромным букетом «бессмертника» и подарили его маме, по её щекам полились слёзы...

Поезд остановился поздней ночью, приказали сгружаться. Сквозь строй автоматчиков люди побрели к светившемуся недалеко лагерю: Елена Васильевна с Зиной толкала тачку, Лиля несла на руках спящего Виктора, Валя несла мамин букет... Лай собак, немецкая речь, крики, режущий свет прожекторов – через километр они оказались за колючей проволокой. Они прошли в один из нескольких десятков барачков. Елена Васильевна загнала тачку в угол, побросала на деревянные нары тряпки, и уложила детей спать.

От тех, кто уже жил в бараке не первый день, она узнала, что это станица Белая Калитва, сортировочный немецкий лагерь, разбитый на месте бывшей птицефабрики, что отсюда людей отправляют в Германию... Что здесь много сталинградцев... Что здесь кормят, но есть это трудно... Что можно договориться с охраной и сходить в город, что-то продать или выменять на еду, с условием, что в лагере останется близкий родственник, как залог твоего возвращения, а если кто-то не возвращается, оставшегося расстреливают... Что здесь нельзя показывать слабость, усталость... Что здесь нельзя болеть – расстреляют... Что при подозрении на тиф сжигают весь барак, со всеми находящимися внутри... Что придётся ждать ещё очень и очень долго, пока решится дальнейшая судьба...

Дети постанывали, почему-то сильно вздрагивал Виктор – Елена Васильевна испугалась, не простудились ли они в дороге. Почему-то ноги больно пощипывало. Вроде затихли, но через некоторое время снова: сын начал плакать, проснулись и девочки.

– Мама, кусаются! – сказал Лиля.

– Ай, больно мама! – всхлипнула Валя, потирая бок.

Елена Васильевна распахнула её бушлат, задрала к подбородку все надетые

вещи, и при тусклом свете с улицы, рассмотрела, как по белой коже дочери, перемещаются жирные чёрные точки, а тело покрывается тёмными пятнами.

– Блохи... – донеслось с ближайшей полки пояснение.

Виктор не прекращал реветь.

– Дети, на улицу! – приказала Елена Васильевна.

Лиля взяла Виктора на руки и вышла из барака, следом вышла Валя, Елена Васильевна снова покидала вещи в тачку, и вытолкала её на улицу. Она осмотрелась по сторонам: блуждающий свет прожекторов, всё тот же лай, и редкая немецкая речь – идти было некуда. Метрах в пятнадцати от ворот барака стояло размашистое дерево, она потолкала тачку к нему, дети пошли следом. Она раздела всех наголо, вытряхнула одежду, снова одела, раскинула вещи на земле, и сказала ложиться.

Так они и поселились на улице, под старой тютиной. Охрана с какой-то улыбкой и иронией смотрела на эту чудную мать, заставлявшую своих детей жить под открытым небом. Единственное, что точно успокаивало Елену Васильевну, что здесь их не сожгут заживо – эта история, про недавно сожжённый с людьми барак, испугала её до смерти. Она даже подумала, что лучше было бы тогда утонуть в Волге при эвакуации, чем теперь сгореть вместе с детьми здесь.

День в день по лагерю перемещались люди. Кого-то привозили, кого-то увозили, кто-то уходил в город, кого-то расстреливали, кто-то умирал сам... Все были вместе: и женщины, и старики, и дети, и солдаты... Кормили раз в сутки, несъедобной баландой – за которую и ругались, и дрались в очереди. Собранный по дороге букет «бессмертника» был съеден в первый же день. Елена Васильевна несколько раз было порывалась вырваться в город, выменять бутылку «Белоголовки» на еду, но так и не решилась, опасаясь исчезнуть в незнакомой станице, обречь детей на верную смерть...

С каждым днём на тютине становилось всё больше желтых листьев. Они опадали сначала поодиночке, редко, а потом полетели один за другим, устилая собой землю. Девочки сгребали листву ближе к тачке в кучу, делая себе «матрац».

Зарядили дожди: мелкие, морозящие, холодные, пробивающие дрожью насквозь, следом проливные, злые, обивающие остатки листвы, и образующие на территории лагеря огромные лужи – из которых утром пили заключённые...

Сорвался первый снег. Елена Васильевна не прекращала стаскивать любые найденные тряпки к тютине, чтобы устелить землю, чтобы оградить детей от идущего от земли холода и влаги. Зима заходила быстро, резко похолодало, снег перестал таять, ложась на землю, он превращался в грязь только днём, когда его втапывали туда-сюда шныряющие люди. Но скоро грязь не стало совсем, мороз пробил землю, а снег плотно накрыл лагерь...

С диким страхом Елена Васильевна смотрела на спящих детей, от которых шёл пар... Она понимала, что зиму так не пережить и металась в догадках, как покинуть лагерь. И снова выручила Зина, не желавшая сгинуть в этом проклятом месте и не собиравшаяся уезжать в Германию. За припрятанное золото – несколько колец, серьги и цепочку – она договорилась с охранником, что ночью им всем дадут уйти.

Перед рассветом Елена Васильевна растолкала детей, рядом с ней в ожидании стояла Зина с матерью, они быстро скинули вещи в тачку, и немецкий

солдат повел их к тыльным воротам лагеря. Там уже ждали сани, за полозьями которых сидел бородатый дед в тулупе:

– Быстро, быстро давайте! – слышался противный голос старика, который начинал подергивать вожжи, – Дураку воля – что умному доля: сам себя губит! Лошадь медленно подалась вперёд, запрыгивали в сани уже на ходу.

– В пустой бочке – шума много! – продолжал ворчать дед, добавляя ударов, лошадь фыркнула и погребла быстрее, полозья со скрипом продавливали снег, удаляя беженцев от лагеря.

В санях все замерли, казалось, может вот-вот поднимут тревогу, погонятся за ними, но стояла тишина, лагерь почти исчез из вида. Остро слышался скрип полозьев по снегу, да фыркание лошади и тишина... Со всех сторон покрытое снегом поле, отражающее лунный свет, чистое морозное тёмно-синее звёздное небо над головой... Дети уснули...

Проснулись они, когда сани заехали во двор дома, распложенного на окраине какого-то хутора. Безбожных уже не было, они сошли на перекрестке по дороге, и двинулись в сторону Киева, там у них жили родственники. У Егоровых все родственники жили в Сталинграде, и деваться им было некуда, кроме как искать пристанища здесь, в хуторе со странным названием Апанасовка. За дорогу с дедом Зина расплатилась последним колечком, за ночь Егоровых разговора не было, поэтому, когда Елена Васильевна завела эту тему по приезду, дед от неожиданности, сначала категорически отказался.

– Есть и квас, да не про вас! – отсёк, он, – Сгружайтесь и топайте, другого уговора не было!

– Куда я ночью потопая с детьми?

– Куды глаза глядят – туды и топай! – сказал дед, скидывая вещи с саней. – Не, не, не... Мне хоть весь свет гори, только бы я жив был! А с вас чего?

– Да что ж вы так? – Елена Васильевна, не зная, что делать, – Я заплачу...

– Ласковый взгляд, да на солнце яд! Не будет разговора!!! – грубо отрезал старик, распрягая лошадь, – Дай Бог здоровья кнуту да хому, а лошадь довезла... На этом моя сторона выполнена.

Елена Васильевна готова была заплакать, но двери избы открылись, и в дверях появился силуэт старушки, которая без церемоний и, не стесняясь посторонних, грубо сказала:

– Афанасий! Сюда иди!

Дед обернулся от неожиданности и покорно пошёл к избе. Они о чём-то говорили, дед не пестрил поговорками, а вот старушка заметно повышала голос на него. После он чуть посупившись вернулся к саням.

– Чего ты там про заплачу говорила? Слово – вера, хлебу – мера, деньгам – счёт!

Елена Васильевна, отдала ему обручальное кольцо, и он уже более радостный погнал лошадь в стойло.

– Дитё! – крикнула старушка Елена Васильевне, – Давай детвору в дом, замерзнут, заболели!

Елена Васильевна с какой-то улыбкой и облегчением вздохнула, посмотрела на старушку с мысленно, знала бы та, что детки эти два месяца под открытым небом изо дня в день жили, и ни насморка, ни кашля, а сегодня совсем можно

ничего не бояться им, в тёплой избе спать будут. Дети не дожидаясь маминых указаний, схватили вещи и побежали к дому. Елена Васильевна думала, куда поставить тачку, но тут вернулся старик, и сказал:

– Оставь, я сам в сени отволоку... – схватил он тачку, и потолкал её к сеним, уже под нос себя, говоря, – Взяло раздумье, глядя на безумье...

Елена Васильевна пошла в дом. Старушка расправляла большую постель в передней.

– Кровать одна... – говорила она, убрав на табурет подушки и складывая покрывало, – Здесь и спать будете...

– Спасибо вам...

Старушка промолчала. Елена Васильевна огляделась по сторонам, на столе стояла лампа, в комнате было очень просторно, из мебели только кровать эта, небольшой стол, два табурета, вешалка да скамейка. Она посмотрела на оставленные у входа детьми сапоги, с которых стекал снег, и извинилась за доставленные неудобства:

– Вы извините, натоптали здесь, мы долго не задержимся, я завтра постараюсь жильё найти...

– Да ты не кайся, высохнет... Получится найти – съедете, нет – останетесь, с детьми я тебя не выгоню и ему не позволю, самого в сени спроважу. На него не обижайся: и Богу и чёрту угодить хочет, старый... Меня Настасья Михална звать, то и будем знакомы.

– Меня Елена...

– Давай, Лена, укладывай свою гвардию, да сама ложись, отдыхайте...

В дом зашёл старик, снял тулуп, повесил его на вешалку, недовольно прохрютел, высматривая, куда среди такого количества обуви поставить валенки, и, поокончавке взяв их с собой, молча прошагал в следующую комнату.

Дети быстро уснули, следом заснула и Елена Васильевна, впервые за всё это время на кровати, в тёплой избе, не за колючей проволокой, без прожекторов, лая собак и немецкой речи...

Следующим днём, к полудню, они проснулись от разносившегося по всей хате вкуснейшего аромата выпечки, и когда начали ворочаться, от чего скрипнула кровать, в комнату заглянула Анастасия Михайловна, и как-то по-родному сказала:

– Вставайте, архаровцы, кушать пора...

Деда уже не было, ни в доме, ни, как потом стало ясно, во дворе. Запряг лошадей и укатил по своим делам, не посвящая в них старуху. Она позвала постояльцев к столу, на котором стояла большая миска с пирожками, кружки и крынка с молоком. Валя с Лилей накинулись на пирожки: громадные, размером с ладонь взрослого человека, горячие, ароматные пирожки, с картофелем и луком внутри. Они слегка обжигали небо и язык, но кусать медленнее у девочек не получалось. Елена Васильевна же старалась себя сдерживать, и, несмотря на личный голод, сначала отламывала кусочек, дула на него, остужая, отдавала его Виктору, который жадно цеплялся в кусок двумя руками, пачкая не только пальцы, но и все ладони, и сразу вгрызался в пирожок многочисленными зубами, и лишь потом она ела сама. Также быстро поглощаемое детьми молоко, оставляло весёлые усы на верхней губе, которые после с задором стирались запястьем.

– Ты, дочка, время не теряй. – сказала Анастасия Михайловна, – Кушай, и в хутор иди, узнавай к кому поселиться можно. У нас гости гостят не часто, а если и гостят, то недолго. – Афанасий того не любит, мне он наперекор не пойдёт, но как вас выпроводить придумает, поэтому лучше сами...

По взгляду её, Елена Васильевна поняла, что не со зла она это сейчас говорит, что в доме всё же дед хозяин, а не как ей вчера показалось, старуха. Как жена она поняла, что вчера у Анастасии Михайловны был просто порыв смелости, и был, видимо, найден какой-то один, разовый аргумент, а вот как убеждать его в дальнейшем, она не знала.

– С хаты выйдешь, направо глянесь, мы на бугре, увидишь хутор, туда и иди. Вдруг чего немцы спросят, скажи: племянница моя с Жирнова. А местным всё как есть рассказывай... Пока будешь ходить, я воды согрею, детей помою...

Хутор был небольшой, казачьи подворья, домов двести от силы, казалось, что война его совсем не коснулась – ни одного разрушенного дома, с каждой трубы дым, никто не убежал, значит. Только вот как и везде – не было мужиков, по улицам ходили местные женщины, и здесь же спокойно разгуливали немцы. Здесь тебе и собаки, и кошки, во дворах скотина: где курица заклохтит, где петух закукарекает, с некоторых подворий мычал крупный скот. Люди не были напуганы, понятно было, что фашистам рады не были, но, видимо, те несильно изменили уклад привычной жизни своим появлением. Вдоль хутора протекала небольшая речка с названием Быстрая, хотя она уж совсем этому названию не соответствовала, поскольку морозы смогли её уже сковать.

Первый день поисков результатов не принёс, в каждом доме отказывали: где уже были постояльцы, где боялись принимать, где не хотели, где просто на крик не выходили. И как начало темнеть, Елена Васильевна вернулась обратно. Дети спокойно сидели на кровати. Она сообщила о результатах старушке. Почти следом зашёл в дом дед, ходивший кормить живность.

– Тьфу! Званный – гость, незванный – пёс! – зло проговорил он и прошёл к себе, больше ничего не добавив.

Следующим днём Елена Васильевна вновь отправилась в хутор, результат был тот же, только в одном доме, почти возле переправы, хозяйка колебалась, но в итоге всё же отказала. Зато она сообщила, что в хуторе есть работа, немцы содержали ферму, работать, хоть завтра, в качестве оплаты паек.

А вечером снова бурчал дед, только теперь она уж очень испугалась его взгляда, злой, ненавистный. Долго не могла уснуть... Вдруг за окном взмыла сигнальная ракета, за ней и ещё две, вдалеке раздалась стрельба, потом замолкла...

Утром в дом вошли немцы.

– Wakey¹⁾, с к о т ь н а! – крикнул один из них.

Елена Васильевна вскочила с кровати. Следом прыгнули дети и забились в угол. В дверях стоял дед, изображая на лице недоумение, но, не скрывая в глазах удовлетворение происходящим. Солдаты начали досматривать их вещи: вывернули чемодан, сразу же забрали трехпалые рукавицы танкистов, скинули всё с кровати. Елена Васильевна не понимала, что они ищут.

¹⁾ – *Вставай*

– Wodie raketen¹⁾?! – спросил немец.

Елена Васильевна смотрела на него, абсолютно не понимая, о чём он говорит.

– Wodie raketen?!

– Мам, он спрашивает про ракеты... – сказала из угла Лиля, державшая на руках Виктора.

– Я, я, я не понимаю о чём вы... – испуганно ответила Елена Васильевна, но теперь ни слова не понял немец.

– Mutter schlief mit uns, wir haben keine rakete²⁾!... – с трудом выговорила Лиля из угла.

Немец посмотрел на детей в углу, на Елену Васильевну, потом вопросительно посмотрел на старика, и будто получив команду «отбой», смягчился в лице и вышел из дома с остальными солдатами. Только тут она поняла, откуда ноги растут в этом утреннем визите, не за просто так солдаты пришли на окраину хутора, видимо, дед попросил напугать, а ночные ракеты – лишь повод. Она кинулась собирать разбросанные вещи, дети продолжали стоять в углу.

– Собирайтесь! – сказала Елена Васильевна им.

Они начали одеваться. В дверях комнаты появилась Анастасия Михайловна и укоризненно посмотрела на супруга, тот «тьфукнув» развернулся и вышел из хаты. Елена Васильевна снова уложила всё в большой чемодан, а мелочь раскидала по детским рюкзакам, застелила кровать, как та была в день их появления. Подошла к хозяйке дома и, взяв за плечо, вполне искренне сказала:

– Спасибо вам большое, что пригрели, пойдём мы...

– На старика не сердчайте... – произнесла та, сама себе не веря и злясь на деда, – Удачи вам...

Они вышли на улицу, старик ждал их, предвзвительно уже приволочив тачку неожиданных постояльцев. Елена Васильевна бросила вещи на тачку, взяла её за ручки, и с ухмылкой обратилась к старику:

– Хозяин! Не то червь, что человек ненароком съест, а то червь, что человека ест!

Подмигнула ему и двинулась со двора в сторону хутора, и дети за ней пошли, один за другим по снегу, цепочкой, как утиный выводок. Елена Васильевна была спокойна, радуясь, что это не в ночь произошло, а с утра, и с какой-то необоснованной уверенностью, что в тот дом у переправы та женщина обязательно впустит.

Лиля часто жалела, что её не оставили жить у тётки. С тысяча девятьсот тридцать четвертого года, с трёх лет, она воспитывалась у родной сестры матери в Ворошиловграде, вплоть до тридцать девятого. Все её первые воспоминания и впечатления были именно там, в доме главного инженера завода Октябрьской Революции – Гаврилова Андрея Тимофеевича и его супруги Анны Васильевны Ракуновой, которую Лиля тоже называла мамой. Её холили и лелеяли не имевшие собственных детей родственники. И сейчас она очень по ним скучала... Именно сейчас вспоминалась их совместная прогулка по городу

¹⁾ – *Где ракеты?!*

²⁾ *Мама спала с нами, у нас нет ракет...*

в выходной день, когда многие прохожие, знавшие Андрея Тимофеевича, останавливались, и говорили, как она на него похожа... Сейчас она хотела именно к ним, где любовь и ласка и где нет войны. И невдомёк ей было, что любимый ею город немцы заняли ещё раньше Сталинграда, тётка эвакуирована в Алма-Ату, а дядька ушёл настоятелем в монастырь...

Но тёплые детские воспоминания всплывали постоянно, они контрастом крутились в голове. Там было спокойно и беззаботно, а что теперь? Хотелось ей верить, что самое страшное позади, что не будет больше в её жизни ничего похожего на Сталинград двадцать третьего августа сорок второго года, что не придётся никуда идти, не от чего убежать, не придётся вновь жить за колючей проволокой, где огромные куриные блохи больно кусают тело... Хотелось верить, что вернётся с войны отец, и они снова будут жить счастливо, ходить в школу и с нетерпением ждать выходных, чтобы сходить куда-нибудь всей семьёй. Хотелось верить, что когда-нибудь, она сможет сходить в столовую и поесть тот самый гороховый суп, и сможет позволить купить горчичного хлеба, отломить горбушку и не спеша её съесть...

После их приезда в этот хутор прошли уже недели. Переночевав две ночи у ворчливого старика, они съехали к тёте Лиде, в первый дом у переправы. Не сказать, что Лида приютила их только как мать из жалости, был в этом и свой расчёт: у неё, как и у всех, муж ушёл на войну, а с ней осталось двое детей пяти и шести лет, которых надо было кормить. Её давно звали на немецкую ферму, но оставить погодок было не с кем, поэтому и впустила Елену Васильевну, увидев, что её девочки были уже взросленькие. Не пожалела, они вместе вышли на работу, сдружились, а девочки без капризов присматривали за младшими. Гостить пришлось недолго, через два дня в хутор прислали ещё взвод немцев на охрану переправы, и те вытолкали их всех из дома в полчасика. Скитаться не пришлось, Алексей, которого по хутору кликали Ёсей, сосед через дорогу, сам позвал их всех жить к себе. Он жил с мамой, женой Олей и годовалым сыном, дом у них был таких же размеров, только на комнаты не разделённый, прихожая и одна большая комната, метров шесть на двенадцать, поэтому разместились свободно. Взрослые ходили на ферму, старшей над детьми оставалась бабушка. Лиля и Валя помогали ей присматривать за малышами. Только вот вчера, когда все уже вернулись с работы, недоглядели, как Виктор под себя разлил таз с горячей водой, сильно ошпарил ноги и попу – вся кожа плотно покрылась волдырями, если бы не земляной пол в комнате, всё же втянувший кипятик, и не одежда на нём, всё было бы куда хуже. Орал Витя без умолку, и только после того, как Ёся, по настоянию матери, сходил к реке, набрал глины, и Вите сделали глиняный компресс, боль видимо, спала, и он заснул на пару часов.

Лиля стояла на берегу реки, в бушлате по колени и с длинными рукавами, в армейских, давно не чищенных сапогах, в повязанном на голове платке, в одной руке держа небольшую миску, в другой тятку. Декабрь с первых дней показал себя, дул холодный пронизывающий ветер. Она нашла это место по неполностью заметенным ночным следам. К воде был плавный спуск, сушняк камыша стоял по сторонам, лёд явно был тоньше у берега, в том месте, где ночью глину брал Ёся. Лиля, аккуратно ступая громадными сапогами, спустилась

к кромке, несколько раз несильно ударила по льду и разворошила лунку, опустила в неё тяпку, через тридцать сантиметров упёрлась в дно, поддела его, и вытащила тяпку на поверхность – на лезвии лежало грамм пятьдесят рыжей плывущей жижи. Сделав с десяток таких нехитрых движений, она набрала полную миску, и отправилась к дому, где уже ждала бабушка, чтобы поменять Вите компресс.

Лиля ушла из хаты, как только раздался Витин плач, видимо смена компресса была болезненна для брата. Она стояла у ворот, намереваясь вернуться, как только плач стихнет, но он не стихал, не выдержав, на улицу вышла и Валя, и они решили прогуляться по хутору. Но не получилось, сделали только несколько шагов, и их как магнитом потянул к себе головокруглительный запах колбасы, тянувшийся из дома тётъ Лиды. Как замороженные, они шли на запах, перешли улицу, подошли к окну, с открытой форточкой и, встав на цыпочки, заглянули внутрь дома: немцы не заселились в него, а оборудовали здесь столовую, расставив принесённые столы и скамейки, на печи что-то кипело в котле. По комнате разгуливал грузный мужчина лет тридцати, лысый, в белом халате по колени и чёрных начищенных сапогах, напевая немецкую незвучную песню. Он периодически заходил, в другую комнату, видимо оборудованную под склад, и выходил из неё с провизией: то галеты вынесет, то печенье, то масло... Столы были уже рассервированы, и помимо посуды на них уже лежали тарелки с хлебом и колбасой...

Немец заметил торчащие в окне девичьи головы и расплылся в улыбке. В это время открылась дверь, и в дом начали заходить солдаты, пришедшие на обед. Немецкий офицер, увидев девочек, грозно крикнул:

– Vonhierausing¹⁾!... – почему-то оборвав фразу и застыв в изумлении.

Лиля с Валею в испуге отбежали от окна, и пошли вверх по улице, удаляясь от столь приятного и желанного аромата. Желудки заработали рефлекторно как бешенные, давно они не слышали этот запах... Сразу вспомнилась довоенная жизнь, довоенная еда: котлеты, пельмени, жаркое по-домашнему – им очень хотелось мяса, очень надоели эти «пустые» варёные крупы...

После обеда Лиля ещё раз сходила на речку за глиной. Раньше обычного вернулась мать, отпросилась у дежурной, измучившись в переживаниях за сына. И когда начали перевязку, Лиля опять вышла из дома. Того запаха уже не было, но всё ещё открытая форточка манила собой, ей казалось, что запах может висел где-то рядом с ней. Не спеша она двинулась к окну, подошла, заглянула, никого не было: ни солдат, ни колбасы – только лысый повар протирал столы. Он опять улыбнулся, увидев её, выпрямился, оставил тряпку на столе, и, накинув поверх халата серую шинель, вышел из дома, обошёл его, и аккуратно, не желая спугнуть ребёнка, вышел из-за угла, Лиля пошатнулась в испуге.

– Furchtedichnicht²⁾!... – мягко сказал он, медленно шагая к ней. – Werdeichsieschaden. Furchtedichnicht²⁾!...

Лиля почему-то тоже улыбнулась, где-то внутренне доверяя искренности улыбки толстого повара.

¹⁾ – *Пошли вон отсюда...*

²⁾ – *Не бойся... Я не причиню тебе вреда. Не бойся*

– Ihnennamen¹⁾? – спросил он, оказавшись уже рядом.

– Lilya²⁾.

– Ооо, Лиля... – заулыбался он ещё больше и, поманив рукой, сказал: Gehensiewirimhaus, esistsehrkaltdrauBen³⁾...

Совсем не боясь, Лиля пошла за ним. На улицу, в одной кофте, выскочила Елена Васильевна, наблюдавшая за этим в окно, но не успела, дочь вместе с немцем уже скрылась в доме...

Войдя в дом, повар снял шинель и повесил её на вешалку, в помещении действительно было жарко, на печи уже снова кипела вода, заготовленная для ужина. Лиля сняла бушлат, осторожно прошла между столами к окну и увидев маму, заулыбалась и помахала ей рукой. Елена Васильевна попыталась улыбнуться, но чувство страха не позволило ей это сделать. Ветер пронизывал её насквозь, но она не шевелилась, безотрывно глядя в окно, боясь потерять дочь из вида. Заметив это, повар тоже подошёл к окну и показал обе громадные ладони, обозначая миролюбивость и нежелание сделать ребёнку что-то плохое. Потом он взял Лилю подмышки и посадил на подоконник, так, чтобы мать могла видеть её постоянно и не поднимала шум, за такое общение ему могло влететь.

– Sie lokale⁴⁾? – спросилон.

– Nein, wir sind aus Stalingrad⁵⁾! – ответилаЛиля.

– Ооо, Сталинград!!!

– Ja! Вы там делали бух-бух! Wirbliebenohneheimat – nacktundbarfu⁶⁾... – сказала она, приподняв свои ноги, в армейских сапогах.

– Diese mutter⁷⁾?

– Ja, Das its meine mutter! Ich habe noch einen bruder und schwester!⁸⁾

– GroB familie, und der vater?⁹⁾

– Vater im krieg ein jahr schon¹⁰⁾...

– Klar... WeiBt du wie man singt¹¹⁾?

– Ja, natürlich¹²⁾!

– Ленин, Сталин, bitte, singen¹³⁾...

– Шёл отряд по берегу, шёл издалека! – начала с удовольствием петь она, но повар сразу же показал, чтобы она пела тише, и она, сбавив тон, продолжила:

1) – *Как тебя зовут?*

2) – *Лиля*

3) *Пойдём в дом, на улице очень холодно...*

4) – *Вы местные?*

5) – *Нет, мы из Сталинграда!*

6) – *Мы остались без дома – голые босые...*

7) – *Это мама?*

8) – *Да, это моя мама! А ещё есть брат и сестра!*

9) – *Большая семья, а отец?*

10) – *Отец на войне уже год...*

11) – *Понятно... Ты петь умеешь?*

12) – *Да, конечно!*

13) – *Спой, пожалуйста*

– Шёл под красным знаменем командир полка!

Повар довольно расхаживал по кухне, нарезаая овощи, помешивая периодически картофель в котле, раскладывая хлеб на тарелки, вскрывая банки с тушенкой, а Лиля пела советские песни, одну за одной, беря и низкие, и высокие ноты и испытывая неимоверное удовольствие, видя в этом поваре пусть одного, но всё же своего слушателя и зрителя:

Наш паровоз вперёд летит, в коммуне остановка!

Иного нет у нас пути, у нас в руках винтовка!

В седьмом часу повар попросил Лилию уйти. Когда она уже накинула бушлат и собралась выходить, он остановил её и протянул полкотёлки колбасы.

– Ausblenden!¹⁾ – сказал он, показывая убрать колбасу подмышку, – Kom-mensiemorgen...

Лиля довольная помчалась домой. Этот, ещё в обед недосыгаемый запах, сейчас тянуло из-под одежды, и она торопилась домой, уж очень хотелось попробовать её на вкус. Такому подарку все удивились и обрадовались, но женщины запретили есть её, заставив сначала поесть вареной пшеницы, и только потом полкотёлки, разделили поровну на всех детей и взрослых. Каждый из присутствующих, свой сантиметровой кусочек не ел сразу, а смаковал, растягивая удовольствие, и даже маленький Витя, казалось, перестал постанывать от боли, а лишь кряхтел от удовольствия.

На следующий день Лиля снова пошла за глиной, потом, намереваясь отправиться в столовую, снова петь песни с надеждой, что наградой за это снова будет колбаса. Но к повару попасть не удалось, ему в помощь на кухне оставили солдата, который бы вряд ли понял присутствие там русской девочки, поющей песни про Сталина. В расстроенных чувствах, стоя перед захлопнутыми перед носом дверьми, она посмотрела под ноги – в снегу было полно бычков от немецких сигарет, солдаты курили после приёма пищи и бросали окурки здесь же. Машинально она подняла один, второй, третий – собрав все окурки возле кухни, и даже придумав в процессе сбора этому занятию разумное объяснение: по чуть-чуть постепенно соберётся много табака, и она его выменяет у местных мальчишек на что-нибудь, на что конкретно, она ещё не придумала. К вечеру она вернулась в хату с полным карманом «бычков», она распотрошила их, в итоге получив щепотку мерзко пахнущего табака, который положила на подоконнике сохнуть.

– Фуууу... – сказала Валя, подойдя посмотреть, что делает сестра.

– Тише, а то придётся выкинуть... – сказала Лиля.

– А зачем тебе эта дрянь?

– Не знаю, поменяю потом на что-нибудь...

– На подзатыльники от мамы... – хихикнула Валя.

На печи бурлил котелок с просом, бабушка помешала его ещё раз, сообщив, что ещё пять минут и ужин будет готов. Неожиданно входная дверь распахнулась – никого не ждали, все были уже в доме, бабушка отшатнулась как глухонемая к стене, в дверях стоял немецкий офицер. Пригнувшись, он вошёл в комнату и остановился на пороге, внимательно рассматривая присутствующих. Он

¹⁾ – *Спречь... Приходи завтра...*

был в шинели, с пистолетом, высокая фуражка чуть-чуть не доставала до потолка, из-под её козырька виднелись прямые светлые брови, напряжённый презрительный взгляд, прямой нос, тонкие губы, большой подбородок, широкие, играющие в напряжении скулы. Все замерли... Его взгляд медленно скользил справа-налево, въедаясь в лица, но остановился в недоумении на Лиле. Её сердце заколотилось в испуге, она узнала его, это тот самый офицер, который увидел вчера их в окне кухни придя на обед, видимо он узнал про колбасу, и сейчас что-то будет... Офицер, не спеша, не отрывая от неё взгляд, прошёл по комнате, сел на табурет, и тихо, глотая слова, еле вымолвил:

– Gehensiehier¹⁾...

Лиля дрогнула, боясь, что он сейчас будет её бить или убивать...

– Kommzumir²⁾... – всё так же чуть слышно произнёс он.

Лиля подалась к нему, остановившись в шаге. Он приоткрыл рот, в изумлении рассматривая её лицо, потом протянул руку, убрал свисавшую прядь волос ей за ухо, дотронулся до щеки, брови, кончика носа. Начал чаще моргать, улыбнулся и, схватив её, обнял и заплакал...

– Eichhornchen³⁾... – произнёс он.

Лиля не понимала, что происходит, ей было больно от этих объятий, шинель неприятно колола шею, но она не могла пошевелиться. Елена Васильевна сжалась в оцепенении, держа под подушкой нож и в любой момент готовая кинуться на немца, если он попытается сделать что-то с её дочерью. Но он просто продолжал обнимать её, повторяя: «Eichhornchen, eichhornchen». Только спустя десять минут он отодвинул её, улыбнулся, вытер глаза, встал и ушёл прочь.

На следующий день, уже после обеда, Лилю снова позвал повар, и она снова, усевшись на подоконник, раз за разом пела подряд все песни, которые знала. И убежала вприпрыжку перед самым ужином, зажав под мышкой полкотёлки колбасы. А вечером снова пришёл немецкий офицер, также зашёл в хату, позвал Лилю к себе, и несколько минут смотрел на неё, только уже молча и не плача. Потом встал, посмотрел на Елену Васильевну и сказал:

– Siewardenmeinesachengeloscht⁴⁾!

– Да ничего я не буду тебе стирать, пададь фашистская! – огрызнулась она, как-то инстинктивно поняв его слова.

– Господин офицер, мы всё сделаем, всё сделаем... – подскочила к нему бабушка, испугавшись, что и за столь дерзкий тон Елены Васильевны, немец мог сейчас её убить, но он не потянулся за пистолетом, одобрительно посмотрел на старушку и вышел из дома.

Так проходили дни: взрослые уходили на ферму, бабушка присматривала за малышами, ухаживала за Витей, а девочки слонялись от безделья. Они ходили на речку за глиной, благодаря ли ей – неизвестно, но полученные братом ожоги заживали очень быстро. Собирали окурки, Лиля стала брать с

1) – *Иди сюда...*

2) – *Иди ко мне...*

3) – *Белка...*

4) – *Будешь стирать мои вещи!*

собой Валю на кухню, и они уже вдвоём пели повару песни; и всё чаще, сидя на разбитой телеге у дома, смотрели на проходящие на запад колонны измученных военных: болгар, итальянцев, поляков... Конечно, в сравнении с немецкими солдатами они были неухоженными, неуклюжими, замученными, злыми заморышами... Поговаривали, что под Сталинградом идут жестокие бои, и вот-вот немцев выбьют из города. И каждый вечер, почти в одно и то же время приходил офицер, подзывал к себе Лилию, и молча смотрел на неё, порой тяжело вздыхая, порой улыбаясь, порой обнимая...

Двадцатого декабря через хутор тянулись румыны. Одна группа остановилась на привал, прямо возле кухни, их командир попытался договориться об обеде, но немецкий офицер строго отрезал все предпосылки к этому, расстегнув кобуру. Им вынесли только хлеба, этого прямоугольно немецкого, но они не стали его есть. Валя попросила кусочек у одного румына, но тот ехидно глянув на девочку, скормил всю буханку лошади.

Вечером опять пришёл офицер, отдал бабушке грязное нательное бельё, снял шинель и пистолет, повесил их на вешалку у входа, спокойно прошёл в конец комнаты, сел на свой табурет и закурил. Потом расстегнул китель, достал из внутреннего кармана фотокарточку, позвал Лилию и показал её ей. Она сначала не поняла: на фотографии был запечатлён он в военной форме, рядом стояла красивая женщина в светлом шикарном платье, по-видимому, жена, а в ногах у них стояли две нарядные девочки, лет двенадцати. И только всмотревшись в лицо одной из них, Лиля с удивлением обнаружила, что они похожи: такой же нос, такие же глаза, брови, только она была не столь худа как Лиля, и вместо двух косичек, у неё была настоящая причёска с завитыми локонами.

– Meinetochter.. – сказал офицер и позвал к себе Елену Васильевну: – Mom, gehen¹⁾.

Елена Васильевна, оставив нож под подушкой, нехотя подошла, посмотрела на фотокарточку, и тоже заметив большое сходство между детьми, по-матерински улыбнулась, наконец, успокоившись.

– Ihre namen sind Sofie und Hanna, bereits ein erwachsener, elf und zwölf jahre alt. Ich vermisse sie... – он снова закурил, – Sie warden wahrscheinlich verstehen, krieg ist schrecklich, und sie hatte mich wahnsinnig mude! Ich will nicht straiten! Ich will nach hause zu seiner frau, tochter – habe keine kraft zu kampfem!²⁾

Двадцать четвертого числа с самого утра немцы начали собираться – им поступила команда отступать. Раньше положенного пообедав, они начали загружать в грузовую машину остатки провизии. Повар отдал девочкам целое ведро недоеденной рисовой каши, с громадными кусками сала, которое они вдвоём еле дотянули до хаты.

Когда все уже были по машинам, офицер подошёл к Лиле, и ещё крепче

¹⁾ – *Мои дочки... Мама, подойдите.*

²⁾ – *Их зовут Софи и Хана, уже взрослые, одиннадцать и двенадцать лет. Я очень скучаю по ним... Вы, наверное, поймёте, на войне страшно, и она безумно мне надоела! Я не хочу воевать! Я хочу домой, к дочерям, к жене – уже нет сил воевать*

прежнего обнял, и не просто заплакал, а зарыдал, не стесняясь подчинённых.

– Weibst du, native, ich umkommen diesen verdammten krieg! Ich werde nie wieder nach Deutschland gehen, ihre kinder wurden nie sehen werden! Nie!!! – он отодвинул её, ладонями держа за плечи, и мокрыми глазами, глядя на неё, добавил, – Undduwirstleben, Лильичка, unbedingtlive!¹⁾

Он вскочил на машину, и они уехали...

Утром в белых халатах, на лыжах в хутор вошла разведка. В дом заглянул усатый мужчина уже в годах, с автоматом наперевес.

– Немцы где? – спросил он.

Ёся объяснил ему, что в хуторе осталось не больше десяти немцев, и рассказал где их поискать. Разведчик удалился... Через несколько минут раздались одиночные выстрелы, через несколько минут ещё несколько выстрелов и тишина... Разведчик вернулся через час, с двумя молодыми бойцами, и, улыбаясь, сообщил, что всё: немцев больше в хуторе нет. Казалось, вот так и закончится война, закончатся их мытарства и нахождение в немецком тылу именно сегодня, в католическое рождество – двадцать пятого декабря...

– Ну как вы тут без нас, родненькие? – спросил усатый, усевшись на ближнюю кровать.

– Заждались... – честно призналась Елена Васильевна.

– Как только смогли, извиняйте... – с пониманием ответил он.

– Все хутора бы так легко брать... – сказал один из молодых, тоже сев на кровать.

– Да не говори... – согласился второй, и стал потягиваться. – Эх, сейчас бы закурить...

– А у меня есть, дяденьки! – закричала Лиля, вскочив с кровати, и занырнув под неё.

Солдаты засмеялись.

– Есть у неё, ага...

– И давно покуриваешь?! Ха-ха...

Но замолчали, когда та протянула им металлическую коробочку из под немецких леденцов, доверху набитую табаком.

– Вот так да! – обрадовался старший. – А газета? – он оглядел всех, но все покачали головой. – Ваню, давай по хатам, прессу надо!

Солдатик убежал, быстро вернулся с газетой. Слепив самокрутки, они закурили, довольно пуская по комнате кольца.

– Вас покормить может, миленькие? – спохватилась Елена Васильевна – У нас каша есть!

– Да не откажемся, хозяйка!

Они ели с удовольствием немецкую кашу, а потом снова курили.

В эти дни местные ребята и Ёся в том числе, вскрыли немецкий склад, и потянули оттуда всё: и посуду, и бутылки какие-то, и инструмент, Ёся велосипед притащил, новый немецкий, большой чувал посуды принёс. На следующий день

1) – Ты понимаешь, родненькая, я погибну на этой чёртовой войне! Я уже никогда не вернусь в Германию, никогда не увижу своих детей! Никогда! А ты обязательно живи, Лильичка... обязательно живи!

сказали, что немцы возвращаются, Ёся отволол посуду к реке и выбросил, а велосипед пожалел. Немцы без боев заняли хутор, нашли своих мёртвых солдат в заброшенном колодце, разозлились, ходили по хутору, стреляли, из домов никто не выходил. А потом начали искать, кто разворовал склад, устроили обыски – собрали семнадцать человек, у которых что-то нашли, все молодые от пятнадцати до двадцати трёх, Ёся был самым старшим – их заперли в сарай...

Бежать они не пытались, думали, отпустят, но на седьмое января, в рождество, их вывели на расстрел. Ёсина мама выскочила из дома, узнав об этом, Лиля побежала за ней, пытаясь остановить, она успела пробежать несколько домов, как с окраины хутора, от балки, раздалась автоматные очереди – бабушка упала в обморок прямо на ходу... Лилия бегала над ней, не зная, что делать, пока не подбежали рыдавшая Ёсина жена с Еленой Васильевной и не отнесли её в дом.

Шестнадцать бездыханных молодых тел свалились в заранее вырытую для них яму...

Выжила только одна девочка, притворившись мёртвой, она упала в яму вместе со всеми. До поздней ночи, не шевелясь, на морозе она лежала между быстро остывшими телами своих сверстников, не плача не от ужаса, не от боли в голени, куда всё же попала немецкая пуля... Звали эту девочку Валя Видман, сталинградка немецкого происхождения. После она ушла в поле, где спряталась в стог сена, где и жила до февраля месяца, изредка выбираясь ночью в хутор за едой...

В феврале немцы ушли так же, как и в первый раз, собрались и быстро уехали.

Через хутор нескончаемым потоком на запад потянулись советские войска.

В конце февраля Лилия, как и всегда, сидела на телеге, глядя на проходящих солдат, и уже точно понимала, что немцы не вернуться – советские солдаты шли, шли и шли... Вдруг из колонны раздался крик: «Лилька! Лилия!» – из строя выбежал солдат, схватил её на руки, и крепко обнял.

– Лиль, а мамка где? – спросил он, и только сейчас она признала в нём двоюродного брата отца, и тоже от неожиданности обняла.

– В хате она.

– Командир! – закричал он своим, – Командир, я сейчас догоню! Мои это! Братава жена с детворой! Я мигом! Я щас!

Он забежал в дом. Они с Еленой Васильевной обнялись, обменялись главными новостями, мама сказала, что от Пети вестей не было, а он строго сказал, чтобы они двигались в Красноармейск, к деду.

– В Красноармейске все собираемся, Лёля! – кричал он, побежав догонять своих.

В хуторе они жили до первого апрельского тепла, пока окончательно не сошёл снег и не начало пригревать солнце. Потом собрались все семьи из Сталинграда и пеше двинулись на Морозовск. Там их погрузили в теплушки и отправили на Сталинград... Ехали очень долго, сначала топили печи, потом уже совсем тепло стало, и только в мае поезд пришёл на «второй» Сталинград.

Как и было договорено, Елена Васильевна повезла детей в Красноармейск. До Елшанки город был стёрт, а Красноармейский район почти не тронули. От центра поезд шёл два с половиной часа. Дед умер, а бабушка была не родная: она курила, материлась, и особо рада приезжим не была. Елена Васильевна

каждый день ходила на поиски работы, а дети таскали из речки воду в огород, бабка что-то сажала. И когда кто-то из детей что натворит, в выражениях она не стеснялась: «Лиля пусть живёт и Валя хай живёт! А Витька пусть сдохнет!» – говорила она, когда Витя разбил тарелку; «Валя пусть живёт и Витя хай живёт! А Лилька пусть сдохнет!» – бормотала, увидев как Лиля прошлась по грядке; «Лиля пусть живёт и Витя хай живёт! А Валька пусть сдохнет!» – ругалась, когда Валя плохо вымыла полы в доме.

Как только Елена Васильевна устроилась на двести шестьдесят четвёртый судоремонтный завод и получила однокомнатную квартиру, они сразу же съехали.

Народ постепенно привыкал к мирной жизни, пусть и в руинах, которые постепенно разгребали: появились стихийные рынки, то там, то здесь начиналась стройка...

Осенью тысяча девятьсот сорок третьего года девочки пошли в школу, где уже каждый день отслеживали победы советских войск, их продвижение сначала к границам СССР, а после и освободительное движение по Европе...

От Петра Фёдоровича вестей не было: сорок второй год, сорок третий прошёл, миновал сорок четвёртый. По городу ползли слухи о бабке-гадалке, она рассказывала о близких – живы или нет. Елена Васильевна долго сопротивлялась, не верила, но в феврале сорок пятого всё же сходила – та сказала, что он живой и скоро приедет – Елена Васильевна всё равно не поверила.

В начале апреля сорок пятого в дверь постучали, Елена Васильевна открыла: на пороге стоял Пётр Фёдорович в форме, с вещмешком за спиной и букетом ромашек в руке... Он ничего не говорил, молча курил сидя на кухне, глядя на слёзы жены, прыгающих от радости дочек и испуганно стоявшего в углу сына, отца не признавшего. Ни слова произнести не мог Пётр Фёдорович, громадный ком перекрыл дыхание, и наворачивались слёзы: трудно было ему поверить, что они выжили, ведь не одну сотню раз он слышал, что в Сталинграде был АД, а они выжили. Трудно было поверить, оглядываясь назад, что выжил и он сам: сначала в аду на Сапун-Горе под Севастополем; потом в румынском концлагере; в боях по освобождению Венгрии; и как он выжил в том своём последнем бою при форсировании маленькой реки Ипель, когда кончились снаряды, и он волоком тянул ящик с боеприпасами к своему расчёту, как всё погасло вокруг... Ему снова стало страшно от осознания, что это просто чудо или просто случайность, что два осколка рванувшего рядом снаряда по касательной задели голову, а ещё три впились в ноги... Ведь мог он сейчас не здесь сидеть, а гнить в земле у села Ипойдамашц...

А когда Витя, спустя несколько минут по привычке, не выдержал манящего его блеска медали «За отвагу», подошёл, взял её маленькой ручкой и улыбнулся. – Пётр Фёдорович расплакался, смог вздохнуть полной грудью, схватил его на руки и обнял, точно осознавая, что он дома, что кончилась война, что теперь можно жить...

– А потом был май, и была Победа... – подвела к завершению свой рассказ моя бабушка Полупанова Лиля Петровна. – Мы были в Сарепте: салюты, стрельба, песни... В сорок шестом мама родила Аллочку, она умерла в сорок седьмом, когда я закончила семилетку. Ты может покушаешь чего?

– Нет, спасибо... – ответил я и улыбнулся, посмотрев на неё.

Белка... Она всё такая же: улыбающийся, восьмидесятирехлетний ребёнок с седой головой и шkodливymi глазами. Эти глаза почти не видят, операция уже невозможна – только инвалидность, но бабушка над этим смеётся... Ослепнуть им стоило бы тогда ещё, наверное, в сорок втором, чтобы не видеть того мёртвого танкиста и солдата без ног, ту женщину с кишками наружу... Лучше бы и перестать было слышать тогда, чтобы не было в этой жизни свиста сыплющихся с неба мин, звука взрывов, дикого крика горящих людей, и плача осиротевших детей... И обоняние, наверное, лучше бы исчезло тогда, чтобы легче было есть траву, недоваренную кашу, заплесневелый хлеб... Но всё это было в её жизни, и всё это она запомнила...

– А... – спохватилась бабушка, – я забыла рассказать: в один из дней, когда мы были в Апанаскине, во дворе столовой немцы забили корову, мясо занесли в дом. А я втихую пробралась и собиралась ливер стянуть, из него можно бульон сварить. Хватаю я, значит, кишки, и вдруг дверь открывается, немец за пистолет, я кишки бросила и драпать... Хорошо следом повар вышел, он успел подбить руку фрицу, и пули пошли выше меня, – она засмеялась, – Драпаю, что есть сил, а на меня ветки падают... Вот так было. Наверное, так должно было быть в жизни...

По странному стечению обстоятельств, после целины они переехали жить в только образующийся в чистом поле угольный поселок Шолоховский, вблизи города Белая Калитва. Она часто бывала на месте распределительного немецкого лагеря, сейчас там крупный завод, а рядом районная больница. В Апанасове она больше не была никогда...

– Валя всю жизнь помнила, как после моего похода с дядей Ваней на Красные Казармы, она схватила сумку и пошла за зерном на элеватор...и в этот момент по элеватору начали обстрел... Я до сих пор помню, с какими глазами она прибежала назад.

Валентина Петровна Щербина (Егорова) всю жизнь прожила в Волгограде. Более гостеприимных людей, чем она с мужем Анатолием – я в своей жизни не встречал. Она умерла три года назад, но два сына, пять внуков и трое правнуков хранят память о ней...

– Как-то ещё был случай, там же, в Апанаскине: зашли в дом два немца, к бабушке, наверное. Витя маленький был, два-три года, или до того как обварил ноги, или уже после, но не суть – зашли они, Виктор под столом сидел, игрался. Один из немцев ему рафинада кусок протянул, тот взял, и вместо спасибо, улыбаясь, сказал: «Гитлер капут!». Слава Богу не расстреляли...

Виктор Петрович Егоров живёт в Волгограде. Давно уже на заслуженном отдыхе, так уж распорядилась судьба, что он стал лётчиком – водителем «патавы». Женат, дочь, два сына и трое внуков.

– После войны, в Сталинграде, я встречала Валю Видман с двумя детьми. Андрей Гаврилов учился в Московском суворовском училище, а потом не знаю, военным, наверное, стал...

С остальными участниками тех событий, она больше не встречалась. Кажется даже удивительным: бабушка через пять минут забывает, куда положила ключи, но с точностью помнит фамилии, имена и даты – а прошло ведь больше семидесяти лет...

– В сорок седьмом я уехала в Ворошиловград, поступила в музыкальное училище. В пятьдесят третьем родилась доченька Оля... Первого мая пятьдесят

пятого мы с твоим дедом уехали поднимать целину, там и родился твой отец. Через пять лет родился Виталик...

Двадцать первый век на дворе, кажется порой, тяжело жить: кредиты, ипотеки, дефолты, девальвации, доллар взлетел, нефть упала... Бабушкин первенец – дочка Оля, умерла через год после рождения, с лекарствами было тогда туго. Когда родился мой отец, они жили в палатке в казахстанской степи и зимой, и летом. Потом, когда сыновья уже подросли, она оформила опеку над своей ученицей Таней. Умер муж. Когда родился первый внук, сломался младший сын, в прямом смысле этих слов – прыгнул в воду и сломал шейные позвонки, и двадцать семь лет она ухаживала за инвалидом первой группы, и похоронила его шесть лет назад...

– Сын Долорес Ибаррури, про которую нам так часто рассказывали в школе, погиб при защите Сталинграда. Его похоронили на площади Павших борцов. Кстати, там же похоронен и известный лётчик, Герой Советского Союза Каменщиков, он погиб здесь, в боях за Белую Калитву...

Сломало её за всё это время? Надломило: она плачет часто, вспоминая дочь, мужа, сына, сестру... Но не сломало: в восемьдесят лет она забралась на верхнюю полку плацкартного вагона и отправилась в Казахстан проведать свою куму и учеников навестить – три дня в пути. Бабуля безмерно пьёт кофе и никогда не меряет давление. В огород она лазает через окно: поставила стульчик, залезла на подоконник, перекинула стульчик, спустилась в огород. Она не пропускает ни одного выпуска жилищной лотереи уже двадцать лет, и до сих пор верит, что выиграет квартиру.

– На том месте, где был танкист, возвышенность у реки Пионерки, это её так в советское время называли, теперь она опять Царицей стала... На том месте, только через дорогу, сейчас стоит памятник «Чекистам»... И дом «водников» до сих пор стоит, а нашего дома вроде нет...

Она оптимист... Она двадцать лет ждала переселения из аварийной квартиры и дождалась. Вот-вот она переедет в новую квартиру, куда обязательно возьмёт с собой своих питомцев: двух кошек и трёх котов – чтобы потом обязательно поворчать, что они надоели ей, а следом погладить, и рассказать мне вновь, что Малыш – умный, Серый – хороший, у Мурки на спине доллар, Малёк – маленький, а у Соньки три лапы, она инвалид, её обижать нельзя... А потом бабушка обязательно споёт:

Сердце, тебе не хочется покоя.

Сердце, так хорошо на свете жить.

Сердце, как хорошо, что ты такое.

Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить...

– Это внешне, внучёк, я старенькая – здоровье не то, а внутри-то мне...ну не шестнадцать, конечно, но где-то лет двадцать пять! – она снова засмеялась. – А жизнь она хоп – и пронеслась... То ли было, то ли не было – как кино – только обратно не перемотаешь. А легко жить, наверное, нельзя, должны быть трудности, проблемы... Вот только б войны не было...

Александр КЕРДАН, полковник запаса

Александр Борисович Кердан родился 11 января 1957 года в городе Коркино Челябинской области, поэт и прозаик. Окончил Курганское высшее военно-политическое авиационное училище в 1978 году (с дипломом с отличием и золотой медалью), педагогический факультет Военно-политической академии с отличием (1990) и адъюнктуру Военного университета Министерства обороны РФ. В 2007 г. стал доктором культурологии.

На протяжении 27 лет находился на службе в Советской, а затем Российской армии в качестве политработника, преподавателя военного вуза, военного журналиста (центральные журналы Министерства обороны РФ: «Честь имею», «Воин России», «Ориентир»). Уволен в запас в 2001 г. в звании полковника. Член Союза писателей России с 1993 года. Секретарь правления Союза писателей России с 2004 года, сопредседатель

правления Союза писателей России с 2009 года. С 2000 года по настоящее время — координатор Ассоциации писателей Урала.

Лауреат Большой литературной премии России (2010), международных литературных премий: «Полярная звезда» (2012), «Золотое перо» (2008), «Честь и Отечество» (2010), «Югра» (2011); всероссийских литературных премий им. А.Грина (2007), генералиссимуса А.В. Суворова (2006), П.П. Бажова (2000), «Традиция» (2001), премии Губернатора Свердловской области за выдающиеся достижения в области литературы и искусства (2003), и др. Лауреат Всероссийского конкурса военно-патриотической песни «Пою моё Отечество» (2002), Всероссийского телевизионного конкурса «Романс. XXI век» (2011). Книга исторических романов «Земля российского владения» удостоена «Золотого витязя» и диплома на IV славянском форуме искусств «Золотой витязь» (Суздаль, 2013).

Кавалер ордена Дружбы (2009), Заслуженный работник культуры Российской Федерации (2002). Почётный гражданин города Коркино (2008). Почётный профессор Уральского института бизнеса имени И.А. Ильина (2005). Награждён Почётным знаком «За заслуги перед городом Екатеринбургом» (2012), медалью Екатеринбургской Митрополии «Святой великомученицы Екатерины» I степени (2013) и Патриаршей грамотой (2010). В 2015 году в Коркино проведены первые Кердановские чтения, которые станут ежегодными.

Живёт в Екатеринбурге.

БЕРЁЗКА

Рассказ

Компания была тесной. Мужской. Потому и разговоры крутились вокруг войны, политики, женщин. О последних, к слову, говорили не ради них самих, а по отношению к первым двум темам: войне и политике. Засиделись, как это бывает у давно не встречавшихся друзей, далеко за полночь.

Я – холостяк. Они – женатые люди. А посему, для порядка, пошли звонить их благоверным: объяснять, где задержались в такое время. Юра Яковлев отчитался успешно, без нервных потрясений. То ли супруга уже привыкла к его поздним возвращениям, то ли у них в семье – домострой...

Сергею Игнатенко – не повезло. Пока мы с Яковлевым переминались с ноги на ногу, прицеливаясь, в какой «комок» податься за очередной порцией «брынцаловки», Игнатенко что-то смиренно объяснял, извергающей на него праведный гнев, телефонной трубке.

Он стоял к нам спиной – большой, с трудом помещающийся в будке, но даже по спине чувствовалось, насколько ему неудобно. Он запинался, оправдывался, словно нашкодивший школьник. За годы нашего знакомства я не раз бывал у него дома и знал нрав его «половины».

Людку – хрупкую, рыжеволосую женщину с большущими, на пол лица голубыми «брызгами», как ласково именовал их Сергей, можно было с полным основанием назвать обычной офицерской женой.

В восемнадцать вышла замуж за свежеиспечённого лейтенанта-мотострелка. В двадцать – родила ему сына. Вместе с мужем сменила тринадцать гарнизонов. Профессии не имела. И задачи у неё не было, кроме, как – ждать, встречать и провожать мужа да воспитывать сына, которому доводилось «папку» видеть чаще на фотографии, чем воочию. И хотя, как большинство офицерских жён, она про странствия с Игнатенко говорила красиво: «Мы служили...», ей за эту «службу» звёзд и наград не давали, а трудностей хватало сполна... Может, потому и нервишки у неё к сорока годам расшатались, и характер заметно испортился. Редкое застолье у Игнатенко проходило гладко. То она придерётся, что муж лишнюю рюмку выпил, то начнёт выговаривать, что ей внимания недостаточно уделяет... Начнет с простого упрёка, потом закипятится, разгневется. Лицо покраснеет, а пресловутые «брызги», напротив, небесную окраску утратят, сделаются бесцветными, пронзительными...

Вспомнил я это – не удержался:

– Как ты терпишь всё это, брат? Людка тебя поедом ест, а ты ещё и оправдываешься...

Сказал и тут же пожалел: как-то не по-мужски получилось. Да и кто вообще имеет право в отношении супругов встревать?..

А Сергей возьми да улыбнись в ответ:

– Не ест меня Людка, а поливает...

– Это точно, поливает. Да ещё как... – поддакнул Яковлев.

– Эх, ничего вы, братцы, не знаете. Тут история давняя... Так и быть, рас-

скажу... Берите пузырь. Людка индulgенцию ещё на пару часов выдала...

Мы купили водку. Вернулись в дом. Расположились на уже обжитой нами, кухне. Опрокинули по стопке и Сергей начал рассказ.

– В Афган меня откомандировали неожиданно, вместо «отказника». Редко, но встречались и такие. Сначала при беседе с кадровиками даёт согласие на спецкомандировку, а потом, перед самой заменой – в кусты.

Я служил тогда комбатом в Мукачево, в Закарпатье. Был конец мая, по местным меркам, уже лето... Вдруг, звонок из штаба дивизии: «Готовьтесь, поедете на юг». Что такое «юг», тогда, в восьмидесятом, уже все прекрасно знали: значит, «за речку» и дальше Кушки. Ну, а «готовьтесь» — это так, для успокоения: через три дня должен быть уже в Ташкенте, в штабе ТуркВО. Три дня на всё. И должность сдать, и семейные дела уладить. На службе отнеслись с пониманием: сдачу батальона быстро провернул. А дома, Людка, понятно, в слёзы... Как её утешить? Не знаю, как...

Поехал в ближайший лесок, вырыл берёзку полутораметровую, привёз в гарнизон, к нашему ДОСу. Перед подъездом выкопал яму и туда её, белоствольную, посадил. Соседи в голос: «Поздно уже деревья сажать. Не приживётся!» А я Людке тихо, на ушко говорю: «Хочешь, чтобы я вернулся, смотри за деревом. Завянет, значит, и мне — крышка...»

Так вот и простились. Улетел я в Ташкент, оттуда – в Афган. Командовал горно-пехотным батальоном. Вы знаете, что это такое. Из рейдов, практически, не вылезал. Бывали, впрочем, ситуации и пострашней...

Однажды приходит ко мне советник ХАД (военной контрразведки) и говорит:

– Алексеич, необходимо провести встречу между руководителями банд нашей и соседней провинции – Ташкуртан. В Айбаке и Дарайзинданском ущелье с «духами» договорённость достигнута. Если сумеем свести саманганских и ташкуртанских «бабаев», будем контролировать всю ситуацию в нашей части Афганистана. Условия встречи определяют «духи». Место – Ташкуртан. Соберутся все главари банд. Гарантом безопасности они хотят, чтобы выступил ты. И больше никого... Сам понимаешь, риск большой. Поэтому решать тебе, как скажешь, так и будет.

Надо заметить, что мой батальон был единственной боевой единицей, способной повлиять на ситуацию в провинции. Поэтому условие «духов» мне было понятно.

Однако чтобы пойти на участие в переговорах, я должен доложить по инстанции командиру полка, рапортом, как положено, дожидаться его резолюции, а потом уж рисковать... Но времени для этого не было: выезжать надо было завтра утром.

– Я поеду. Каковы гарантии для меня?

– Гарантий для тебя нет никаких. А условия такие: губернатор провинции даёт «УАЗик» с афганскими номерами. Ты – за рулём, но для страховки можешь взять с собой одного бойца, желательно, таджикской национальности...

Так я и сделал. Взял с собой преданного солдата-таджика по имени Телло (что в переводе — «золотце»). Понимал, что втягиваю парня в смертельную авантюру, поэтому сказал:

– Ты можешь отказаться – мы едем на опасное дело.

– Я поеду.

Рано утром к нашему КПП подогли «УАЗик». Я сел за руль. В «собачник» забрался Телло. У него радиостанция для связи (хотя действует она километров на восемь-десять, а мы к «духам» выдвигаемся на двенадцать, так что, случись что, всё равно нас никто не услышит).

– Телло, у нас с этого момента одна жизнь на двоих. Ты язык «духовский» знаешь, я нет. Если услышишь, что-нибудь подозрительное, покашляй несколько раз.

– Я всё понял, командир.

Подъехали к месту, которое назначили хадовские советники. Из дома вышли три бородатых «духа» с автоматами. Мы поздоровались по-афгански:

– Хубости-чатурости. Харасты-бахарасты.

Так они говорят, прикладывая руку к сердцу. Переводится это довольно длинно: «Как твой дом, как твоя жена, как твои дети...»

Я в знак миролюбия поднял правую руку. Они уселись в машину: двое на заднее сиденье, а один рядом со мной. Поехали. У меня на душе кошки скребут: а может, эта встреча просто засада? Доехали до нашего последнего блокпоста, а дальше уже «духовская» территория.

Чтобы вам было понятно, объясню. Ташкурган расположен на границе гор и пустыни на площади около восьмидесяти квадратных километров. Этаким огромный оазис с шахским дворцом посредине. Наших поблизости нет, за исключением пограничников, но они, как правило, в перестрелки не ввязываются. Одним словом, надеяться не на кого.

Ну, вот, заезжаем мы в Ташкурган. Виляем по улочкам. Сидящий рядом бородач показывает рукой: направо, налево. А я стараюсь запомнить маршрут, чтобы не заблудиться, если придётся вырываться с боем. Наконец, бородач поднимает руку:

– Саиз! (Здесь).

Я останавливаю машину на небольшой площади, но двигатель не глушу. Смотрю, к нам шагают человек двадцать, все бородатые и все вооружены. Наш «дух», который сидел за штурмана, вышел из машины, о чём-то с ними переговорил и делает мне знак выйти. Я вышел. Бородачи осмотрели меня с головы до ног и подняли правые руки, в знак того, что принимают меня, как гаранта. Оставшиеся афганцы, что ехали с нами, тоже вышли и вместе с хозяевами удалились в дом. Я вернулся в машину и потихоньку озираюсь. Вижу моджахедов за дувалами с оружием на изготовку. Говорю Телло:

– Приготовь гранаты. Если начнётся бой, нам отсюда не уйти. Будем драться, сколько сможем. Но и их побольше с собой заберём.

– Хорошо, командир.

Сколько времени прошло, не скажу. В таких ситуациях у времени особый счёт. Вдруг из-за дувала выходит к нам «бабай»:

– Уезжайте, переговоры закончатся в час. К этому времени и приедете.

Я медленно разворачиваю машину, спиной чувствуя, у скольких «духов» мы на мушке, и начинаю выезжать. Причём, знаю: есть территория, контролируемая нами, есть та, которую контролируют они, но есть и просто «беспредельщики», которым один Аллах судья. Если нарвёмся на таких, нам – крышка!

Но пронесло. Выехали из кишлака, добрались до блокпоста. Пообедали. Ротный спрашивает:

– Как вас вытаскивать, если...

Что ему сказать? Ташкурган не смогла взять дивизия вместе с маневренной группой погранцов и десантурой... Куда тут с ротой соваться!

Короче, в половине первого поехали назад. Дорога уже знакомая. Но пулю-то всё равно ждёшь: откуда прилетит? У машины, хоть и афганские номера, но за рулём – русский (блондина от брюнета любой бача отличит).

Подъехали. Встали. Справа, слева наблюдаем присутствие «духов» и ощущаем их неподдельный интерес к нам.

Проходит полчаса, а парламентары не показываются. Проходит ещё двадцать минут – никого. А мы по-прежнему на мушке. У меня мысли всякие: «Может, переговоры не состоялись. Может, наших «бабаев» уже убрали. Теперь наш черёд...»

В половине третьего вышел из-за стены какой-то старик и напрямик к машине. Ситуацию отслеживаю, словно кадры в кино. Подходит он и кидает мне на колени скрученную записку. Я разворачиваю её, а там цифры: «15.00». Понимаю, что надо подождать ещё полчаса. Напряжённость нарастает...

В 15.05 появляется толпа бородачей, и я вижу, что среди них нет приехавших со мной.

– Готовься, Телло...

– Я готов.

Они подходят к машине окружают, оживлённо переговариваются. Я спрашиваю солдата:

– В их словах, есть угроза?

– Пока нет, командир...

– Тогда, подождём...

Наконец, из-за незнакомцев вынырнули парламентары. Опять длительное прощание с хозяевами. Потом «бабаи» садятся в машину.

– Телло, спроси: мы – в безопасности?

Тот перевёл вопрос, а потом ответ:

– Они утверждают, что в безопасности.

– Это гарантировано?

– Да.

Я вырулил на обратный курс. Доставил бородачат туда, куда они пожелали и – в свой гарнизон. А там уже ждут представители ГРУ и КГБ:

– Как прошли переговоры?

– Не знаю. Я просто живой вернулся...

Сергей сделал паузу. Потом сказал:

– Поверите или нет, но рядом со смертью был два года: изо дня в день. Навиделся всякого: и в засады попадал, и из окружения прорывался. Но одно скажу, в каких бы переделках не оказывался, не маму, не Бога, а Людку свою в такие моменты вспоминал. Ей молился: «Если ты мне сейчас не поможешь, то – никто не спасёт»... И вот, прошёл всю войну без единой царапины и даже разрылся никакой – болезни, в тех местах распространённой – не подхватил. Короче, цел и невредим остался. Вернулся в Мукачево, как и уезжал, в самом

начале лета. Подхожу к ДОСу и, первое, что увидел, берёзку мою. А она, ребята, аж под второй этаж вымахала...

Потом соседи рассказывали, как Люда деревце это выхаживала. По три раза на дню поливала, от пацанов, футбол гонявших, грудью заслоняла, словно с подружкой с берёзкой разговаривала... С той поры и повелось – зашумит Людка, забранит меня за что-нибудь, а я сам себе говорю: это она меня, как ту берёзку поливает. Значит, любит ещё, волнуется, жизнь мою бережёт.

Сергей умолк. Мы, не сговариваясь, подняли чарки. Выпили. Без тоста. Просто так. И мужики, как-то вдруг засобирались. Мол, время позднее, пора и честь знать.

Я проводил их до перекрёстка. Поймали такси. Ребята укатили. А я побрёл в сторону дома, где меня никто не ждал.

Ирина ДЕГТЯРЁВА, гражданский персонал Вооружённых Сил РФ

Ирина Владимировна Дегтярёва — прозаик. Родилась в 1979 году в Бразилии. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза писателей России. Член Союза журналистов Москвы. Лауреат премии «Щит и перо», лауреат третьей (2010) и первой (2014) премий Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков. Лауреат второй премии ФСБ России 2015 года за лучшее произведение литературы и искусства о деятельности органов Федеральной службы безопасности.

Работала специальным корреспондентом, обозревателем в журналах МВД. На данный момент литературный редактор журнала Министерства обороны РФ «Воин России».

Автор книг: «Мы из СОБРа»; «ОМОН: на земле, на воде, в воздухе»; «Повседневная жизнь российского спецназа», переведённой на китайский язык; «Крест войны»; «Звезда Дениса

Плетнёва»; «Цветущий репейник»; «Ловцы тумана»; «Прапорщик Лёлькин по вашему приказанию прибыл»; «Степной ветер».

Ирина Дегтярева регулярно публикуется в столичных журналах, газетах, сборниках. Печатается в Белоруссии, Азербайджане. Пишет прозу для взрослых и детей, художественные очерки и статьи.

УДЕРЖАТЬСЯ НА КРАЮ...

Рассказ

Свет через узкую щель проник в комнату. Полосой пересёк красное одеяло на кровати и высветил подбородок и приоткрытый рот Лёшки. Сын спал всегда тихо.

Раньше, а теперь даже сильнее, меня мучила мысль, что он может умереть во сне. Одна из подруг матери, когда я забирал Лёшку у Светы, рассказывала страшные истории про детей. Мать тогда прервала её и больше с ней не общалась. Но мысль эта засела у меня в голове. Я вскакивал по ночам, заглядывал к сыну и подолгу смотрел на Лешкин круглый бледный подбородок и припухшие ото сна губы, прислушивался к его дыханию.

Потом с непонятым волнением бродил по кухне, спотыкаясь о табуретки. Сигареты одна за другой успокаивали. А в голове словно отключили стоп-кадр, шли картинки перед глазами...

Бутылка водки, задвнутая за шкаф, подальше от меня. Зачем Светке её было прятать? Это и насторожило. Невымытая посуда, рюмки. Пила она не одна. Несколько раз я столкнулся в дверях с тощей девицей с отечным лицом. Фигурой и повадками она напоминала дворовую собаку. Включенную, больную, с лишаями на худых боках.

От Светки пахло водкой, сильно и стойко. Она всё думала, что я не догадываюсь. Просто я не вмешивался. До сих пор не знаю, как объяснить свое равнодушие. То ли я до последнего надеялся, что она сама остановится, то ли был слишком занят работой.

Девяносто четвёртый год катился к своему концу и началу моей войны. Я отпраздновал день рождения – тридцать один год. А вечером того же дня Светка ползала передо мной на коленях, скребла обломанными ногтями по ворсу ковра и что-то говорила, просила прощения. До этого она перепилась и начала буяннить. К счастью, гости уже ушли. Я почти не различал в её пьяной речи, что она от меня хотела и в чем упрекала. Но тут я увидел глаза Лёшки – он проснулся от крика, босиком вышел из своей комнаты и в оцепенении стоял на пороге. Маленький, двухлетний. На виске у него просвечивалась голубая венка. У него началась истерика, он истошно и дико визжал, бился на полу в судорогах. Я схватил Светку за шиворот. Пуговицы оторвались от блузки и со стуком рассыпались в коридоре. Её голову я сунул под ледяную воду и держал до тех пор, пока она не начала захлебываться и синеть. Я видел её мокрую шею, прилипшие к ней волосы. Ниже, на позвоночнике, наливался синяк от моего кулака...

Точно так мокрые волосы липли к её плечам и спине, после дождя, который застал нас в осеннем парке. Было тепло – Бабье лето. Я любил осень, родился в один осенний день. Но тот наш парк пылал совсем весенним дождём, торпливым, дурманящим. Он совсем не пах осенью и тоской, как это бывало обычно с октябрьскими дождями. Каким-то ветром или каким-то чудом занесло весенний ливень в наш осенний усталый от листопада парк...

Лёшку я едва успокоил, а Света, мокрая, пришибленная, ползала по полу и больше всего теперь походила на дворнягу, как её знакомая.

Родителям я ничего не говорил, просто уехал в свою квартиру и жил там одиночкой. Официально мы со Светой не были женаты, но я давал ей деньги на Лёшку. Она, кажется, пропивала их. Да и не интересовался я, куда она тратит деньги. Меня закрутила работа. В составе первой группы я вылетел в Чечню. Сам просился. Отвлекаться. А то перед глазами так и стояла её фигура. Как она ползала по полу и царапала ковёр. На войне воспоминания выбили новые картинки.

Старуха на обочине сидела рядом с трупом своего старика. Она раскачивалась из стороны в сторону и морщинистыми грязными руками брала горстями автоматные гильзы и пропускала их через пальцы, как песок. Мы оттащили её от тела, а она оцарапала мне лицо. Потом в нашей палатке я не мог оторвать её от своей груди, она плакала и все шептала: «Сыночек, сыночек, как же это?..»

Когда домой вернулся, пошел проведать Лёшку. Соседка остановила меня у подъезда.

– Бьёт она его. Он как зайчонок верещит. Дома его всё время держит.

Лёшку я нашёл под столом в большой комнате. Он забился в самый угол, я

не дотягивался туда, а залезть сам никак не мог. Не умещался под столом. Я уговаривал, грозился и снова уговаривал. Но Лёшка, видно, меня не узнал. Сидел, подтянув колени в дырявых колготках к подбородку, и рубашка на нём, кажется, была той, в которой я видел его перед отъездом.

Наконец, до меня дошло, я с грохотом откатил стол от стены. Лёшка словно этого и ждал. Метнулся ко мне.

– Папа! – этот крик перерос в дикий рёв.

Я укутал его в свою куртку и отвёз домой. Со Светой я больше с тех пор не виделся. А она даже не хватилась Лёшки. Может, соседка ей сказала, что я его забрал...

И теперь ночью я вставал посмотреть, как он спит. Светловолосый, голубоглазый, упрямый. Глаза у него будто обнажены, открыты. Нет в них детскости. Странно видеть ребёнка с таким тяжёлым усталым взглядом.

Белый сигаретный дым уплотнял пространство и без того маленькой кухни. От этого создавалось ощущение тепла. Кофе остывал в чашке. Я надел толстый колючий свитер и сидел у окна. Напротив моего дома за деревянными заборами стояли частные домики. Их не собирались сносить. И по утрам в тумане, приплывшем с реки, между машин во дворе бродили коровы.

* * *

Я никогда не верил в то, что могу погибнуть. Понимал, что это возможно, но до конца такой мыслью не проникался. В Афганистане, в восемнадцать лет, был слишком молод, чтобы размышлять на темы жизни и смерти. Хотя и там случалось, кольнёт в сердце...

Мы копали квадратные ямы, сверху ставили палатки. Получались полуземлянки. В них в Афгане и жили. Однажды что-то разбудило меня. Наверное, сам вскрикнул во сне. И такая тишина в темноте палатки. Я нащупал в сухой, осыпающейся камешками стене, нишу. Схватил нож и дрогнувшей рукой прижал к себе.

Днём в тот день наш БТР атаковали. Со всех сторон летели гранаты. Броня выдержала их несколько, а после четвертой сдетонировал боекомплект. Вместе с искореженным железом, пылью, огнём и дымом, взметнулся в тёмном отсеке Валька Кутепов. Не успел он выскочить... «Вертушки» поддержки сначала разметали пыль, потом создали стройные вихри, прижали к земле и снова бросили пыль в глаза. Кутепова наполовину выбросило из люка. Форма на нём горела. Обжигаясь, я и Серега тащили мёртвого Вальку. Вместе с одеждой сгорел и воинский билет, и письмо, которое он писал домой утром. Уцелела только зажигалка из гильзы. Серёга и мне такую же смастерил. Когда он достал её из Валькиного кармана, пригнулся, словно его по коленям ударили, стиснул зажигалку в кулаке. По щекам слёзы текли, смешивались с пылью и кровью с разбитого лба. Меня тоже контузило. А плакать я не мог, тогда. Хотел бы и не мог.

Зато весь вечер и всю ночь потом, даже во сне, видел обугленное тело Вальки и закопчённую зажигалку в пыли. Я сжимал рукоятку ножа, всё казалось, что шуршит снаружи кто-то. Может, душманы подбираются? «Я ведь не дамся им», – думал я. Боялся и храбрился. Хотелось вскочить, ходить по земляному полу туда и обратно, но рядом спали товарищи, и я затаился в темноте, сжимал нож до боли в пальцах и слушал, слушал тишину и шуршание за стенами палатки. Может и ветер пересыпал песок на землю, может животное

бегало вокруг, в поисках пищи, а может звёзды падали с холодного чужого неба и шипели, зарываясь в песок... Только через полгода я смог написать родителям. Письмо до них не дошло. Его изъяли. Они получили лишь мою фотографию, где мы с Серёгой и Валькой.

* * *

Телевизор мерцал в моей комнате. Я часто забывал его выключать. Уезжал на дежурство и забывал. Родители жили в том же доме, что и мы с Лёшкой, даже в одном подъезде. Мать терпеливо поднималась ко мне и выключала телевизор.

Я смотрел его допоздна. Вечером и ночью. Какой-то болезненный интерес вызывали во мне передачи, где известные люди рассказывали о себе, о смысле своей жизни. Они так грамотно и правильно всё говорили, и может, сами верили произнесённым словам. А я верил с трудом. Хотя очень хотел. Они, эти люди, наверное, возвращались домой, выслушивали похвалы родственников, как они хорошо смотрелись на экране, а потом запирались в своей комнате, гасили свет и в отчаянии тискали подушку. Себе ведь не соврёшь, как ни прячь истину. Да и где она истина? Зачем мы бродим по этой земле? Что ищем?

От подобных мыслей голова пухла, и сигареты из пачки превращались в грустную кучку пепла... Мне стали говорить, что глаза у меня как у загнанного волка. Смеюсь, шучу, а глаза – больные.

Только Лёшка важен. Будет расти, будет продолжать думать обо всём этом после меня. Может, в нём, в его глазах, усталых не по возрасту, мой смысл? И усталость он перенял от меня. Лишь бы толк от парня был. Учиться не хочет. Откуда такой скептицизм? Ему неинтересно. Почему?

Мне многое неинтересно, но я ведь разменял на земле почти сорок. И предавали меня, и ненавидели, и, наверное, любили...

Лет шесть назад обокрали. Всё вынесли. Подчистую. Даже Лёшкину одежду. Я перед командировкой ему всего накупил.

Скорее всего, потому что я милиционер, искали вора и нашли. Вором оказался Сёрега, с которым мы тащили тело Вальки, который плакал над ним. Он спился и обокрал меня. А я посадил его в тюрьму, и мать Серёги пыталась за своего непутёвого сына выплачивать компенсацию. Денег я не взял.

Что я должен был думать о людях после этого? Но я жил, как и раньше. Просто знал, что не все люди кристально чистые, как кажется, как должно быть.

Я гляжу на Лёшку и у меня такое ощущение, что всё, чего я добивался путём ошибок и расшибания лба, он знает изначально. Он настрожен к людям и, наверное, оттого у него такой открытый и тяжёлый взгляд. Как оголённый электрический провод. Ничему такому я его не учил. Когда я его забрал и, трясущегося, привёз домой, первым делом посадил в горячую ванну. Как будто можно было смыть синяки с тела, а с души горечь и одиночество дней его жизни без меня, без моей защиты.

Потом я, не подозревая, какие последствия будут, как-то привёл одну знакомую домой. Лёшка спрятался в самый дальний угол квартиры, за тумбу с телевизором и истошно кричал. Он не знал, кто эта женщина, но видел, что это именно женщина. Моих успокаивающих слов Лёшка не слушал. Знал, что она как и мать, может его избить. Моя знакомая быстро ушла и с тех пор

стала меня избегать.

Тем вечером я понёсся на машине к Свете. Дверь в квартиру я нашёл распахнутой, с щепками, торчавшими из замка. Внутри пахло, как на лестничной клетке – кошками, мочой и дешёвыми папиросами. Светка дремала на полу в обнимку с ножкой тахты. Я поднял её, встряхнул, она что-то промычала. По Светкиному опухшему лицу ещё до меня кто-то прошёлся кулаками. Моих ударов она, кажется, и не ощутила. Я отпустил её. Она безвольно плюхнулась обратно на пол, ухватилась за ножку тахты, как за свою последнюю опору.

– Зачем? – разбитыми губами прошептала она.

Не «за что?», а «зачем?». Я растерялся, поискал глазами стул. Сесть, поговорить с ней. Может, расскаивается она? Лечат же алкоголизм. По телевизору без конца рекламируют... Мебели, кроме тахты, в комнате не оказалось. Света повозилась на полу, посмотрела на меня почти ясными глазами.

– Дай десятку.

Я отступил к двери. Она протянула руку ко мне.

– Ну, хоть пять, сволочь. Неужели жалко?

Дверь в квартиру я так и оставил открытой. Выбежал, заметался по коридору. Как назло забыл, с какой стороны лифт. Шарахнулся к чёрной лестнице. С пятнадцатого этажа слетел бегом.

А Лёшка бродил по квартире в моей камуфлированной куртке. Она волочилась по полу. Вооружился шваброй и пел что-то воинственное, без слов, одни: «тара-ра».

Лёшка забывал всё быстро. Как воробей. Ветер налетел, он нахохлился, в уголок забился, а стих ветер, он из укрытия выбрался, встряхнулся и полетел. Мне бы так...

Несколько месяцев назад погиб мой друг, и мне всё время чудилось, что я качусь вниз. Словно внутри меня образовалась воронка, в которую меня же медленно, но настойчиво затягивало.

...Мы с ребятами приехали из Грозного в Ханкалу звонить домой. Я поспешил на рынок. Было ещё холодно и слякотно. На ботинки тяжёлыми комьями налипла грязь. Я остановился у одного из прилавков. Меня хлопнули по спине, и я невольно схватился за автомат, висевший на плече.

– Ты в своём репертуаре, – передо мной стоял Олег, кудрявый, улыбающийся. У него и борода вьётся кольцами. – Оригинальничаешь? Все звонить помчались, а ты... – он оттянул край большого пакета у меня в руке. – Ого! Подушка и одеяло. Спальник тебя не устраивает?

– Нет, – усмехнулся я, прижался к мягкой бороде Олега щекой. От бороды у него всегда сладковато пахло ладаном, как от батюшки.

Мы дружили лет пять. В Подмосковье дома рядом. Только Олег – военный.

– Контракт у меня заканчивается, – пожаловался он. – Куда идти? Армия сейчас уже не та, продлевать контракт неохота. Послужить ещё хочется.

– Так в чём дело? Иди к нам. Тебя с руками оторвут. Давай. У меня в отделении будешь.

– Опять командировки? Даша меня съест.

– Подумай. У нас хорошо. Подумай. Через месяц я вернусь, позвони. Договорим.

Дома он приехал ко мне. Чисто выбритый, подстриженный, помолодевший. Олег был младше меня на шесть лет.

– Буду устраиваться. Мы с Дашкой решили, – он застенчиво улыбнулся, опустил глаза. – Ты-то не передумал за меня ходатайствовать?

– Пошли кофе пить. Обсудим...

Олег не отслужил в отряде и полгода, приехал в Чечню сменить мою группу. Двадцать пять дней ему оставалось до дома. Их БТР нарвался на засаду, и снайпер выстрелил Олегу в голову.

Мне сообщили об этом. В тот момент я был в отряде. Сказали, когда привезут тело. Я вышел из штаба. На огромной территории отряда можно было затеряться. И в дальнем углу у кирпичной стены, за кустарником, обесиленный, я остановился. Сдержаться не мог и стыдился своих слёз, и злился на себя за свой стыд. Осыпался под ладонью старый кирпич рыжей пылью.

Сейчас соберутся и поедут к нему домой. Кто-то должен будет зайти первым и сказать Даше. Сегодня среда. Старший сын в школе, он ровесник моего Лёшки, младший – в садике... Кто же пойдёт?

Я до крови ободрал ладонь о кирпичи и боли не чувствовал. Тогда уже ощутил, что качусь вниз и вниз, с той самой встречи на рынке в Ханкале. Что-то сильное влекло меня. Я не знал, что это и не мог сопротивляться. Только решил зайти к Даше первым. Падать так падать. Пусть я.

Перед дверью я стоял долго. Вечность, во время которой Олег ещё жил. Он ещё жил для Даши и детей. Лишь дверь отделяла их от этой новости. Я слышал, как Даша пела. Наверное, готовила обед на кухне. Из-под двери пахло жареной картошкой. А дверь была слишком тонкая и новость слишком тяжёлая на моих плечах. Я нажал кнопку звонка.

– Что? – Даша держала в руках мокрую тряпку. Синяя в жёлтый цветок косынка билась на затылок. Даша убирала квартиру. – Ты что?

– Олег... Даша, ты... Мужайся... Олег сегодня погиб.

– Да ты что? Спятил? Кто так шутит? Ты же утром звонил, говорил, что всё в порядке. Привет от него передавал.

– Олег погиб. Когда мы разговаривали с тобой, там всё и случилось.

Шмякнулась на пол тряпка. И стон, глубокий, из самой души. Даша билась у меня в руках. Ничего не сказала, хотя я ждал упреков от неё. Ведь я уговорил Олега идти к нам в отряд. Она не сказала. Я знал это сам, и Дашин стон звучал теперь внутри меня почти всё время. Словно отравил меня, и яд бродил в крови. Я забывался в хлопотах и работе, он затаился, прятался где-то под лопаткой или в голове, но оставался я один, и он растекался отравой по всему телу. Тогда я не знал, куда себя деть. Метался, сердился, спорил по пустякам с родителями, ругал не слушавшегося Лёшку.

Потом, спустя месяц, бывали дни и моменты, и я был почти счастлив. Помню вечер, осенний, тёплый. Странная осень случилась в тот год. Мне исполнилось тридцать семь, и Лёшка пошёл в первый класс. А осень началась с мороза в сентябре. Мороз схватил ещё зелёные листья, скрутил до боли. Задохнувшись, они почернели. Стало тоскливо и безысходно. Но мороз ослабил хватку и вовсе сошёл на нет до позднего ноября. Листья расцвелись брызгами жёлтого и красного. Падали и скользили, словно с самого неба. Ре-

чушку рядом с моим домом забило листьями, и текла осень по городу под железным маленьким мостом.

Лёшка не хотел ходить в школу. После занятий он с большим удовольствием торчал на реке со своим приятелем. Пускали спичечные кораблики под парусами из осиновых листьев. Тем днем Лёшка прибежал в распахнутой куртке, с румянцем на скулах, взмокший.

– Па! Пойдём. Там, что покажу.

Он тянул меня за руку к двери.

Склонившись над водой, мы отражались тремя искорёженными течением фигурами. Я, Лёшка и Мишка, его дружок. В тени моста, под водой торчала старая пишущая машинка. Её обтекали листья, и некоторые из них застряли в ней. Будто река печатала на листьях что-то.

– Машинка, – с удивлением заключил я.

– А зачем она здесь? – Лёшка свесился с перил моста.

– Спроси что-нибудь полегче.

И вечером я думал о машинке, и отчего-то было хорошо на душе. По телевизору показывали Жванецкого. Я пил кофе. Добавил в чашку прибалтийского бальзама, привезённого сестрой из Риги. Курил сигарету. Укрылся старым пледом. Шторы не задернул. Так уютнее в комнате. Видно уголок вечера в окне и знаешь, что через двойную раму ни холод, ни темнота не заберутся.

А пишущая машинка в реке – это забавно. Даже весело. Как она туда попала и думать не хочется. Просто смешно – машинка в реке.

Отставив чашку и затушив сигарету, я так и заснул под бормотание Жванецкого. Впервые за эти месяцы спокойно спал.

* * *

Лёшка вприпрыжку шёл рядом. Руку не давал. Самостоятельный. В фиолетовых перчатках, в комбинезоне, продранным на коленях. Лёшка и дерево мне показывал, то, на котором пострадал комбинезон.

У отца в больнице мы с Лёшкой были уже несколько раз. Сердце у отца больное. Ноги отекали и ходить он не мог, стеснялся этого.

– Ну, что, отец? Как ты?

– Ничего, ничего. Не впервой. Тут врачи, уколы.

Отец, высокий, с крупной головой. Лёшка на него похож. Он расспрашивал меня о работе. Я помалкивал, о том, что в январе снова буду в Чечне. Ни матери, ни отцу незачем жить мучительным ожиданием моего отъезда.

Отец всё не выпускал мою руку из своей сухой и мягкой от отека. Лёшка прильнул к плечу деда с другой стороны.

– Дед, ты выходи быстрее. Будешь на бокс меня водить. Папе всё некогда, а бабушка не хочет. Я уже несколько занятий пропустил.

– Скоро, скоро.

Мы уехали с Лёшкой гулять на водохранилище. Мать следом за нами пришла навещать отца. У неё на руках он и умер. Встал помыть тарелку за собой. Здесь же в палате была раковина. Вдруг вскрикнул, к стене прислонился и стал оседать. Мать пыталась его подхватить, но он высокий и тяжёлый. Оставив его на полу, она метнулась в коридор. Бежала, открывала двери

направо и налево. Никого. Только в столовой нашла врачей. Они, не торопясь, пришли. Отец уже отходил. Сделали укол, скорее для успокоения матери. Тромб оторвался и ушёл в сердце.

Моё приостановившееся было падение возобновилось. Душа катилась в глубину самой себя, и я не в состоянии был прервать ощущение этого обвала.

Как во сне бродил несколько дней. Делал всё, что положено. Похороны, поминки, девять дней, сорок. От этого полусна очнулся, стоя у ограды отцовской могилы, держась за мокрое холодное железо. Шёл дождь, и снег мешал ему идти. Дождевые капли заплетались в снежинках и не шуршали, а мягко плыли в воздухе и обволакивали лес и поле слёзным густым маревом. Участок, где лежал отец – большой, заставленный венками, поблёкшими от первых морозов и дождя. Как ни грустно было думать мне об этом, рядом с отцом рано или поздно будет мать. Как это ясно и страшно.

Я совсем продрог. У меня дрожали плечи под отяжелевшим от дождя пальто.

Вроде были друзья и в отряде, и афганцы бывшие. Но язык не поворачивался признаться кому-нибудь из них, что со мной что-то не так, а что, я и сам толком не знал. Казалось, упускаю время, упускаю возможности. Утекает, ускользает что-то важное от меня, как те гильзы, что сыпались сквозь старушечьи пальцы.

Дня три назад встретился с Семёном. Мы живём с ним рядом и служим вместе давно. Заехали в кафе. Сидели, болтали о пустяках, а ничего серьёзного я сказать так и не смог.

Семён с добродушным круглым лицом, красноватым, морщился и улыбался. Молчал подолгу, видя, что я не слушаю.

– Ты о чём-то хотел поговорить? – он отмахнулся от моего сигаретного дыма. Семён не курил и всё донимал меня, когда мы в командировке оказались соседями по комнате. – У тебя лицо озабоченное. Это из-за отца?

– А ты как думаешь?

Семён пожал круглыми плечами...

А отец очень хотел, чтобы я женился. Он много раз за последнее время лежал в больнице, а когда выходил, рассказывал очередную историю про дочь или внучку соседа по палате. Какая она красивая и хозяйственная.

– Наш-то тоже домовитый, – кивал он в мою сторону. – Вот бы ему такую жену.

Словно услышал я голос отца, его интонацию. Похлопал по ограде и пошёл к машине.

* * *

Я сидел на её маленькой кухне с розовым кафелем и жёг спички. Одну за другой. Зажигалка лежала передо мной, но я автоматически чиркал спичками и всё никак не мог прекратить.

Она за столом сидела напротив меня и заморожено смотрела на огонь спичек. Нервной синей ромашкой дрожал газ под чайником.

– Ты завтра едешь? – чайник закипел и порвал ромашку на лепестки. «Любит, не любит...». Она выключила газ.

– Это только на неделю. Письма, посылки сопроводить. Не первый ведь раз...

– Вот именно. Я устала. Слышишь? Не мучай меня. Не приходи больше.

В тёмном душном коридоре пахло её духами. Я нащупал своё пальто, никак не мог попасть в рукава и слышал, как она плачет на кухне.

На мосту через нашу маленькую речку я остановился. Единственный фонарь косо торчал на берегу. Перила холодили руки и через кожаные перчатки. Пишущая машинка обросла по краям тонким льдом и на верхних клавишах над водой лежал снег. Теперь он печатал повесть. О чём? О ком? Не обо мне ли?..

* * *

Квадратная комната. Три кровати. Штора на заколоченном окне. Завтра домой из Грозного. Всего на месяц, а потом на три обратно. И опять будет эта квадратная комната, полка с бритвенными принадлежностями, стол с десантным ножом, которым режем хлеб, рация и штабные бумаги.

Не знаю, был это сон или наваждение. Но я отчётливо видел белый прямоугольник бумаги с цифрой «200» на лобовом стекле грузовика. Потом уже в отряде поставили закрытый гроб, и я все интересовался, кто же погиб. Длинной похоронной процессией колонна машин тянулась по Кольцевой, и все постовые отдавали честь. Колонна остановилась у моего дома и моего подъезда. Выставили гроб для прощания, крышку сняли. Выбежал Лёшка и заглянул внутрь. Он не узнал меня. Я и сам не узнал себя и всё думал, что это ошибка. Мать вся в чёрном, и сама словно чёрная сидела рядом с телом и гладила его по руке. Лера, медсестра из отряда, была около неё и колола успокаивающее прямо через одежду. На кладбище уже зияла яма. Со стенок в неё осыпался песок.

Много людей вокруг. И сестра с мужем, и мои бывшие одноклассники. Свежий холм засыпали цветами и венками.

Лёшка жил у бабушки. Мои вещи привезли из Чечни. А дома на вешалке так и висело моё пальто, стояли новые ботинки, которые я только два раза надел. Пепельница наполнилась окурками, незамеченными и не выброшенными мамой. Мою машину отогнали в салон на продажу. И мама с Лёшкой всё сидели у кухонного окна и ждали, когда я подъеду. Им всё казалось, что я вот-вот подъеду. Припаркуюсь напротив наших окон, зайду домой. Когда к матери кто-нибудь приходил, она всё твердила: «Я думала, он на машине разобьётся, он так гонял, так гонял...» Они с Лёшкой ехали на кладбище и собирали с быстро оседавшей песчаной могилы опавшие листья. Лёшка доставал из кармана пакетик.

– Ба, я положу здесь семечки. Папа их любил...

Мама через всю Москву ехала в штаб, нашего отряда, где открыли памятник погибшим в Чечне. Дороги она не знала. На Киевском вокзале зашла в комнату милиции. Ждала там дежурного. Добралась уже вечером и ещё долго сидела у памятника...

Я всё не верил и бродил рядом с ней. Потом оказался у могильной ограды. Ладонью почувствовал её холод. Перегнулся, посмотрел и прочел своё имя. Только дат рождения и смерти не разглядел. Очнулся...

Дыхание сбилось и с хрипом вырывалось из груди. Я вскочил, в темноте сбил на пол стул. Взмокшую спину обдало сквозняком выстуженной комнаты.

На крыльце висел железный умывальник. Я тёр и тёр лицо студёной водой с колючками льдинок. Вдруг я остановился. Меня охватила такая радость, что я жив, что это неправда и всего лишь сон. «Вернись домой, уволюсь к чёртовой матери. Никуда больше не поеду. Хватит с меня».

В коридоре пахло моим домом. Мне всегда хотелось иметь свою квартиру. И вот две комнаты – моя и Лёшки. И запах сигаретного дыма, кофе и жареных семечек. Мы с ним могли целую сковороду семечек усидеть, особенно под футбол. Лёшка «спартаковец», я – «динамовец». Мы ссорились, я щёлкал его по носу, а он кидал в меня семечками.

Сегодня я уложил Лёшку спать пораньше, сам позвонил матери.

– Мать, что у нас на ужин?

– Приходи. Что наготовила, то и будешь есть, – заворчала она.

Я сел в уголок, спиной к холодильнику.

– Ты что молчишь? – удивилась мать. – И не кури, пожалуйста. Сколько можно? Расскажи что-нибудь.

– Мать, а я ведь завтра уезжаю.

– Да? Ну-ну. Езжай. А я к командиру пойду, попрошу, чтобы тебя обратно отослали. Про Лёшку ты подумал? Сиротой его хочешь оставить...

Склонив голову, я слушал.

– Мам, не позорь меня. Это моя крайняя командировка. Больше не поеду. А вернусь, – я достал из кармана подполковничьи погоны, – мне звание новое дадут.

– Что мне твоё звание? Ты совсем мальчишка... Войка. Погоны купил.

Голос Лёшки звучал в плеере. Его никто, кроме меня не слышал, но именно для меня он заполнял всю квадратную комнату.

Сегодня утром отправили «Груз 200» в Москву. Лёнке снесло полголовы осколочным веером.

Меня снова влекло вниз, в какую-то внутреннюю пропасть. Я даже не пытался спрашивать, зачем я снова здесь.

Лёшкин тонкий голосок я слышал и без кассеты. Он был внутри меня и, наверное, замедлял моё скольжение к чему-то неизведанному...

Утром я умывался. Язычок металлического умывальника позвякивал, вода с плеском слетала в подставленный таз. Кисло пахло ржавчиной и весенними листьями. Ветки деревьев свешивались из-за забора. Я словно опять увидел пишущую машинку на дне реки. Странно всё-таки. Зачем она там?

Я надел разгрузку, взял свой автомат. У меня позывной – двести тринадцать. Все мои вещи отмечены этой цифрой, и она мне нравится. Я не люблю цифру тридцать семь. И жду, когда закончится год и мне станет тридцать восемь. Отчего-то я был уверен, что с новой моей осенью, после дня рождения, всё будет хорошо. Исчезнет это досадное ощущение, возникшее в тот слякотный день в Ханкале.

БТР будто вздохнул, выпустил едкий дым. Я забрался в него через боковой люк.

– Коля, ну-ка, с моего места, – тронул я за плечо капитана.

Пригнувшись, сел. Надвинул на глаза кепку. В тесном и душном отсеке мне всегда хотелось курить или спать...

Взрыв и боль в один миг. Меня тащили, что-то мешало. Я видел открывающиеся рты бойцов. Они что-то говорили или кричали. Я слышал только глухой страшный хрип и отдалённо понимал, что это я сам.

Меня уложили на траву. Боли не было. Была трава у лица и небо с облаками всё замедлявшими своё течение.

– Вот и всё, – услышал я отчетливо и кто-то тяжёлой жёсткой ладонью закрыл мне глаза.

Екатерина НАГОВИЦЫНА, майор

Екатерина Семёновна Наговицына родилась в 1978 году. Училась в Академии государственной службы при Президенте РФ, окончила юридический институт и Уральский Государственный университет им. Б.Ельцина.

Участник боевых действий на Кавказе. Майор спецподразделения МВД России. Награждена орденом Мужества. Неоднократно участвовала в проведении мастер-классов по тактико-специальным занятиям и соревнованиях среди кадетских училищ и патриотических организаций молодежи.

С 2010 года занимается литературным творчеством. Автор ряда прозаических произведений о проведении контртеррористических операций в «горячих точках». Лауреат литературного конкурса МВД России «Доброе слово» в 2011 и 2013 году. Победитель международного конкурса «Славянские традиции». Рассказы и повести выставлены на военных сайтах и напечатаны во многих журналах России, Белоруссии и Украины.

В жизни верна правилам русского офицерства: «Делай, что должно и будь что будет» и «Честь превыше всего».

ТОНКАЯ СТРУНА

Рассказ

Тихий осенний вечер старого района. Ветерок лениво гоняет по улице мусор, заворачивая его в пыль. Обёртка от шоколада, фантики, смятая пачка сигарет, упаковка от продуктов – фиксирую все это на автомате, но он не трогает внутренние струнки тревоги – это мирный мусор родного города.

Я бесцельно брожу по улицам часами, день за днём. Ещё немного и месяц набегит. Не могу себя увлечь. Пока не получается вклиниться в мирную жизнь. Вжиться. Раствориться и стать её частью, её новым жителем. Я как будто в гостях. Дома и одновременно где-то. Как дурак, хожу по знакомым с детства местам и не могу их принять. Всё знакомое, родное, но не моё. Не здесь я сейчас. И уже не Там. Завис на переправе.

Надо что-то делать. Может напиться. Не помогает. Не цепляет. Пить водку надоедает раньше, чем начинает забирать. Хмель не приходит. Забытьё не наступает. Нет облегчения в родном доме. Ничего нет.

Дни проходят как бы вне меня. А я стою в сторонке, поглядываю и не участвую. Нервы натянуты до предела. До тонкого внутреннего звона. Кажется,

что ещё чуть-чуть, нить оборвется, и со звоном начнут крушиться зеркала, которые только лишь отражают какую-то незнакомую, чужую жизнь.

Настроение плавает от абсолютной апатии до психа, лютой злобы, когда ещё немного и начнут крошиться зубы. А потом обратно, как будто и не было ничего. Выводит из себя всё, или что угодно – косо брошенный взгляд, на ногу кто-то наступил, визгливый голос и так далее, и тому подобное. Так это вроде говорится, когда нет возможности и желания перечислять все раздражающие факторы. И чтобы хоть как-то отвлечься, унять внутренний зуд, умотать себя, каждый вечер, когда становится особо невыносимо оставаться дома, выхожу и иду. Без привязки к адресам, улицам, весям. Бреду, опустив голову, оперев взгляд в трещинки на асфальте.

Как-то раз подошли, спросили время. Мазнул взглядом по часам, буркнул ответ и услышал в спину протяжное:

– Э-э, алле, тебя никто не отпу...

На секунду стало любопытно взглянуть на наглеца и, подняв голову, сфокусировал взгляд на прыщавом юнце. Да нет, не совсем юн, лет 19, там такие уже знали цену своим поступкам. Там это слишком дорого стоило.

За спиной парня стоял второй постарше, и он безошибочно считал с моего лица не только скользнувшее подобие интереса, но и тлеющую внутри злобу. В глазах отразилась смерть. Их ли, чужая ли, какая разница. Он уже был знаком с подобным взглядом, только в своей невесёлой реальности и, решив не развивать дальнейшие события, жёстко дернул первого за рукав, проведив сквозь зубы:

– Уходим...

И первый провалился под этим рывком. Дал легко себя увлечь, скривив кривую улыбочку, выдавил:

– Изъвенямя, ошибочка вышла.

Вмиг гопники растворились в гущающихся сумерках.

Знаете, что такое отражение смерти в глазах – это мрак во взгляде. Как будто в прорубь заглядываешь. Холодно, бездушно, страшно. Самому хочется бежать, уже не говоря о тех, кто в это время в них смотрит. Но от себя не убежишь. Себя не обманешь. Память не вырвешь, как зачитанный листок. Всё она помнит. Несёт, не растрясёт. Сбережёт и в нужный, а тем более ненужный, момент подаст на блюдечке. Ненавижу её. Выбросил бы, сжёл, растоптал. Но нельзя. Ей ещё и жив. А ещё жив за тех, других, кто уж не смог.

Заныл свежий шрам над бровью. Заломило в душе, поднимая колючий ком к горлу, перебивая дыхание. Но слёз не будет. Как бы ни хотелось зарыдать в голос, переходя в вой, стон, выхлестнуть из себя всю боль, вину, стыд, но не выйдет, не даст всевышний облегчения, избавления, забвения. Всё это разрывает меня изнутри, изматывает и обжигает. Мне кажется, я даже вижу как пепел отшелушивается от сердца, опадая белесо-серой пылью. Эта пыль покрывает мою душу, глаза, лицо, руки и даже старенькие кроссовки.

В середине ночи возвращаюсь домой. Ноги гудят от намотанных километров. Надрывно тянет голень. Не раздеваясь, падаю на кровать, упираюсь взглядом в стену. Темно. Давит тишина. Закрываю уши руками. Но это не помогает. Некуда деваться от себя. От себя не спрячешься.

Встаю, включаю телевизор. Двое о чём-то спорят, доказывая как надо

жить стране. Что вы знаете об этой стране? Зажигаю газ, ставлю чайник. Он начинает уютно ворчать. А воспоминания уже стоят на пороге, готовые ворваться непрошеными гостями и заполнить всё окружающее пространство. Но я давлю эту попытку.

Механически упираюсь взглядом в телевизор. Листаю канал за каналом, пытаюсь понять, что там показывают – реклама, фильм, новости, опять реклама, опять новости, Америка, Азия, урожай, цены, обещания политиков и ни слова про то, что сейчас там. Не интересно это никому, и никому не нужно. И вот воспоминания пододвинулись ещё на шаг ближе. Стоять! Упираюсь в старый фильм, пытаюсь вслушаться в диалог героев. Он – бравый офицер с орденом Великой Отечественной войны на груди, она – миловидная блондинка, тоже в военной форме, с медалью «За отвагу». Они встретились после долгой разлуки и военных испытаний, впереди их ждёт новая разлука, но они уже мечтают о том, что будет, когда война кончится. Им ещё есть о чём мечтать. И я знаю, что их война кончится через один год и три месяца. А когда кончится моя война?

Засвистел чайник. Несколько секунд тупо смотрю на него. Затем выключаю газ, достаю чашку, механически насыпаю кофе, заливаю кипятком, делаю глоток, не чувствуя вкуса, и ставлю на стол. Апатия наваливается, разливаясь по жилам. Показалось, что если сейчас лягу, то может, наконец-то, провалюсь в долгожданный сон, и он принесет избавление от реальности. Но это не так. Долго ворочаюсь с бока на бок, проваливаюсь в забытьё, но на границе со сном, резко вздрагиваю, как от падения и просыпаюсь.

За окном светает. Комната в предрассветных тенях. Тишина. Закрываю глаза и всё-таки засыпаю, но сон не приносит облегчения. Мне снится война, просыпаюсь от собственного крика, весь в холодном поту и смятении. Пытаюсь нащупать автомат, но его нет, и это сильно пугает меня, пока не приходит понимание, где я нахожусь. Сердце гулко ухает. Встаю ещё более разбитый, чем был вчера.

Что-то, наверное, надо с этим делать, но что? Что? Куда идти, а самое главное, как объяснить, рассказать всё, что произошло. Как донести главное, когда не можешь выдать из себя ни слова. Преодолеть барьер, который выстроила психика, ограждая от травмирующих воспоминаний. Я даже сам с собой не могу объясниться, не говоря уже о других людях, да и видеть никого не могу, не хочу...

Пару раз звонил телефон, но я не подошёл. Не смог поднять трубку и выдать заинтересованность. Пытаюсь занять себя каким-нибудь делом, но всё валится из рук. Время тянется как липкий клейстер, не заполняя моё пространство ничем.

А душу мает, гнетёт и выгоняет меня на улицу, опять и опять бесцельно бродить и убивать время, подаренное мне, видимо, в наказание.

Захожу в первое попавшееся кафе. Сажусь к окну. Подходит официантка, молча кладет на стол меню и, покачивая бёдрами, отходит. Разглядываю её спину, опускаю взгляд на открытые ноги, но не цепляет. Внутри тишина. Окликаю её, прошу принести двести граммов водки в стакане. Она вроде даже не удивляется. Насмотрелась видимо на подобных чудиков. Водку приносит в красивом стакане для виски. И я выпиваю залпом, немного задохнувшись от обжигающего холода и горечи. Закуриваю, чувствуя, как водка начинает растекаться по жилам, согревая и немного затуманивая голову. Осматриваюсь.

Недалеко, в глубине зала сидят несколько девчонок, потягивают мартини, ведут какие-то свои неспешные разговоры. Почти красивые, ярко накрашенные, ухоженные, модные. Подзываю официантку, заказываю за их стол бутылку дорогого шампанского. Девицы заинтересовано начинают поглядывать на меня. Я внаглую разглядываю их, выбирая самую красивую. Выпиваю ещё водки, выкуриваю сигарету, заказываю медленную песню про потерянную любовь, которая так нравится женщинам, и приглашаю стройную брюнетку. Та вручает себя как главный приз и почти нежно прижимается ко мне во время танца. Прикасаюсь к её волосам, вдыхаю запах дорогих духов, но и это не заводит. Механически двигаюсь в такт, потом целую ручку, возвращаю к подружкам, молча разворачиваюсь и ухожу за свой столик. Девушка провожает меня недомысленным взглядом. А я, в свою очередь, упираюсь взглядом на улицу.

Что же это такое? Ведь раньше всё было по-другому. Я возвращался из боевых командировок, этакий победитель, лихой и весёлый. Собирал друзей. Заваливались в кабаки и гуляли там, обвораживая всех присутствующих женщин. Куда растерялся весь кураж? Где тот кайф возвращения в домашнюю мирную жизнь? А догадка уже стоит рядом, за спиной, жжёт мне мозг, надрывая душевные жилы.

И я не могу сдержать прорвавшуюся плотину воспоминаний. Лавиной они накрывают меня, ломая и давя всей своей неподъёмной тяжестью и мне уже некуда бежать. Я все помню...

Её звали Лерка, вернее её звали Валерия, но представилась она в наше первое знакомство именно так. Маленькая, по-мальчишески нескладная молодая девчонка в зелёном, подогнанном под рост камуфляже, который ей удивительным образом шёл, короткая стрижка и серьёзный острый взгляд. Кинолог, приехала на сборный пункт вместе со своей собакой, чёрным лабрадором Бураном. Она измором взяла руководство и единственная добилась разрешения на выезд в командировку в составе отряда инженерной разведки на территорию Чечни, для проверок и разминирования дорог.

Парни с любопытством разглядывали её, кто-то начал отпускать скабрёзные шуточки, а я, ведомый какой-то непонятной мне силой, подошёл, протянул руку и представился:

– Дима.

Она пылливо взглянула мне в глаза, не шутка ли, не подколка, и крепко пожалала мою руку:

– Лерка.

Вот так просто началась наша дружба. Да, да, простая дружба между молодой девчонкой и взрослым, прошедшим уже четыре командировки в СКР, мужиком. Тонкая струнка натянулась между нами. Что за чувства были внутри меня к этой задиристой, несмышлёной девчонке, пытающейся что-то доказать кому-то, и где – на войне, где вообще никому ничего доказать нельзя. Наверное, отеческая забота, как у отца к дочери, как у старшего брата к маленькой сестрёнке, как у друга к более слабому, но одновременно и более сильному другу. Какое-то бесполое отношение. Оказывается, иногда, так бывает.

Мне была интересна её жизнь, и вместе с тем, ни разу ещё, ни кому, не хотелось рассказать о себе так много, как Лерке. Не задумываясь, вверял ей свои приключения и похождения. Она только улыбалась, не пытаясь учить

меня жизни и это было забавно – никогда ещё не делился этими историями. Нет, я, конечно же, умел красиво травить байки, обихаживая, очередную пассиву, но здесь всё было по-другому. Мне было легко с ней, можно даже сказать спокойно, а это очень дорого стоит на войне. Когда постепенно начинаешь уставать, и всё, и все раздражают. Я же для неё был своего рода надёжный тыл, прикрытие, единственный друг на этой недружелюбной земле.

Однажды заметил, как во время работы она незаметно поглядывает на меня, подстраховывая, с готовностью оказаться, если станет нужным, рядом. Само понимание, что эта пацанка пытается таким образом заботиться о друге, вызвало у меня улыбку и ощущение тепла на душе.

С остальными сослуживцами отношения складывались сложно. Одни относились к ней легко, приняв как товарища по оружию, другие же пытались побольней подколоть, задеть, зацепить острым словцом. Она ловко пресекала все попытки подкатить к ней. Огрызалась на злословие и упрямо пыталась доказать окружающим, что может не хуже парней работать в экстремальных условиях. Не отлынивала от сложных заданий и не требовала к себе поблажек. С каким-то внутренним упорством преодолевала все трудности и невзгоды. Заступала в наряды. Выходила на проверки дороги от фугасов, в короткие сроки доказав, что они с Бураном лучше других находят закладки. Но все её успехи только в пропорциональной мере усилили раздражение некоторых окружающих её бойцов. Она же пыталась не замечать этого. И это злило их ещё больше. С каким бы удовольствием они посмотрели на её слезы, раздуть их до уровня бабских истерик. Но Лерка держалась всем назло. Даже мне не выговаривая ничего. Не жалела, что добилась и приехала сюда. Понимая, что платит за это свою цену. В то же время, увидев как люди, окружавшие её, по приезду сюда меняются, становятся склочными, злыми и раздражительными, впитывала в себя и этот опыт.

На экватор приехал проверяющий, старый мой товарищ, сослуживец ещё с первой чеченской. Привёз водки. Мы нажарили мяса и собрались посидеть с теми, кто не в наряде, отпраздновать, так сказать, эту дату. Третий тост все выпили, как всегда, стоя, помолчав. Затем потекли неспешные беседы за жизнь и, конечно же, потихоньку свелось всё к расспросам.

– Ну, объясни мне, Лерка, зачем ты сюда поехала?

– А ты?

– Ну, война, это мужское дело.

– И что?

– А то, что воевать должны мужики, а женское дело – сидеть дома и детей воспитывать.

– А я всегда думала, что воевать должны не мужчины или женщины, не старые или молодые, воевать должны профессионалы. Люди, которые умеют это делать, а самое главное морально готовые. Пользы от этого уж точно будет больше, если конечно, можно так рассуждать о вопросе войны и мира. Но я говорю о защите. Защите нашей Родины, мирных жителей и близких нам людей.

Проверяющий удивленно хмыкнул. А я уставший уже от подобных разговоров, которые велась с завидным постоянством, отвернулся, намахнув в одиночку ещё одну рюмку. Что она может доказать этим мужикам. Своё право на

любовь к Родине? На войне действительно легко её любить или ненавидеть. Но война – это мужская привилегия, их вотчина, и они не потерпят чужаков на своей территории. Что бы она ни сказала здесь, как бы ни доказывала, что лучшая в своём деле, всё равно, всё будет встречаться в штывы, потому что здесь чужак – она. И сколько раз я ни пытался объяснить ей это, Лерка упорно гнёт свою линию, горячась и заводясь на вековую несправедливость.

В разговор подключились окружающие.

– Что ты здесь ищешь?

– Слушай, твоя бабушка где была во время Второй мировой?

– Ну-у, у меня была мировая бабка, прошла от Минска до Одера.

– Так спроси у неё, что она там искала.

Парень обиженно засопел. Но в разговор подключился его дружок.

– Лерка, ты дура, ну как ты не понимаешь, что ты никогда не сможешь быть наравне с нами.

– Я, конечно, может и дура, но почему я должна быть наравне с вами, почему не могу быть просто рядом, в одном строю? Разве я прошу себе поблажек, разве я не так же как и вы тащу службу, разве мой бронник легче вашего, или у меня какие-то особые условия службы?

Буран, почуввав настроение хозяйки, лёжа у её ног, подтверждающе гавкнул. Я ухмыльнулся – защитник. А парень, который, больше всех к ней подкатывал, но был жёстко отшит, всё не унимался, выбирая всё более острые фразы, стараясь её зацепить, всё больше накалял обстановку.

– Да пойми ты, что это твоя последняя командировка. Никто больше никуда тебя не возьмёт, так как ты, как бельмо на глазу, обуза. Никогда ты не будешь в боевой группе. Я лично пойду к руководству и расскажу всё, что было и даже чего не было, но добыюсь того, чтоб баб больше в командировки не брали.

– Подлец, – и она, выйдя из-за стола, ушла на улицу. Буран, преданно засеменял следом.

– Что вы до неё докопались? – немного захмелев, сказал я. Настроение было миролюбивое, ругаться ни с кем не хотелось.

– А ты давай, беги, успокаивай свою подружанку, ревёт, поди, в три ручья.

– Придурок, – беззлобно ответил я, закурил и пошёл на улицу. Лерка сидела на скамейке, гладила по голове Бурана и смотрела на звёздное небо.

– Ну что вы опять двадцать пять? При проверяющем могли бы и не начинать.

– Да задолбали, – и вздохнула.

– Ничего ты здесь никому не докажешь.

– Да я понимаю, но если я такой родилась. Ну не повезло мне родиться парнем и что мне теперь делать? Почему в Америке, Израиле, Германии девчонки просто служат своей стране, никому ничего не доказывая. Почему у них не на излом? Ведь, посмотри, Дим, даже чечены со своим шариадом не гнушаются пресловутыми прибалтийскими снайпершами. Почему только я сталкиваюсь с тем, что все кругом знают, где моё место и что я должна делать. Ведь у каждого должен быть свой шанс на подвиг.

Я ухмыльнулся.

– Иди спать, завтра рано вставать. Ты в России, и этим все сказано.

Она поднялась и ушла в расположение. А я сидел и смотрел на ночное небо. Нестерпимо захотелось домой. Эх, загулять бы сейчас по-настоящему, с друзьями, девчонками, в дорогом кабаке, повеселиться от души и не видеть этих уже надоевших лиц сослуживцев, не слушать их нудные разговоры и докапывание до Лерки.

И вот я в кабаке, сижу, как когда-то мечталось, но что-то не ладится, не веселит. Даже сексапильные красотки не заводят и не будоражат во мне ничего. Не интересно. Скучно. Однотипные песни, пустые девахи, для которых важны только они сами.

Выхожу на улицу... Опять бреду, куда ноги несут. Пытаюсь оторваться от воспоминаний тех дней, но они не отстают.

И вдруг, совсем рядом, почти задев меня, резко затормозила белая вазовская шестёрка. Из раскрытого окна неслась громкая музыка и ярко накрашенная пьяная девица, высунувшись почти по пояс, попросила закурить. Я отшатнулся от этого наваждения. На секунду задохнулся. Замотал головой, прогоняя этот призрак. Но даже глядя в ошалевшие глаза сидящих в машине, опять провалился в воспоминания, кожей почувствовав жар того летнего чеченского дня, ощутив скрип песка на зубах.

Как будто наяву увидел, как мы уставшие от долгих часов проверки дороги, которая вела в Грозный, сгрудились у Урала на перекур. Около десятка сапёров, измотанные километражем и жарой, встали в скудную тень от грузовика. По кругу передали бутылку с тёплой противной водой. Хотелось большего – полежать на шелковистой травке пляжа, окунуться в освежающую морскую волну и ещё холодного пива. Просто шёл шестой месяц нашей командировки и все устали. Измотались каждодневными проверками дорог, поисками мин и фугасов, длинными скучными нарядами, однотипными днями, похожими один на другой как две капли воды. Устали от ожидания беды и уже перестали её ждать. Разморённые, оступевшие, отпустившие всё на волю случая, безразлично поглядывающие на весь окружающий нас мир, такой же безликий и безрадостный.

Лерка стояла рядом, такая же замученная, запылённая, с мокрым от пота ежиком волос. Стянутая сфера валялась у ног.

– Эх, снять бы сейчас бронник и поваляться на пляже, – устало сказала она.

И эта безобидная фраза вдруг всколыхнула во мне какое-то дикое раздражение, неуправляемый псих, злобу, и я ответил ей резкими неправильными словами. Уже говоря, понимал, что выдаю не свои слова, а где-то услышанные, и видимо, запавшие в мозг, ненужные, гадкие, грязные, несправедливые и очень болезненные, но не мог остановиться. Что-то отвратительное и плохое полезло из меня, мерзкое и гнусное. Часть меня ужасалась тому, что я делаю, а другая часть не могла остановиться, выговаривая чей-то чужой текст. Вся накопленная за шесть месяцев усталость, раздражение, страх и каждодневное ожидание беды, сейчас изливалось из меня бранным потоком.

Все удивлённо замерли. А Лерка отшатнулась от меня, как будто её ударили. Глядя на меня и не веря происходящему, растеряно моргая и закусив губу. Со звоном лопнула связывающая нас тонкая струна.

И в это самое время с визгом тормозов, притормозив рядом на секунду, оказалась белая вазовская шестёрка. Из открытого салона громыхала музыка, и я увидел, как

качнулась кисть руки, выбрасывая к нам в ноги гранату. Как в замедленной съёмке, уже в воздухе отлетела чека. А машина, выплевывая из-под колёс пыль и камни, с пробуксовкой отъезжала, резко набирая скорость. Я заорал, что было мощи:

– Граната!

Падая, как учили, в сторону от предполагаемого взрыва, но умом понимая, что зря, всё зря – это смерть. В голове всплыла заученная цифра сплошного поражения цели. И вдруг, скорее ощутив, что происходит, поднял глаза и не поверил, не захотел принять происходящее – вопреки всем учениям и наработанным за время сработки и тренировок, рефлексам, Лерка каким-то ломаным движением падала на гранату. На долю секунды мы встретились с ней глазами, полными предсмертной тоски и удивления. По пыльной щеке текла слеза, первая слеза за долгую командировку, и одними губами она прошептала мне на прощание:

– Живите.

И в следующую секунду с силой рухнула на Ф-ку, пытаюсь глубже утопить её в спрессованную сухую глину. Кажется, я даже услышал, как о ребристые бока гранаты стукнулся бронешилет. А дальше был взрыв. Резкий, сильный, обжигающий. Удар, который перевернул меня.

А затем осыпаящиеся комки глины завалили нас всех. Кто-то закричал. Понесся чей-то стон. Взведённый, я соскочил, не чувствуя боли, и как подкошенный рухнул на колени – ногу перебило осколком. Но это было не важно.

Я вглядывался в лежавшее рядом растерзанное тело, не веря произошедшему, пытаюсь уловить хоть какое-то движение и уговорить весь мир, что этого быть не может, этого не должно быть, это только сон, и сейчас с земли вскочит упрямая Лерка и всё пойдёт своим чередом. Но этого не происходило. Лишь Буран, скуля и оставляя бурый след за собой, полз к хозяйке на брюхе. Дополз. Лизнул окровавленную руку, вильнул хвостом и затих, прижавшись к ней мокрым от крови боком.

А я стоял перед ней на коленях живой и убитый одновременно. Как мне хотелось сейчас так же ползти на брюхе, моля о прощении за всё, что сказал, за то, что поддался своей минутной слабости. Проклинаю рефлекс и инстинкты. Но война не дала этого шанса. Вылетевшие слова нельзя было вернуть обратно. Уже нельзя было оттолкнуть её и самому лечь на гранату, спасая всех от смерти. Этот бой выиграла она, оставляя мне чувство непростительной вины.

Просто шёл шестой месяц командировки. Все устали. И уже совсем не осталось времени что-либо изменить.

Оксана МОСКАЛЕНКО, жена военнослужащего

Оксана Брониславовна Москаленко родилась в г. Куйбышеве (ныне г. Самара). Окончила в 1992 г. Куйбышевский авиационный институт по специальности – автоматизированные системы управления. Работала инженером на Куйбышевском моторном заводе (ныне – «СНТК им. Н. Кузнецова»), затем – в ООО «Газпром трансгаз Самара». С 2016 г. – на литературной работе.

Поэт, публицист. С октября 2013 года – член Союза писателей России. Автор книги стихотворений и эссе «Моё спасение – любовь». Стихи публиковались в книгах и альманахах «Дом Заступницы Небесной», «Стихи, воспевшие Победу», антологии православной лирики «Наше бессмертие», «Золотое перо Московии», «Армейские победные зарницы», «500 золотых страниц. “Русское эхо”», в общероссийских газетах и журналах. Победитель корпоративного литературного конкурса «Факел» ОАО «Газпром» (2012, 2013); Всероссийского

конкурса «Твои, Россия, сыновья!» (2012); победитель Всероссийского конкурса на лучшее стихотворение, посвящённое Дню памяти новомучеников и страстотерпцев – членов Царской семьи (2013). Проживает в Московской области.

ДЕД ПОРФИР

Рассказ

«Дед Порфи-и-и-р, дедушка-а-а-а-а!!!», – кричуя, пытаюсь догнать деда, который уже вышел за калитку и катит свою тачку, напевая на малороссийском суржике:

***Эх, шлях-дорижка фронтовая,
Нэ страшна нам и бомба любая!
А помыраты нам зарано,
Е у нас ище вдома дила!***

Я не понимаю смысла этой песни, тем более что малороссийский говор дядя меня, приехавшей с родителями в летний отпуск в Николаевскую область Украины из центральной России, – в новинку.

Но я бегу, бегу... Запыхалась... А дед и не торопится, но и не слышит. Контузия сказывается. Бабуся Лена говорила мне, что деду на войне навyleт все зубы выбило пульей. Теперь у него зубы вставные – на ночь он хранит их в стакане, что меня очень пугает. А щёки ввалились, по ним можно догадаться о былом ранении. Дед такой молчун, слова не выпросишь. Единственное, что мне нравится в нём – он катает меня на своей тачке с огромными колёсами и напевает песенку «Эх, шлях-дорижка фронтовая...». Для меня эта тачка – гигантская. Вот и сейчас дед пошёл с ней за сеном для коз. У нас все козы – Катьки. Одна такая бодучая. Злюка страшная. Доить её может только дед, да и

то рядом лежит дубина. И дед постоянно окрикивает: «Стий, Катька, стий!» Эта коза – настоящая дереза! У неё рог кривой, она хотела забодать своего козлёнка, вот рог и искривился и вырастает ей в голову. Дед подпиливает этот рог. В нашем селе Баштанка во всех дворах держат коз. Но у наших козочек молоко – самое вкусное, не вонючее. Меня им отпаивают, ибо я часто болею. Поэтому первая кружка всегда моя. С пенкой. Отпиваю тёплое парное молочко из алюминиевой кружки. Под носом – белая полоска. Я говорю, что это усы, как у папы. Я похожа на него. Кудрявая, с синими глазами, только усов не хватает.

Догоняю деда. Идём вместе к покосу. Сено уже высохло. Дурманящий запах. Он до сих пор будит во мне воспоминания детства. И ещё вспоминается вкус бабусиных семечек из печки. Никогда вкуснее ничего не пробовала! Разве только стакан очищенных семечек, как говорила бабушка: «стакан бубочек».

На обратном пути я еду верхом на сене. Оно покалывает меня. Но я терплю. Иначе дед меня больше не возьмёт с собой. Строгий очень. Никогда ничего мне не говорит. Разве только прикрикнет на меня: «Геть звидсіля!»^{*)}. Да ещё за столом, когда ест свой любимый красный борщ (а ел он его трижды на дню), говорит мне: «Когда я ем, я глух и нем». На что бабушка сразу же отвечает: «А когда я кушаю, говорю и слушаю». Вот я во всём на бабушку похожа. Когда я родилась, она приехала посмотреть на меня и сразу сказала: «Оце – наша дивчина!». С бабушкой мы разговаривали много. Она была образованной, а ещё пела в церковном хоре на клиросе и играла в сельском театре. Глядя в окно на деда, бабушка говорила, посмеиваясь:

– Идёт домой! Не торопится... Ножка за ножкой, ножка за ножкой. И всё напеваёт про путь-дорожку!

А ещё я любила разглядывать дедушкины награды. Медали «За взятие Варшавы», «За взятие Берлина», «За боевые заслуги», «За победу над Германией», Орден Славы 3 степени... И у деда была маленькая фотография 1945-го года у стен Рейхстага. Он там был самый высокий.

Умирал дед тихо. Мы приехали в отпуск, и нас встретила встревоженная бабушка. Инсульт. Он лежал два дня, непрерывно шевелил руками, как будто что-то собирал. Бабушка сказала: «Соборуется». Сейчас понимаю, что соборование – это совсем другое... Но тогда я знала, что дед собирается в последний свой путь. Может быть, он бессознательно вертел баранку машины руками...

На поминках я разносила тарелки с борщом. А вспоминаю почему-то пирожки с вишней. Но вишня была с косточками. И какой-то старик спрашивал меня: «Почему они с косточками?» А я и сама не знала. Может быть, для того, чтобы я вспоминала качели, которые смастерил дед и приладил к вишнёвому дереву...

* * *

И только сейчас на интернет-сайте «Подвиг народа» Минобороны России я нашла в архивных данных, что мой дед Порфирий Григор был водителем ЗИС-5 в 838-м Отдельном автотранспортном батальоне 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта. Мы даже не знали, что он умел водить машину. Виртуозно водить! И подвиг совершил – гнал своего боевого коня без остановок до самого Берлина, уходя от бомбёжек и обстрелов, минуя

*) *Геть звидсіля – Вон отсюда! (укр.)*

Оксана МОСКАЛЕНКО. Дед Порфир. Рассказ

мины, уводил за собой колонны других автомобилей, и при этом умудряясь экономить ГСМ и быстро ремонтировать машину. И ранение у него было в живот. Я один раз увидела эту рану, когда он надевал рубаху. Внахлѣст кожа была пришита. Поэтому, наверное, дед ходил чуть ссутулившись.

А сегодня – в 70-й День Победы – я услышала по радио знакомый с детства мотив:

**Через реки, горы и долины,
Сквозь пургу, огонь и чёрный дым.
Мы вели машины, объезжая мины,
По путям-дорогам фронтовым.**

**Эх, путь-дорожка фронтовая,
Не страшна нам бомбѣжка любая.
А помирать нам рановато,
Есть у нас ещё дома дела.»**

Как же я раньше не задала себе вопрос: почему любимой песней деда Порфирия была «Песенка фронтового шофѣра»?!

И теперь эта нехитрая мелодия и простые запоминающиеся слова всегда со мной, когда я сажусь за руль своего автомобиля.

Но каждый раз я корю себя за то, что не узнала о жизни деда от него самого. Как воевал, как любил, о чём переживал? Как теперь узнать? Царствие Небесное воину и труженику Порфирию Константиновичу Григору. Вечная память.

**) «Песенка фронтового шофѣра» (муз. – Б.Мокроусов, сл. – Н.Лабковский и Б.Ласкин)*

Офицеры и солдаты 8-й гвардейской армии у стен Рейхстага, май 1945-го года. Пятый справа – рядовой Порфирий Григор.

Александр САРКИСОВ, капитан 2 ранга запаса

Александр Ашотович Саркисов родился в 1959 году в городе Севастополе. В 1976 году окончил Севастопольскую среднюю школу №1. В 1981 году — ВВМУ им. М.Фрунзе, в 1990 году — ВМА им. А.Гречко. Служил на Черноморском флоте. Действительный член Русского географического общества, кандидат географических наук. Участник кругосветной антарктической экспедиции 1982 — 1983 годов. Член Союза писателей России.

РАЗРЕШИТЕ ДОЛОЖИТЬ

Рассказ

Группа гидрографов под командой старшего лейтенанта Напханюка уже две недели в промерном угаре пахала Ягорлыцкий залив. Ничто не предвещало неприятностей, несмотря на молодость Напханюк был гидрографом грамотным и пользовался доверием самого Марка Борисовича Пятакова.

Бедя пришла откуда не ждали. Шуруя полным ходом, при отменной видимости и полном штиле, малый гидрографический катер влетел на что-то, как на постамент, и замер.

Катер имел шифр «Кайра» и использовался для работ на мелководье, это был небольшой одиннадцатиметровый катер с пластиковым корпусом.

Когда оторопь прошла, капитан «Кайры» вместе с Напханюком прыгнули за борт осмотреться. Глубины в заливе воробьиные, больше полутора метров не найти, картина вырисовывалась неожиданно комичная, «Кайра» плотно сидела на крыше трактора.

Опытный капитан почесал багровую от солнечных ванн лысину.

— Ну, блин, приплыли.

Этой короткой фразой старый моряк выразил всё, что было у него на

душе. И то, что произошедшее это полная задница, и то, что такого не может быть, потому, что не может быть никогда, и то, что нахрена ему всё это с его зарплатой, и то, что основные неприятности ещё впереди.

Попытки раскочевать катер и сдвинуть с места ничего не дали. Сидел, сволоочь, мёртво, как прибитый.

Капитан обратился к Напханюку

– Володя, что делать будем?

– Что делать? Что делать? Докладывать будем!

На флоте доклад – это основа, это самое первое дело, как проверка предохранителя при поиске неисправности. Выполнил приказ или не выполнил, подвиг совершил или проштрафился – доложи. Не просто доложи, а немедленно, потому как начальство должно быть в курсе, а у него своё начальство, которому тоже нужно доложиться и так до самого верха.

Если ты чего сотворил и доложил – это не беда, это простительно, а вот если не доложил – негодяй и недопонимаешь. Ну а если, не дай Бог, начальник твоего начальника узнает о происшествии раньше, чем твой начальник – все конец, заключают, до пенсии не дотянешь.

Напханюк с капитаном мучительно придумывали, как же докладывать? Нужно было довести до начальства, что вроде бы как-то на мель сели, но в то же время как-то и не очень. Связались с находящимся на большом гидрографическом катере командиром отряда Пятаковым.

– Товарищ капитан 2 ранга, разрешите доложить, тут такое дело, мы пока временно промер прекратили по причине невозможности дальнейшего движения.

Володя сам удивился, как у него красиво вышло.

– Напханюк, ты мне бейцы не крути! Докладывай всё как есть.

Володя вздохнул, ну что ж сами захотели.

– Товарищ капитан 2 ранга, «Кайра» села на крышу трактора!

После минутной паузы, Марк Борисович с надеждой поинтересовался

– Может вы там пьяные?

– Никак нет, трезвые! Ждём дальнейших указаний.

Напханюк почувствовал облегчение, начальству доложил, считай ответственность с себя снял.

Капитан мучился вопросом:

– Откуда здесь трактор?

Версий было несколько – диверсия, инопланетяне, но самая правдоподобная – утопила пьянь из деревни Ивановка, что на берегу залива. Размышления на тему трактора прервал появившийся из-за острова Долгий большой гидрографический катер с начальством на борту. Не заходя в Ягорлыцкий залив, он встал на якорь, двигаться дальше не позволяли глубины.

На тузике приближались трое. Пятаков прихватил с собой великих знатоков морской практики Норвегова и Савчука.

«Кайра» гордо возвышалась над водой и напоминала памятный знак морякам-балтийцам в Калининграде, только там на постаменте не промерный, а торпедный катер.

Прибывшие спецы были навеселе и не обращая внимания на капитана с

Напханюком, оживлённо обсуждали варианты снятия катера. Капитан обречённо прошептал

– Ну всё, Володя, утопят катер.

Напханюк попытался вклиниться.

– Посмотрите, погода меняется. Ветром воду нагонит, катер сам сойдёт.

Предложение было дельное, но кто же будет слушать какого-то лейтенанта, да ещё проштрафившегося. И вообще, если лейтенантов слушать, зачем тогда авторитеты?

Докладывать оперативному дежурному Гидрографической службы поручили Савчуку.

– Оперативный гидрографии слушает.

– Разрешите доложить. У нас тут «Кайра» села на крышу трактора.

– Вы, что там пьяные?!

Было принято решение катер сдернуть. С большого гидрографического катера заводили конец на «Кайру». Напханюк с капитаном стояли по грудь в воде, как приговорённые и обречённо наблюдали за этим безобразием.

Большой гидрографический катер поднатужился и дернул. Раздался треск, но «Кайра» осталась на месте и начала быстро набирать воду. От рывка, стойка трактора проделала в борту пробоину. Началась срочная эвакуация оборудования. Всё, что успели снять, загрузили на тузик, который из последних сил толкали к берегу.

Начальство, обдумывало дальнейшие действия. Марк Борисович Пятаков уже пожалел, что привлёк Норвегова с Савчуком, и появилась уверенность, что прав был Напханюк, но что теперь поделаешь? Вечерело, утром придётся продолжить.

В это время оперативный дежурный гидрографии готовился доложить оперативному дежурному флота. Он оттягивал этот момент, сколько мог и, наконец, решительно набрал номер оперативного дежурного флота.

– Разрешите доложить. У нас «Кайра» села на крышу трактора.

Оперативный опешил, какая-то птица села на трактор. Причем здесь я?

– Вы что там все перепились?!

Это гидрографы знали, что такое «Кайра», а оперативному дежурному флота пришлось объяснить.

– «Кайра» – это малый гидрографический катер, во время промера в Ягорлыцком заливе сел на крышу трактора.

Оперативный дежурный флота нутужно скрипел извилинами, обдумывая полученную информацию. Что же это получается? Катер сел на крышу трактора? Повысив голос, он повторил вопрос.

– Вы что там все упились на хрен?!!!

В справке по флоту «Кайра» уже проходила как «единица», а произошедшее квалифицировалось как навигационное происшествие.

Доклад это такое дело, что пока до самого верха не дойдёт, процесс не остановить.

– Товарищ, командующий флотом, разрешите доложить ...

Вытащив тузик, нагруженный аппаратурой на песчаный берег, Напханюк с капитаном разгружали матрасы и одеяла. Нужно было устраиваться на ночлег,

а ночью у воды прохладно. На голодный желудок решили не ложиться, да и нужно было снять стресс. До деревни Ивановка было не больше километра, туда и пошли.

Местные денег не взяли, нагрузили едой от сердца. На вопрос: «Откуда в море трактор?», – пояснили, что это ещё три года назад тракторист Петро зарулил по пьянке. И так захотелось Напханюку, что бы этот Петро оказался перед ним, что аж в висках застучало, а пальцы, сжатые в кулак, хрустнули. Ладно, Петро живи.

Усевшись на берегу под песчаной дюной, поросшей осокой, намаявшись за день, они с удовольствием выпили и закусили.

* * *

Часов в пять утра Володю прихватило. Всё-таки не стоило так нагружать на ночь. Он вылез из-под одеяла, подтянул трусы и решил присесть с другой стороны дюны. Поднявшись наверх, он увидел интересную картину. Ещё вчера здесь был пустынный берег, а сейчас бегали – суетились матросы. Установили палатку, надували резиновые лодки, выгружали подвесные моторы, руководил ими незнакомый капитан 3 ранга.

Позыв в кишечнике у Напханюка пропал, появилось нехорошее чувство беспокойства и засосало под ложечкой. Он вернулся назад и растолкал капитана.

– Похоже, там по наши души. Давай быстро на «Кайру».

Откуда им было знать, что после доклада оперативного дежурного, командующий флотом отдал приказ поднять по тревоге силы Аварийно-спасательной службы флота для спасения «единицы». А начальнику Гидрографической службы приказал лично разобраться с произошедшим. Ему было невдомёк, что это за «единица» такая. Для командующего «единица» она и в Африке «единица».

Солнце только всходило, а вокруг «Кайры» уже всё бурлило, яблоку некуда упасть. Капитан 3 ранга оказался начальником Аварийно-спасательной службы из Донузлава. Он с деловым видом проводил опрос.

– Какие водоотливные системы есть на борту? Сколько водонепроницаемых переборок? Сколько аварийных партий?

Он явно собирался спасти как минимум крейсер.

К обеду из-за Тендровской косы показалось океанографическое судно с начальником Гидрографической службы на борту. Если всё, что происходило ранее, вызывало у старшего лейтенанта Напханюка неосознанное чувство тревоги, то с прибытием адмирала у него появилось осознанное ощущение конца. А ведь какие были планы. Осенью в Питер – поучиться на классах. С возвращением, глядишь, новая должность. Вот так какой-то сильно пьющий тракторист Петро ломал офицерскую судьбу.

«Кайру» кое-как от трактора оторвали, отбуксировали и погрузили на палубу судна. Начальник гидрографии вызвал всех причастных на разбор.

Володя с отрешённым видом насвистывал «Варяга». Марк Борисович, как настоящий командир, отодвинул Напханюка в сторону.

– Не лезь, сам доложу.

Гидрограф старший лейтенант Александр Саркиов в период службы на океанографическом судне «Фаддей Беллинсгаузен». 1983 год.

У двери в адмиральскую каюту, имитируя бурную деятельность, суетились Норвегов с Савчуком. Пятаков долго не появлялся и у Володи возникла надежда на более оптимистичный исход. Наконец выглянул Марк Борисович.

– Заходите, адмирал зовёт.

В каюте на вытяжку перед начальником Гидрографической службы стояли Пятаков, Напханюк и капитан «Кайры». Адмирал спокойно, не повышая голоса, подвёл итоги.

– Ну, что товарищи, произошедшее считаю рабочим моментом. И вообще, если для судоводителя посадка на мель – это навигационное происшествие, то для гидрографа – это открытие!

– Что скажете товарищ старший лейтенант?

Счастливый Володя, не к месту ляпнул

– Рад стараться товарищ адмирал!

А ЖИЗНЬ-ТО НАЛАЖИВАЕТСЯ

Рассказ

Капитан 2 ранга в запасе Фёдор Ильич Ушанкин, ожидая своей очереди к терапевту, начинал нервничать. Рядом сидели отставники со стажем, спокойно ожидавшие своей очереди и беззлобно критиковавшие политику Обамы. Федя накручивал себя сам. Да сколько можно? Я, ещё не старый мужик, сижу в этом убогом учреждении, на разваливающемся стуле, среди божьих одуванчиков.

– Ушанкин, проходите.

Пригласила медсестра. Фёдор вошёл в кабинет, за столом сидел такой же, как и он сам, военный пенсионер, только доктор. Обшарпанная мебель, застиранный халат, скучающе-отрешённый взгляд терапевта действовали сразу – недуги начали отступать. Пристроившаяся сбоку на приставном стульчике в позе отличницы сестричка приготовилась записывать. Было очевидно, что доктор больному не рад. Это читалось в его взгляде, в позе, в морщинах на лбу и нервном вращении карандаша.

Задав дежурные вопросы, доктор выписал дежурный набор таблеток.

* * *

На флот Ушанкин попал случайно. В его родную деревню приезжал свататься лейтенант моряк, и Фёдору страсть как понравилась форма, а особенно кортик. Он твёрдо решил, что станет морским офицером. После училища его распределили в Севастополь, где он и осел. Женился на местной девушке, детей родили, и на пенсию вышел здесь же. Из Севастополя выезжал только дважды, – в Тверскую губернию на похороны родителей.

Фёдор решил пройти пешком, от поликлиники до дома было не далеко, и погода стояла хорошая. Хотелось не спеша подумать о доставшем его бытие. Он, вдруг, поймал себя на том, что ему ничего не хочется, не хочется идти домой, выпить не хочется, секса уже давно не хочется, даже повышения пенсии не хочется. С друзьями видаться и то стало в тягость, ну, сколько можно обсуждать мировые проблемы и урожаи на даче? Самые горячие новости – это кто и от чего помер. При встрече, простой вопрос: «Как дела?», – задаешь с опаской, потому как в ответ можно услышать развёрнутую формулу анализа мочи и деморализующий диагноз. После таких разговоров начинаешь прислушиваться к организму. Дома тоже не сахар, личной жизни никакой, из чувств остались только раздражение и усталость. Фёдор был типичный подкаблучник и права голоса не имел, семья жила в квартире родителей жены, чем его и попрекали по нескольку раз на дню. Со временем он научился не замечать тирады о своей никчемности и бесполезности, но легче от этого не стало. Дома его терпели.

Так за горькими размышлениями Ушанкин не заметно оказался в квартире. Из кухни вышла жена, брюнетка, невысокого роста, худая, с заостренными чертами лица, эдакая карикатурная стерва.

– Я же просила тебя принести картошку из гаража. Да хоть какой-то прок от тебя будет?!

Программа дала сбой. Вместо того, чтобы надеть тапки, пройти в комнату и обиженно уткнуться в книжку, он решительно отодвинул жену в сторону и шагнул по коридору.

До него неожиданно дошло, что она просто дура, истеричная дура и больше ничего. Фёдор отчетливо понял, что ни секунды больше оставаться здесь не сможет и не желает. Мысль в голове ещё окончательно не вырисовалась, а руки уже тянулись с антресолей чемодан. Он аккуратно уложил свои немногочисленные вещи, зачем-то достал парадную форму и кортик. Подумав минутку, уложил в чемодан и её. Достал из секретера аккуратно свёрнутый целлофановый пакет с документами, проверил. Всё на месте и украинский паспорт, и российский, и пенсионное удостоверение. Российский паспорт Ушанкин завёл недавно, всё-таки в России пенсия побольше, и вообще, на всякий случай. Вот случай-то, видимо, и наступил. Придавив коленом чемодан, Фёдор защёлкнул замки. Чемодан был надёжный, с металлическими уголками коричневого цвета, купленный ещё в пору лейтенантских мытарств.

Жена, возилась на кухне и не обращала никакого внимания на его сборы, уверенная в том, что это просто взбрык и вообще этот туха даром никому не нужен.

В прихожей, накинув плащ, Федор огляделся, никаких сомнений, никакого сожаления он не почувствовал. Прощаться не стал, просто вышел и прикрыл за собой дверь. Вся его прежняя жизнь осталась там, за дверью.

* * *

Москва встретила Вавилонским столпотворением Курского вокзала. Отвыкший от шума и суеты, Ушанкин растеряно озирался, прижав к груди свой старомодный чемодан, он олицетворял островок девственности в этом вертепе.

Ему нужно было добраться до станции Савёлово в Тверской губернии. Электрички до Савёлово ходили дважды в день.

В вагоне Фёдор сел к окну. Москва быстро осталась позади, мелькали деревья, будки зрителей, с обязательными клумбой простеньких цветов и картофельной грядкой, и полуживые деревеньки. Через два с половиной часа он стоял на перроне в Савёлово, после времени проведённого в Москве, это был Рай. Никто никуда не бежал, не шумел, люди вели себя степенно и приветливо. Даже телеграфный столб стоял как-то уверенно и спокойно, с чувством собственного достоинства. Купив у бабульки стакан семечек, Фёдор пошёл искать попутку, до родной деревни с гордым названием «Городок» оставалось вёрст тридцать.

За недорого подкинул весёлый мужичок на раздолбанных «жигулях». Расплатившись, Фёдор вышел у дома с табличкой «Администрация ПГТ Городок». Надо же, теперь это не деревня, а посёлок городского типа с гордой аббревиатурой ПГТ.

Городок располагался на берегу Волги и был местом историческим, основанный в 1366 году тверским князем Михаилом Александровичем, так во времени и потерялся. В описании 1844 года в деревне значатся двадцать три избы, три постоялых двора, питейный дом, пятеро жителей шили сапоги на дому, трое шапки и двенадцать уходили на заработки в Москву. В жизни Городка мало что поменялось, разве что срубов стало больше и пили теперь не в питейном заведении, а по домам.

Кирпичных зданий в посёлке было три и все культовые – здание администрации, церковь и магазин. Соответственно и уважаемых людей было трое – глава администрации, батюшка и продавщица. Были они людьми не случайными, попадая приходилась главе администрации племянницей, а продавщица была замужем за его старшим сыном.

Фёдор подошёл к дому, облезлая вагонка, наглухо забитая большим «хером» дверь, заброшенный палисадник. С соседнего двора раздался старушечий голос.

– А не Федька ли ты Ушанкин будешь?

Фёдор обрадовался, не забыли.

– Я баб Тань, кому ж ещё быть.

– Господи, радость-то какая! Надолго ты Феденька?

– Навсегда, баб Тань, навсегда.

Соседка подошла к забору.

– Случилось чего?

– А как же, – случилось. Поумнел вдруг!

Баба Таня принесла гвоздодёр.

– Давай Феденька, отворяй. Как после похорон заколотили, так никто и не заглядывал.

В доме был порядок, всё на своих местах как при покойных родителях, только толстый слой пыли говорил о том, что здесь давно никто не жил. Соседка помогла разобрать вещи, долго любовалась мундиром, после всё аккуратно развесила в шкафу.

– Ну, ты, Феденька, устраивайся, если чего надо будет, ты говори, не стесняйся.

Чтобы в деревне распространилась новость, никакого интернета не нужно, баба Таня справлялась на «отлично». Через полчаса все в поселке знали, что Ушанкин дослужился до больших чинов и был на флоте начальником, вернулся навсегда и мужик почти свободный.

Решив, что сначала нужно перекусить, Фёдор двинул в магазин. Люди здоровались с ним, слегка кланяясь. Ушанкин расправил плечи и зашагал уверенней. Это в Севастополе отставник никто и звать никак, а здесь фигура, можно сказать предмет гордости всего посёлка. Самооценка начала решительно подниматься.

В магазине Фёдор купил дорогой водки и всякой закуски. По селу прошла вторая волна новостей – Ушанкин ещё и зажиточный. А и вправду, здесь со своей пенсией он мог не только сносно жить, но ещё и откладывать.

Фёдор выпил, расслабился, как же здорово когда никто тебя не дергает, не тащит из рук бутылку, не корит. Оказывается, от простого застолья можно получать удовольствие.

Вечером похолодало, надел отцовскую телогрейку, Ушанкин решил навестить родителей. Такой благодати, как на деревенском кладбище, нет нигде. Здесь лежали и дедушки с бабушками, более поздние могилки не сохранились. Фёдор убрал сорняки, подправил оградки и присел на скамью. Думал он о своей не самой счастливой жизни, как будто и жил не там, и занимался не тем. Думается на кладбище по-особенному, не о мелочах, а о вещах серьёзных, и многое что раньше было не понятно, становится ясным и простым. Вот ведь она Родина, и жить нужно здесь, и работать, и детей поднимать. И нет никакой малой или большой Родины, Родина она одна. Она здесь, где похоронены предки, где каждое дерево тебе знакомо, где старики на лавочке знают тебя с детства и моют тебе кости. Это и есть Родина, а всё, что за плетнём-это государство. И ещё вопрос, стал бы ты за него жизнь отдавать? А за Городок, за могилки, за соседей своих, даже за соседского кота Прошку, не задумываясь!

На носу были майские праздники, и баба Таня, справедливо решив, что мужику самому не сподручно, организовала у Ушанкина субботник. Мужиков не было, пришли одни бабы. С мужиками вообще была проблема, за исключением немногих, зарабатывавших в Твери и в Москве, взрослое мужское население можно было поделить на три группы: сидящие, спившиеся и не определившиеся. С сидящими проблем не было, мужики в Городке были серьёзные, и если сяди-лись, то по серьёзным статьям, надолго. С алкашами ситуация тоже была ясная, все знали чего от них ожидать и дружно прятали от них спиртное, налить пьянице считалось делом зорным. Морока была с неопределившимися.

Фёдор перекапывал палисадник и поглядывал на женщин. Наблюдать за работой добровольных помощников было одно удовольствие. Вот ведь бабы, никакого командира им не нужно, каждая своим делом занята, моют, чистят, скоблят и ведь всё на совесть, от души, для себя бы так не старались. И всё весело, без натуги, с песней. Тоня Шукина сняла занавески, собрала полотенца и понесла к себе постирать. Ушанкин помнил её ещё сопливой девчонкой, а теперь, нате-ка, тридцатипятилетняя привлекательная женщина.

К вечеру в доме всё сияло, Антонина принесла чистые, отутюженные занавески.

– Фёдор Ильич, давайте я сама повешу, вы не справитесь.

Она встала на табуретку и начала крепить занавеску к карнизу.

– Федор Ильич, придержите, пожалуйста, а то свалюсь.

Фёдор подошел к ней, и неожиданно для себя обнял, прижался и замер. Замерла и Тоня, женщиной она была свободной, и попыток высвободиться не предпринимала.

Получилось всё как-то само собой, естественно. Она отдалась ему страстно, полностью, до последней капельки, но было это совсем не вульгарно, а даже наоборот, чувственно кротко. Этому не учат, это природное. Только в российской глубинке есть ещё женщины, способные на это. Впервые за последние годы Ушанкин спал без снотворного.

Утром его ждал завтрак и сияющая Антонина.

– Вставай соня, оладушки стынут.

С таким аппетитом он давно не ел, макал оладушки то в мёд, то в сметану, с причмокиванием запивая горячим чаем. Возникло ощущение, что так было всегда. Фёдор поймал на себе взгляд Тони, сколько же было в этом искреннем взгляде благодарности и нестраченной бабьей любви. И его осенило, ведь именно этого ему всегда и хотелось, именно об этом он и мечтал, только не знал как это здорово и просто. Он вдруг почувствовал насколько ему всё это дорого. А жизнь то налаживается!

Он схватил Тоню в охапку, и они со смехом завалились на кровать. Теперь ему хотелось всего и сразу. Теперь он жил жадно, нужно было навёрстывать.

Вадим АРЕФЬЕВ, полковник запаса

Вадим Александрович Артефьев родился в 1957 году в городе Губахе Пермской области. Учился на судоводительском отделении в Пермском речном училище. Рулевой-моторист. Окончил Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище по специальности — военно-политическая воздушно-десантных войск. Служил в морской пехоте Тихоокеанского флота, в редакции газеты ТОФ «Боевая вахта». Окончил с золотой медалью редакторское отделение Военно-политической академии. С 1992 по 1999 годы преподавал журналистику в Военном университете Министерства обороны Российской Федерации. С 1995 по 1998 годы был главным редактором журнала «Морской пехотинец». Работал консультантом правления Союза писателей России. Прозаик. Автор трёх сборников рассказов («Воздушный змей», «По звёздам», «Подснежники»), книги публицистики «Вокруг света на «Крузенштерне». Лауреат премий «Золотое перо Московии» (2002). Награждён Золотой Есенинской медалью (2007), медалями «Генералиссимус А.В. Суворов» и «За труды в военной литературе», орденом Элита мира «Во имя человечности». Член Союза писателей (с 1995 г.) и Союза журналистов России (с 1986 г.). Член Бюро прозы Московской городской организации Союза писателей России. В 2005-2006 годах совершил кругосветное плавание на барке «Крузенштерн». Посетил более 20-ти стран мира.

ШАМИУЗА

Рассказ

Нет-нет, да и вспомнится, ни с того, ни с сего, это странное русскому уху название, мелькнёт в глубине памяти, словно огонёк за окном быстро летящего в ночи поезда и исчезнет вновь и надолго.

Шамиуза, Шамиуза. Когда-то я был там в командировке.

Морскую пехоту, где довелось мне какое-то время послужить, вечно бросали на разного рода «стратегические, важные и очень важные» объекты флота: то морпехи, как бесплатная и надёжная рабочая сила, строили какие-нибудь пирсы и причалы, то мчались по пятнадцать – двадцать суток эшелонами в среднюю полосу России на так называемую «целину» – для оказания помощи в уборке урожая где-нибудь в Саратовской области, Казахстане или Татарии, то просто разгружали «для нужд» цемент или уголь, лук или картошку, да мало ли где и чего приходилось. Всё это – лишь к тому, чтобы было понятно.

Вот и в тот раз нашу роту, собранную из разных морпеховских подразделений и в которую назначили меня замполитом, десантировали почти на самую китайскую границу в глушь-глухомань под названием Шамиуза. Что это такое? Сразу-то и не назовёшь. Поскольку – это не посёлок, не гарнизонный городок, каковых немало по границам нашей необъятной Родины, ни застава и ни деревня, ни какой-либо иной административный пункт. Шамиуза – это просто-напросто склады, похожие на огромные перевернутые корыта, с разного рода взрывчатыми веществами, снарядами ракетами для кораблей и подводных лодок, на обваловку которых все мы и были направлены.

Топор да лопата для бойца – инструмент привычный. Руби да рой себе. Бери больше, кидай дальше. Чего тут хитрого? Потом в строго отведённых местах и под особым присмотром отцов-командиров, сожги весь кустарник. Тоже всё понятно. Курить разве что нельзя во время работы. Но и это поправимо. Через каждый час звучала команда: «Рота, отставить работу! Пять минут покурить и оправиться!» И всё бы ничего, если бы это было в каком-либо другом месте...

Шамиуза – по-китайски долина змей. Очень точное название. Такого количества ползучих и шипящих я никогда и нигде более не видел. Змеи были везде: в траве, которая поднималась зелёной щеткой до пояса, в ручьях, на деревьях – свисали этакой жёлтой или зеленовато-голубенькой плёточкой.

– Ничего страшного, – говорил мне замполит этой базы – крупный, лысина вечно в мелких капельках пота, краснолицый майор по фамилии Перец. – Я, вот видишь, уже пятый годок як здесь. К змеюке же той попривыкнуть надо. Во-первых – никогда не торопись. Это же очень хорошо, шо тут гады ползучие. Народ с непривычки бояться будет. А это же – хорошо! А бежать тут некуда. Ни магазинов, ни кино, ни иных яких соблазнов для матросив нема. А чо же в сопках-то бойцу делать? Нечева. А значит – дисциплина будет. А без неё – никуды. Потом, змиюка, она же шума и дыма боится. Тварюга умная. От чиливиков она сама уползает. Но это – когда как. Расслабляться категорически нельзя, – майор Перец при этом строго окинул меня взглядом. Мол, шутки шутками, а бдительность прежде всего. – Никогда не беги от гадюки ни вверх, ни пид гору – тильки в бок, – продолжал он свой инструктаж. – Змиюка, она так, собака, устроена, шо теряет усякую скорость когда ползёт поперёк сопки.

О чём-то ещё и ещё рассказывал за рюмкой чая мне коллега – местный замполит. Сейчас уже и не вспомнишь. Разве что одно его наблюдение запомнилось мне.

– Вот там, в Москве или в Киеве, для примера (на Украине у него была семья, которую он видел раз в год, в отпуске), считают, шо здесь прям такая экзотика. Да, – вздохнул он, – эта экзотика, когда её на фотографиях или по телику бачить. Со стороны дюже гарно. Кум тут, железнодорожник, раз был на денёк. Сопки, говорит, это же так прекрасно. Они похожи на женские груди. Тьфу...

Через месяц наша рота выполнила боевую задачу и, получив благодарность от командования и с десятком почётных грамот «за успехи в повышении и укреплении», покинула Шамиузу.

Как ни странно, но ни одного бойца моей роты за весь период командировки ни одна из змей не ужалила. Матросы и сержанты довольно быстро освоились. Несмотря на все запреты – лихо ловили их. Понаделали из змей десятки всякого рода дембельских плёточек, ремешков и иных безделушек-пугалок. Один раз, из укромного места, я даже наблюдал игру в хоккей со змеей. Точнее, змея была у матросов вместо шайбы, а клюшками служили обычные швабры. На кусок асфальта перед казармой вылили несколько вёдер воды, бойцы встали по кругу, а в центр вбросили пойманную накануне змею. Её под общее ликование: «На кого ты, стерва, хвост поднимаешь?!» – довольно долго перешвыривали с одного края на другой до тех пор, пока она не прекратила вначале шипеть и извиваться, а затем и шевелиться.

Что тут скажешь? Наш боец везде найдёт себе забаву.

А в Шамиузе я никогда с тех пор не был. Да и чего там более делать-то? Не поедешь же туда специально. Да и не пустят. Спецобъект. Зона.

Сергей ТЮТЮННИК, полковник запаса

Сергей Петрович Тютюнник родился в 1960 году на Волыни (Западная Украина). В 1981 году окончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Работал в военной печати. Служил в Латвии, Узбекистане, Туркменистане, Германии. Принимал участие в боевых действиях в Афганистане, в зоне осетино-ингушского вооружённого конфликта, в Абхазии, в Дагестане, в первой и во второй чеченских военных кампаниях. Сейчас возглавляет газету «Военный вестник Юга России». Проза Тютюнника впервые появилась в журнале «Смена». Затем его рассказы и повести печатали журналы «Сельская молодёжь» (альманах «Подвиг»), «Дружба народов», «Радуга» (г. Киев), «Огонёк». Все эти журналы признали Сергея лауреатом за лучшую публикацию года.

Первая книга вышла в Воениздате в 1993 году. В 2000 году издательство «Текст» выпустило сборник произведений Тютюнника «Обломок Вавилонской башни», который номинировался на премию Аполлона Григорьева. Автор книг «Как мы с дедом умирали», (1993), «Обломок Вавилонской башни» (2000), «Моя Мата Хари» (2004), «12 пуль из чеченской обоймы» (2005), «Рикошет» (2008), «Guerre et vodka». Paris «Presses de la Renaissance» (2005) на французском языке и других произведений.

ОБЛОМОК ВАВИЛОНСКОЙ БАШНИ

Повесть

I.

На шестнадцатилетнюю дочь полковника Иллариона Чихория наваливается любовь. С первого сентября в её классе появляется «новенький». Это высокий смуглый юноша с сильным телом. Он жил в Южной Осетии, успел овоевать с грузинами за независимость своего края, но обрёл лишь судьбу беженца и независимый, гордый взгляд на сверстников. Он смотрит на них холодными глазами из-под пышных ресниц и приподнимает левую тонкую бровь. В эти глаза и высокую бровь влюбляются большинство девочек класса. Мальчишки ходят за «новеньким», как жеребята за маткой, пытаются вкусить молока мужества и боевого опыта.

Шестнадцатилетняя Светлана Чихория часами вертится перед зеркалом и вздыхает о тенистых ресницах юноши-осетина, прячущих холодный огонь

глаз. Критически оценив свою внешность, Светлана огорчается и запирается в своей комнате читать книжку про любовь.

Её отец – полковник Илларион Чихория – лежит в постели на животе и кричит от боли. От осенней сырости у него распалился радикулит. Жена Иллариона Чихория, потускневшая русская женщина, втирает мужу в поясницу лечебную мазь. Сын – Георгий Чихория – сидит посреди комнаты и рассказывает родителям о своей поездке в Дагестан.

Из роты, где Георгий служит командиром первого взвода, дезертировал солдат. Офицеры высчитали, что тот удрал домой, под Махачкалу. За беглецом послали старшего лейтенанта Чихорию.

Георгий поехал в Дагестан за свой счёт, в гражданке, старательно скрывая в дороге свою принадлежность к армии, потому что добираться из Владикавказа до Махачкалы пришлось через взбунтовавшуюся Чечню и раскалённый страстями междоусобного 92-го года Грозный. Солдата в часть он вернул, но денег от начальника финансовой службы полка не получил. И зарплату, и командировочные начфин пообещал не раньше чем через месяц. Дома Чихорию-младшего ждут жена-армянка и двухлетняя дочь. Им почти нечего есть. Семья дезертира нагрузила сына и его командира в дорогу продуктами, но Георгий постеснялся брать что-либо съестное домой, пользовался гостинцами только в пути.

После командировки старшему лейтенанту Чихории дали день отдыха, и вот он – у родителей, в старой трёхкомнатной квартире посреди Владикавказа, продрогшего от ранних холодов осени. Георгий рассказывает о своих делах скупно, подбирая слова, стараясь не расстроить мать. Мать вздыхает, всё-таки расстраивается и, шаркая тапочками на сухоньких ногах, идёт на кухню разогревать в духовке крупный речной песок из буйного Терека. Раскалённый песок она сыплет в холщовый мешочек и прикладывает к мужниной болячке. Грузное тело полковника Иллариона Чихории вздрагивает от ожога, он чёрным огненным глазом стреляет в супругу:

– Надя, осторожнее – печёт!

– Ларик, потерпи, иначе месяц проваляешься тут! Неужели нравится ходить на четвереньках?

Иллариону Чихории не нравится ходить на четвереньках и не нравится болеть. Он чувствует себя в полной зависимости от своей обычно послушной, воспитанной в кавказских традициях жены. Жена начинает командовать им, муж-грузин начинает страдать.

Но это полбеды. К страданиям морально-физическим добавились ещё и морально-политические. По высочайшему приказу военное училище, где он преподаёт тактику и где учился его сын, закрывают и расформируют.

– Такая учебно-материальная база! – с мягким грузинским акцентом говорит Чихория-старший. – Единственное у нас училище, где более-менее прилично готовили пехотных офицеров к действиям в горах! И всё это – под нож! О чём они там, в Москве, думают? Разве так можно? Что, войн в горах больше никогда не будет?! Этот Кавказ – как пороховая бочка. Тут больше сотни народов и национальностей. И каждый нож за пазухой держит, норвит соседа зарезать и себе что-нибудь урвать.

Чихория-младший слушает молча, вздыхает и выходит на лестницу покурить.

Ему обидно за училище, за армию и за страну, но не так, как отцу. Георгий надел погоны в смутное перестроечное время и более привычен к военной неразберихе и головотяпству последних лет. Чихория-старший со своими устоявшимися житейскими принципами болезненно воспринимает новости. Он впервые не знает, как прокормить семью: училищу, как и мотострелковому полку, где служит сын, уже третий месяц не дают денежного довольствия.

– Генерал Соколов из своего кабинета почти не выходит, на утреннем разводе боится офицерам в глаза смотреть, – Илларион

Чихория качает крупной головой, когда-то укрытой жесткими чёрными кудрями, а теперь серой от седины. Вот невезучий генерал! Командовал дивизией в Грозном – начался в прошлом году этот чеченский мятеж, сумасшедший Дудаев неизвестно откуда появился и неизвестно что затеял. В другие времена только дай приказ – разнесли бы к чёртовой матери этот Грозный вместе с бандитами. А так – целую дивизию растащили, фактически – разгромили... Сколько оружия там оставили – ужас!

Жена Иллариона, шаркая тапочками, уходит на кухню готовить чай. Ей страшно слушать разговоры про оружие и мятеж. Женское сердце чувствует войну.

– И что, разве Соколов в этом виноват?! – продолжает Чихория-старший, глядя в стену перед собой и морщась от глупого песка на поясице. – Только назначили его начальником училища – опять беда!.. Я сокращения не боюсь: пенсию, слава Богу, заслужил. Но ведь жалко, обидно – такое училище, такой преподавательский состав разогнать – разве это не вредительство?! Эх, нету Сталина! Иосиф Виссарионович быстро бы порядок навёл.

Чихория-старший кряхтит и утыкается взглядом в картину на стене – подарок сослуживцев к юбилею их свадьбы с Надеей: Святой Георгий в серебряном кафтане на белом коне летит над кавказскими холмами и пронзает серую мглу горящими очами.

Сын слушает отца, молчит и думает о генерале Соколове, придавленном обломками страны. «В другие времена Соколов, наверное, застрелился бы», – предполагает он.

За окном темнеет. В комнате включают свет. Чихории-младшему пора возвращаться к жене и дочери. Он накормлен, мать даёт ему немного денег, жареных котлет и пару банок с консервированными помидорами и огурцами. Из комнаты выходит проститься с братом сестрёнка, влюблённая в одноклассника. У неё в серых (от матери) глазах – девичий густой туман. Её мало волнуют безденежье в семье, смута в стране и растерянность в армии.

II.

На улице моросит дождь. Георгий Чихория направляется домой. На маршрутном автобусе он доезжает до окраины Владикавказа и шагает к военному городку, где живёт и служит. Идти ему километра два. Справа и слева от дороги – пустырь, поросший кустарником. Этот отрезок пути офицеры называют «мёртвой зоной», потому что здесь уже не ходит городской транспорт. Считается, что военный городок – это автономный посёлок, а совсем не Владикавказ. Георгий шагает по растерзанному шоссе. Под его ногами шуршит выбитый из асфальта щебень. В правой руке Чихория несёт матерчатую сумку с провизией.

Он идёт из Владикавказа, как Наполеон из Москвы. За его спиной занимается пожар междоусобной войны. Чихория этого не знает. Георгий прокручивает в памяти разговор с отцом, думает о деньгах и представляет, как жена Майя сейчас нажарит картошки и они, несмотря на все сложности бытия, весело съедят её с котлетами и солёными помидорами. Холодный октябрьский ветер треплет полу его офицерской шинели. Над головой Георгия, в чернильной вышине, ползут грязные матрацы облаков. Они закрывают луну и звёзды. Моросит дождь.

Чихория из-за темноты и увлеченности своими мыслями не видит притаившихся в придорожном кустарнике молодых людей. Им от пятнадцати до восемнадцати лет. Их шестеро. Они из соседнего посёлка, населённого преимущественно ингушами. Все следят за Георгием и даже во тьме узнают в нём офицера. У Чихории резкая отмашка левой рукой и четкий строевой шаг. Щебень ритмично шуршит под его ногами.

Шестеро юнцов вырываются из укрытия и атакуют ночного пешехода. Они набрасываются на него молча, как голодные волки в зимней степи. Чихория, услышав топот дюжины молодых ног, едва успевает обернуться и поставить на обочину авоську с продуктами, чтобы отбить первый удар. Но ударов много. Георгий сначала не чувствует боли, отмахивается руками и ногами. Жёсткая шинель, как железная труба, сковывает его движения. Чихорию окружают, бьют сзади. У Георгия вспыхивают перед глазами звёзды. Он падает. Его месят ногами и топчут. Тело его безжизненно вздрагивает от ударов.

– Шакал! – устало и зло говорит кто-то из юнцов и сплевывает на поверженного в грязь офицера густым кровавым плевком.

Вслед за ним по очереди сплевывают на Чихорию все нападавшие, затем подходят к авоське, пинают её ногами, слышат звон, достают банки и бьют их об асфальт. Завершив свою трудную работу, юные победители растворяются в темноте.

Чихория долго лежит без сознания. Потом выныривает из обморока. Прислушивается к голосам своего измочаленного тела. Это гул гибнущего Вавилона. «Подъём!» – лениво командует себе Георгий и начинает медленно, по частям, сгруппировывать свой рассыпанный организм, словно детский конструктор. Встаёт, пошатываясь. Ищет сбитую в бою фуражку. Натякается на разбитые хрустящие осколки стекла и раздавленные грязными молодыми копытами котлеты. Скрипит зубами. Кровь начинает бурлить в его помятом теле. Взгляд мутнеет от наплывших слёз. Находит фуражку, липкую от грязи. Оглядывается вокруг, пытаясь определить, где находится и куда идти дальше, и медленно, с kloкочущим сердцем под заплеванной шинелью хромает к военному городку, который тускло светится впереди. Внутри Георгия разливается желчь мести.

Чихория бредёт в медицинский батальон. Солдат на контрольно-пропускном пункте долгим взглядом провожает измазанного грязью и кровью офицера, не спросив документы и цель прибытия. Дежурная молоденькая медсестра вскакивает из-за стола:

– Божечки, что с вами?! Подождите минуточку, я сейчас врача позову, – и вылетает в коридор. Георгий стоит посреди кабинета, стараясь расстегнуть пуговицы шинели непослушными разбитыми руками. Они трясутся, искромсанная кожа всплывает. У Чихории горит лицо, огонь злобы бушует в голове, обиды сдавливают горло. Он ищет зеркало и находит его за спиной, возле двери.

Своё отражение не кажется ему таким жутким, как он предполагал после удивлённых взглядов солдата с КПП и дежурной медсестры. Конечно, шинель и фуражка безнадежно грязные. Ссадины на щеках и скулах, засохшая кровь под носом, опухшая верхняя губа... Завтра всё это будет выглядеть страшнее.

Георгий обнажает зубы. Зубы, красивые и белые, пока не выдают привычку хозяина к курению. Чихория без страха открывает ими бутылки. Но внутренняя часть одного коренного зуба откололась от удара, и язык теперь цепляется за острый край скола.

Тонкий, с горбинкой, унаследованный от отца грузинский нос чуть сдвинут со своей оси. Георгий ощупывает двумя пальцами хрящи. Похрустывает. Ясно – сломали. Но, в общем, лицо не изуродовано. Все раны в конце концов сойдут. А что нос кривой – так с лица воду не пить. И без кривизны нос выдавал национальное происхождение своего хозяина. «Чего стыдиться? – думает Чихория. – Кривой нос, как и шрамы, украшают мужчину...».

– Ну, где тут раненый? – с шумом распахнув дверь, в приёмный покой врывается дежурный врач в белом халате, а ним – медсестра.

Георгий оборачивается. Коренастый, с широкими азиатскими скулами и сросшимися бровями, врач оглядывает Чихорию с головы до ног.

– Что случилось? – он держит руки в карманах халата.

– Из города возвращался. Пацаны лет семнадцать, с ингушского посёлка, толпой налетели. Недалеко отсюда – в «мёртвой зоне».

– Просто так, ни за что?

– Просто так.

– Вот сволочи. Пора этих ингушских сопляков стрелять. Как считаешь?..

Георгий молчит. Злоба и обида есть, но стрелять Чихории не хочется. Эти пацаны одинаковы и у ингушей, и у осетин, и у русских, думает он.

– Раздевайся, и в процедурную! – приказывает врач и поворачивается к сестре:

– Помоги ему.

Георгий снимает шинель. Левой рукой двигать больно, в боку что-то колет, он осторожничает.

– У Вас тут кровь и проволока торчит какая-то, – девушка трогает пальцами продырявленную ткань. – Раздевайтесь полностью до пояса...

– Заострённая велосипедная спица, – врач говорит резко и громко. – Видно, воткнули сзади, прокололи шинель и китель, мышцу спины пробили, а затем вытащить не смогли и сломали. Или ты сам крутанулся в момент удара и сломал. Может быть заражение, – кисти у врача волосатые, пальцы короткие и сильные.

По коже Георгия бегут мурашки. Сидеть голому до пояса в процедурной холодно. Октябрь заканчивается, но отопительный сезон ещё не начался.

– Могли убить, сволочи. Я этих ингушат знаю ещё по Казахстану, – декларирует врач. – Такой спицей человека запросто насквозь можно прошить. Моя бы воля, ввёл бы вооружённое патрулирование и разрешил бы расстреливать на месте таких гадов.

Как считаешь?

Георгий молчит, щупая языком острый край разбитого зуба. Он думает подговорить офицеров и устроить засаду на обидчиков. Лучше брать их «на

живца»: кто-то один гуляет в «мёртвой зоне» и вызывает огонь на себя. А затем, когда нарисуются ингушские дьяволята, появится и «летучий офицерский отряд». Дело верное.

– Ты уже четвёртый за эту неделю, – продолжает говорить врач. – Налетают толпой и бьют просто так: то ли для забавы, то ли чтоб унижить офицера. При этом ничего не забирают – ни денег, ни документов. Может, оружие хотят заполучить?.. У тебя всё в целости? Проверял?

– Проверял, – Георгий поёживается. – Ничего не взяли. Жалко только сумку с продуктами. Родители кое-какую провизию передали.

А то жить не на что. Не платят третий месяц.

– Никому не платят. Сам лапу сосу второй месяц. Пора забастовку устраивать. Как считаешь? – спрашивает, не требуя ответа, решительный врач.

Георгий молчит.

– Сейчас потерпи, я дренаж раны сделаю. Будет больно, – командует медик.

Георгий сжимает зубы, глубоко втягивает в себя прохладный воздух, аж густой от запаха медикаментов, и невольно вздрагивает от боли, будто в него втыкают раскалённый штырь...

– Ну, всё. Свободен, – врач выбрасывает в мусорное ведро использованный тампон. – Сейчас зайди к Вале, к дежурной, она запишет всё, что нужно.

– Я Вам шинель немножко почистила, – говорит медсестра.

Георгий благодарит и одевается, медленно и осторожно из-за боли в боку. Медсестра аккуратно, детским почерком, записывает в журнал его данные, вычитывая их из удостоверения личности, и повторяет вслух, чтоб Георгий поправил, если будет неточность.

– Так... Поступил 30 октября 1992 года, в 23.00... Старший лейтенант Чихория Георгий Илларионович, 1968 года рождения, командир взвода войсковой части, – и начинает листать удостоверение в поисках номера. Георгий называет пять цифр, подходит к зеркалу и оценивающе оглядывает себя – стройного чернобрового офицера с измазанным йодом побитым лицом. «Ну, вот, – думает, – теперь можно и домой идти. Не так сильно Майя с дочкой перепугаются. А то ввалился бы в квартиру окровавленный»...

– Сестра, а Вы мне какую-нибудь бумагу дадите, чтоб освобождение от службы хоть ненадолго. А то мне завтра на «подъём» к шести утра... Ну, и чтоб не подумали, будто у меня «асфальтная болезнь» или по пьяному делу в драку ввязался. Рожа-то вся расписана.

– Какую-нибудь бумажку? – задумывается девушка.

– Вы же знаете, как у нас бывает. Без бумажки – ты букашка, а с бумажкой – человек.

– Ну, сейчас с дежурным врачом что-нибудь придумаем. Хотя всё равно ваше командование узнает. Мы о таких случаях сразу докладываем. Так что сильно не переживайте.

– Ладно, тогда спасибо! Спокойного дежурства!

– И дай Вам Бог здоровья! Больше не ввязывайтесь никуда.

Сразу убегайте. А то стыдитесь в форме при офицерских погонах убежать, вот и получаете.

Георгий молчит, хотя собирался что-то ответить, и выходит на улицу, где на КПП дежурный солдат чихает от простуды, звякая штык-ножом.

Чихория идёт к своему ротному командиру – старшему лейтенанту Иванченко, чтобы доложить о происшествии и отпроситься со службы на несколько дней – раны зализать. Вечно взлохмаченный Сашка Иванченко с сигаретой в зубах слушает рассказ Георгия на лестничной площадке, морщится, глядя на лицо своего взводного, и кивает. Русые волосы его торчат в разные стороны.

– Нужно проучить этих сук, – цедит он слова вместе с сигаретным дымом. – Может быть, и на “живца” стоит попробовать...

Чихория бредёт домой, размышляя, стал бы он стрелять в этих сопливых ингушей, если бы они попались ему на прицел, или нет.

Вряд ли, думает Георгий, но носы начистил бы. Злоба его ещё не испарилась из побитого тела.

Майя, открыв дверь и увидев кривой нос и побуревшие раны на лице мужа, закрывает ладонью рот, чтоб не вырвался крик.

III.

Под утро, в темноте, Георгий просыпается от странных звуков – сухого потрескивания, словно где-то далеко стреляют.

Прислушивается, но в роту к «подъёму» не идёт. Лежит в постели с открытыми глазами и вспоминает вчерашнюю драку. Сердце его вздувается от пробуждающейся злости.

– Шакалы! – вырывается у него шёпотом.

– Что? – вскидывает заспанное бледное лицо Майя.

– Спи! Это я так, про себя.

Ворочаются оба и затихают. В углу на своей кровати сопит двухлетняя Тамара. Из-под одеяла торчит её розовая ладошка... Доспать семейству Чихория не даёт перепуганный посыльный.

– Вас вызывают, товарищ старший лейтенант!

– Я же вчера предупредил ротного?! – возмущённо удивляется Георгий.

– Там «тревога», весь полк «на ушах», в городе и посёлках стреляют, – задыхается от волнения и бега солдат и вытирает со лба пот.

Чихория идёт одеваться и про себя ругается... На общеполковой развод он опаздывает. Втихаря пробирается к строю своей роты и втирается на место рядом с ротным – таршим лейтенантом Иванченко.

– Что случилось? – шепчет Чихория.

Сашка поворачивает к Георгию широко распахнутые глаза:

– Слушай! – и кивает взлохмаченной головой, прикрытой линялой офицерской кепкой, в сторону командира полка, стоящего посреди плаца. За спиной командира шеренга его заместителей и начальник штаба. Среди них – подполковник Чахкиев – ингуш – заместитель комполка по тылу.

Над военным городком ползут сердитые тучи, грозясь дождём.

– ...Ингушские экстремисты в течение ночи и сегодняшнего утра под лозунгом борьбы за создание Ингушской республики предприняли попытку вооружённого захвата Владикавказа и некоторых сёл и посёлков республики. Есть человеческие жертвы, – командир делает паузу, и суховатое потрескивание

отдалённых выстрелов становится слышнее.

– Местные органы внутренних дел пытаются контролировать ситуацию. На окраинах Владикавказа и во многих населённых пунктах Пригородного района идут бои с ингушскими боевиками...

Голос у командира глухой, но полк стоит, не шелохнувшись, и каждое слово прочно оседает в молодых похолодевших головах. Все смотрят на мертвенно бледного Чахкиева, уважаемого за порядочность и деловитость.

– Руководство Северной Осетии обратилось за помощью к правительству России и к Министерству обороны. Нами получен приказ: немедленно взять под охрану важные народнохозяйственные и административные объекты города и республики...

Опять пауза. Командир опускает голову, делает три шага вдоль строя и возвращается на прежнюю точку, вместе со всеми слушая эхо далёкой автоматной очереди.

– ...Я получил указание командира дивизии усилить караулы и выставить охрану у жилого городка для защиты семей военнослужащих – ваших жён и детей, товарищи офицеры!

Чихория смотрит на Иванченко. У того играют желваки и пульсирует висок.

– .Всех отозвать из отпусков и увольнений! В город никому не выезжать, включая членов семей! Каждому подразделению будет поставлена боевая задача по охране и обороне народнохозяйственных или военных объектов...

Опять пауза. Холодный ветер треплет полу шинели командира полка. Заместитель по тылу Чахкиев стоит за его спиной с опущенной головой.

– ...Разрешено применять оружие на поражение. Но... подчеркиваю: только в случае непосредственной опасности для жизни личного состава либо угрозы захвата или разрушения вверенного для охраны объекта. Желательно, конечно, избежать излишнего кровопролития...

Чихория сжимает кулаки, сердце его под жёсткой шинелью распухает и уже не помещается в груди. Комполка продолжает свою речь глухим голосом, перебивая отдалённую пальбу.

– ...По приказу командира дивизии тем подразделениям, которые будут охранять отдалённые от полка объекты, придаются военные врачи из медицинского батальона. Командирам всех степеней обеспечить личный состав, убывающий на эти объекты, сухим пайком на трое суток, максимумом боеприпасов и средствами связи...

На крышу казармы падает шальная пуля. Трескается лист шифера. Командир полка удивлённо смотрит в раздувшееся от воды небо. Нет, это ещё не дождь и не град, – понимает он.

– Разойдись! – кричит. – Комбатам и командирам отдельных рот зайти в штаб полка!

– Это война, Саня, – тихо говорит Георгий, обращаясь к Иванченко.

– Хрен его знает, – ротный поворачивает остекленевшие глаза.

– Саня, Дудаев поддержит ингушей, – Чихория хватает своего командира за руки. – Тут будет полная жопа огурцов!

– Жора, – Иванченко вздыхает, – я думаю, кому-то нужно, чтоб в драку ввязался Дудаев и появился повод для похода на Грозный.

Чихория цепенеет. Ротный выступает перед топчущимися в нерешительности и испуге солдатами и командует идти в казарму.

Георгий на ходу достаёт из кармана сигареты. Никто не обращает внимания на его разбитое лицо. Смотрят на крышу казармы, куда упала шальная уставшая пуля.

IV.

Толстомордый «Урал» с высокими бортами без тента ползёт по разбитой дороге и пукает от натуги. В кузове сидят шесть солдат в грязных ватных куртках. Среди них – Рамазанов, которого недавно после побега вернул в часть Чихория. Солдаты молчат, дрожа от волнения и воюя в душе со своим страхом. В кабине между водителем и Георгием сидит капитан Джаканов – медик, пользовавший Чихорию вчера вечером после драки. В узких азиатских глазах капитана бегают испуганные мышки зрачков.

– У вас что, даже бронетранспортёров нету? Как можно на грузовиках воевать? – перекикивая рев «Урала», спрашивает медик.

– Нету, – отвечает Георгий. – У нас в дивизии почти все мотострелковые батальоны – на «Уралах». Есть, правда, некоторые подразделения на БМП и БТР, но в основном – грузовики.

– Кошмар какой-то! Как считаешь? Конец двадцатого века, а у нас – в одной из самых мощных армий мира – бронетехники нет. Хорошо хоть, что не на телегах едем, – капитан старается перевести эмоции страха в возмущение.

– Если и дальше так будут снабжать горючим, как сейчас, то скоро станем ездить и на телегах, – с кривой улыбкой говорит Чихория. – А ты не знал, что у нас по штату «Уралы»?

– Откуда? Я в медицинской академии изучал штатную структуру полка только на базе боевых машин пехоты и бронетранспортёров.

Никому и в голову не приходило, что где-то их нет, – перекикивает гул мотора капитан.

– А здесь давно служишь? – втягивается в разговор Чихория.

– Сколько б ни служил – что я знаю в своем медбате, кроме побитых морд, грибка на ногах и вывихнутых конечностей? Иногда, правда, аппендициты ещё бывают... В любом случае, у больных не спрашиваю, на чём они на учения ездят – на телегах или на БМП.

– Что ж ты хочешь? Этот Северо-Кавказский военный округ лет пятьдесят называли санаторно-курортным. Так аббревиатуру расшифровывали – СКВО. Здесь самое «страшное» вооружение было.

Говорят, Т-34 только недавно заменили. Никто не думал, что округ может стать приграничным, а тем более воюющим.

Капитан испуганно глядит на Чихорию:

– Ты думаешь, он уже воюющий? Так считаешь?

– А ты решил, что воевать можно только с каким-нибудь иноземным супостатом типа американцев, немцев или турок и обязательно ядерными ракетами?

Капитан нервно закуривает и поглядывает на водителя, который не может сдержать улыбки, слушая разговор офицеров.

– Ты быстрее не можешь ехать? – злится на солдата Джаканов.

– Ползёшь, как черепаха!

Чихория улыбается и поворачивается к боковому окну. Машина едет мимо притихших дачных посёлков. Холодный ветер качает голые ветки спящих деревьев и тряпки на гнилых оградах.

– Вон она, подстанция, – говорит медик, вглядываясь вперёд.

– А если её уже заняли боевики? Как считаешь?

Чихория внутренне напрягается.

– Отбивать будем, – говорит резко, замораживая капитана холодом грядущего...

Четыре работника подстанции с охотничьими ружьями выходят на дорогу. К капитану обращается седовласый:

– Спасибо, что приехали. Давно вас ждём! Утром здесь была машина без номеров, «жигулёнок». Мы её отогнали...

Медик кивает на Чихорию:

– Он старший группы. Я всего лишь врач.

Седовласый с удивлением разглядывает молодого офицера с побитым лицом и наполняется недоверием.

– Несмотря на низшее звание, команду тут я, – говорит Георгий и трогает пальцами сдвинутый с места нос.

– Не обижайтесь, – продолжает седовласый, – но к вечеру пойдём домой. У нас семьи. Завтра кто-нибудь из наших обязательно будет. В каптёрке кое-какие продукты, поешьте, если проголодаетесь...

Чихория обходит огороженную сеткой-рабицей подстанцию. С одной стороны к ней прилепилась незаконченная пристройка в два этажа с ещё не вставленными окнами и дверями.

– Тут и будем располагаться, – показывает рукой Георгий на пристройку. – Она повыше старого здания и стеклов нет.

Джаканов внимательно следит за Чихорией, нервно курит и всё время поправляет тяжёлую сумку с медицинским реквизитом, перекинутую через плечо.

Георгий строит солдат и внимательно смотрит всем в глаза. У дезертира Рамазанова затравленный взгляд. Остальные тоже боятся, но хорохорятся.

– Трое – на крышу: пулемётчик, снайпер и ты, Козлов. Я, капитан и вы двое – на втором этаже. На виду не торчать, с оружием обращаться осторожно, а то друг друга с испугу перестреляете. Смотреть в оба: нападение может быть с любой стороны и в любую минуту. Водитель и Рамазанов – отдыхающая смена, находитесь в старом здании. Вопросы есть?

– Пожрать бы, – говорит плечистый сержант с пулемётом.

– Кушать по двое в подсобке старого здания. Там можно консервы разогреть и чай приготовить, да и вообще отогреться. Но на крыше чтобы как минимум два человека всё время оставалось. А ты, – обращается к водителю, – машину загони в пределы ограды. Мало ли что...

Поднимаются по засыпанной строительным мусором лестнице на второй этаж пристройки, затем на крышу. Обзор отсюда хороший. Внизу расстилается огромный пустырь, поросший голым кустарником. Вдали сквозь жидкую поросль просвечивает дорога.

– Если будут атаковать, то оттуда, – Чихория показывает на дорогу и пустырь. – Со стороны города вряд ли пойдут...

Капитан-медик до конца не верит в серьёзность происходящего и с тоской поглядывает на Георгия.

– Вот тут тебе и представится возможность пострелять в ингушей, – с иронией говорит ему Чихория, помня о решительных речах Джаканова в медбате, когда тот обрабатывал ему раны после драки.

– Ты не смейся, – мнетя капитан и опускает свои азиатские глаза. – Я в Казахстане вырос, в маленьком посёлке. Рядом село было – жили ингуши и чеченцы, высланные из этих краев. Так все угоны автомобилей и даже велосипедов – их рук дело. Все драки на дискотеках они затевали. Скот угоняли у чабанов. Причём налетают кучей на одного и бьют, грабят. К ним даже милиция боялась ездить на разборки.

– Ну, вот тут им и отомстишь за нанесённые тебе в молодости обиды, – вздыхает Чихория, закуривает и с крыши спускается на второй этаж.

– Радиостанцию здесь установи! – приказывает солдату. – Аккумуляторы в порядке? Проверял?

– Вроде пашут. Щас проверю.

– Странный ты человек, – качает головой врач и поправляет сумку на плече. – У самого нос под глазом, а говоришь так, будто сочувствуешь ингушам. Так считать?

– Да разве дело в ингушах? – Георгий наваливается грудью на подоконник, сплевывает с высоты второго этажа и следит за полётом слюны. – Все люди одинаковы. Есть плохие, есть хорошие. Я так думаю, вся эта каша заварилась, чтобы Дудаева выманить из берлоги и втянуть в войну. Так сказать, одним махом покончить со всей этой националистической смутой.

Это была мысль Иванченко. Но Чихория с ней согласился и усвоил.

– Что-то я сомневаюсь, – приваливается плечом к неоштукатуренной стене врач. – Кому сейчас серьёзная война нужна? И так в стране бардак. А потом, разве можно здесь что-нибудь разобрать, в этом многонациональном хаосе? Как считаешь?

Георгий молчит, щупая языком разрушенный зуб.

– Знаешь легенду о вавилонской башне? – спрашивает Джаканов.

– Задумали люди когда-то построить башню, чтоб до небес была и до Бога доставала. Высокую построили. Но Бог рассердился, что с ним люди хотят уравниваться, и смешал их языки. Тогда строители перестали понимать друг друга, перессорились, начались междоусобицы. В общем, башня рухнула и передала многих строителей.

– Это ты на социализм намекаешь и «мудрую ленинскую национальную политику»? – поднимает побитое лицо Георгий.

– Ни на что я не намекаю. Просто говорю, что этот Кавказ – как развалившаяся вавилонская башня. Всё тут намешано – и народы, и языки, и вера, и экономические интересы. Никто тут не разберётся так, чтоб все остались довольны. Только сила способна держать всех в узде. А силы у России пока нет. Или уже нет. В своё время ещё можно было что-то сделать, но момент упустили. Как считаешь?

– И теперь нас будут бить по морде, – иронично поддерживает его тон Георгий. – Как вот меня, а мы будем кровавыми соплями утираться.

– Да я же тебе поэтому и говорил ещё вчера, что такие выпады надо душить в зародыше. Не грех вначале двух-трех расстрелять, чтобы потом две-три тысячи не умирали от национальной резни. Как считаешь?

– Ну, вот тебе и карты в руки! – Чихория щупает свой грузинский нос. – Сейчас постреляешь и предотвратишь большую кавказскую войну.

– Надо будет – постреляю, – огрызается капитан и поправляет сумку с красным крестом.

– Ну, а я пойду огневые позиции проверю и людей проинструктирую, пока ты будешь к стрельбе готовиться, – и показывает капитану спину с болтающимся на ней автоматом.

В углу солдат копошится возле радиостанции. Джаканов снимает с плеча сумку и ковыряется в ней, ничего не видя перед собой и не зная, что делать. Начинается дождь. Противный осенний дождь.

– Товарищ старший лейтенант, промокнем же насквозь здесь на крыше, – ноет плечистый сержант. – Может, мы спустимся на второй этаж, пересидим? А чуть что – мы, как штык, наверху.

– Ладно, – поеживается от холода Чихория и, ещё раз оглянув местность, спускается вниз вместе с солдатами.

– Ну-ка, выйди на связь с «Сосной»! – говорит радисту. – Я начальству доложу, что мы к отражению «супостата» готовы.

Джаканов вздрагивает от слов Чихории и поворачивает степное свое лицо к оконному проёму, где вуаль дождя затемняет мир. Солдаты садятся у стен на корточках.

V.

Сырая осенняя ночь наваливается на подстанцию и съедает паутинку проводов над пустырём.

– Курить только на втором этаже, где-нибудь в закутке! – инструктирует Чихория солдат. – На крыше и в окнах – чтоб ни одного огонька! А то нас тут в момент вычислят!

Все пялятся на влажный мрак и изредка переговариваются шёпотом. Долго ничего не происходит, и тревога в душах убаюкивается. Далеко за пустырём дырявят темноту огоньки фар, доносится урчание двигателя, и снова тишина и ночная темень.

– И что, мы тут трое суток сидеть будем? Как считаешь? – не выдерживает скуки медик.

– Сколько надо, столько и будем сидеть, – вздыхает Чихория, прислушиваясь к вспыхнувшей где-то далеко перестрелке.

Он смотрит на светящиеся стрелки своих командирских часов, меняет караул. Из старого здания подстанции приходит Рамазанов с напарником, а двое солдат – автоматчик со второго этажа и Козлов с крыши – уходят в каптёрку погреться и поспать.

– А мы с тобой спать вообще, что ли, не будем? – интересуется капитан.

– Я буду дежурить, сколько смогу. А ты иди отдыхай, – говорит, зевая и по-

ёживаясь, Чихория. – Когда станет немого, я тебя разбужу. Сменишь меня. Кто-то из офицеров постоянно должен быть здесь.

Ветер шумит в мокром кустарнике. Слышны осторожные шаги медика на тёмной лестнице. И совсем пока не слышен полёт пули из снайперской винтовки. Хлопок выстрела ударяет в уши уже после того, как свинцовый плевок попадает чуть ниже сигареты, закуренной водителем на крыше в нарушение приказа Чихории.

– Товарищ старший лейтенант! – орёт растерянный сержант. – Савчука в шею ранило!

Георгий бежит на крышу и подползает к солдату. Водитель сучит ногами, в его горле булькает кровь, в окостеневших губах продолжает дымить сигарета.

– Я же вам говорил – не курить, придурки! – зло шепчет Георгий. – Смотрите в оба, откуда бьёт, гасите его, суку!

Он тащит раненого вниз, на второй этаж, как мешок с картошкой.

– Капитан, где ты? Помоги! – зовёт Чихория, надрываясь от тяжести и спотыкаясь в темноте.

Водитель хрипит. Георгий укладывает его возле стены, выглядывает в окно и снова зовёт:

– Джаканов, где ты?

Над головой Чихории пролетает пуля и чмокается с бетонной стеной.

– Ух, блин! – удивляется Георгий и приседает. – Огонь! Что вы все, попримерзали?!

Солдаты клацают оружейными предохранителями и затворами и, не глядя, выпускают по пустырю сумасшедшую свинцовую свору.

– Прекратить! – орёт после долгого грохота Чихория, испугавшись перерасхода патронов, и осторожно выглядывает в окно.

Ни зги не видать. Он выставляет свой автомат с ночным прицелом и всматривается через окуляр в зелёную светящуюся муть.

– Стреляют только те, у кого ночные прицелы! – командует Георгий.

Под стеной клокочет горлом водитель.

– Джаканов, бл...дь! – орёт Чихория и, не дождавсь ответа, командует: – Рамазанов, найди капитана и приведи сюда!

Рамазанов отрывается от стены и направляется к лестнице. Две пули – от короткой автоматной очереди и снайперской винтовки – хлопаются в его сырую ватную куртку. Солдат с грохотом падает и царапает судорожными руками цементный пол. На крыше сержант включает свой пулемёт, заглушая стон Рамазанова и мат Чихории.

Георгий ползёт к солдату и ощупывает его ватник. Ладонь вляпывается в кровавое болото.

– Живой, земляк? Живой? – шепчет взводный.

– Больно, – скрежещет зубами Рамазанов.

– Где же эта падла Джаканов? – шипит Георгий и ползёт к лестнице.

Капитан сидит на корточках в углу площадки между вторым и первым этажами, обхватив голову руками. Чихория натывается на него в темноте.

– Ты что, ранен? – спрашивает Чихория, чувствуя, как дрожит Джаканов.

– Да. Нет, – задыхаясь, отвечает медик.

– Да или нет?! – Георгий начинает понимать, что капитан не мог быть ранен – пули сюда не долетают. Взводного бьёт ток злости.

– Вставай, сука! Там люди без тебя подышают! – кричит Чихория и пинает, пинает, пинает сапогами окаменевшее, скрюченное страхом тело Джаканова.

– Не могу! – истерично шепчет капитан, – Не могу! Не могу!

– Вставай, падаль! – месит его ногами Георгий. – Вставай!

На лестнице внизу слышны шаги. Это из подсобки прорвалась отдыхавшая смена. Чихория останавливается, перестаёт бить медика, забирает его сумку и идёт к раненым. С крыши пустырь поливает огнём пулеметчик. Изредка хлопает снайперская винтовка.

Георгий расставляет прибывших на подмогу солдат у окон и на карачках ползёт к раненым. Что делать с пробитой шеей, он не знает и просто переворачивает водителя лицом вниз, чтоб не захлебнулся кровью. На Рамазанове разрывает куртку и затыкает сочащиеся дырки в груди кусками бинта и ваты.

– Потерпи, братан! – шепчет взводный. – Я к тебе в Дагестан ещё на свадьбу приеду.

– Больно! – надрывно стонет солдат и копает ногтями бетонный пол.

С пустыря с шипением взлетает осветительная ракета, повисает над подстанцией, и тут же по стенам пристройки цокают пули. По полу ползёт прямоугольник света от окна. Подбородок водителя стоит в чёрной лужице крови. У Рамазанова сверкают оскаленные молодые зубы.

– Не высовываться! – кричит Георгий и направляется к лестнице, на крышу.

– Сколько их там, засёк? – спрашивает у сержанта, чувствуя, что лёг в лужу и вода подбирается к телу.

– Трое, – отвечает пулемётчик, не отрываясь от ночного прицела. – Снайпер вон там, за деревом, автоматчик – вон там, в прогалине, и ещё один где-то тут недалеко ракету пустил. Но наверняка уже сменил позицию.

– Ну, это ещё не все, – размышляет вслух Георгий. – Ещё может сидеть без звука кто-нибудь, чтоб прикрывать их отход и перемещения. Да и на случай нашей контратаки, если решим прочесывать.

– А мы что, будем пустырь чесать? – удивлённо смотрит на командира сержант, пытаясь поймать его взгляд, но взводный не отлипает от окуляра своего «ночника».

– Нет, ничего чесать мы не будем, – успокаивает пулемётчика Георгий и ползёт к снайперу на другой конец крыши.

– Откуда они взялись? – не может прийти в себя солдат.

– На машине, видать, подъехали. Помнишь, фары светились пару часов назад? – говорит Чихория.

– Долго они нас, гады, выпасали, – вздыхает снайпер.

– Профессионалы. Наверняка воевали в Абхазии. Слишком уж грамотно работают. И стреляют – не то что вы, замудонцы, – вздыхает Георгий и вспоминает о раненых. – Учили вас, учили...

– Что учили?! – шёпотом возмущается снайпер. – Лично я полгода то боксы для техники строю, то казарму ремонтирую. Винтовку в руках пятый раз в жизни держу!

– Ладно! – обрывает жалобы взводный. – Держишь, вот и держи! Твоё

дело хоть приблизительно в цель стрелять. Ты хоть их видишь?

– Двоих видел.

– Не попал, конечно? – скорее утверждает, чем спрашивает Георгий.

– Попадёшь тут...

– Ладно, хоть наблюдение веда хорошо. У нас на всех только три ночных прицепа. Один у тебя. Гордись и отработай!

– Понятно. Как там наш раненый?

– Раненых уже двое. Рамазанов две пули в грудь схлопотал, – вздыхает Чихория. – Боюсь, не выживет...

– Ё-мое! – отрывается от «ночника» снайпер.

– И врач, собака, в шоке! – взводный кривится и сплевывает.

– Как в шоке? – не понимает солдат.

– В шоке – как в жопе! – не сдерживается Георгий и слушает отдалённую перестрелку: где-то возле города воюют.

– Дай-ка мне винтовку, попробую достать хоть одного гада, – подвигается к солдату Георгий.

Долго всматривается в безжизненные кусты, ждёт, что качнётся ветка или шевельнётся ствол оружия. Но всё мертво. Лишь эхо далёкой пальбы да тяжёлое дыхание солдата рядом тревожат ухо Чихории – напоминают, что мир вне зелёного прицельного круга живёт и дышит.

У Георгия начинает слезиться глаз. Взводный готов уже отдать винтовку снайперу, но час его настает. Он замечает движение. Это взмахи чьей-то руки. Чихория прицеливается в то место, где к руке должно быть приделано тело врага. Он плавно нажимает на спусковой крючок, и приклад сильно толкает его в плечо отдачей выстрела. Георгий старается высмотреть результаты своего огня, но бетонную стену над ним начинают грызть пули автоматной очереди из кустарника. Свинцовая стайка пролетает над ним, вздыбливая лёгким сквознячком волосы на голове. Чихория прижимается к сырому бетону и лежит в раздумье: «Попал, не попал?»

Тёмное влажное небо испаривает осветительная ракета. Шипит и пенится в вышине, мертвенным светом озаряя сверкающую лужами крышу. Два автомата из кустарника поливают пристройку подстанции. Солдаты прижимаются к стенам, как к женщинам, отдавая холодному бетону тепло своих дрожащих тел.

– Сволочи! – шепчет Чихория врагу и ползёт к дыре, ведущей на второй этаж, где захлебываются кровью его подчинённые.

Ракета умирает в чёрной пасти неба. Автоматы в кустах

умолкают. Взводный в темноте окликает радиста.

– Дай мне «Сосну»! Доложить нужно.

Радист ковыряется в углу возле своего железного ящика, чтоб растормозить начальство радиоволной.

– «Сосна»? – Георгий старается говорить потише, чтоб не слышали атакующие, но внятно, чтоб разобрал абонент. – Докладывает «Третий». Заняли объект в назначенный срок. Час назад подверглись нападению неизвестной вооружённой группы. У них снайперская винтовка и два автомата. Другие огневые средства пока себя не обнаруживали. Держим оборону. Объект под

нашим контролем. У нас двое раненых. Оба тяжело. Один в шею, другой в грудь. Нужна срочная эвакуация...

Чихория прижимает к голове наушник, «Сосна» спрашивает, нельзя ли оказать помощь раненым на месте, ведь со взводом находится профессиональный врач. Взводный мнётся, не зная, что ответить. Душа не пускает рассказать правду про медика. «Стучать» на Джаканова Георгий не хочет.

– От него мало проку, – говорит он «Сосне». – Ранения очень тяжёлые...

«Сосна», поразмыслив секунду-другую, отвечает, что сейчас послать за ранеными некого, пусть врач делает всё возможное. «Продержитесь до утра».

– Есть продержаться до утра! – сдерживая эмоции, говорит Георгий и бросает микрофон с наушником на пол.

– Больно! – ворочает жерновами челюстей Рамазанов, кроша свои красивые зубы. – Больно!

Взводный на карачках ползёт через всю комнату, мимо измученного страданиями Рамазанова, к лестнице. Добравшись до окаменевшего капитана-медика, толкает его скрюченное от шока тело.

– Джаканов, браток, я тебя умоляю – помоги ребятам! Помрут.

Джаканов всхлипывает.

– Я тебя понимаю, – Георгий садится рядом с ним на корточки.

– У меня тоже жена и дети, родители старые и больные в городе. Даже не знаю, что с ними. Но я же не расплавился, держусь. А бойцы тем более.

Чихория закуривает.

– Я никому не скажу, что ты испугался. Дело житейское, с кем не бывает. Но мужики ведь к утру дойдут, кровью истекут. Нам с тобой отвечать. Приедут их родители, как мы с тобой будем в глаза матерям смотреть? Они же нас разорвут от горя. А?

Георгий замолкает, прислушивается к стонам Рамазанова и шёпоту солдат у амбразур. Стрельбы нет.

– Дай курнуть, – поднимает голову Джаканов, забыв, что у самого есть в кармане курево.

Чихория суёт в его трясущуюся руку недокуренный бычок. Капитан затягивается шкворчащей сигаретой, и Георгий видит его мокрое лицо с запущенными глазами.

– Пойдём, дорогой! – берёт под руку капитана и тащит. – Поднимайся! Соберись! Ребята тебя ждут, надеются...

Джаканов распрямляет заржавевшие ноги, хрустя суставами, и идёт за взводным, цепко держа в кулаке мокрый край его бушлата...

Пока медик возится возле раненых, включается за пустырём движок «жигуля». Георгий старается высмотреть свет фар. Но машина, захлопав дверцами, уходит вдаль без огней. Урчание мотора растворяется в треске далёкой перестрелки...

– Посветите мне! – просит медик, и Чихория начинает жечь спички над восковыми перекошенными лицами раненых солдат.

Мелкий дождь шуршит на крыше, заставляя пулемётчика и снайпера дрожать от холода. Но стальные их тела не тронуты пулями.

Солдаты понимают это и не жалуются. Впереди длинная дождливая ночь.

Раненых перетаскивают в подсобку старого здания, и Джаканов при электрическом свете до утра колдует над ними, пачкаясь чужой кровью.

Чихория до рассвета бегаёт со своего поста к врачу, интересуясь состоянием солдат.

– Джаканов, родной, не дай мужикам помереть! Я тебя в задницу поцелую, если выживут, – говорит он уже забывшему страх медику и снова уходит в пристройку...

Утром ещё моросит, когда на смену Чихории и его людям приезжает на грузовике лейтенант Сергей Невестин со своим куцым вторым взводом.

У Невестина – красивое молодое лицо и полный юношеского боевого азарта взгляд. Он видит, как в кузов грузят раненых солдат, и бледнеет.

– Живы?

– Живы, слава Богу и врачу, – говорит Георгий и трёт усталые, красные глаза.

– Обслуживающий персонал подстанции есть? – спрашивает Невестин.

– Пока нет. Возможно, и не будет. Но там всё на автоматике работает.

Георгий рассказывает Сергею о ночном бое и учит, как правильно обороняться.

Оба офицера бродят по пустырю в поисках следов нападавших. Находят пустые гильзы и кусок окровавленного бинта. Они видят кровь врага. Георгий понимает, что это итог его выстрела из снайперской винтовки. Он радуется своей меткости. Он впервые в жизни пролил чужую кровь. В бою. Георгий не думает об этом долго и остро. Он устал...

VI.

В кузов «Урала» лезут продрогшие за ночь солдаты взвода Чихории с почерневшим от стрельбы оружием. Джаканов направляется к кабине, берётся за ручку дверцы, но Невестин окликает его:

– Товарищ капитан, вам просили передать приказ – оставаться здесь с нашим взводом!

Врач поворачивает к офицерам удивлённое лицо, вздыхает и опускает плечи. Он долго смотрит себе под ноги. Затем достаёт из кармана авторучку и блокнот, вырывает оттуда лист и садится на подножку машины, пристроившись писать.

Чихория и Невестин наблюдают за ним молча.

– Георгий! – зовёт взводного Джаканов. – Эту бумажку передашь вместе с ранеными нашим ребятам в медбате. Здесь написано, что я им делал, и перечислены препараты, в которых я сейчас нуждаюсь. Пусть передадут мне при первой же возможности... Мало ли что тут ещё будет.

Чихория берёт листик и обнимает врача, прижавшись своим побитым, заросшим щетиной лицом к гладкой азиатской щеке капитана.

– Джаканов, спасибо тебе! – голос Георгия дрожит. – Я всем расскажу, какой ты молодец.

– Да ладно! – вздыхает медик. – Извини, что я сдрейфил вначале.

Он поворачивается к Невестину, делает к нему пару шагов и протягивает руку:

– Ну что, будем знакомиться? Я Джаканов, из медбата...

Чихория садится за руль, хлопает дверцей и запускает двигатель. Водитель с перевязанной шеей лежит в кузове, смотрит в сочащееся влагой небо и на-

чинает засыпать. В его раскрытый рот падают мелкие капельки дождя...

Чихория рулит к медбату. В кузове раненые, уставшие от боли, стонут в беспамятстве. Чёрный дым пожаров стелется над крышами посёлков. Воют и скулят во дворах недобитые собаки. Георгий не слышит этого звериного плача. «Урал» с запотевшим от дождинок лобовым стеклом глушит своим рёвом всё живое. Только автоматная трескотня царапает слух. Возле КПП своей части он притормаживает. Перед воротами огромная толпа осетин – мужчин и женщин – с горящими глазами. Они машут кулаками и требуют оружия. Заплаканные, онемевшие дети сидят у матерей на руках, сгорбившись от рёва людей. Осатаневший от диалога с народом майор Савинов, заместитель командира полка по воспитательной работе, стоит на горбатой спине бронетранспортёра и, воздев руки к простуженному небу, хрипит:

– Братья и сестры! Мы не можем вам дать оружие!.. Мы сделаем всё возможное, чтобы защитить вас и ваших детей от ингушских экстремистов!.. Наши офицеры и солдаты...

Объяснения его тонут в гуле. Две сотни распахнутых тёмных ртов обстреливают Савинова. Высохшая, как мёртвое дерево, женщина в чёрном платке взбирается к нему по борту бронетранспортёра. Чихория прищипывает своего железного коня и едет в медбат...

– Старлей, золотой мой! – говорит Георгию хирург с воспалёнными от бессонной ночи глазами. – Что я с ними буду делать?! У нас ни врачей нет, ни места в палатах. Операционная загружена под завязку. Гони своих ребят сразу в гарнизонный госпиталь!

Он становится на колесо и заглядывает в кузов. Продрогшие солдаты сидят на скамейках, держа над ранеными тяжёлое от небесной влаги фиолетовое одеяло, конфискованное на подстанции.

– У тебя тут места полно. Возьми ещё несколько человек! Я распоряджусь, чтоб раненых сюда загрузили.

– Я не имею права... – начал было Чихория, но вспоминает, что через толпу у ворот в полк всё равно не прорваться. – Ладно. Несите людей сюда!

– Мы мигом, – врач, пошатываясь от усталости, идёт в хирургический корпус.

Выезжая из военного городка, Георгий оглядывается на свой дом. Он на окраине. Возле подъезда стоит танк с закрытыми люками. Окна в доме целы. Чихория облегчённо вздыхает.

«Урал» мчит по шоссе, прижимаясь к обочине. Навстречу с дымом и свистом летят боевые машины пехоты, кроша гусеницами зыбкий асфальт.

– Господи! Что тут творится? – говорит он новому пассажиру – молодому русоголовому прапорщику из медбата, сопровождающему раненых.

– Кударцы, – отвечает с печальными глазами сосед, выдыхая едкий дым «Примы». – Вы не гоните так, товарищ старший лейтенант, не дрова везёте...

– Какие еще кударцы? – удивляется Чихория, сбавляя скорость.

– Кударцы – южные осетины. Ополчение из Цхинвала. За два с половиной часа через перевалы пришли. Опытные боевики. С грузинами воевали, – и косится на грузинский нос Георгия.

– Звездежь! Не может быть, – качает головой Чихория. – Это же почти двести километров, да через гору, да на гусеницах!..

– Мало того, они шли ночью, – прапорщик выбрасывает окурок в окно.

– Тем более звездежь, – сомневается Чихория. – Ты же военный человек: должен понимать, что такого быть не может.

– Почему купил – по том и продаю... Не верите – как хотите. Но они уже вчера утром тут были. Сутки воюют... А вы что, ничего не знаете?

– Я подстанцию охранял. Не в курсе.

– Ясно... Так вот, говорят, кударцы и наши десантники ингушей из города выбили. Теперь в посёлках бои идут.

– А десантники откуда взялись?

– Ясно, откуда – с неба... А вам кто облицовку отрихтовал? – спрашивает прапорщик, рассматривая побитое лицо офицера.

– «Враги народа», – без долгих объяснений отвечает Георгий.

– Понятно, – сосед отворачивается, чтобы спрятать улыбку.

Из госпиталя Чихория едет к родителям по затаившемуся городу. Только бронетранспортёры да грузовики с вооружёнными людьми шныряют по вымершим улицам. Сырой воздух тяжёл от дыма пожарищ – горят ингушские дома. Сердце Георгия бухтит от волнения...

Двое солдат и прапорщиков из медбата остаются сторожить разгорячённый беготнёй «Урал». Остальные поднимаются со своим взводным в квартиру. Они молча наблюдают, как мать при виде измочаленного лица сына мужественно сдерживает крик и не падает в обморок. Она ведёт солдат на кухню, кормит их домашними пирогами и ставит чайник.

Георгий, не раздеваясь, усаживается рядом с постелью скошенного радикулитом отца. Мать, обеспечив работой голодные солдатские рты, приходит слушать сына. Светлана подпирает стену уже сформировавшимися женскими плечами и смотрит на брата. В школе отменены занятия, и она скучает по мальчику-кударцу. Но сейчас любовь отодвигается на второй план. Она вместе с родителями слушает, как ингуши расписали лицо Георгию и воткнули в бок спицу. Чихория-младший рассказывает, что сторожил подстанцию, но о ночном бое не говорит. Рассказ его короток и скуп на прилагательные и ругательства. Тем не менее, мать плачет выцветшими глазами и сморкается. Отец насмерть душит подушку сильными руками и мотает головой. Светлана поднимает покатые плечи и слабеет в коленках.

– Боже, какие сволочи! – вздыхает мать. – Кто бы мог подумать! Десятилетия жили в мире и согласии. И вот, пожалуйста... – В ночь с 30 на 31 октября (когда ты ушёл от нас домой) почти все ингуши, живущие во Владикавказе, покинули свои дома и квартиры, – говорит Чихория-старший. – Видно, акция была тщательно спланирована... На здании университета сидели снайперы. Еле выкурили оттуда...

– Гарик, что тут вчера творилось! – вступает в разговор мать. – Ингуши стреляли, как на охоте. Женщины, дети, старые люди... Кто на мушку попался, в того и били. Рассказывают про одного ингуша: тридцать лет прожил в дружбе с соседями- осетинами, вместе водку пили, праздники отмечали, дома строить друг другу помогали, а утром 31-го числа пришёл с винтовкой и всю семью осетин, с которой тридцать лет дружил, в заложники увёл. Вот какая подлость. Тридцать лет злобу таил!..

Георгий слушает и медленно закипает. Кровь в нём начинает бурлить. На кухне солдаты чавкают и сгребают нехитрую снедь, позабыв о национальных распрях.

– Наши ребята с кафедры ко мне вчера вечером заходили, – включаетея Илларион Чихория. – Говорят, Москва среагировала мгновенно. В Моздоке высадилась дивизия внутренних войск, в Беслане – десантники... Как вмазали этим бандитам – летели вверх тормашками из города, как шведы под Полтавой... А местные власти растерялись. Если бы не кударцы – ополчение из Южной Осетии – и несколько здешних отрядов самообороны, ингуши бы город взяли. Это как пить дать. Не знаю, что бы тогда было...

– Гарик, ингуши беременным женщинам животы вспарывали и неродившихся детей выбрасывали. Огрубленные головы осетин на заборы вешали. Ужас, что творилось! – причитает мать.

– Правда, говорят, русских не трогали. Утром 31 октября в посёлках люди проснулись, а у них на воротах мелом написано: «русские». Эти дворы не грабили, жильцов не убивали и в заложники не брали, – вносит новую ноту в разговор полковник Чихория. – То есть ингуши работали по чёткому плану. Это не стихия. Тут другое...

Георгий вскакивает со стула и начинает ходить взад-вперёд по комнате, держа двумя пальцами сдвинутый со своей оси нос.

– И что интересно: чуть ли не в один день все ингуши с ближнего, дальнего зарубежья, из Сибири, Дальнего Востока съехались. Руслан Аушев уже в Назрани сидит... – говорит Чихория- старший. – Десантники колонной в один посёлок входят, а по ним из гранатометов как влупят! Две машины сожгли, майор-комбат, пара младших офицеров, десяток солдат погибли. Генералу Чиндарову (он десанниками командует) когда об этом доложили, он Аушеву позвонил и сказал: если хоть один выстрел с ингушской стороны ещё будет, то его десантники сметут с лица земли весь населённый пункт, откуда будет вестись прицельный огонь.

– А кударцы какие молодцы!... – встревает Светлана. Семья смотрит на неё. Семья понимает, откуда ветер дует. А ветер дует от влюблённости в одноклассника-кударца. Светлана краснеет под взглядами трёх пар глаз и опускает голову.

– Кто молодец, – включаетея Илларион Чихория, – так это наши курсанты. Как они грамотно построили оборону к югу от города! Конечно, руководил полковник Зайченко. Даже ни одного раненого на нашей стороне! Зато боевиков накрошили, как салата на свадьбу... И такое училище разгонять собираются... Преступники!...

–А Дудаев как на всё это реагирует? – подаёт, наконец, голос Георгий.

– А что Дудаев... Пока неизвестно, – вздыхает отец. – Наш генерал Соколов, говорят, тоже по этому поводу переживает. Обиду на Джохара держит.

– Может, эта резня специально кем-то спровоцирована, чтоб выманить Дудаева из Грозного, втянуть в военную разборку и затем ввести войска в Чечню? – спрашивает Георгий, остановившись посреди комнаты.

Отец с трудом поворачивает к нему заросшее серой щетиной лицо. Мать поднимает на сына выцветшие заплаканные глаза. Сестра передергивает молодыми плечами. Солдаты, написавшись чаю с пирогами, хотят курить, но не хотят уходить из тёплой кухни, насыщенной вкусными запахами.

– Не знаю, сынок. Такие времена, что не разберёшь хитрости от глупости, а подлость от добра... Вот смотри: приняли в Москве закон о реабилитации репрессированных при Сталине народов (вроде бы хорошее дело сделали), а что началось!.. Это же надо, чтоб одни народы полностью реабилитировать, другие народы надо с земли сгонять и дома отнимать. Кто ж на это пойдёт? Получается, что этим законом только спровоцировали национальные распри... Разборки в Чечне, вооружённое выступление ингушей и прочее – это всё следствие или чьей-то подлости, или глупости. А простым людям, в том числе и армии, теперь приходится страдать. Ведь кому-то нужно гасить эти пожары... Вон, глянь в окно – сколько дыма! Ингушские дома горят. А в посёлках что творится вокруг города?!

– Сынок, – сжимает сухие руки мать. – Мы всей правды не знаем и, может, не узнаем никогда. Поменьше думай об этом, поменьше разговоры разговаривай. Лишь бы эта война в большую не переросла. А ты старайся ни на кого зла не держать: ни на ингушей, ни на чеченцев. Ещё неизвестно – кто прав, кто виноват, по какой причине эта резня началась. И ингушам досталось на свою долю мук, что и говорить...

– Ну, как же не злиться, мама?! – вспыхивает Георгий. – Морду всю и мне, и другим офицерам расписали под Хохлому, за что – я их, что ли, выселял полвека назад? Спицу в бок сунули, чуть не убили – за что?! И потом, сколько можно обиды копить. У всех народов было горе, но никто ведь не озлобился так, как ингуши и чеченцы? Это уже, видно, такая национальная черта у них...

– Гарик! – хрустит костяшками пальцев мать. – Какая ещё национальная черта! Не говори об этом, прошу! У тебя отец грузин, мать русская, жена армянка, у сестры кавалер – кударец... Тебе грех про какие-то национальные черты говорить!..

Бандиты – они у всех народов бандиты. Время просто сейчас такое

– бандитское...

– Я никогда не думал о том, что у меня жена – армянка, – задумывается Георгий. – То есть я знал, что она армянка, но всерьёз, как сейчас, не думал... Слава Богу, мы с Арменией не воюем...

– А ещё лучше, что не воюем с Грузией, – вставляет отец.

Повисает молчание. Георгий вскидывается:

– Кстати, как там Майины родители?

– Нормально. Живы-здоровы. Мы созванивались, – отвечает мать. – Жалко, что у тебя нет телефона. Как было бы хорошо. А то сидим здесь, переживаем... Как Майя, как дочка? Ты не сказал.

– Не знаю, не успел домой зайти.

– Как это не успел? – вскидывает белесые брови мать, а отец поднимает от подушки голову.

Георгий молчит. Он не хочет говорить о раненых, о спешке. Рассказать – означает признаться родителям, что для него война уже началась, что он уже пролил чью-то кровь.

Выходят солдаты из кухни, благодарят хозяев за угощение.

– Да, ребята, смените там охрану, – спохватывается Георгий, – пусть тоже чаю попьют и перекусят.

Чихория-младший смотрит на картину художника-осетина. Святой Георгий в серебряном кафтане на белом жеребце летит над зелёными холмами Кавказа, пронзая серую мглу огненными очами. Чихория-младший любит эту картину. Сослуживцы отца подарили её родителям на юбилей свадьбы.

– Не могу я, мам, теперь равнодушно думать и говорить об ингушах, – говорит Георгий, подавляя в себе желание рассказать о ночном бое и двух тяжело раненых солдатах. – И потом, ты же сама говорила, какие зверства и подлости они творили.

– Мало ли что я говорила, – вздыхает мать. – А как подумаю, что каждый народ сейчас свои обиды начнёт лелеять и воевать с соседями за «справедливость» – страшно становится. Как бы хуже не было...

Хлопает дверь. Входят два солдата, охранявшие «Урал». Переминаются с ноги на ногу в грязных сапогах. Мать семенит на кухню кормить их и гремит посудой.

– Гарик! – кричит сыну. – Иди тоже перекусить с ребятами! А то не вши национальные вопросы решать – последнее дело.

Георгий прислушивается к урчанию в пустом животе и ещё раз вскидывает взгляд на картину. Ему кажется, что Святой Георгий летит на своём коне карать ингушских бандитов. Чихория-младший начинает гордиться, что отстоял ночью подстанцию, а главное – не раскололся на хвастовство родителям. Он идёт на кухню, где его солдаты, не поднимая глаз на своего взводного, молотят пироги и обжигаются чаем. Георгий садится за стол и протягивает руку к тарелке. Замечает, что пальцы в засохшей крови – испачкался, когда таскал раненых. Он вскакивает и бросается к раковине – смыть. Мать не понимает нервозности сына и осаживает его:

– Гарик, не суетись. Чего ты нервничаешь?

Георгий смотрит на руки солдат. Они тоже не вымыты. Но мать не обращает внимания: думает – обычная грязь...

Чихория-старший отправляет дочку в свою комнату, ждёт несколько минут и зовёт к себе сына. Георгий с полным ртом подходит к постели. Мать суетится на кухне.

– Сынок, – тихо говорит отец. – Не сегодня-завтра будет ввод войск в Чечню...

Георгий перестаёт жевать и стоит с полуоткрытым ртом.

– Ребята наши из училища сказали, – продолжает полковник, глядя сыну в чёрные распахнутые глаза, – что армия будет отрезать от Чечни районы, преимущественно населённые ингушами, для создания Ингушской республики... Смотри там, осторожнее.

Неизвестно, как среагирует Дудаев. Возможна война...

Георгий на ватных ногах возвращается на кухню и садится за стол. Есть больше не может. Ему хочется рассказать отцу всё: про ночной бой, про Джаканова, про раненых, про то, что война для него уже началась... «Только разволнуются старики», – понимает Чихория-младший и поэтому молчит.

– Живее, мужики! – сердито подгоняет солдат. – И так засиделись тут.

У солдат изо рта летят крошки. «Как дети», – думает Георгий. «Как дети», – думает мать.

– Да куда же вы летите?! – она прижимает руки к высохшей груди и морщит лицо, готовясь заплакать. – Побудьте хоть часок! Когда же я тебя, Гарик, ещё увижу?!

– Всё, мам, пора, – и Георгий идёт прощаться с роднёй. Солдаты бухают сапогами, спускаясь по лестнице. Георгий чмокает мать в мокрую щёку и бежит следом.

Холодный, сизый от пожаров ветер гонит по улице янтарные листья и гудящую машину скорой помощи. Улучшения погоды не предвидится, и дым не поднимается в небо, а ползёт по дворам и сочится в кабину «Урала», где старший лейтенант Чихория давит ногой на «газ» и нервно курит. Ему, видно, мало дыма горящего Отечества...

У военного городка стоит врытая в землю боевая машина пехоты, по обе стороны от неё – окопы. Над брустверами, как черепахи, двигаются солдатские каски. Где-то под ними – замурзанные солдатские лица. Георгий представляет себе выражение глаз.

Он проскакивает на «Урале» мимо блокпоста и тормозит у своего дома, спрятав машину за танк, у подъезда. Окна в доме целы, значит, танк не сделал ни одного выстрела. Чихория взлетает на свой этаж и стучит в дверь...

Пока Майя висит на его шее и дрожит от плача, Георгий смотрит на чемоданы, выставленные в коридор.

– Ты куда собралась? – спрашивает, наконец, у жены, чуть успокоившейся.

– Ну, как же? А вдруг эвакуация... Городок обстреливали.

– Что-то я не заметил, – удивляется Георгий.

– В наш дом не попало, а в соседнем, который ближе к посёлку, у многих стёкла побило. Правда, все живы, но сейчас холодно, и жильцы по соседям разбрелись. Да и вообще женщины с детьми кучкуются у кого-нибудь в квартире и сидят скопом по пять-шесть семей, чтоб не страшно. Мужиков ведь нет.

– Как дочка? – спрашивает Георгий, всё ещё стоя в коридоре.

– Спит. Что ей? Каша наелась, куклу под голову, и сопит в две дырки. Ты почему не проходишь?

– Майя, некогда. Я и так уже полдня мотаюсь, ещё в полку не был. Чувствую, фитилей в задницу получу...

– Где мотаешься? – Майя вытирает глаза кулачками.

– Раненых возил, – неосторожно признаётся Георгий.

– Каких раненых? – замирает жена. Её настежь открытые большие глаза сверкают влагой.

– Ну, в общем, зацепило там пару солдат...

– Ой, Гарик, я боюсь! – всхлипывает Майя и опять повисает на шее мужа.

– Только не канючь, пожалуйста! Всё будет нормально, – раздражается Георгий. – Я был в городе, у своих стариков. Они сказали, что с твоими созванивались. Тебе привет. У них всё хорошо...

Он стоит в обнимку с Майей несколько секунд и, похлопав жену по худенькой спине, говорит:

– Значит, так. Я в полку. К окнам не подходи – вдруг какая-нибудь пуля дура! За Тамаркой смотри! Я побежал, – и стучит сапогами по ступеням.

– А поесть?! – кричит в распахнутую дверь Майя.

– Я поел дома! – доносится с лестницы.

– Дома... – повторяет тихо Майя. – А я где? – и закрывает дверь.

VII.

Всклокоченный Сашка Иванченко в оружейной комнате копошится над патронными ящиками.

– Наконец-то! – вскидывает он лохматую голову, увидев Чихорию и его солдат. – Где ты лазишь? Мы уже тут подумали, что вы в плену или «пали смертью храбрых».

– Раненых в госпиталь возил, – оправдывается перед ротным Георгий.

– Оружие всё на месте? – наседает Иванченко.

– Всё.

– Кто ранен? – доходит, наконец, до Сашки.

– Рамазанов и водитель.

– От блин! Этот Рамазанов!.. – сердится Иванченко.

– У него серьёзное ранение – две пули в грудь. Как бы концы не отдал, – объясняет Чихория.

– Только этого не хватало. Пол-Дагестана родни с кинжалами

съедется на разборки. – Сашка устало садится на ящик с патронами. –

Ставьте оружие в пирамиды! – командует столпившимся у дверей солдатам.

– Какая тут обстановка? – переводит стрелки разговора Георгий.

– Обстановка военного психоза! Не знаешь, какая обстановка! – бурчит ротный. – Без конца звонки, построения и совещания...

– А кого ж тут строить, если все на охране объектов? – удивляется Чихория.

– Во-первых, не все. А во-вторых, к вечеру весь полк будет в сборе.

– А взвод Невестина? Он же на подстанции! – поднимает брови Георгий.

– Кончилась охрана объектов. Всех наших меняют внутренние войска и милиция. Взвод Невестина и все прочие скоро будут тут.

Короче, общий, а затем – «труба трубит, откинут полог и где-то слышен сабель звон...»

– Не понял, – опять вскидывает брови Чихория.

– Щас поймёшь, – Сашка показывает глазами на солдат, бряцающих автоматами у шкафов. – Так! – привлекает ротный к себе внимание подчинённых.

– Всем привести себя в порядок и приготовиться к построению на обед! Сразу после обеда – чистка оружия в течение получаса. Затем – все на отрывку окопов! Понятно?!

– Понятно! – гудят солдаты и вытекают из оружейной комнаты.

– Короче, – вполголоса говорит Иванченко, когда ружейка пустеет. – Как я тебе и говорил, идём на Чечню.

– Когда? – не удивляется Георгий и трогает двумя пальцами свой дрейфующий грузинский нос.

– А хрен его знает! Дана команда – ждать команду, а пока будем окопы рыть вокруг городка, – Сашка вздыхает и лезет в карман за сигаретами. – Это жопа, – задумчиво добавляет он.

– Никакая не жопа, – тоже достает сигареты Чихория. – В принципе, это правильно. С этим чечено-ингушским кодлом надо кончать. Иначе никогда покоя не будет, – и смотрит сквозь стену вдаль, где Святой Георгий летит на белом коне карать врагов...

После обеда, выгнув к плачущим тучам горбы мокрых спин, солдаты машут

лопатами. Замешанная с камнями глинистая земля чавкает под сапогами. Траншеи, как черви, ползут вдоль границы военного городка. Сквозь чёрные деревья виден посёлок, где живут в основном ингуши. Над деревьями кружит вороньё. Птицы мечутся в сером воздухе, оглушённые стрельбой. Сизый дым липнет к их крыльям. В посёлке режут моторы, захлебываются лаем собаки, грохочут взрывы гранат и трещат автоматные очереди. Чихория смотрит сквозь чёрные деревья, раздутые осенними ветрами. Он угадывает, что творится в посёлке. Там творится нечто страшное. Георгий хочет побывать там, но приказано рыть окопы и никуда не вмешиваться.

Взвод лейтенанта Невестина, заменённый внутренними войсками, вернулся с подстанции, и Сергей стоит рядом с Георгием, следя за мечущимися в небе воронами. Его солдаты тоже роют окопы.

– Там какой-то ужас, – говорит бледный Невестин.

Чихория вздыхает и пытается распутать шевелящийся клубок сомнений. Клубок ворочается внутри тела и бережит нутро. Невестин с юным красивым лицом смотрит на посёлок, напрягая слух. Солдаты машут лопатами. На брустверы окопов тяжело падают мокрые комья земли.

– Там кто-то идёт, – говорит Сергей.

– Где? – поднимает голову Георгий.

– Вон там, – показывает рукой Невестин.

Сквозь чёрные деревья видны люди. Их человек десять. Они быстро приближаются. Вскоре их уже можно различить. Это женщины и дети. Они почти бегут, иногда оглядываются назад. Детвора держится за юбки матерей, чтоб не отстать. Чихория и Невестин замечают, что за первой группой идёт другая, а дальше и третья. Издали они выглядят, как раздробленная колонна похоронной процессии.

Солдаты перестают копать и, опершись на черенки лопат, смотрят на приближающихся людей. Оба офицера стоят на вырощем бруствере окопов и напрягаются. Сжимаются какие-то пружины внутри их тел. Все молчат, глядя, как накатывается на окопы угрюмая, безмолвная, тёмная волна людей.

К остолбеневшему Невестину подбегает женщина без возраста в чёрном платье и с младенцем на руках, закутанным в синее грязное одеяльце. Она резко бросает куль со своим ребёнком на грудь офицеру. Невестин невольно подхватывает на руки сверток и, выкатив глаза, смотрит в перекошенное злобой лицо матери.

– Держи! – кричит женщина, брызгая слюной в окаменевшего от неожиданности офицера. – Вы, русские, этого хотели и вы это получили!

Посиневшие губы её пляшут. Оскаленный рот сверкает золотыми фиксами. Она показывает нервной рукой на дымящийся посёлок и кричит в лицо Невестину.

– Это не осетины убили моего сына! Это вы, гяуры, русские свиньи, его убили! Без вас бы этой резни не было! Без вас ни один осетин не вошел бы в дом ингуша! Вот теперь и держи подарок от ингушского народа!

Женщина снизу вверх тычет кулаком в посеревшие губы Невестина. Она не может его ударить: мешает куль с ребенком и расстояние до лица офицера – тот стоит на высоком бруствере и почти на голову возвышается над разъярённой матерью. Но тычки выводят Сергея из равновесия. Он поскальзывается на мокрой глине и падает на спину – в окоп. Чтобы не разбиться, инстинктивно разжимает руки и роняет свёрток с малышом.

Вскрикивает женщина. Глухой стон прокатывается в толпе её соплеменников. Бросаются солдаты на помощь. Невестин копошится в окопе, лихорадочно заворачивая в развернувшееся одеяльца не издавшего ни единого звука синего ребёнка. Он не понимает, что ребенок мёртв. Чихория это понимает. Он в оцепенении наблюдает всю сцену, не зная, что делать.

Остервеневшая мать кидается в траншею и вырывает из рук офицера своё мёртвое дитя. Они прижимает его к груди и сползает спиной по стенке окопа вниз. Плечи её вздрагивают от рыданий.

Невестин поворачивает остекленевшие глаза к притихшим ингушам.

– Вы её простите! – подходит к Чихории пожилая женщина. – Она с ума сошла от горя. Мужа убили, дом сожгли, а дитя в дыму задохнулось.

Георгий смотрит в слезящиеся глаза ингушки и спускается с бруствера ей навстречу.

– Я вижу, вы не русский, – голос у женщины начинает дрожать, она закидывает руку назад и выводит из-за спины девочку лет пяти, одетую только в лёгкое платьице. – Вы нас поймёте... Нас там убивают. наших мужей, детей, дочерей! – голос её ломается и из горла рвётся сдавленный крик. – Спасите нас! Спасите детей наших! Они же ни в чём не виноваты!

Девочка, не выпуская из окаменевших кулачков длинную и просторную бабушкину юбку, дрожит и смотрит на Чихорию совершенно сухими большими глазами. Личико её старо, как людское горе. Георгий не может оторвать взгляда от этого повзрослевшего детского лица и начинает снимать с себя ватную куртку.

– Укройся! – говорят он ребёнку, шарахнувшемуся к бабушкиной ноге.

И только после этого поднимается над окопами бабий вой и плач.

– Давай, беги за Иванченко, за замполитом!.. Кого из начальства увидишь – всех сюда! – кричит солдату оглохший, придавленный чужой бедой Чихория и начинает шарить по карманам в поисках курева, забыв, что сигареты – в куртке на окончевших плечиках ингушской девочки...

Близится вечер. Мелкий осенний дождь сыплет на непокрытую голову ребёнка, студит загоревшее красивое лицо Невестина, летит в распахнутые в крике и плаче рты спасшихся ингушей, на измазанную глиной сгорбленную над мёртвым сыном спину женщины в окопе...

– Братья и сёстры! – рипит в гудящую толпу ингушей «замполит» полка майор Савинов, как хрипел с утра на другой стороне военного городка в толпу осетин. – Мы уважаем ингушский народ! Мы вас не дадим в обиду! Вы всё будете эвакуированы на наш полигон, под охрану воинов Российской армии! Никто вас там не тронет! Но вести полк в бой на ваш посёлок мы не имеем права. Борьба с бандитами возложена на милицию и внутренние войска!..

Над головами сбившихся в кучу людей взлетает гул недовольства. Проклятия милиции и осетинам повисают в сыром воздухе.

– У армии другие задачи! Наш полк, как и другие армейские части, тоже получил приказ! – задыхается в крике высохший от забот Савинов. – Мы должны этот приказ выполнить и потому не сможем защищать ваш посёлок от бандитов!.. Сейчас подъедут наши машины! Вы погрузитесь в кузова и поедете на полигон! Там будет крыша над головой, там вас и покормят из полевых кухонь! Это – всё, что мы можем для вас сделать!..

Взломаченный Иванченко, измученный совещаниями и подготовкой к маршу на Чечню, курит со своими офицерами в стороне. Пожилая ингушка с выбившейся из-под платка серой прядью волос подходит к ротному и цепляется за его руку. Пятилетняя внучка, укрытая бушлатом Чихории, по-прежнему держится за юбку бабушки и смотрит большими чёрными глазами на изуродованное лицо Георгия.

– Товарищи офицеры! – всхлипывает ингушка. – Я знаю: ваше начальство может не разрешить вам это сделать, но умоляю – сходите в посёлок и принесите нашим детям одежду и еду!

– Мы не сможем, мы не успеем, – бурчит Иванченко и вырывает свою руку.

– Офицер! Ты не русский, ты меня поймешь, – кидается к Чихории и припадает к нему ингушка. – Мы достанем денег, мы после заплатим! – Она сползает по телу Георгия и опускается на колени в замешанное ногами сырое тесто земли. – Спасите, кого сможете! Там раненые есть, дети, старые люди!

– Я русский, – отвечает Чихория. – Но я вас понимаю.

Встаньте!

– Входите в любой ингушский дом, – стонет ингушка. – Никто вас не осудит. В любой дом входите: там все соседи – русские и осетины – наших людей в подвалах прячут от бандюг и кударцев. Выведите ингушей, а то их всех поубивают! – захлебывается старуха. – На коленьях прошу: спасите ингушей, спасите наших детей! Принесите хотя бы одежду и еду тем, кто оттуда вырвался!

Чихория поднимает женщину. Она качается от горя на ослабевших ногах.

– Не волнуйтесь. Сделаем, что сможем, – и смотрит на одетую в его бушлат девочку.

Иванченко рядом скрипит зубами и поглядывает на кричащего майора Савинова, осунувшегося за сутки до неизвестности.

До полуночи Чихория с солдатами, кланяясь пулям, бродит по чужим дворам, где одуревшие псы таскают в зубах кишки из развороченных человеческих тел. Взвод ищет по подвалам посёлка укрывшихся ингушей и выводит их в полк. Из дымящихся, пропахших гарью домов взвод таскает одеяла, куртки и еду. Вой собак и свист свинца сопровождают Георгия и его подчинённых. Чужие слёзы и стенания, чужие кровь и проклятия сопровождают солдат. Измученные спасательной работой, до тошноты нагнавевшись трупов, только глухой ночью добиваются они до казармы, где ошалелый от предвоенного психоза Иванченко готовит роту к маршу на Чечню – отрезать от неё куски кукурузных полей и бывшие казачьи станицы для создания Ингушской республики.

VIII.

Невыспавшиеся, с красными глазами и щетиной на лицах, со смятием в душах выступают наутро в путь солдаты и офицеры.

Колонна машин петляет по изнасилованной дороге. На перекрёстках её встречают и провожают посты военных и полувоенных людей в затасканных бронезилетах: внутренние войска, десантники, милиция, «народное ополчение»... Разбитое шоссе перегорожено железобетонными блоками. Грязные бронетранспортёры и боевые машины пехоты на обочинах покоятся в ямах, замшеленных как окопы для техники. Костры дымятся под откосами. Шелудивые бродячие псы роются в пустых консервных банках.

В головной машине едет командир роты старший лейтенант Сашка Иванченко. Он держит на коленях заряженный автомат и готов к любым неожиданностям. Запруженная местными жителями дорога за Назранью не становится неожиданностью. Толстомордый «Урал» мягко, как в масло, въезжает в скопище людей и тормозит.

– Оккупанты, убирайтесь в свою Россию! – кричат ингуши и чеченцы высунувшемуся из окна Иванченке.

– Не пустим! – орут юноши с озорными глазами.

Чихория сидит в кабине второй машины и наблюдает за кипящей толпой. По грузовикам с солдатами летят первые камни.

– Разойдись! – орёт Иванченко, открывает дверцу машины и клацает предохранителем автомата.

К ротному подскакивает шустрый мужичонка с горящими быстрыми глазками.

– Люди! Посмотрите: они же все пьяные вдрызг! Посмотрите! – суетится возле грязных сапог Иванченки мужичок, скалится и поправляет свою каракулеву шапку.

И тут Чихория замечает в толпе видеокамеру. Оператор целится объективом в Сашку, налившего злой кровью свои и без того красные от недосыпа глаза. Иванченко замахивается автоматом на провокатора, но Георгий вылетает из кабины и орёт над головами гудящей толпы:

– Саня! Видеокамера! Снимают!

Иванченко поворачивает свирепое лицо к Чихории, долго соображает, но через секунду-другую всё-таки въезжает в смысл сказанного, ищет глазами видеокамеру и, глубоко дыша, успокаивает себя. Он кладёт автомат в кабину и орёт, перекрывая галдёж человеческой запыленной на дороге.

– Уважаемые ингуши, чеченцы и люди других национальностей! Это колонна Российской армии! Мы не оккупанты и не бандиты, – кричит Иванченко. – Мы движемся по территории России к административной границе будущей Ингушской республики, в создании которой вы должны быть заинтересованы!..

Гомон толпы понемногу утихает. «Чистый комиссар», – ухмыляется про себя Чихория, наблюдая за ротным командиром, который «толкает речь» в расчёте на видеокамеру и надеясь, что не все у дороги – провокаторы.

– Все офицеры пьяные! – суетится в толпе ужичонка в каракулевой шапке, блестя колючими глазками. Он недоволен поведением русского офицера и шныряет между людьми, шепча им что-то в уши.

– Никто тут не пьяный. За моей спиной, – кивает рукой на приостановившиеся машины Иванченко, – в глубине колонны едут военные медики, они подтвердят мои слова...

Чихория поворачивает голову назад – туда, куда махнул рукой ротный. Вдоль шоссе, по обочине, едет бронетранспортёр.

«Савинов, – догадывается Георгий. – Агитацию в массах проводить... Опоздает», – решает Чихория и закуривает, следя за работой оператора с видеокамерой. «Для кого же и кто это снимает?» – думает он.

– Подобные разговоры, – продолжает Иванченко, возвышаясь на подножке автомобиля над митингующими, и тычет рукой в мужичка в каракулевой шапке, – мы будем расценивать как сознательное препятствие государственной власти!

– Га-га-га! – гогочет в толпе молодёжь и скалит порченные наркотическим куревом зубы.

– А теперь, – делает паузу Иванченко, хватанув побольше воздуха в лёгкие, – кто «за» создание Ингушской республики – прошу очистить дорогу; кто «против» Ингушетии – можете стоять на шоссе хоть до посинения – мы всё равно пойдём вперёд!

«Это тебе не Савинов со своими «братьями и сёстрами», – думает о ротном с восхищением Чихория и улыбается, глядя на рассасывающуюся с дороги толпу. Оператор опускает видеокамеру, и Георгий замечает недовольное сюжетом смуглое лицо.

Бронетранспортёр тормозит около головной машины, из люка выныривает «замполит» майор Савинов, похожий худобой на Кощя Бессмертного.

– Что тут случилось? – кричит Иванченке, интересуясь причиной задержки колонны.

– Уже всё нормально! – орёт ему ротный. – Политзанятие проводил!

– Ага, – кивает ничего не понявший Савинов и ныряет в люк. Бронетранспортёр становится в голову колонны. Рыча моторами, машины дергаются и начинают ползти дальше – к новой, в Москве рождённой границе между Ингушетией и Чечней.

IX.

На окраине станицы – заброшенный полевой аэродром военного училища лётчиков. Сюда курсанты приезжали летом на практические занятия. Поэтому постройки на разрушенном аэродроме – лёгкие, фанерные, рассчитанные на жару. Но сейчас – начало ноября. В окнах трёх сохранившихся зданий – ни одного стекла. Двери выбиты, деревянный пол во многих местах сорван. Есть крыши и стены. Полк приютился здесь, потому что это лучше, чем стоять лагерем в чистом поле на пронизывающем холодном ветру и под дождливым небом. Кроме того, в летнем лагере лётчиков сохранились забор, контрольно-пропускной пункт (КПП) с кирпичной сторожкой и железными воротами, а вокруг аэродрома во многих местах есть ограда с колючей проволокой.

Устроившись здесь на постой, полк роет окопы вокруг взлётно-посадочной полосы. Недовольные женщины выводят с аэродрома недовольных коров, жующих дожившую до ноября траву.

– Это наша земля! Разъездились тут! – ворчат хозяйки майору Савинову, который оседлал бронетранспортёр и ездит вдоль колючей проволоки проверять готовность окопов и поднимать моральный дух измученных, продрогших солдат.

– Не съедим мы вашу землю, не волнуйтесь так! – отгавкивается Савинов от нападок женщин и просит не водить больше скотину на военный объект.

Взвод Чихории вычищает казарму от закаменевшего человеческого дерьма и закрывает оконные и дверные проёмы одеялами.

– Тут ещё ничего, – говорит пришедший с окопов Невестин, – а вот взвод Панарина посадили на дальнем приводе. Там хибарка – даже без крыши. Без окон, без дверей – полна жопа огурцов... Как они там будут ночевать? – и вздыхает. – Слава Богу, дождь кончился.

В казарму входит взлохмаченный Иванченко.

– В 15.00 совещание всех офицеров – говорит он и набрякшими глазами

оглядывает помещение, сумеречное из-за закрытых одеялами окон. – Комнату для хранения оружия оборудовал? – спрашивает у Чихории.

– Сделали, – кивает головой Георгий и ведёт ротного показывать работу.

– Вечером заступишь в наряд по КПП, – бурчит Иванченко и чешет лохматый затылок.

– Блин, Саня! Только не это! Я лучше всю ночь посты буду проверять, – просит Чихория. – Меня на КПП «местные» затрахают.

– Это не я решил, – оправдывается Иванченко. – Кто-то из командования полка твою кандидатуру предложил. Ты – «лицо кавказской национальности», проще будет найти общий язык с «местными».

– У меня сейчас не «лицо», а рожа побитая. Кстати, ингушами.

– А ты говори, что пострадал в боях с осетинскими экстремистами. Зауважают.

– На хера мне их уважение?! – и Георгий щупает хрустящий нос...

На совещании командир полка говорит о том, что Джохар Дудаев официально поприветствовал рождение Ингушской республики, что очень рад за братьев-ингушей, но требует отвода российских войск с линии административной границы Ингушетии и Чечни. Граница же эта проходит километрах в пяти отсюда, на другом конце станицы, за перекрёстком. Там сейчас стоят десантники. По обе стороны от них гаубичный полк и мотострелковая бригада, не считая «мелких брызг». От личного состава полка в такой обстановке с учётом враждебности местного населения и наплыва беженцев-ингушей из Северной Осетии требуется повышенная бдительность, боевая настороженность и выдержка. Не исключены провокации. В связи с этим приказ: оружие применять только в случае прямой угрозы для жизни военнослужащих. Посты проверять каждые полчаса. Не допускать дезертирства, пьянства и вообще контактов личного состава с местным населением и прочее, и прочее...

Заинструментированные командиром полка и Савиновым до умопомрачения, офицеры выходят на воздух и закуривают. Возле барака, в котором размещается штаб полка, стоит «Волга» с распахнутыми дверцами. В ней сидят станичные милиционеры-ингуши и слушают песни. Песни льются из автомагнитолы. Мужчина тонким голосом поёт на русском языке (с акцентом) о героическом вайнахском народе, который героически боролся с русскими захватчиками и, конечно, героически победил.

– Что это вы там слушаете? – спрашивает у притихших милиционеров Иванченко, наклонившись к машине.

– Это наши народные вайнахские песни – с затаённой гордостью отвечает щупленький милиционерчик. – Вайнахи – это чеченцы и ингуши. Мы – два народа, братья.

– А если Дудаев пойдёт войной на Ингушетию, что вы будете делать?

– Этого не может быть! – выскакивает из машины милиционерчик.

– Почему? – подначивает его Иванченко. – Ингушетия создаётся на территории Чечни, да ещё с помощью Российской армии. С какой стати Дудаев будет радоваться, что у него такой кусок земли оттяпали? – офицеры у крыльца улыбаются, и Сашка чувствует это спиной.

– Дудаев рождение Ингушской республики только приветствует! – не сдаётся милиционерчик.

Но Иванченко загоняет его в угол:

– Ну, тогда закономерно возникает вопрос: почему же он сам раньше не выделил ингушам земли для «свободной и независимой Ингушетии» и не ратовал за создание республики? Территории чеченской пожалел или властью делиться не захотел?

Сашкин противник, судорожно глотнув воздуха, кидается в машину и хлопывает дверь.

Чихория, внимательно следивший за диалогом, отводит Иванченко в сторону.

– Саня, не связывайся ты с ними. И так все на нервах. На хер тебе лишние проблемы?

– Жора, но ты пойми: это же вызов. Выделили им при штабе комнату для «опорного пункта правопорядка» и «более тесного взаимодействия с местными органами власти», а они в «Волге» развалились и гоняют нам песняка про героический вайнахский народ, который сто пятьдесят лет русских бьёт! А мы это все должны безмолвно проглатывать? Усратья и не жить! Этим «ментам» замызганным вон на КПП стоять надо и разгонять всю шваль, которая перед воротами торчит и бойцов напрягает!

Чихория вздыхает. Он согласен с ротным. Через два часа ему заступать на КПП и следить за чётким пропускным режимом. Но возле ворот толпа местных и гул голосов, а над забором постоянно торчат головы то ли просто любопытных, то ли полупрофессиональных наблюдателей.

После заступления в наряд Георгия и его солдат ситуация не меняется. Чихорию обступают со всех сторон дети, юноши и зрелые мужчины и все сразу говорят о своём. Кто предлагает водку, кто просит продать патроны или гранаты, кто зовёт в гости, кто жалуется на зверства осетин и подыгрывающую им армию... Через час дежурства у Чихории начинает гудеть голова. От недосыпа, от усталости, от нервозности последних дней.

После наступления сумерек зажигается жёлтый фонарь на столбе. К КПП подъезжает грузовой «КамАЗ». Из кабины на землю спрыгивает водитель с автоматом в руке. Георгий напрягается.

У водителя широкое открытое лицо, густые усы и улыбка. Ему лет тридцать пять.

– Я Костоев, – протягивает он Чихории шершавую шофёрскую ручищу, – из местного отряда самообороны. Вот моё удостоверение.

И отряд, и оружие зарегистрированы в милиции. Мы помогаем местной администрации поддерживать порядок в станице.

Георгий, пожав водительскую натруженную ладонь, внимательно рассматривает удостоверение в жёлтом свете фонаря. И фотография владельца, и запись об оружии, и печать – всё есть в «корочках».

– Автомат в милиции, что ли, выдали? – интересуется он у Костоева.

– Нет, – ещё шире улыбается шофер. – На базаре в Грозном купил, а потом зарегистрировал.

– И много вас в «отряде самообороны»?

– Восемь человек, – прячет удостоверение в карман чёрной кожаной куртки.

Толпящиеся у КПП люди притихают и слушают разговор офицера с Костоевым. Солдаты у ворот настороженно следят за развитием событий.

– А сюда зачем приехал? – спрашивает Георгий и щупает свой похрусты-вающий грузинский нос.

– Вам помогать. Мало ли что тут может произойти. И провокации могут быть. Костоев говорит спокойно. От него веет уверенностью и надёжностью.

– Вам-то чего бояться провокаций? – удивляется Чихория.

– Как чего? – поднимает брови водитель. – Для нас сейчас главное: создание своей республики, определение границ, выборы руководства... Не дай Бог, какая-нибудь заваруха тут начнётся – ничего не будет: ни республики, ни власти, ни порядка. Мне, простому человеку, война и неразбериха ни к чему.

– Раз ты такой сознательный, то разгони эту толпу, – просит Георгий. – Всё-таки здесь военный объект. Наши люди все на нервах. Кто-нибудь пальнёт сдуру или с перепугу – и пошло-поехало. А мне ссориться с вашими не хочется. И так все обозлены и накручены.

Костоев круто поворачивается и на чужом для Георгия языке выстреливает несколько фраз. Первыми нехотя расходятся дети, за ними – юноши. Мужчины продолжают топтаться у ворот.

– Мы с напарником в машине будем. До утра. Чуть что – зови, – улыбается в усы Костоев и дружинисто несёт свое большое тело к «КамАЗу».

Чихория закуривает. К нему подходит щуплый, интеллигентного вида человек в сером драповом пальто и тоже закуривает.

– Я смотрю, вы – не русский? – спрашивает он, ощупывая тусклыми глазами побитое грузинское лицо Георгия.

– Полурусский. Отец – грузин, мать – русская. А что?

– Ничего. Я просто так спросил.

Помолчав немного, интеллигент робко предлагает:

– Вы, наверное, измучились из-за этого «вооружённого конфликта»? Я хочу вас домой пригласить. У меня можно поесть, выпить, отдохнуть. Не бойтесь, тут ничего без вас страшного не произойдёт, – и человек в сером пальто, с серым невыразительным лицом затягивается дымом.

Курит он неумело. Видно, недавно начал, понимает Георгий и смотрит, как его солдаты стреляют сигареты у ингушей.

– Я не могу по гостям ходить. У меня служба, – рвёт Чихория тонкую нить разговора.

– Понимаете, – мнётся интеллигент, и тусклые глаза его на миг вспыхивают, – я хотел, чтобы вы увидели, какая у меня дома обстановка... Восемь родственников... С маленькими детьми... Еле убежали из Осетии... Почти голые... В такой холод.

Он вздыхает и с трудом проталкивает слюну в горло.

– У меня вот здесь, – мужчина трёт рукой шею и грудь в вырезе серого пальто, – всё болит и горит. Это ужас, что случилось! – и опускает тусклые глаза. – Люди бежали фактически от геноцида. Шли через перевал. А там обрывы, снег в горах... Ослабевшие и раненые падали в пропасть. Дети гибли на глазах у матерей... Вы этого не представляете себе...

– Представляю, – говорит Чихория резко. – Я спасал ингушей в посёлке рядом с нашим полком. У нас на полигоне сейчас почти сотня беженцев. Мы их кормим и охраняем.

Интеллигент вынимает из кармана пальто сложенную вчетверо газету.

– Это «Сердало» («Зеркало») – ингушская газета. Она печатается в Грозном. Я её штатный сотрудник. А вообще работаю учителем... Это последний номер газеты перед началом «вооружённого конфликта», как теперь говорят.

Георгий видит на первой странице шесть крупных портретов в чёрных рамках. На фотографиях – юноши и девушки.

– Почитайте, – предлагает учитель, – здесь написано, как их убили милиционеры-осетины. Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения. У ингушей тоже есть свои провокаторы и экстремисты. Вот они и воспользовались возмущением людей.

– Не хочу я этого читать, – машет рукой Чихория. – Я уже устал от ваших разборок. Осетины точно так же, как и вы сейчас, рассказывали о зверствах ингушей. Ингуши из посёлка рассказывали мне о зверствах осетин. Кое-что я видел своими глазами. Я думаю, и те, и другие виноваты. За что и страдают. Но отдуваться за вас нам, военным, приходится. Ещё неизвестно, что Дудаев придумает.

Всё-таки треть территории у него отрезали под будущую Ингушетию.

Но интеллигент не отступает. Он садится на корточки у обшарпанной стены КПП и цитирует неслестные строки Лермонтова об осетинах, рассказывает офицеру об ингушах. Он говорит, как мужественно сражались они за царя Николая II, как прорывали немецкую непреодолимую оборону в первую мировую войну, как Серго Орджоникидзе в одних кальсонах примчался верхом из Владикавказа (занятого «белыми») к ингушам, и как ингуши помогали ему устанавливать советскую власть на Северном Кавказе, и как затем жестоко обошлась с ними эта советская власть, как агитировал Ельцин ингушей в Назрани голосовать за него на президентских выборах 91-го года...

– Как ни выслуживались перед Россией ингуши, она их, в конце концов, всегда предавала... Раньше ингуши были высокие, красивые, сильные, – вздыхает учитель, – а теперь выродились. Вот я, например, – маленький, худой... Породе исчезла... Я писал об этом в «Сердало».

Чихория устаёт слушать штатного сотрудника газеты. Его рассказ напоминает Георгию анекдот про «белую и пушистую» лягушку. Но собеседник, глядя тусклыми глазами куда-то сквозь толщу лет, всё говорит о былой славе своих соплеменников и жестокой истории. Он говорил бы ещё долго, но где-то рядом грохочет выстрел.

Из «КамАЗа» выпрыгивает Костоев и мчится куда-то вдоль забора, за ним из кабины вываливается напарник и тоже бежит в темень ночи. Чихория ныряет в дверь сторожки. Оказавшись за воротами, прислушивается к оживлённым голосам у штабного барака.

– Сходи узнай, что там случилось! – приказывает солдату и снова выходит на улицу.

Через пять минут возвращается посыльный и говорит, что из-за забора кто-то выстрелил из охотничьего ружья, но в часового не попал, дробь ударила в угол радиостанции. Через полчаса возвращается Костоев и говорит, что он с напарником повязал «стрелка» и отвёл в милицию. Утром с ним будут разбираться.

– Местный наш, дурак. Напился с горя (у него много родственников у

осетин в заложниках) и решил военным «отомстить» за свои обиды. Хорошо, что никого не убил, – говорит водитель. – Его тут у нас не уважают. Пьяница.

– Хорошо, что наши в ответ не стреляли, а то выкосили бы всех, кто за забором торчит, – сердится Чихория.

– Не дай Бог, – качает головой Костоев и возвращается к машине.

Глубокой ночью ещё стреляют. Где-то на аэродроме. К тому времени интеллигент, сгорбив плечи, уходит домой. Он уходит к своей заплаканной, воющей от горя и злобы родне. Но Чихорию не оставляют в покое. Мужчины в нелепых шляпах и кожаных куртках, одетые будто в униформу, рассказывают офицеру, что приехали издалека (из Красноярска, Читы, Магадана, Челябинска, Кокчетавы...) Приехали, узнав о горе ингушского народа, изгнанного из Осетии, из своих домов, со «своей» земли. Своим военным умом Георгий делает вывод, что все они съехались почти одновременно, отправившись в путь загодя, после взрыва какого-то трубопровода. «Неужели все было спланировано?» – не верит себе Чихория и приваливается спиной к облупившейся стене КПП. Ноги его гудят от усталости. Сесть негде. Он припёрт к стене психологическим прессом ингушей, и ему некуда деться.

– Зачем вы вмешались? – буравят Чихорию вопросами и упрёками. – Мы бы этих осетинских собак сами передушили. Вы только всё испортили... Вы даже оставленные нами дома грабили. Вас люди видели, как вы узлы с добром таскали в полк.

– Мы таскали их по просьбе жителей этих домов. Они сейчас под нашей охраной, в полку. Не надо наводить тень на плетень, – отбивается от нападков Георгий.

Приходит Сергей Невестин, уводит Георгия за ворота, рассказывает, как проверял посты на аэродроме.

– Бойцы в окопах по колени в болоте, холод собачий, а они спят! Вот идиоты. В третьей роте ингуши солдата в доску напоили... Но, с другой стороны, замучились все до невозможности... – вздыхает Невестин.

– Иду к постам, а над головой, в дерево – пуля. Шмяк! Смачно так, сочно... Я даже и не понял: пугают или специально в голову целились? Машина проезжает по дороге рядом с «колючкой», из окна – «та-да-дах», очередь в нашу сторону, – и растворяется в темноте... А ты тут как?

– Замучили они меня, – качает головой Георгий. – Психическая инквизиция. Все сочувствие из меня выбили. После этой истории в посёлке я ингушей пожалел, но теперь вся жалость выветрилась.

– Ты раньше осетинам сочувствовал, – говорит Сергей.

– Я уже им всем по очереди сочувствовал, потом всех по очереди осуждал, а теперь такая каша в голове, что уже знать ничего не хочу. Отключиться бы...

– Ещё те два народца... – роняет Невестин и закуривает. – И здесь ведь предстоит служить. Поговаривают, место постоянной дислокации полка сюда перенесут.

– Я тут долго не выдержу, – крутит головой Георгий.

– Жора, два взводных из второго батальона рапорта написали на увольнение из армии.

– Ну и что? – не удивляется Чихория.

– Я тоже хочу написать, – опускает глаза Сергей. – Может быть, и ты со мной?

Георгий вскидывает брови от удивления и долго молчит. Затем, покопавшись в себе, признается:

– Вообще-то это выход. И хочется, и колется...

– Завтра утром я пишу рапорт. Лучше давай сделаем это вдвоём, – предлагает Невестин, вскинув красивое бледное лицо.

– Я подумаю, – бурчит Георгий и возвращается на улицу к нелепым шляпам и кожаным курткам ингушей. Он слушает их рассказы до рассвета, молчит и курит... Утром на КПП приходят женщина «в возрасте» и пожилой мужчина (конечно, в шляпе и кожаной куртке). Женщина представляется Чихории начальницей местного радио, а мужчина – каким-то «замом» главы местной администрации. Они – к командованию полка. В ожидании пропуска редакторша кривит губы и рассматривает ссадины на лице Чихории.

– Уезжали бы вы отсюда, – говорит она Георгию. – Из-за вас нам, русским, теперь тут житья не будет.

– Что вы говорите?! – возмущается её спутник-ингуш. – Что о нас могут подумать?!

Чихория не успевает ответить. Приходит посыльный с разрешением пропустить гостей к командиру.

Через полчаса они выходят вместе с Савиновым. Полковой «комиссар» идёт на радиоузел с обращением к местным жителям, который хочет объяснить то, что и самому не очень понятно.

Чихория дожидается смены наряда и пишет рапорт вместе с Невестиным, требуя увольнения из армии.

– У вас что, крыша поехала, мужики?! – чешет лохматую голову Иванченко...

Перед обедом на совещании в тесной комнате штабного барака командир полка с воспалёнными от недосыпа глазами трясёт рукой с зажатыми в ней листками.

– Девять офицеров рапорта написали! – широкие ноздри командира раздуваются. – Читайте, что девять изменников в наших рядах! В такую минуту! Когда полк выполняет боевую задачу!..

Тонкая кожа на черепе измотанного Савинова ходуном ходит.

– Они будут уволены! – кричит он. – Но только после того, как полк выполнит приказ! Если эти офицеры думают, что, подав нам свои бумажные фитюльки, они уже могут быть свободны – это глубокое заблуждение. Покинут полк – предстанут перед военным трибуналом. Судить будем. А пока... – поворачивает Савинов высохшее лицо к командиру. – Владимир Иванович, именно роту Иванченко поставим на границе вместо десантников? Там оба командира взвода рапорта подали. Третьего взводного там нет, сержант на офицерской должности. Я чувствую, был бы офицер, и тот рапорт написал бы.

– Разбегутся с границы, – говорит командир и двигает нервными ноздрями. – Я им не верю.

– Никто никуда не разбежится, – высовывается Сашка Иванченко. – Мои люди на подстанции кровь проливали. Двое раненых. Ингушей из-под огня выводили. Никто не струсил. А эта вся политическая неразбериха действует на солдат и офицеров разлагающе. Мои взводные морально подавлены. Их понять можно.

– Правильно! – бурчит кто-то, не поднимая головы.

– Что правильно?! – вскидывается Савинов. – Что правильно?! Вы Родине присягали стойко переносить все тяготы и лишения!..

– Было бы ради чего! – осмелел ещё кто-то из ротных. – Нам тут в рожу плюют, по ночам стреляют, Россию и армию проклинают, а мы не смеем ответить. Всё провокаций боимся. Ещё и помогаем.

– А вы хотите тут большую кавказскую войну развернуть, убивать всех, кто вам кривое слово скажет? – поднимается с места командир. – Такого не будет! Любой ценой нужно удержать мир. Хватит крови! И с одной, и с другой стороны толпы обиженных и обозлённых людей. Всё напичкано оружием. Тут одной спички достаточно, чтоб грохнуло, как в пороховом погребе... Да, херовая в стране политика! Херовая власть! И я не боюсь это говорить вам открыто. Но если и мы с вами, армия, расклеимся, то тогда Россия рухнет, как рухнул Советский Союз! Это всем понятно?! Офицеры слушают молча, глубоко вздыхая и скрипя зубами.

Командир ждёт несколько секунд, осматривая немые, со слипшимися волосами склонённые головы своих подчинённых.

– Раз всем понятно и вопросов больше нет, повторяю: на провокации не реагировать! Языки свои шустрые засуньте и терпите! Так надо! Оружие менять только в крайнем случае, когда явная угроза для жизни личного состава! И только в этом случае и ни в каком другом!

Командир замолкает, переводит дух и ищет глазами Иванченко.

– А твоя рота, раз она такая смелая, как ты говоришь... Согласен с «комиссаром» – пойдёт на границу менять десантников! Посидите в открытом поле, чтоб служба мёдом не казалась. Понял?

– Понял, – вскакивает с места Сашка.

– А теперь всем приятная новость! – успокаивается командир, скользя взглядом по грязным головам офицеров. – Мой «зам» по тылу подполковник Чакхийев сейчас разворачивает за казармой полевую баню. Всем помыть личный состав! А то уже до вшей недалеко. Да и самим помыться!

Дверь внезапно распахивается. Все поворачиваются. Посыльный с КПП с перепуганными глазами кричит, глядя на командира:

– Перед воротами митинг! Ингуши орут, что какая-то военная машина стукнула «Волгу» на перекрестке и удрала! Целая толпа сюда рвётся!

– Б!.. Только этого не хватало! – падает на стул командир...

Х.

– «На границе тучи ходят хмуро», – мурлычет песню Иванченко, прощаясь с десанниками. – Где же тут проходит эта самая граница?

Капитан-крепыш с голубым шевроном на рукаве жмёт ему руку:

– Где стоишь, там и граница. На дудаевцев внимания не обращайтесь. Они обычно подъезжают на «уазиках», поматюгаются в наш адрес и уезжают... В общем, держись, пехота!..

Десантники оставляют роте Иванченко перегороженное железобетонными блоками шоссе, окопы для солдат и для техники и глубокие влажные ямы под палатки. Целый день солдаты и офицеры обустроиваются: застилают деревянными лагами глинистую жижу в ямах, устанавливают в палатках печки-буржуйки, режут в земле ступеньки, стелят матрасы на ящики из-под снарядов.

– Поскольку из-за передислокации помыться рота не смогла, завтра сделаем так, – говорит Иванченко своим офицерам. – Будем ездить повзводно. Вы поочередно со своими людьми, я – с третьим взводом. Я с Чахкиевым и командиром договорился. Сделают нам баньку. А то уже сами себе воняем...

Днём, пока работали, холода не чувствовали, но ночью ветер достаёт всех. Часовые стучат зубами и прыгают для согрева в окопах, чавкая мокрой глиной. В палатках – не намного лучше.

Ночь высасывает тепло от буржуек и треплет выцветший брезент крыши.

– Водки бы сейчас! – мечтательно говорит Иванченко и выходит в темень проверять посты.

– Дня за три мы тут околеем окончательно, – говорит окостеневшим ртом Невестин и укрывается с головой грязно-синим одеялом. Чихория лежит в темноте и вспоминает картину, где Святой Георгий летит на белом коне в серебряном кафтане, не ведая холода. Захотелось домой – к жене и дочке.

– Серёга! – зовёт он Невестина. – Ты почему не женишься?

– Я берегу свою будущую жену от тягот замужества за ванькой- взводным, – ворчит из-под одеяла Невестин. – Уволюсь из армии – тогда и женюсь. Не хочу, чтоб моя семья всю жизнь на чемоданах жила.

– Может, ты и прав. Просто мне батя помог и с местом службы, и с квартирой. А так, таскал бы Майю с дочкой из конца в конец страны, по сопкам и тундрам. Жалко их.

– Взводным, и даже ротным командирам нужно специальным верховным приказом запретить жениться. Как когда-то при царе было. Семья и наша служба – две вещи несовместные, как селёдка и шампанское, – говорит Сергей из-под одеяла.

– А я привык женатым, – вздыхает Георгий. – Щас скучаю.

– Поэтому и нельзя военному жениться, что скука наваливается и на офицера, и на семью – подытоживает Невестин и ворочается от холода. – Скука – помеха службе.

Георгий не спорит, молчит и скучает в одиночку...

Наутро, после приготовленного на кострах завтрака, первым в баню едет взвод Чихории, затем в лагерь полка отправляется команда Невестина. Глядя на вернувшихся розовощёких, посвежевших солдат, Иванченко выстреливает тут же сочиненную частушку:

Но не было воды нигде,
Мы не могли помыть муде,
Зато теперь помыли –
И ожили!

– Спасибо Чахкиеву! – говорит Чихория. – Даже бельё поменял.

– Да, – задумчиво говорит Иванченко. – Толковый он мужик. Но теперь, после этой осетино-ингушской разборки, его карьере крышка. Пусть радуется, что хоть до подполковника дотянул. Ингушам теперь ходу в армии не будет.

– Как говорил мой отец, – вспоминает вдруг Георгий, – радуйся, сынок, что с Грузией не воюем.

Иванченко долго смотрит на Чихорию и всё-таки решает высказаться:

– Такая жизнь пошла, Жора, что ничего исключить нельзя. Может, и пра-

вильно, что ты рапорт написал на увольнение. Хотя... есть время передумать и изменить решение.

Ответа ротный не ждёт, а сразу переходит к распоряжениям перед отъездом в лагерь полка.

– Остаёшься за меня. Не расслабляйтесь тут! Я постараюсь пузырь водки привезти. Как говорил Суворов: «После бани – займи, но выпей!» Тем более, колотун такой, что коньки откинем ночью. Боюсь, как бы после бани люди не попростужались... Распорядись, чтобы из лесополосы дров натаскали. Пусть костры жгут и греются, – и ротный залезает в кабину урчащего «Урала»...

Три «уазика» подкапывают к позициям роты почти сразу после отъезда Иванченко. Будто следили. Машины, на высокой скорости вылетев из-за лесополосы, тормозят на пашне, скользя остановившимися колесами по влажной глине. Распахиваются двери и бородачи в камуфляже и чёрных беретах с автоматами рассыпаются вокруг машин.

– Стоять, старлей! – кричит Чихории рослый боевик в тёмных очках. – Кто дернется – продырявим на месте!.. Оружие сложить в кучу!

Распаренные, расслабившиеся солдаты, открыв рты, смотрят на бородачей и в чёрные зрачки автоматных стволов.

– Кто не понял? – нервно кричит боевик. Чихория смотрит на среднюю машину. Рядом с водителем он видит хищный профиль Джохара Дудаева и его горящий глаз. Георгий не отрывает взгляда от бывшего генерала. А тот поворачивает к нему лицо и кривит в улыбке тонкие усы. Пока Чихория замагничен, к нему приближается командир боевиков.

– Я сказал: оружие в кучу! – цедит он сквозь зубы. Георгий, наконец, отрывает взгляд от Дудаева и переводит на тёмные очки, не в силах сообразить.

– Руки вверх! – звучит вдруг тонкий голос Невестина, втихаря выбравшегося из палатки с автоматом в руках. В Невестина стреляют от бедра, вгоняя пулю в живот. Чихория вздрагивает от выстрела и тут же получает прикладом в лицо...

– Передай своему начальству, – доносится до его замутившегося сознания, – что чеченцы не потерпят здесь свинячьей русской армии! Пусть отводят войска! Иначе мы вас, засранных вояк, опозорим на весь мир. Понял?!

Георгий лежит на сырой земле, видя над собой сквозь туман тёмные очки... Когда он поднимается, три «уазика» вместе с боевиками и оружием роты уже уходят вдаль. Невестин стонет и корчится от боли у палатки. Растерянные солдаты, не зная, что делать, топчутся возле него, как стреноженные кони...

Через полчаса ошалевший Иванченко, перетаскивая в машину Невестина, бормочет:

– Позор! Ешь-твою-вошь! На час отлучился!

– Радуйся, что отлучился. Теперь все шишки полетят на меня, – равнодушно говорит Георгий, загружая в кузов стонущего Сергея.

– Какой радуйся?! Какие шишки?! Позор на весь свет! – глаза Иванченко лезут из орбит. – Отмудохали, как сопливых пацанов, да ещё оружие забрали!.. Жора, сука, как ты мог клювом прощелкать три машины?!

– Они не по шоссе шли, а по пашне. Из-за лесополосы подкralись, – мямлит Чихория, размазывая ладонью кровь под носом. – Дудаев в машине сидел, я и растерялся.

– Растерялся! Дудаев! – хлопает себя ладонями по коленкам Сашка. – Ну и хули!? Надо было вмазать из всех стволов, чтоб вдребезги полетели!.. Манда ты, Жора!

– Инструкция не позволяла. А вдруг – провокация? – сердито бурчит Георгий. – Угрозы для жизни людей не было.

– А это что?! – тычет пальцем в кузов на Невестина Иванченко. – Не угроза?!

– Саня, хватит орать, ну тебя в задницу! – машет рукой Чихория. – Езжай быстрее в полк и докладывай. И Серегу спасёшь, и с нами быстрее всё определится...

– Чего тут определяться?! Трибунал нам с тобой однозначный! И позор по гроб жизни!

Георгий садится на землю и опускает голову. Иванченко, задыхаясь от злости, садится в кабину и с силой лязгает дверцей. Пока водитель запускает двигатель, Сашка выскакивает из кабины и подходит к Чихории.

– Жора, поклянись, что не застрелишься!

Георгий обхватывает голову руками, медленно раскачивается всем телом и молчит.

– Поклянись дочкой, что не застрелишься! – повторяет на крике Иванченко.

– Клянусь, – наконец, выдавливая из себя Чихория и добавляет уже равнодушно: – Да и стреляться не из чего. Они все автоматы забрали.

– А пистолет? – вспоминает Сашка. – Дай сюда пистолет!

Георгий не двигается.

– Дай сюда пистолет, я сказал!

Иванченко наклоняется и сам достает «Макарова» из кобуры своего взводного.

– Вот так будет спокойнее, – и снова лезет в машину. Чихория продолжает сидеть на сырой земле, и Сашка, оглядываясь назад из кабины, долго видит его сгорбленную спину...

XI.

Роту убирают с позиций в этот же день. Возвращают десантников. В Москву летят доклады об успешном налёте Джохара Дудаева и его «гвардейцев» на подразделение федеральных войск. Досада и ругань царят в генеральских и правительственных кабинетах. В плевках и матюгах уезжает рота Иванченко во Владикавказ. В ожидании разбирательства её прячут подальше от людских глаз – на полигон, для охраны беженцев-ингушей, до сих пор не эвакуированных...

Чихория вспоминает генерала Соколова и его судьбу, сравнивает со своей и долго не оставляет мысль о самоубийстве. Но за ним зорко следит Иванченко, а дома Майя не даёт ему даже в ванной остаться одному, чтоб вены не порезал.

– Гарик, что ты переживаешь? – журчит её голос. – Ну, уволят тебя из армии. Ну и что? Жизнь спокойней будет. Может, это и к лучшему... Нет худа без добра. Вон даже нос тебе прикладом выправили. Операция теперь не нужна, – улыбается жена. – Тут, в городке, никто тебя не осуждает. Ведь все простые офицеры и их жены понимают, в каких условиях вы оказались. Каждый мог, да и может ещё, попасть в подобную ситуацию. Плюнь и разотри!

Георгий равнодушно слушает Майю, смотрит на играющую в кубики двухлетнюю Тамару и вспоминает свою клятву дочкой, данную Иванченке на границе с Чечней. Душа его ноет, и сердце тонет в крови. Святой Георгий в серебряном кафтане на белом коне летит над ним, презренным, и Чихория теперь стыдится своего имени...

У въезда на полигон митингует сотня осетин, у которых родные – в заложниках у ингушей. Железные прутья и палки в руках.

– Вы укрываете не беженцев, а бандитов! Они убивали наших женщин, стариков и детей! – кричат ожесточившиеся люди. – Они всех осетин, которые жили в Чечне, обратили в рабов! Они забавляются и торгуют нашими сёстрами, как тварями!

Перед закрытыми воротами стоят солдаты. Но на них напирают, оттесняя к железным створкам. На шум прибегает Чихория и кричит:

– Люди, опомнитесь! Тут точно такие же несчастные женщины, старики и дети, как и ваши соплеменники на «той стороне»!..

Юркий парень в дутой болоньевой куртке с наркотическим блеском в глазах подсакивает к Георгию и тычет в него потной рукой.

– Посмотрите! Он же не русский, он – грузин! Эти подлые грузины убивали наших собратьев в Южной Осетии и тут нам житья не дают! Бейте его, люди! – кричит с пафосом.

Толпа закипает и наваливается на Чихорию. Юркий парень достаёт из дутой куртки приготовленную для ингушей заостренную спицу и сует её под ребра офицеру, нанизывая на свой кавказский шампур измученное сердце Георгия. Чихория оседает на землю, цепляясь слабеющими руками за одежды бурлящих вокруг людей.

– Убили! – кричит женщина, следя за потухающими глазами офицера, и народ расступается...

Через две минуты старший лейтенант Чихория умирает.

Через два часа его большой отец, полковник Чихория, вскакивает на ноги и тут же падает от инсульта.

Через два дня в шестнадцатилетнем сердце сестры Георгия – Светланы Чихория – умирает любовь к однокласснику-осетину.

Через две недели с холодных вершин Кавказа в долины сползает зима.

Через два месяца Иванченко и поправившийся Невестин увольняются из армии.

Через два года в Чечне начинается война.

Владимир ШИГИН, капитан I ранга запаса

Владимир Виленович Шигин — прозаик, ведущий редактор Военно-художественной студии писателей Центрального Дома Российской Армии имени М.В. Фрунзе. Родился 12 марта 1958 года в Севастополе в семье офицера ВМФ. Моряк в пятом поколении. После окончания в 1981 году Киевского высшего военно-морского политического училища продолжил службу на Балтийском флоте заместителем командира МПК и заместителем командира дивизиона тральщиков 118-й БК ОВР в Лиепае. Участник маневров «Запад-81» и 8 боевых служб. В 1991-м году окончил научно-педагогический факультет (по специализации «политическая история СССР») Военно-политической академии им. В.И. Ленина.

С 1991 по 1996 год занимал должность заместителя начальника пресс-группы (пресс-центра) ГК ВМФ, участвовал в переговорном процессе по Черноморскому флоту с Украиной. Автор более 70 книг (романов и повестей) об истории Военно-морского флота Российской империи, СССР и Российской Федерации.

С 1996 года по настоящее время — редактор отдела литературы журнала Минобороны России «Морской сборник». С 2001 по 2009 г. являлся главным редактором журнала «Человек и космос». С 2011 г. — ведущий редактор военно-художественной студии писателей МО РФ. С 1995 года — член Союза писателей России. Секретарь Союза писателей России. Заслуженный работник культуры России. Лауреат Международной литературной премии им. В.Пикуля за роман «Чесма» (1994), Всероссийской литературной премии им. Александра Невского за сборник исторических повестей «Герои забытых побед» (2011), Всероссийской литературной премии имени генерал-лиссимуса А.В. Суворова (2013), Всероссийской литературной премии им. Володина «Имперская культура» (2013), Севастопольской городской литературной премии им. Л.Н. Толстого (2014, за книгу «Севастополь — город русской славы»).

ПОКОРИТЕЛЬ СИРИИ КАПИТАН КОЖУХОВ

Повесть

В один из дождливых ноябрьских вечеров 1783 года императрица Екатерина II подписывала указы об увольнении от службы увечных и состарившихся штаб-офицеров. Остро отточенное перо легко летало по листам мелованной бумаги, размашисто чертая: «Быть посему. Екатерина». И вдруг застыло в воздухе...

Близоруко щуря глаза, императрица несколько раз перечитала имя просителя. В рапорте, писанном на ее имя, значилось: «Капитан генерал-

майорского ранга и кавалер Михаила Кожухов сын Григория». Вздыхнув, Екатерина написала поверх прошения: «Уволить с полным абшидом».

Когда в кабинет вошел секретарь Храповицкий, императрица, показав ему прошение Кожухова, сказала с нескрываемой грустью:

– Вот, Александр Иванович, и славные рыцари моей молодости начинают уходить на покой заслуженный. Сегодня наш флот, да и вся держава осталась еще без одного из своих героев, коим Отечество наше, да и я лично премногим обязана.

Храповицкий понимающе кивнул. Не согласиться с Екатериной было трудно.

ПРЕДЕРЗОСТНЫЙ МИЧМАН

Год и место рождения Михаила Кожухова историкам неизвестны. В краткой биографии, помещенной в «Общем морском списке», значится лишь то, что в мае 1758 года он «был приписан в штурманские уче–ники за недоказательством дворянства». Этот факт немаловажен для понимания всего дальнейшего служебного пути Кожухова.

В Морской корпус в те годы брали только недорослей кровей дворянских. Остальным путь в касту морского офицерства был заказан настрою. Вершиной их служебной карьеры был чин корабельного штурмана, относившийся к рангу унтер-офицерскому. Перейти же в строевые офицеры штурман мог лишь за особые подвиги в военное время или же благодаря исключительным способностям...

Ратных заслуг перед Отечеством в ту пору у юного штурманского ученика еще не было, влиятельных родственников тоже. Так бы и остался навеки Михаила Кожухов презренным «халдроном» (так насмешливо прозывались в ту пору офицерством корабельные штурманы), если бы не случай. На мальчика обратил внимание присутствовавший на одном из экзаменов старый адмирал Талызин. Приглянулся смысленный юнец петровскому ветерану. Сжалился адмирал и помог перевести его в морские кадеты.

Надо ли говорить, как истово накиннулся на учебу новоиспеченный кадет. Согласно официальным документам уже в апреле 1759 года Кожухова производят в гардемарины и выпускают на флот. Менее чем за год прошел он весь курс наук!

Выпуск из корпуса совпал с большой войной, получившей название Семилетней. В схватке европейских держав участвовала и Россия, отстаивавшая свои интересы на западных рубежах. Главным ее противником была Пруссия. Четыре года провел в боях и походах гардемарин Кожухов. Особо отличился при штурме прусской крепости Кольберг. В году 1761-м стал мичманом.

Тяжелая война близилась к победному концу. Под развевающимися знаменами русские полки вступили в поверженный Берлин. Прусский король Фридрих уже готовился принять все пункты капитуляции, но тут внезапно умирает императрица Елизавета Петровна и на российский престол садится ее голштинский племянник Петр III. Первым же указом новоявленный монарх прекращает боевые действия: Петр III боготворил Фридриха II Прусского. В одно мгновение, казалось бы, подписанный победный мир обратился в мир постыдный. России так и не пришлось вкусить плодов своих побед, щедро оплаченных жизнями ее сыновей.

Корабли Балтийского флота вошли в гавани. Потянулись серые будни. Новый император флотских не баловал: денег не давал, в море не пускал. Вместо службы морской насаждал солдатскую.

Было так и в летнюю кампанию 1762 года, когда большая часть кораблей балтийских так и оставалась приколе. В море ушли лишь немногие счастливы, сальные маялись на службах караульных. Не попал в тот год плавать и Михаила Кожухов. Кто знает, так и остался бы в его памяти тот год как пропавший, если бы не события большой политики, в которой он оказался вовлечен волею случая. В те дни, когда никому не известный мичман Кожухов обходил рундом кронштадские караулы да назначал им суточные пароли, в Санкт-Петербурге назревали события важности первостепенной. Позор прусского мира, преклонение нового императора перед вчерашними врагами возмущали в те дни каждого честного россиянина. Особенно же неистовствовала гвардия, полки Семеновский и Преображенский.

Не сразу, а постепенно сложился в столичных кругах заговор во главе с братьями Орловыми. Знаменем заговорщиков стала жена императора Екатерина. К июню 1762 года все было готово, а сигналом к выступлению стал отъезд Петра III на отдых в Петергоф. Ранним утром 28 июня заговорщики барабанным боем подняли гвардейские полки. И уже час спустя в Елизаветинском дворце лихорадочно совещались, что следует предпринимать далее. Братья Орловы настаивали на немедленном походе на Петергоф и пленении императора. Гвардейцев осаживал глава Иностранной коллегии Никита Панин. Прося внимания, стучал перстнем о стол.

– Наиважнейшим пунктом для дела нашего сейчас не Ранинбом будет, а крепость Кронштадтская! – убежденно настаивал он.

– Причем здесь крепость морская, когда голштинiec в Ранинбoме сидит? – набросился на дипломата Григорий Орлов.

Панин, вздохнув, покачал головой:

– А притом, что как только господа Орловы на конях своих к Ранинбoму поскачут, то император наш, на яхту сядючи, самым спокойным образом в крепость сию и убудет, а потом попробуй, выковырни его оттель.

Сидевшая дотолe молча, Екатерина взволнованно заговорила:

– Боюсь, что крепость сия уже извещена супругом моим о наших намерениях и сторону его взяла!

Речь императрицы бесцеремонно оборвал Григорий Орлов:

– Бояться нам нечего, вся сила у нас! А про Кронштадт пусть скажет человек морской. Вон он в углу затаился да помалкивает!

Все оглянулись. В дальнем углу залы, сгорбившись, сидел старенький адмирал Иван Лукьянович Талыин, неважный флотоводец и хороший администратор.

– Давай, давай, Иван Лукьянович, нам и минута дорога! – заторопили его Орловы.

Талыин, кряхтя, встал. Сам маленький, горбатенький, лицо – что печеное яблоко. Откашлялся и прошамкал:

– Известное дело, что Кронштадт императором обо всех наших злонамерениях извещен. Но при всем том Петра моряки наши кронштадтские не любят, а голштинцев его и вовсе презирают!

– Однако сие не мешает командиру кронштадтскому Льюису быть у императора в фаворе великом, а комендант тамошний Нумере и вовсе из голштинцев! – вставил ядовито Панин.

– С Иваном Ивановичем сговориться завсегда можно, – махнул скрюченной рукой Талызин. – А Нумере ваш моряк никакой, морем не пытан! За ним никто не пойдет!

– А тебе Иван Лукьянович, поверят ли кронштадтцы? – с нескрываемым волнением спросила Екатерина.

– Мне-то поверят! – важно насупился адмирал. – Я в заседаниях коллегии столько штанов протер, сколько ваш Нумере и годов не прожил! Меня еще сам государь Петр Алексеевич за нерадивость в науках навигацких за уши драл! Ежели не мне, то кому же на флоте еще верит.

– Тогда тебе, Иван Лукьянович, и карты в руки! – обрадовалась Екатерина и, подойдя к столу, быстро начертала на листе бумаги: «Господин адмирал Талызин от нас уполномочен в Кронштадт, и что он прикажет, то и исполнить. Июня 28 дня 1762 года. Екатерина».

Лист она передала Талыzinу.

– Езжай, – сказала, – Иван Лукьянович, в крепость Кронштадтскую да сделай все возможное, чтобы сия фортеция к супругу моему не переметнулась и прибежища ему не дала! А я уж заслуг не забуду! Господь с тобой!

До Кронштадта Талызин добирался катером. Ветер был попутный, шли ходко. Адьютант адмиральский лейтенант Елагин дорогой заряжал pistols.

– Ты зачем это пульки в стволы кладешь? – с опаской косился на своего не в меру решительного помощника-адъютанта Талызин.

– А как голштинцы нас на пристани хватать станут, то я их, точно воробьев, и пощелкаю! – невозмутимо отвечал тот.

– Типун тебе на язык, дурень! – озлился адмирал. – Как пальнешь, так на рее и вздернут, а заодно и меня с тобою рядышком. Тебе-то что! А каково мне-то будет, старцу почтенному, пред всем честным народом ногами дрыгать? А?

– Зря беспокойство ваше, господин адмирал! – отвечал Елагин, pistols за пояс засовывая. – Ежели план наш сорвется, то все одно рядышком висеть будем!

– Одно слово – дурень! – плюнул в сердцах Талызин.

Так и плыли.

Тем временем в Петергофе происходили события не менее драматичные. Узнав о заговоре своей супруги, Петр III стал лихорадочно искать выхода.

– Будь у меня войско, я б немедленно повел его на Петербург! – говорил он приближенным. – Но войска нет. Посему следует, пока не поздно, бежать в Берлин к Фридриху и во главе его гренадер вернуться обратно...

К растерянному императору подошел стоявший дотоле в сторонке мрачный фельдмаршал Миних. Старый полководец взял Петра под локоть.

– Не о том думаете, ваше величество! Сейчас не бежать, а самому нападать надобно!

– С чем же я нападать буду, когда у меня и сотни верных солдат не наберется? – оттолкнул его в гнев император.

В ответ Миних вымолвил лишь одно слово:

– Кронштадт!

Тотчас, не теряя времени, в морскую крепость были отправлены наиболее надежные люди: генерал Девьер и князь Иван Борятинский.

Ровно в 10 часов утра в крепости Кронштадской смена караула. Утром 28 июня на гарнизонный вахт заступил мичман Михаила Кожухов. Расставив по бастионам часовых и объявив им суточный пароль, доложил на дежурмайору Коняеву и начал править службу. Незадолго до полуденной пушки доложили Кожухову о подходе к крепости императорской яхты. Встретив прибывших согласно караульному артикулу с обнаженной шпагой, сопроводил Кожухов посланцев императора к крепостному коменданту Нумерсу. Доложил – и обратно на свой пост.

Прибывшие в Кронштадт Девьер и Борятинский с Нумерсом сговорились быстро. Наобещали столько, что толстый Нумер только ошалело крутил головой от неожиданных перспектив. Ну, а как сговорились – сразу все к квартировавшему в Кронштадте адмиралу Льюису и побежали.

Старый, еще петровской закваски адмирал состоял в те годы первейшим членом морской комиссии по флотскому переустройству, одновременно командуя сразу двумя корабельными дивизиями. Седому старцу благоволил сам император: не далее как месяц назад самолично повесил ему на грудь Александровскую ленту. Внимательно выслушав посланцев Петра III, Льюис заверил генералов, что проникновения людей мятежной императрицы в Кронштадт он не допустит.

– Как какой разбойник объявится, так я его сразу на мачте и повешу, чтобы другим не повадно было в Кронштадте смуту сеять! – сказал Льюис грозно, а для убедительности еще и кулаком по доскам столовым грохнул.

Посланцев адмиральский кулак впечатлил.

После разговора Девьер остался для присмотра в крепости, а князь Борятинский поспешил в обратный путь с доброй вестью. На выходе из гавани яхта разминулась с катером под адмиральским флагом. То спешил в Кронштадт Иван Лукьянович Талызин. На причальной стенке прибывших поджидал мичман Кожухов, уже получивший строгий приказ о недопущении посторонних в крепость.

– Отчаливай! Не велено приставать! – кричал он, потрясая шпагой.

Из кормовой каютки высунулся Талызин.

– Это я, твой адмирал! Ты не узнаешь меня, сынок?

– Узнаю, ваше превосходительство, – смутился мичман. – Да не велено никого пускать!

– Кем не велено?

– Комендантом здешним Нумерсом!

– Это почему ж? – помрачнев, поинтересовался адмирал.

– Сам не ведаю! Говорят, что в Петербурге гвардия мятеж учиняет, а император к нам прятаться вскорости приедет!

– А любишь ли ты императора нашего голштинского, сынок? – повысил голос Талызин.

– Любви к особе его не питаю, а верность храню лишь присяге, Отечеству данной!

– А желаешь ли ты, чтобы Отечество наше стало хлебом голштинским да прусским? Хочешь ли ты, мичман, новых биронов для державы своей?

– Нет!

– Так впусти ж меня в Кронштадт, сынок! Отступив в сторону, Кожухов крикнул на катер:

– Кронштадт открыт перед Вами, Ваше превосходительство!

Едва вступив на причальные доски, велел Талызин Кожухову собрать всех караульных. Под барабанный бой сбежались матросы и во главе с адмиралом да мичманом двинулись к комендантскому дому. По пути адъютант Елагин присоединил к отряду команду дежур-майора Коняева. Девьер и Нумерс были застигнуты врасплох. У них тут же отобрали оружие, после чего Кожухов отвел их в гаупвахт. Ключ от замка амбарного повесил себе на шею.

– Так надежней будет! – пояснил Талызину.

Затем двинулись к дому Льюиса. К своему старому сослуживцу Талызин вошел один. Адмиралы препирались долго. Льюис поначалу противился. Но когда в комнату вошел адъютант Елагин и принялся, как бы, между прочим, взводить курки своих пистолетов,

Льюис сдался.

– Делайте что хотите, меня сие не касается! Кто осилит, тому верой и правдой служить стану!

Поднялся с кресла, ругнулся матерно и, хлопнув дверью, ушел к себе в спальню.

Теперь вся кронштадтская власть окончательно перешла в руки Талызина. Чтобы избежать ненужных волнений среди гарнизона, велел адмирал до поры никого более в заговор не посвящать, доверив дела лишь Коняеву с Кожуховым.

Тем временем в Петергофе царило радостное оживление. Свита императора спешно покидала дворец. В придворную яхту с Петром сели фаворитка Елизавета Воронцова да прислуга, в стоявшую рядом галерею – прусский посол да придворные. Все были веселы. Впереди их ждал верный и неприступный для врагов Кронштадт. Даже известие о том, что гвардейская кавалерия уже подходит к Петергофу, особого огорчения не вызвало.

– Представляю физиономию моей дражайшей супруги, когда ей сообщат, что Ранинбом пуст, а я уже в Кронштадте! – весело смеялся Петр – Вперёд! Мы еще посмотрим, кто кого осилит! Великий Фридрих будет гордиться своим достойным учеником!

Взвились паруса, ударили о волну весла, и суда легко понеслись к синевшим вдалеке кронштадским фортам.

...На входе в Кронштадт императорская яхта внезапно уперлась в перегородивший вход бон (это тоже успел сделать расторопный мичман Кожухов). На причале было до странности пустынно: никто не спешил встречать прибывающего императора. Петр III заволновался. Пересев в шлюпку, и обогнув бон, он направился к причальной стенке. А там уже стоял морской офицер. Широко расставив ноги в ботфортах, он крепко сжимал шпагу.

– Отдать бон! – крикнул Петр с гневом в голосе. – Немедленно впустите меня в крепость!

– Не велено! – отозвался офицер. – Ретируйтесь в море, покуда целы!

– Ах ты негодяй! – закричал было император, но его одернул сидевший рядом фельдмаршал Миних:

– Ваше величество, сей мичман исполняет ваш же приказ о недопущении посторонних лиц в крепость.

– Это другое дело! – обрадовался Петр. – За верность я награждаю щедро!

Он встал во весь рост и, сорвав с головы треуголку, чтобы лучше было видно лицо, закричал своим тонким голосом:

– Всмотрись, пред тобой твой император! Однако вопреки всем ожиданиям упоминание титула на моряка никакого действия не возымело. Далее же произошло совсем невероятное. В ответ на императорские слова мичман Кожухов (а это был он) лишь отрицательно покачал головой:

– Нет у нас боле императора, а есть императрица Екатерина Алексеевна! Поворачивай, пока цел!

– Мичман, – вскричал, срываясь на фальцет, Петр, чуть не плача. – Впусти в Кронштадт – и ты адмирал!

– Лучше быть мичманом флота российского, нежели адмиралом голштинского! – ответил Кожухов. – К бою!

Подбежавшие матросы вскинули свои длинноствольные фузеи. Их решительные, обветренные лица не сулили ничего доброго.

Петр кинулся в отчаянии к Миниху:

– Фельдмаршал! Не попытаться ли нам атаковать наглецов? А этого дерзостного мичмана велите повесить, как только закончится мятеж!

Многоопытный Миних лишь скривил свою бульдожьё физиономию:

Через минуту они постреляют нас, как воробьев. Сей морской офицер весьма решителен. Это вам не Пруссия, ваше величество, это Россия!

– Но что же тогда делать? – закричал свергнутый император.

Возвращаться обратно да надеяться на милость вашей супруги! – зло отозвался фельдмаршал и отодвинулся от безутешного Петра.

С причальной стенки было хорошо видно, как со шлюпки высадили низложенного императора на яхту и та, лоя в паруса ветер, понеслась назад к Петергофу.

На пристань вбежали запыхавшиеся дежур-майор Коняев да адъютант Елагин.

Адмиралом велено, коли голштинцы надумают высадку делать, отбивать их огнем! – закричали они еще издали.

– Сие уже без надобности, – устало ответил Кожухов. – Их величество следует в свой обратный путь к Петергофу!

Вернувшись в занятый гвардейцами петергофский дворец, Петр III даже не пытался сопротивляться, и был тут же взят под арест. Переворот совершился. Единоличной императрицей стала Екатерина II. Дальнейшая судьба Петра III нам тоже известна.

Еще не стихла радостная эйфория первых победных дней, а новая императрица уже потребовала к себе списки всех отличившихся при перевороте лиц.

В своем рапорте Талызин особо отметил подвиг Михаила Кожухова. Адмирал писал: «...Мичман Михаила Кожухов поставлен был на бастионе на карауле, к которому месту бывший император приезжал, и он его по многому

прошению в гавань не пустил...» В конце рапорта Талызин испрашивал для отважного мичмана двойной чин и годовое жалование.

– Этот ваш Кожухов – истинный храбрец! – сказала Екатерина, прочитав талызинское прошение. – Не всякий решился бы самодержца обругать да прочь выгнать. Не мог же сей мичман знать, как вся революция наша закончится! Посему подвиг его многого для меня стоит!

Императрица взяла в руки перо и, обмакнув его в чернила, поверх адмиральских каракулей написала: «Два чина и два года жалования».

Так неожиданно-негаданно получил Михаила Кожухов звание корабельного секретаря и сделался в один день известным человеком на русском флоте. Здороваться с ним за руку почитали за честь даже адмиралы.

Смена верховной власти – всегда время больших перемен. Приход Екатерины II ознаменовался повышенным вниманием к усилению российского флота, в котором новая императрица не без основания видела важный инструмент своей внешней политики. Осенью того же 1762 года, принимая срочные меры к возрождению боевой мощи Балтийского флота, Адмиралтейств-коллегия решила отправить в Англию группу молодых и способных офицеров для получения практики дальних плаваний.

– Скоро флоту нашему выходить за теснины зундские! – басил, взявши слово, на заседании коллегии гидрограф Нагаев. – А молодежь наша далее Гогланда водицы и не видывала! Большому плаванью и учиться на воде большой надобно!

– Сие верно, – качал буклями растрепанного парика адмирал Семен Мордвинов. – Не можем мы завтра плыть в окияны, не имея для того капитанов искусных и в вождении по тем окиянам многоопытных!

В числе первых четырнадцати волонтеров, отправленных на учебу в Англию, был и корабельный секретарь Кожухов. На дорогу каждому выдали по сто рублей, а на жизнь и стол положили еще по полтысячи серебром ежегодно, «дабы... по чести офицерской содержать себя могли не подло, но токмо в роскошь не вступать...» Уже перед самым отъездом Михаилу Кожухова переименовали из корабельных секретарей в унтер-лейтенанты, чтобы во флоте английском его за канцеляриста заурядного не приняли.

ПО МОРЯМ И ОКЕАНАМ

В последних числах ноября торговый бриг «Семез» взял курс к берегам туманного Альбиона. Лондон и впрямь встретил русских моряков туманом и дождем. При посредничестве посла распределили волонтеров по судам, назначенным в дальние вояжи. Кожухов попал на бриг, идущий к берегам американским...

Четыре с лишним года не сходили волонтеры с палуб британских судов. Многому научились, многое повидали! А воздух Европы уже был пронизан ветром новой большой войны. Шел год 1767-й. Русских офицеров спешно отзывали домой.

Вернувшись в Кронштадт и успешно выдержав экзамен, был произведен Михаил Кожухов в капитан-лейтенанты. Должность ему была определена на линейном корабле «Святой Евстафий Плакида». Капитанствовал на «Евстафий»

в ту пору грозный капитан Круз. Службу правил жестоко, но корабль содержал отменно, да и делу морскому учил на совесть. Едва принял дела Михаила, как огласили манифест о начале войны с турками. Сразу же начались приготовления к боевым действиям.

«Евстафий» готовился вступить под паруса в составе Первой Средиземноморской эскадры, отправляемой к далеким греческим берегам. По этой причине старший офицер корабля трудился не жалея сил: заготавливал продукты и принимал артиллерийские припасы, обучал новобранцев-рекрутов и руководил обшивкой корабельного кузова. Дел хватало: ведь командующий эскадрой адмирал Спиридов объявил, что намерен держать свой флаг именно на «Евстафий». Вымотанного и осунувшегося в заботах Кожухова поддерживало одно – предстоящее участие в небывалом для российского флота морском походе. Однако судьба изменчива. Когда до выхода в море оставались считанные дни, последовал ордер Адмиралтейств-коллегии о срочном откомандировании Кожухова в Донскую экспедицию. Кинулся, было, Михаила в столицу вымолить отмену ордеру, но было уже поздно.

Начальник экспедиции контр-адмирал Алексей Сенявин даже обиделся на кожуховское нежелание в его деле участвовать:

– Тоже не на прыжки едем! Будем в голом степу флот Азовский воссоздавать, а потому мне офицеры многоопытные до зарезу нужны! Так что плавать тебе, Михаила, вскорости по Понту Эвксинскому!

Линейный корабль «Евстафий», отсалютовав пуш-ками верхнего дека, снялся с Красногорского рейда и взял курс к берегам далекой Греции. А его старший офицер спешил, тем временем, в не менее далекий Тавров, чтобы заложить там суда нового флота России.

Донские степи – место и в самом деле дикое. Свистит над густыми травами пронизывающий ветер, да рыщут в поисках поживы шайки крымских татар. Не раз и не два пришлось Михаиле слышать не только звон своего клинка, но и свист волосяного аркана за спиной. Всякое было! Месяцами напролет мотался по верфям и городкам капитан-лейтенант Кожухов, выбивая лес у разбойных подрядчиков, хватая за грудки вороватых чиновников. Все создавалось на пустом месте. А когда поддавались унынию офицеры азовские, к ним приходил сам командующий и делился своими планами. А планы у Сенявина были грандиозные.

Радость Чесменской победы была для Кожухова нераздельна с болью о погибших на «Евстафии» друзьях. В разгар сражения корабль схватился на бордаж с флагманским кораблем турок. Вскоре в отчаянной рукопашной схватке неприятельский корабль был захвачен. Но случилось непредвиденное: горящая мачта с турецкого корабля упала на палубу «Евстафия», искры попали в раскрытую скрыт-камеру. Раздался страшный взрыв – и линейный корабль «Святой Евстафий Плакида» исчез навеки в морской пучине. Из команды спаслись единицы.

Гибель «Евстафия» Михаила переживал тяжело. Помянув по православному обычаю погибших, долго сидел молча. Затем вышел на палубу. «Видно, так угодно судьбе, что, оставив меня в живых, ждет Господь от меня иных деяний во славу свою!» – думал он, глядя на покрытые пенными шапками волны...

У БЕРЕГОВ СИРИЙСКИХ

Военная страда была в самом разгаре. И во всех операциях активно участвовал линейный корабль, на котором служил Кожухов, – «Всеволод». Первым серьезным испытанием для старшего офицера линейного корабля стал штурм турецкой цитадели Метелино. Высаженный десант внезапным ударом взял неприятельскую крепость, сжег два строящихся линейных корабля, захватил целую флотилию торговых судов. Среди отличившихся при штурме был и Михайла Кожухов, выказавший изрядную храбрость и хладнокровие под вражеским огнем. Вскоре по представлению адмирала Спиридова он получает под свое начало пушечный фрегат «Надежда».

В жизни каждого человека есть самая любимая женщина, в жизни каждого моряка есть самый любимый корабль, с которым его связывает не только служба, а нечто гораздо большее. Таким кораблем и стала для Кожухова «Надежда». Знакомясь с командой, капитан-лейтенант сказал просто:

– Верю, что надежда всегда останется с нами, как и мы будем верны нашей «Надежде»!

Осенью 1772 года Алексей Орлов и адмирал Спиридов решили нанести повторный удар по Чесме, где турки скрыто скопили много всяческих грузов и припасов, стремясь снова превратить этот порт в важный узел своих морских перевозок. Командиром отряженных для нападения сил был определен контр-адмирал Самуил Грейг. Флаг свой командир отряда пожелал держать на «Надежде».

Историк русского флота А. Соколов так описывает второе Чесменское сражение: «Отряд... сделал нападение на крепость Чесму, сжег предместье, магазины, истребил действием морской артиллерии несколько мелких судов...». Сам адмирал Грейг оставил потомкам следующее описание баталии: «...Суда, несмотря на сильный неприятельский огонь, легли на якорь не боле как в 150

Чесменский бой

*Руководители второго Чесменского сражения:
граф Орлов (слева) и адмирал Спиридов (справа)*

саженей от крепости и, открыв свои батареи, стреляли с такой скоростью и точностью, что тотчас принудили крепость молчать, и, сбив с оной пушки, переломали станки, разбили стену, бастионы и множество домов».

Касаясь действия капитанов судов, командир отряда в своем рапорте отмечал следующее: «При сем случае имею честь рекомендовать отличившихся разных команд командующих... штаб- и обер-офицеров: флота капитана Василия Роксбурга, капитан-лейтенантов Кожухова, Извекова как исправных и храбрых офицеров».

За «неустршимое мужество» при чесменских берегах получил Михаила Кожухов Георгиевский крест 4-го класса. О баталии и награде он говорил друзьям так:

– Совесть теперь моя перед погибшими сотоварищами с «Евстафия» чиста, ибо сражался я в тех же местах против врага единого. Орден же мой есть награда всем евстафийцам, живым и мертвым, мне же дадена лишь на вечное хранение!

Боевые действия между тем продолжались. Стремясь полностью блокировать турецкую столицу, Орлов со Спиридовым образовали несколько эскадр, состоявших из легких быстроходных судов. Одну из таких эскадр в семь вымпелов возглавил Кожухов. Теперь он сторожил дарданелльские теснины, преследовал турецкие торговые суда. Захваченных «купцов» отводили в порт Аузу, где адмирал Спиридов базировал главные силы русского флота.

На исходе мая 1773 года летучая эскадра Кожухова привела в Аузу очередное неприятельское судно. Командир эскадры уже готовился выйти в море, когда его вызвали к адмиралу.

Спиридов был весьма озабочен.

– Вот что, Михаила, – сказал он отечески. – Поручаю тебе дело многотрудное – плыть к берегам сирийским, дабы оказать вспоможение народу тамошнему в войне с турками.

– Когда поднимать паруса? – только и спросил Кожухов.

– Немедля! – был ему ответ.

Адмирал Спиридов торопил своего капитана не зря, дорог был каждый час. Совсем недавно в Сирии поднялось мощное восстание против турецкого владычества. Возглавил его бывший турецкий наместник Али-беи. Против мятежного бея выступил его собственный зять Мехмет. Некоторое время борьба шла с переменным успехом, пока в одном из сражений Али-беи не был убит. После его смерти войну с Мехметом возглавил один из ближайших сподвижников погибшего Шехдаер Омер. Нового вождя активно поддерживали горские племена – друзы. И скоро воинское счастье стало клониться на сторону повстанцев, однако случилось непредвиденное: губернатор крупнейшей крепости Сирии – Бейрута – Чезар-бей поднял мятеж и перешел на сторону турецкого султана. Обстановка сразу осложнилась. В Стамбуле готовили карательный корпус, который должен был переправиться в захваченный Бейрут. Крепость необходимо было немедленно отбить, но сил у Шехдаер Омера для этого не было. Тогда-то он и обратился с просьбой о помощи к адмиралу Спиридову.

Попутный ветер, господствующий в этих водах в летние месяцы, быстро гнал русские суда к берегам Сирии. Дорогой Кожухов как старший по званию присоединил к себе отряд лейтенанта Ивана Войновича, крейсировавший в этом районе Средиземноморья.

Русская эскадра на подходе к Сирии

Русская эскадра у берегов Сирии

Вскоре прицелы судовых пель-компасов уже прокладывали курс на мыс Рас-Бейрут. Эскадра Михаила Кожухова достигла цели. Столпившись у фальш-борта, русские моряки разглядывали незнакомые берега. Вид сирийской земли был величествен и прекрасен. Побережье утопало в рощах вечнозеленых дубов и елей. Вдалеке, слепя глаза меловыми отрогами, вздымались Ливанские горы. Сама бейрутская крепость возвышалась на откосе крутого холма.

– Сия фортеция – орешек не из легких! – поделился своими мыслями Кожухов, оглядев Бейрут в трубу зрительную. – Здесь на арапа не возьмешь! Придется по всем правилам науки фортификационной обкладывать!

Не теряя времени, Кожухов съехал шлюпкой на берег на встречу с главой повстанцев Шехдаер Омером. Обсудивши совместный план действий, они подписали союзный договор. В договоре том значилось: «Обретаясь в сих сирийских морях, императорская-российская эскадра под командой высокоблагородного господина Михаила Козукова (так в документе – В. Ш.), корабельного капитана, находящегося на службе Ея И. В. императрицы всероссийской, приглашен был... господином Даер-Омером... в помощь князьям и начальникам нации, называемой друзы, как вознамерились учинить осаду городу Бейруту... с помощью славных войск Ея И. В.».

– Будет ли высокочтимый Кошухоф-бей жечь и грабить город? – деловито осведомился через переводчика Шехдаер Омер, после того как бумага была скреплена печатями и отпечатками пальцев подписавшихся.

– Нет! – отрицательно покачал головой Кожухов. Сирийский вождь недоверчиво пожал плечами:

– Мы согласны выплатить Вам, милосердный капитан, триста тысяч пиастров за Ваше великодушие в отношении нашего города!

– Деньги пойдут не мне, а в казну! – прервал капитан цветистую речь своего союзника. – Сейчас же я хотел бы обсудить план осады и штурма крепости!

Капитан пушечного фрегата «Надежда» Михаила Кожухов (слева) и глава сирийских повстанцев Шехдаер Омер (справа)

...Стороны договорились довольно быстро, и Михаил Кожухов приступил к осадным работам. Замысел его был прост. Фрегаты эскадры, как наиболее сильные артиллерийские суда, должны были начать атаку с моря и отвлечь на себя огонь крепостных орудий. Пользуясь этим, остальные суда должны были высадить у стен крепости десант. Затем следовало быстро воздвигнуть осадные батареи и вместе с подошедшими друзьями замкнуть кольцо вокруг Бейрута.

– Потом же будем бить ядрами бреши в стенах, а чрез те бреши и на штурм двинем! – разъяснял он свой замысел капитанам судов.

Капитан Кожухов хорошо представлял себе всю трудность предстоящего сражения, тем паче что силы, которыми он располагал, были более чем скромными.

...Один за другим подходили суда вплотную к крепости и, ложась на шпринг, открывали беглый огонь. За «Святым Николаем» – «Святой Павел», за «Пав-лом» «Слава» и «Накса», следом «Забияка», а впереди всех флагманская «Надежда». Ударили залпы. Сражение за Бейрут началось!

Воспользовавшись завязавшейся перестрелкой, другая часть русских судов успешно сбросила десант невдалеке от крепостных стен. Следом сгрузили пушки и припасы. А вскоре заговорили и осадные батареи. Спустилось с гор пестрое и шумное трехтысячное дружеское воинство.

Русский фрегат «Надежда» у Бейрута

Артиллерийский бой продолжался, не смолкая, более трех суток. И лишь когда на фрегатах подошел к концу боезапас, Кожухов отдал ордер на выход эскадры из боя. А береговые батареи продолжали свою дуэль. Через десять суток русские ядра проббили, наконец, брешь в толстых бейрутских стенах. Кожухов немедленно съехал на берег, чтобы обсудить с союзниками детали предстоящего штурма. Но то, что он увидел, поразило его: многочисленные и крикливые ватаги друзов самовольно расходились по домам.

– Почему ваши воины расходятся по домам? – набросился Кожухов на невозмутимых друзских князей.

– О, досточтимый капитан мореходов! Просвещенные аккалы сказали, что пришла пора возвратиться к родным очагам, и мы не в силах остановить людей.

– Что же теперь будет? – сокрушался Кожухов. – Ведь нынче всякое промедление смерти подобно!

– Видимо, так угодно судьбе, что пыл наших воинов иссяк как вода в песке! – отвечали друзские князья.

– Мои матросы пойдут впереди! Я сам возглавлю атаку! – уговаривал их Кожухов.

– Нам стыдно, но что мы можем! – качал головой старший из князей. «Князь в том извинялся...» – гласит исторический документ.

Крепость Бейрут. Изображение со старинной гравюры

– Хорошо! – махнул рукой капитан. – В таком случае мы продолжим осаду сами! Была середина июня, стояла жара. Последние отряды друзов уходили по горным тропам...

– Эх! Нам бы батальон пехоты российской, мы б до захода солнышка реляцию победную писали! – высказывал в горести Ивану Войновичу Кожухов.

– А сил-то у нас кот всплакнул, – соглашался тот. – Что делать, ума не приложу!

Выход все же Кожухов нашел: он перерезал городской водопровод. В Бейруте, где вода всегда была в большой цене, сразу же начался ропот. Продержавшись еще пару суток, Чезар-бей прислал парламентаров. Те передали, что бей готов сдать город, но, боясь бесчинств со стороны греков и славонов, требует убрать десант на суда.

Морские офицеры собрались на совет.

– Бею бейрутскому веры у нас ни на грош! – посовещавшись, решили они. – Но выхода иного у нас нету!

В течение следующего дня все семь десантных сотен взошли на палубу своих судов. Вскоре по покинутому лагерю одиноко бродили лишь бородатые

Панорама сражения за Бейрут. Изображение со старинной гравюры

Сражение за Бейрут. Изображение со старинной гравюры

козлы да курдючные овцы.

Тогда же явилась к Кожухову и дружская депутация.

– Князья наши передают вашей милости, что им удалось собрать воинов. Не позднее завтрашнего рассвета они спустятся с гор! – заявили депутаты.

– Что ж, – вздохнул с облегчением капитан 2 ранга. А тут и от бея бейрутского известие подоспело.

Писал он на бумаге хрусткой, что отказывается нын–че от всех обещаний своих и желает показать вскорости, сколь страшен гнев мусульманина правоверного.

Кожухов бумажицу ту порвал да за борт выбросил.

– Будем все начинать сызнова! – только и сказал.

Попутру вновь русские моряки засыпали турецкий гарнизон тучей ядер. Сошел на берег и десант, обма–нами турецкими разъяренный. А тут и друзья с гор спустились...

В отчаянии предпринял было Чезар-бей одну за другой две вылазки, но оба раза был отбит с большим уроном. Тогда бей мятежный запросил мира всерьез. Вскоре Михаил Кожухов подписал акт капитуляции полной. Турки оставили город, вслед за ними в Бейрут вступили русские моряки. Во главе их капитан и Георгиевский кавалер Кожухов, который взял город под свою охрану. «...Российские флаги на крепостях поставил», – отметил историк,

А через некоторое время состоялась торжественная передача бейрутской цитадели друзьям. Значение взятия Бейрута было огромно. Отныне Сирия за-являла о своем окончательном выходе из состава Высокой Порты. Летучая эс-кадра Кожухова нанесла неприятелю удар, равный по силе Чесме и Кагулу...

– Нам, россиянам, чужого не надобно! – заявил, прощаясь с дружскими вождями, боевой капитан. – Живите в мире и согласии да поминайте нас добрым словом!

В шанечном журнале флагманского фрегата «Надежда» осталась запись: «2 января. В третьем часу пополудни из города Бейрута палено из 13 пушек, и нам видно, что наша определенная команда для содержания города сдала город. В 4-м часу видны нам выходящие из города наши войска, имея распущенные знамена и флаги, и слышен барабанный бой, и которые расположились по (остову)... сторону города, я взаимно ответствовали залпом три раза и потом стали маршировать к эскадре».

Покинув бейрутский рейд, эскадра капитана 2 ранга Кожухова 15 января 1774 года вступила под паруса и вышла в новое крейсерство. На этот раз курс ее был проложен к греческому острову Скиато...

ПОСКРИПТУМ ГЕРОЮ

...А война уже подходила к концу. Истошив свои силы в борьбе с Россией и потерпев от нее ряд сокрушительных поражений, Турция запросила мира. Боевые действия на Средиземном море были приостановлены. Русские моряки собирались в обратный путь, домой.

В этот период Михаил Кожухов исполнил еще одно важное поручение. Как один из наиболее отличившихся капитанов он был послан вице-адмиралом Елмановым к Алексею Орлову в Ливорно с известием о размене ратификаций с Высокой Портой. А затем был многотрудный переход на изношенных донельзя судах на Балтику. В 1775 году фрегат «Надежда» спустил паруса в Кронштадтской гавани. А вскоре во время морского парада в честь героев Средиземноморья императрица Екатерина II самолично возложила на капитана Кожухова Георгиевский крест 3-го класса...

Затем были в жизни Михаила Григорьевича новые корабли и новые плавания. Ежегодно он выходил в море – обучать морскому делу молодежь. В 1780 году Екатерина II объявила политику вооруженного нейтралитета, чтобы оградить от английских посягательств свой торговый флот. Одна за другой ушли в далекие моря несколько Балтийских эскадр. На эскадре контр-адмирала Круза капитаном флагманского корабля «Спиридон» ушел в Немецкое море и капитан 1 ранга Кожухов.

В 1781 году Кожухов тяжело заболел и уволился в годовой отпуск для поправления здоровья. Позже он попытался было вернуться на флот, но болезнь обострилась. Получив чин капитана генерал-майорского ранга с полным пенсионом, Кожухов навсегда протился с флотом.

Заметим, что чин капитана генерал-майорского ранга просуществовал весьма недолго и считался утешительной наградой для тех заслуженных капитанов, для кого так и не нашлось контр-адмиральской вакансии.

Дальнейшая судьба Михаила Григорьевича Кожухова нам неизвестна. Скорее всего, она была такой же, как у большинства его сотоварищей, доживавших свой бурный век в каком-нибудь захолустном поместье.

Игорь ВИТЮК, полковник (инженер) запаса

Игорь Евгеньевич Витюк родился 22 сентября 1960 года. Будучи учеником 10-го класса, в 1977 году стал победителем Всесоюзного конкурса сочинений «Наша биография». Но, несмотря на имевшееся у него право бесконкурсного зачисления на факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, он выбирает профессию защитника Родины.

После окончания Житомирского высшего училища радиоэлектроники ПВО (с отличием) ему было присвоено звание лейтенант-инженер. И.Е. Витюк проходил службу на инженерных, командных и научных должностях в войсках Ракетно-космической обороны (инженер отдела боевых алгоритмов и программ командного пункта системы ПРО, офицер отдела боевого применения штаба отдельного корпуса противоракетной обороны, старший научный сотрудник и начальник научной лаборатории проектирования и испытаний систем ПРО в НИИ Минобороны). Игорь Витюк — автор более 80 научных трудов по тематике разработки и испытаний систем противоракетной обороны. Наряду с инженерной и научной деятельностью он не оставил и своё увлечение литературой. Первая публикация его стихов датирована 1979 годом. Затем он многократно публиковался в местных, региональных и всероссийских изданиях. Поэт, прозаик, публицист, литературный критик.

Полковник запаса. Награждён государственными, ведомственными и общественными наградами. В настоящее время Игорь Витюк — редактор Военно-художественной студии писателей Центрального Дома Российской Армии имени М.В. Фрунзе, заместитель председателя Правления Московской областной организации Союза писателей России, член Коллегии Министерства культуры Московской области.

Лауреат премий имени генералиссимуса А.Суворова, Я.Смелякова, К.Симонова, В.Пикуля, генерала М.Скобелева, А.Фадеева, «Золотое перо Руси», «Золотое перо Московии», Ленинского Комсомола Украины и др.

Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

ВОЙНА, ЛЮБОВЬ И ЧУДОТВОРЕЦ

Из неопубликованного интервью в журнале «Лётчик России»

Рассказ

Все события и персонажи вымышлены, все совпадения с реальными событиями и личностями абсолютно случайны!

— Какая сволочь включила мобильник? Погаси сейчас же! Ты что хочешь, чтобы террорист пальнул в нас из «Стингера»? Совсем офицеры охренели!!! Пить надо меньше в полёте! — этой визгливой тирадой солистка поп-группы «Ожерелье» заставила вздрогнуть всех в салоне нашего военно-транспортного борта, начавшего снижение.

Ночная темнота не позволяла увидеть горы, над которыми мы пролетали. Но в этих горах вот уже несколько лет вольготно себя чувствуют террористы, а на вооружении у них есть и переносные зенитно-ракетные комплексы «Стингер». Перед началом снижения командир корабля выключил габаритные и аэронавигационные огни и попросил всех пассажиров (а точнее – вежливо, но непреклонно приказал) отключить мобильные устройства, чтобы не было даже бликов в салоне самолёта, ибо есть риск, что горцы нас засекут и встретят ракетой-гостинцем. Потому-то так и нервничали девчонки-певуны, летевшие для выступления с концертом перед военнослужащими нашей группировки войск, развёрнутой вдалеке от России среди гор и пустынь.

Все пассажиры нашего борта, кроме артисток и вокально-инструментального ансамбля ветеранов афганской войны, это – солдаты, офицеры и прапорщики, направленные в длительную командировку в зону боевых действий. Один из таких офицеров – это я – штурман фронтового бомбардировщика Су-24М майор Кирилл Макарин. Это – моя третья боевая командировка. Я возвращаюсь в страну, где не только победил смерть и нашёл любовь, но и обрёл гораздо большее.

Мой сосед, полковник из подмосковного Пушкино, недавно стал моим другом, и, несмотря на двадцатилетнюю разницу в возрасте, мы общаемся на «ты», ведь он был свидетелем на моей свадьбе и держал надо мной венец при венчании в храме. Он – из числа тех, «кто сам не летает и другим не даёт», то есть офицер противовоздушной и противоракетной обороны, – и у него свои задачи на авиабазе. А ещё он – поэт, выступает и перед персоналом и военнослужащими в госпитале имени Бурденко в родном городе Пушкино, и на нашей авиабазе, когда бывает там в командировках.

А сейчас я прошу своего друга-полковника прочесть стихотворение, которое уже слышал на аэродроме «Чкаловский», когда перед вылетом мы слегка перекусили и даже приняли по сто «фронтовых грамм», ибо в палатках, заменяющих зал ожидания, ночами весьма прохладно.

Полковник читал наизусть своё новое стихотворение «Путь любви», а мне казалось, что он написал эти строки обо мне, о моей прошлой нескладной холостяцкой жизни и о счастливой нынешней:

***Я пил без меры, избывая грусть,
И жизнь свою порушил на обломки.
Но я, родная, вновь к тебе вернусь,
Спасая душу от любовной ломки...***

***И черти пусть идут: «Ко всем чертям!» –
Меня теперь хранят Любовь и Вера.
И я найду свою дорогу в Храм,
Как подвиг ищет сердце офицера.***

***А может, путь мой сам меня найдёт? –
К тебе одной – и в радости, и в горе...
И воспарит душа, и запоёт, –
Как пела девочка в церковном хоре.***

В полной темноте салона самолёта на меня обрушились воспоминания... Леночка была необыкновенной. Длинная светлая коса. Сама невысокая. Синие-пресиние глаза, кто видел Адриатическое море – поймёт меня.

Первый раз я увидел её в нашем полевом храме на авиабазе. Была Пасха. Мы шли крестным ходом вокруг храма и по аллее Дружбы. «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небеси, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славити», – громогласно пел басом протоиерей отец Димитрий и ещё несколько наших ребят из числа воцерковленных прихожан. Возле входа в храм батюшка троекратно провозгласил: «Христос воскрес!» И воины дружно, как на плацу, когда кричат «Ура!», восклицали: «Воистину воскрес!»

Священник пел: «Христос воскрес из мертвых, смертью поправ». И церковный хор во главе с Леночкой радостно и звонко отвечал: «И сущим во гробех живот даровав».

Наверное, в медсестру Лену, а по совместительству – регента церковного хора в полевом храме, были влюблены поголовно все мужчины авиабазы. Но строгие правила запрещали нам какие-либо романы с девчонками из медсанбата. Новоявленную парочку немедленно отправили бы на «большую землю» – в Россию. Исключений не делали даже, когда это была не любовная интрижка, а глубокое чувство двух холостых людей. Езжайте домой – там и любите, и плодитесь, а здесь, как и у Господа Бога, нет ни мужчин, ни женщин, а есть воины, выполняющие боевые задачи.

Я, воспитанный родителями-атеистами, сам когда-то был и октябрёнком, и даже немного комсомольцем – причём весьма ярим, ранее никогда не посещал храм, а тем более – Пасхальное богослужение. И смотрел на все церковные ритуалы с сомнением. Но Леночка...

Мне хотелось быть рядом с ней постоянно, слышать её тоненький, но уверенный голос. Так мы и стояли в полевом храме с зажжёнными свечами. И я вдруг почувствовал, как всё вокруг наполнялось радостью ликования перед встречей с Господом здесь, на исстрадавшейся и обожжённой боями земле, где ещё недавно был мир, а сейчас ...

Правильно говорят: на войне неверующих нет.

Мой четырнадцатый вылет оказался для меня трагичным и радостным одновременно. Нас подбили, когда мы, успешно отработав по позициям боевиков, уходили домой. Вражеский истребитель ударил ракетой в хвост, – исподтишка. Вот они – «союзники» по борьбе с терроризмом... Прыгая с парашютом, успел осенить себя крестом и прошептать: «Господи, помилуй».

Сашку расстреляли ещё в воздухе, а меня отнесло ветром. Когда я приземлился, пока перерезал стропы, заметил рядом маленького старичка. «Милоч, иди скорее за мной. Тебе надо спрятаться». Откуда тут русскоговорящие старички? Об этом я подумал позже. Парашют успел закопать в песок. Ветер сделал своё доброе дело – спрятал следы моего приземления. Отсидеваясь в каких-то колючих кустах, я слышал чужую речь. Но уже ничего не видел. Всё-таки зацепили меня выстрелами. Сквозь наплывающие волнами галлюцинации я отчётливо слышал женский голос. Тихая молитва постоянно звучала надо мной. Поиски длились два дня. Наши морпехи и спецназовцы-персы нашли меня, раненого и истощённого, и доставили в медсанбат. Там меня

ждала Леночка... Она, когда узнала о случившемся, два дня непрерывно молилась обо мне. Как я мог слышать её молитву? Душа! Это моя душа слышала через расстояние.

Я шёл на поправку. Но для полнейшего выздоровления, меня отправили долечиваться в филиал госпиталя имени Бурденко в подмосковном Пушкино. А через две недели у Леночки закончился срок боевой командировки, она вернулась домой в Пушкино и вышла на работу в госпиталь. Ни она, ни я не поверили в наше счастье! После командировок в зону боевых действий нам были положены длительные отпуска, и уже через месяц мы поженились. Где мы будем жить: в Воронеже (правда, квартиры у меня там нет – только комната в общежитии) или у неё в Пушкино? – не знаем. Если в Москве или Подмосковье найдётся для меня место службы, то – у Леночки, а если нет, то она переедет ко мне.

А сейчас я летел в самолёте. Это уже третья моя командировка в группировку войск. Но я знал, что теперь мне ничего не страшно. Дома обо мне молится супруга Елена. С ней мы обвенчались в храме Николая Чудотворца в городе Пушкино. Кстати, именно там, я увидел на иконе того самого «дедушку», который помог мне спрятаться после падения самолёта.

И каждый раз перед вылетом, я молюсь Господу, чтоб избавил от бед. А «великому таиннику Божией благодати» Николаю Чудотворцу пою тропарь: «Правило веры и образ кротости, воздержания учителя яви тя стаду твоему яже вещи истина: сего ради стяжал еси смирением высокая, нищетою богатая. Отче священноначальниче Николае, моли Христа Бога спастися душам нашим».

Андрей ДУБОВОЙ, полковник запаса

Андрей Андреевич Дубовой родился 10 сентября 1959 года в г. Москве. Поэт, прозаик, публицист. Окончил Московское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР, Военную академию имени М.В. Фрунзе, Российскую Академию государственной службы при Президенте Российской Федерации. До 1994 года служил в рядах Вооружённых Сил. После увольнения в запас — заведующий редакцией журнала «Золото России», ответственный секретарь, исполнительный секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России, в настоящее время — заместитель директора крупного объединения. Кандидат исторических наук.

За оказание военной помощи Республике Афганистан награждён орденом «Красной звезды», почётным знаком «Воин-интернационалист», двадцатью медалями. Ведёт активную работу в общественном движении воинов-ветеранов Афганистана. Автор нескольких книг поэзии, прозы, публицистики и многочисленных статей в центральной печати. Лауреат Всероссийской литературной премии имени генералиссимуса А.В. Суворова, кавалер золотой медали К.Симонова за цикл рассказов об афганской войне.

КРЕСТЫ КОЛОТАКА

Рассказ

Щербатая луна, зависшая над Чаррикаром, улыбалась, как медаль «За боевые заслуги». Зелёнка дышала в лицо жарким маревом, ветерок доносил запахи тутовника, далёкого жилья и перезревшего винограда. Дозор, оторвавшись от основной группы, почти бегом обходил маленький кишлак, и, скрываясь в тени дувалов, забирал правее, ближе к горам. Арыки пересекали молодой двухлетний виноградник во всех направлениях, как старческие морщины лоб аксакала; тихо журчала вода, и нависшая ночная тишина монотонными шорохами убаюкивала степь Баграм.

Со стороны аэродрома распорол мглу прожектор. Пробежал по острым зубцам горы Панкриванкох и потерялся за Саядом. Разведдесантная рота легла прямо на тропе. Капитан Бученков иногда применял этот старый как мир приём. Замыкающий дозор неожиданно затихал на пути следования,

проверяя «хвосты». Если имеешь звериное чутьё, результаты бывают почти всегда. Сливаясь с местностью, маскируясь за камнями, мастер спорта по вольной борьбе Колька Бученков, по кличке «Пузырь», уже неоднократно брал «духов» живьём, просто вырубая их с одного удара кулаком по бородастой башке. Шла война.

Со стороны тыльного дозора два раза злобно каркнул прибор бесшумной стрельбы, послышался шорох и опять всё стихло. Автомат китайского производства АК-47 и английская винтовка «Бур» – первые трофеи выхода. Значит, за ротой была установлена слежка, которую и ликвидировал сержант Роберт Житкус, мгновенно доживший об этом по радиостанции. Это также означало, что план боевой операции, проводимый разведбатом при поддержке местного «хата» – по-нашему что-то вроде контрразведки – был до подробностей слит «душманам». Пара цветастых накидок, набухая в воде, медленно проплыла по арыку. Счёт открыт, но настроение сразу ухудшилось. Рота снялась с тропы, и Колька в такт шагам сразу забубнил себе под нос, что не надо было выходить в эфир тыльному дозору, а автомат и «бур» спрятать под полики командирского БТРа и в случае неудачной засады, когда под кинжальный огонь пулемёта выскакивают не моджахеды, а совсем наоборот, мирные дехкане с кетменями, роющиеся на виноградниках ещё с ночи, подбросить несколько стволов и пару горстей патронов, рассовать по халатам того, что от них останется... А трофейных неучтённых единиц уже осталось мало, а выходы идут каждый день, подразделение устало, несёт потери, комбат ругается, а до замены ещё год – сплошная безрадостная песня командира разведдесантной роты наматывалась на шаги, шаги на километры и чувство неясной тревоги росло с каждой секундой. Шла война.

Рота кралась на задание. Под слабый шорох идущих вооружённых людей хорошо думалось ни о чём. Мысли пугались в клубок, неожиданно выныривали, потом забывались. Вчера, например, в соседнем полку у вертолётчиков была настоящая дуэль. Два капитана, нарезавшись «галоши» – разбавленного спирта, слитого из системы противообледенения, – начали выяснять отношения из-за прибывшей месяц назад официантки. Колька видел ее пару раз. Кажется, ее звали Аллой. Не менее четырех стаканов этого «шила» надо было выпить, чтобы назвать ее женщиной. Однако сумела развести штурмана и инженера по барьерам и огласила право первой ночи за сильнейшим. Дуэль происходила в ангаре столовой, после обеда. Только табельное оружие, и без всякой ковбойщины. Штурман служил в Афгане дольше, хотел больше, поэтому и попал первый, прямо в шею неловкому инженеру. Баграмский госпиталь рядом, и в реанимацию окровавленного стрелка доставили быстро. Прибывшая на место дуэли дежурная смена караула схватила заснувшего любителя официанток, и пронесла его на половой щетке, привязанного за руки и ноги к палке, как уссурийского тигра, прямо к гауптвахте. История, как это водится, быстро обрастала нелепыми подробностями, официантку отстранили от обслуживания офицеров полка и в срочном порядке отправили в Кабул. Поговаривали, что из-за нее уже была одна дуэль в Герате, причем со смертельным исходом. Штурману предстоял долгий период написания объяснительных записок и рапортов. Шла война.

Колька глубоко вздохнул и огляделся. Ковш Большой Медведицы был отчётливо виден и перемещался вправо. От луны в степи было светло, и он решил взять выше к руслу высохшей реки. По разбросанным камням хоть и труднее идти, а шансов остаться живым, если головной дозор проспит засаду, больше.

Нельзя проследить полёт пули со стороны, можно только почувствовать опасность, предупредить момент выстрела, броском за укрытие изменить свою судьбу. Именно так было с Колькой и на этот раз. Со звуком лопнувшей пружины одиночный выстрел искал в рикошетах свою цель, шипел, извивался трассер по валунам и затих в глубине сухого русла.

Луна спряталась за горный хребет, стало темно и неуютно, с горы потянуло холодом. Рядом зачавкал подствольник, чуть правее, из-за валуна, на звук выстрела рубанул длинную очередь пулемёт. Всё пришло в движение, зашуршало, застреляло, задвигалось.

Ночной бой скоротечен. Горы спрятали эхо, дозоры вышли на связь, потерь нет и, изменив направление движения, рота снова двинулась в путь. Скорее всего – это была стычка с малочисленной охраной. Где-то здесь проходит караванная тропа, но сейчас не это является задачей.

Внезапно похолодало. Так часто бывает в горах. Звёздное небо затягивают тучи, поднимается ветер, и чёрная темнота за считанные секунды укрывает камни. Идти до места засады по нашим расчётам – прикинул Бученков – оставалось километров семь – это часа два быстрой ходьбы. В кромешной темноте, по камням, без тропы, где «духи» натолкали противопехотных пластиковых итальянских мин – лягушек, – это трудно, почти невозможно. Дозор круто уходил вверх, за спиной оставался Саяд, Баграм, аэродром. Правее – Маликарское и Ниджрабское ущелья.

Началась очередная полоса воспоминаний. В начале февраля этого года, в Ниджрабе рота Пузыря была на ряде успешных операций, и, можно сказать, почти без потерь, потом заслуженно, целую неделю отдыхала на зимних квартирах. Но отдых – что отдых – баня и водка. Тем более, что после этой мясорубки, спускаясь с Таджикиана, один лихой командир взвода по кличке Шрайман загнал задней кормой боевую машину пехоты с заляпанными номерами на башне прямо в дуكان, и когда стена рухнула, из-под обломков открылись двери и чумазые бойцы утащили с прилавков всё, что там было. Водки, фанты, шмоток и магнитофонов хватило на всех. А когда БМП рванула с места, обдав гарью и пылью весь придорожный кишлак, другой взводный с удовольствием послал два выстрела из орудия прямо в эту развороченную кучу цветастых вещей и сухой глины. Шла война.

А ещё был здесь же случай со старшиной Васькой Нильченко. Шла большая операция. Духи метались в кольце, как тараканы, теряли присущую им остроту и хладнокровие. Самые слабые или раненые сдавались. Но многие отдельными малыми группами с боем пытались пробить оцепление. Командир 108 дивизии генерал Миронов двинул разведбат, а вернее, то, что от него осталось, в самый центр зажатой группировки «духов» с простой задачей – расчленить ядро. После артподготовки Колька Пузырь прорвался во главе дозора по самому центру кишлака Джанава к мечети, по пути лихо расстреляв гранатомётный расчёт и его группу прикрытия. Но возле кладбища был прижат

к земле и, доложив обстановку, получил приказ на отход. Собрав ядро группы, возвращался уже изведанным маршрутом. И вдруг увидел, что из шести заваленных ими «духов», которых уже обшмонал и забрал трофеи тыльный дозор, трое сидят, там где лежали, и что-то орут, жестикулируя руками, а у выдвинутого для огневой поддержки танка собралась цветастая толпа баб и ребятишек, которую пытался перекричать матом старшина Нильченко. Не долго думая, короткими очередями Бученков отослал к Аллаху его обрезанных бойцов, толпа рванулась в рассыпную, а прапор Васька залез в командирский люк и обиделся. Оказывается, он уже договорился продать двоих раненых «духов» по три тысячи афганей, а одного – за пять. А толпа родственников перед ним не орала – а торговалась. Конечно, одиннадцать штук «афонец» немножко помогли бы нашему прапорщику Васе при защите апрельской революции, однако – не судьба. Шла война.

Буча с шумом выдохнул воздух и огляделся. Рота шла ходко, не заваливая темпа, без отстающих. Редко звякало оружие или шуршала одежда. Пора было садиться на тропу. До рассвета оставалось совсем чуть-чуть, тревога росла, заветная отметка на карте в свете фонарика уже почти совпала с тропой. Младшие командиры по команде ротного суетились, выбирая места засады, назначая секторы обстрела, обкладывая лёжки камнями. Наконец, все утихло. Успокоились звёзды, дыхание стало реже, глаза, привыкшие к темноте, постепенно стали слипаться. Клонило в сон, в голову лезли разные нехорошие мысли. Опять кольнуло Колькино сердце неясная тревога, время текло медленно, поворачивая звёзды по часовой стрелке.

С левой стороны дозора два раза пискнула тангента радиостанции. Это знак: «Внимание!». Темень – хоть глаз коли была уже готова породниться с первым лучиком солнца, и от этого стала ещё гуще и черней. Тропа, убегающая в горный пролом, едва угадывалась в силуэтах сгрудившихся камней. Сверху её хорошо простреливал фланговый пулемёт. Послышался лёгкий шорох, и из-за поворота показался человек в накидке. Руки Бученкова непроизвольно развернули в его сторону ротный АГС – затылок автоматического гранатомета неприятно отдавал холодом. Человек осмотрелся, поднял автомат над головой, как бы показывая основной группе, что путь свободен. Пулемёт дозора молчал, выгадывая секунды ротному для принятия решения. Из-за поворота тропы молча валила серая толпа. Кто это, сколько их – сосчитать было нельзя! Ночная мгла ещё не расступилась.

Где-то сзади, и правее, в двух километрах должна была полчаса назад выйти на караван разведрота ферганского полка, но в эфире была тишина. И тогда Колька громко спросил в темноту на фарси: «Дришь! Фарми кунам!». «Стой! Бросай оружие!» – по-русски. Толпа застыла, и первый, в накидке, дал длинную очередь на звук... Горы ожили в грохоте. Руки ротного едва удерживали тело гранатомета, выбрасывающего из кассеты красно-жёлтую смерть. Пулемёт захлебывался с левой стороны, менял магазины, своё положение, точки прицеливания, оставляя эту серую толпу лежать на камнях, ворочаться, стонать и умирать. Пули рикошетили, выли, щёлкали по скалам. Первый лучик солнца просочил за перевал, стало сереть и – о ужас – Колька различил у убитого дозорного радиостанцию и окровавленную голубую тельняшку.

Медленно вставало раскалённое афганское солнце. Лучше бы не было этого рассвета, слёзы застлали глаза, руки предательски дрожали, начальник разведки дивизии, почерневший от горя, руководил выносом тел убитых на горную площадку, способную принять вертолёт. В Баграм уже ушла страшная весть. Шесть погибших и двенадцать раненых. Две пары вертушек, оттолкнувшись от бетонки, уже приближались к месту сбора. Горе и позор. Кровь своих товарищей можно смыть только своей кровью. В лагерь возвращались на технике, бойцы курили на броне, сплевывая тягучую никотиновую слюну в придорожную пыль. Все молчали, проворачивая в голове секунды ночного боя. Как в тумане проскочила дорога на зимние квартиры, а вечером Колька напился вдрызг и без всякого повода избил прапорщика соседней автороты, очень дорого продававшего палёную водку. Шла война.

Михаил СЛИНКИН, капитан I ранга в отставке

Михаил Михайлович Слинкин — прозаик. Родился в Москве 6 мая 1955 года. С 1973 г. служил в морских частях погранвойск. В 1981 г. окончил Военный институт по специальности иностранные языки. Во время обучения дважды по году находился в служебных командировках в Афганистане, где принимал участие в боевых действиях в провинциях Кабул, Логар и Газни.

Затем служил на различных должностях в частях разведки ВМФ СССР на Кавказе и Черноморского флота СССР/РФ в Севастополе, на кораблях боевой службы выполнял задачи в Индийском океане и Средиземном море.

С 2002 по 2009 г. — начальник научного отдела Института военной истории МО РФ (г. Москва), в настоящее время — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) ВАГШ ВС РФ. Член Союза писателей России.

БОЦМАН

Рассказ

Отношения с боцманом складывались непросто, с самого начала как-то не заладились. Во мне он почему-то усмотрел разгильдяя. Несмотря на всё старание и полное напряжение физических сил во время работ под его руководством, я долго не мог избавиться от приклеенного им позорного ярлыка и числился «балластом» среди «зелени подкильной», к которой традиционно относят молодое пополнение команды корабля.

Виной всему стал отпорник или багор, если перейти на общегражданский язык. Его я чуть было не утопил при покраске бортов. Погода тогда была неважнецкой, поэтому боцман контролировал покраску из тёплой ходовой рубки, время от времени давая ценные указания по громкой связи. Работали мы в паре с акустиком: я внизу, на плотике, он наверху, стоя на баке корабля и придерживая мою хлипкое плавсредство за два конца. Так вот, когда он перетягивал плотик от окрашенной части борта к неокрашенной, я был вынужден разбивать мешавший этому рыхлый ледок отпорником, в какой-то момент потерял равновесие и вертикально воткнул его в воду, чуть не ухнув сам в ледяную купель.

Реакция боцмана последовала незамедлительно, но не по громкой связи, признанной им неподходящей для того, чтобы убедительно и главное правиль-

ными словами, не предназначенными для трансляции по всей стоянке кораблей, излить всё его негодование по поводу происшедшего и добиться этим положительного воспитательного эффекта. Он вмиг оказался у фальшборта и я, задрвав голову, узнал в подробностях мнение боцмана о себе. В кратком литературном изложении оно заключалось в том, что я нехороший человек, никчемный моряк, руки у меня растут не из того места, а в голове вместо мозгов тупая скользкая медуза. Я нисколько не забочусь о сохранности вверенного боцману корабельного имущества, которое он, преодолевая невероятные трудности, выбивает из заплывших жиром береговых крыс – всяких там заведующих службами и складами. Монолог боцман закончил уже вполне официально:

– За утрату отпорного крюка объявляю выговор с занесением!

Отвечаю: «Есть!», и, понимая, что точка в разносе поставлена, опускаю глаза, которыми, как положено, ел разгневанное начальство, и вижу... из воды, покачиваясь между льдинок, торчит ручка отпорника. Без труда дотягиваюсь до неё и вытаскиваю этот, с тех пор мало мной любимый предмет в целостности и сохранности на плотик. Счастливое обретение утраченного было имуществом на мою будущую долю всеобщего негативного примера – «а вот некоторые бессовестные разгильдяи и обалдуи...» – влияния не оказывает, хотя наказание смягчается до «без занесения».

Каким образом боцман «с невероятными трудностями» пополняет запасы вверенного ему корабельного имущества, становится ясно после первой бани на берегу. Помыться и постираться у нас есть где: раздевалка, душ и сушилка на корабле имеются. Но почему-то, может быть так прописано в неизвестных нам распорядках и регламентах, или, что тоже не исключено, это полезная инициатива собственно боцмана, он ведёт нас в баню для личного состава береговых служб. Паримся и моемся вволю, но отдохнуть в предбаннике после помывки боцман не даёт, и вручает каждому по обрезу с указанием скрытно пронести на корабль. Недоумеваю и крайне опрометчиво высказываю свои сомнения вслух:

– Товарищ мичман! У нас же в ахтерпике обрезы стопками стоят.

– Потому и стоят стопками, что в отличие от тебя, медузья башка, у меня здесь серое вещество с многочисленными извилинами, – отвечает боцман, выразительно постукивая себя пальцем по лбу.

В тот раз, не успев отойти и двадцати шагов от бани, наткнулись на засаду. Незнакомый мичман выскочил из-за угла и отобрал обрезы, ругая «жулика Вашку» не прописанными в документах, регламентирующих отношения между военнослужащими, выражениями. Уясняя, что боцмана величают Александром, а игра в казаки-разбойники между ним и засадным мичманом начата отнюдь не сегодня. На корабле радист, самый высокий и тощий из нас, на котором шинель болтается как на вешалке, сдаёт боцману обрез, благополучно вынесенный под полой длинной, еще не укороченной по тогдашней моде, шинели, и тут же удостоивается его похвалы, как «лучший, самый сообразительный матрос, образец исполнения воинского долга и пример для всей зелени подкильной корабля».

Согласно корабельному расписанию, меня определяют в баковую группу под непосредственное руководство боцмана – старшего на баке. Так как частое общение с «медузьею башкой», позволяющей себе сомневаться в правильности отдаваемых им указаний, не доставляет боцману удовольствия,

при постановке на якорь мне предписано находиться в тесном форпике контролировать правильный выход якорной цепи из цепного ящика. Когда это происходит в первый раз и тяжёлая цепь со страшным скрежетом начинает уходить в клюз над головой, опасно болтаясь дугой из стороны в сторону, невольно вжимаюсь в переборку, явственно ощущая металлический привкус во рту и холодок под сердцем. Страшно. Неодолимо хочется белой вскарабкаться по вертикальному трапу выскочить на спасительную палубу. С трудом беру себя в руки, понимая, что после этого навсегда останусь в глазах боцмана, да и команды тоже, «карасём безруким и отставной козы барабанщиком», то есть никчемным моряком, место которого на берегу. При снятии с якоря я также должен находиться в форпике и укладывать якорную цепь железным крюком в цепной ящик таким образом, чтобы звенья ложились не горкой, а распределялись равномерно. Если этого не делать, то при очередной постановке на якорь цепь спутается в клубок и застрянет в клюзе, с чем придётся разбираться опять же мне. Такая перспектива меня, похоже, навечно расписанного боцманом с глаз долой в форпик, не устраивает. Поэтому стараюсь исполнять свои обязанности со всем тщанием.

У причальной стенки корабли стоят борт к борту. Поэтому при убытии одного из них в море на соседнем всегда звучит команда: «Баковым – на бак! Ютовым – на ют!» Надо отдать концы и обеспечить безопасный отход корабля. В таких случаях боцман поучает:

– Пока никто не смотрит, заняты там концами, или ещё чем, быстро перевязывайте на наш борт кранцы, которые получше, плетёные. Как отвалят, кранцы у нас останутся. Не швартоваться же им только ради них заново.

Так и делаем. Когда трюк удаётся, «жулик Сашка» просто расцветает и делает «бай-бай» ручкой, а то и посылает воздушные поцелуи уходящему без кранцев кораблю, на котором мечется, нелицеприятно выражаясь и грозя кулаком, обманутый и обобранный им боцман.

– Записываем очко в нашу пользу, – резюмирует Сашка, видя, что никто возвращаться за утраченными кранцами не намерен.

Боцмана бригады отчаянно соперничают между собой. Их служебное рвение не всегда вписывается в рамки официального «социалистического соревнования». Но командование, зачастую, сквозь пальцы смотрит на некоторые отступления от общепринятых этических норм, «подножки» и «удары ниже пояса», которыми обменивается боцманская братия. Ведь в итоге такой борьбы, пусть и не всегда ведущейся по правилам, корабли становятся всё более красивыми, ухоженными, готовыми в любой момент выдержать проверку с пристрастием со стороны самого высокого начальства. Другое дело, что «паны дерутся, у холопов чубы трещат»: нам, матросам, невольным участникам этой игры, приходится горбатиться, претворяя в жизнь всё новые и новые затеи боцманов, вкалывать физически и нести порою серьёзные моральные издержки.

С наступлением лета боцманам приходится учитывать новое модное веяние, суть которого заключается в том, что корабль, якобы смотрится изящнее, когда надстройка чуть светлее и голубее, чем борта. Соседи уже нашли рецепт, как придать шаровой краске нужный оттенок. Сашка бесится, никак не может добиться необходимого результата, смешивая в разных пропорциях краски

из наличных корабельных запасов. Но после просушки колер всё не тот, что подтверждает каждый, кому он подсовывает свои картонки с маркированными «смесь номер 1», «смесь номер 2»... «смесь номер 7» и так далее образцами.

Найти, казалось бы, подходящий «колер», помог случай. Очередная баня на берегу, очередная засада и изъятие обрезов, после чего идём строем на корабль через территорию сдаточной базы судостроительного завода. Двое рабочих закатывают в складское помещение только что доставленные и сгруженные на землю электрокаром бочки с краской. Боцман не сводит с них глаз и как только рабочие скрываются в тёмном чреве склада, бросается к бочкам и откручивает одну за другой крышки, пока содержимое очередной многолитровой емкости не приводит его в восторг. Он, не раздумывая, засовывает палец в краску и метит нужную бочку крестом, благополучно возвращается к нам и, пока рабочие катят очередную бочку к воротам, проводит краткий, но ёмкий инструктаж:

– Ты и ты, двое, как только заводские скроются, заваливаете помеченную бочку и до КПП пинаете её ногами. Остальные врассыпную, распустив клеша, прикрывают сзади. Разойдись!

Операция по незаконному присвоению чужого имущества проходит без сучка и задоринки. На КПП стоянки кораблей дежурный проявляет интерес к происхождению бочки, и боцман невинно поясняет ему:

– Заодно вот после бани получили краску на складе.

Уже на корабле он, потирая от нетерпения руки, делится с нами радостными планами:

– Завтра корабельные работы. С утра, если погода не подведёт, все разом красим надстройку, чтоб уже после обеда ни у кого сомнения не возникало, кто первый боцман на бригаде.

Утро намеченного триумфа боцмана выдаётся тихим и солнечным. Сам он ещё до подъёма флага успевает приготовить кисти, валики, ветошь, банки и обрезы для краски. Дружно, без раскачки приступаем к работе и завершаем покраску как раз к обеду. Растроганный боцман, ведающий на корабле ещё и продовольствием, велит коку добавить деликатесных консервов из предназначенных для особо торжественных случаев запасов к обычному, и без того обильному обеденному меню. Довольны, похоже, все. Но трудовой подвиг даёт о себе знать: сытно отобедав, заваливаемся на койки. На то он и адмиральский час, чтобы подремать немного, отложив на вечернее время все общественные и личные дела.

Сладкий послеобеденный сон прерывает тревожная команда дежурного «Большой сбор», усиленная криками мечущегося из кубрика в кубрик боцмана: «Все наверх, мухой! Чтоб сей секунд стояли на баке!» На палубе сначала немеет от увиденного, потом, обретя, наконец, дар речи, обмениваемся лишь восклицаниями да риторическими вопросами: «Во, дела! Не фигу себе?» Надстройка сияет и переливается в лучах полуденного солнца как заснеженная горная вершина или покрытая инеем голубая ель в зимнем лесу. Краска, с которой боцман связывал свои сокровенные надежды, оказалась какой-то особой, той, что после высыхания обретает необычайный блеск. Немыслимый «колер» для надстройки боевого корабля.

– Чтo до двух, пока на стоянке все спят, надстройку шаровой закатали. Не успеете, всех наизнанку выверну, на берег спишу, и сам на базу строем от-

веду, – распялет сам себя и нас заодно боцман, пытаясь за напускной свирепостью скрыть растерянность.

Хотя списать всех на берег и не под силу боцману, но даже упоминание об этом звучит угрожающе. На береговую базу никто не желает. Такое наказание считается позорным, страшнее губы, не говоря уже о выговорах с занесением и без. Побиваем не далее как этим утром установленный рекорд и перекрашиваем надстройку за час с небольшим, в чём немалая заслуга боцмана, который успевает не только сам умело махать кистью, но и непрестанно понукать нас – «черепях ленивых» и «каракалиц безмозглых».

Даже не осмотрев вновь ставшую мрачно-шаровой надстройку, несчастный боцман, как побитая собака в конуре, укрывается в каюте «лизывать раны». После отбоя под его руководством прямо у пирса топим бочку с остатками краски – последнее материальное свидетельство полного фиаско Сашкиной двухходовой комбинации по занятию первой строчки в рейтинге боцманов. Между собой решаем, что шансов на первенство у него нет. Он самый молодой из боцманов бригады: некоторые начинали ещё краснофлотцами, и после войны остались на сверхсрочную службу. Тягаться с ними то же, что боксёру-легковесу отстаивать чемпионский титул у Мухаммеда Али.

Долго не находя ответа на вопрос: «Корыстен ли лично боцман или жульничает только в общественных интересах?» Энергичный и предприимчивый характер, который и подтолкнул его вступить в неравную схватку с заслуженными ветеранами боцманского дела, давал основание полагать, что в иных, менее благородных делах ему присущ тот же авантюризм. Подтверждение этому вскоре находится.

Уже после того, как мои отношения с боцманом всё же наладились, и он перестал видеть во мне только обормота и неумёху, командир приказал освободить от хлама корабельную баталеркуна пирсе. Работа пыльная и неинтересная – загруженное на тележку для выдворения за пределы стоянки кораблей ржавое железное могло привлечь внимание только пионеров, занятых сбором металлолома. Но под ним на бетонном полу обнаружилась старая и нигде не учтенная якорная цепь. Она сразу же вызвала живейший интерес боцмана и несложные вычисления вслух:

– Так, звено поменьше, чем у нас, общий объем – тоже. Длина цепи значит где-то метров 100.

Минутное раздумье и команда:

– Металлолом вывезти. Через четверть часа быть здесь с ломом, зубилом, молотком и кувалдой.

Возвращаемся с инструментами и видим, что боцман меряет шагами расстояние от корабельной баталерки до крайней в ряду. Здесь, пожалуй, необходимо маленькое пояснение. Наши корабли используют для стоянки пирс, вдоль которого со стороны моря устроен волнолом из наваленных в беспорядке бетонных блоков и сложена невысокая стенка для защиты от брызг. К ней и примыкают тыльной стороной стоящие в ряд баталерки, немного возвышаясь над верхней частью стены, которая образует за ними полку полутора метров ширины. На неё и указывает боцман, командуя:

– Лезьте!

Лезем, помогая друг другу. Подаём руку боцману. На полке тот отмеряет шагами нужное расстояние, тыкает пальцем в кирпичную стену и приказывает:

– Долбить здесь, дыру в два кирпича.

Долбим, мучаясь вопросом: «Зачем?» Я не выдерживаю и спрашиваю. Боцман смотрит на меня так же, как и в то время, когда я заслуживал обращения «медузья башка», но на этот раз от обидных эпитетов воздерживается, отношения уже не те, и даёт необходимые пояснения:

– Якорные цепи, да будет вам известно, в приморском городе – страшный дефицит. Отталкиваясь от этого неоспоримого факта местной действительности, поступаем следующим образом: делаем дыру, протягиваем в неё цепь и свешиваем конец вниз, ночью подходят рыбаки и за этот малый конец вытягивают её полностью к себе на борт. Все довольны, рыбакам цепь, боцману... а не ваше дело, что боцману. Ваше дело служивое – выполнить приказ командира корабля и очистить баталерку отхлама.

Выполняем приказ командира и заодно указание боцмана, получаем от него по шоколадке. На следующее утро он является на корабль с двумя завёрнутыми в газету кирпичами и двумя кулечками – один из них с цементом, другой с песком. На корабле согласно недельному распорядку проводится планово-предупредительный ремонт, боцману люди не выделяют, и он, захватив ведро с водой и мастерок, кулечки и кирпичи, в одиночку удаляется в баталерку. Возвращается без кирпичей и кулечков, значит, уже не нужная дыра заделана, боцману досталось боцманово, а рыбакам – дефицитная цепь.

Проделки боцмана не остались незамеченными. Если не этим, то чем же тогда можно объяснить, что, в конце концов, его всё же куда-то перевели. Точно не на берег, но и не на другой корабль нашей бригады. Возможно, услали куда-нибудь подальше от соблазнов республиканской столицы Таллина.

К нам, по иронии судьбы, назначили того самого засадного мичмана. Море он не любил, но перед увольнением в запас ему захотелось добиться прибавки к пенсии. Так что к жизни он относился весьма серьёзно и потому оказался человеком правильным, но скучным. Принимая дела, он пересчитал обрезы в ахтерпике, отметив сразу, что большая их часть помечена буквой «Б» и прежде использовалась в качестве шаек для помывки личного состава в его прежнем заведовании – бане. Долго мучился вопросом, возвращать или нет. Не вернул, но запретил использовать под краску, после чего они раньше просто выбрасывались за борт.

Корабельные работы под руководством нового боцмана превратились в сущую каторгу, но не потому, что стали тяжелее физически или проводились чаще, нет, просто они приобрели такой же серьёзный и нудный, как у него, характер. Выслушивая поучения боцмана, а начинались они непременно официально «Товарищ, матрос...», мы ещё долго жалели о мичмане Сашке и готовы были, если бы он только вернулся, терпеть известные моральные издержки от его проделок и бесконечно прощать ему такие неллицеприятные сравнения с водными обитателями, как «караси болотные», «каракатиты безмозглые» и другие, более сильные выражения, лишь бы настроение на корабле перестало соответствовать его мрачно-шаровой окраске.

Анатолий АНДРЕЕВ, подполковник запаса

Анатолий Александрович Андреев — прозаик. Родился 8 сентября 1963 года в г. Уфе. После окончания школы в 1981 году поступил на 1-й курс Уфимского нефтяного института. В мае 1982 года был призван в ряды Вооружённых Сил СССР. Срочную службу проходил в Таманской Краснознамённой ордена Октябрьской революции дивизии им. 60-летия СССР. 23 апреля 1984 года был уволен в запас с должности командира отделения в звании «старший сержант». В июле 1984 года поступил на 1-й курс Уфимского ордена Ленина авиационного института им. Серго Орджоникидзе. После окончания 4-го курса в июле 1988 года был переведён на 5-й курс Ленинградского Военного инженерного Краснознамённого института (ныне Военно-космическая академия) им. А.Ф. Можайского. После его окончания в июне 1989 года был назначен на должность инженера отделения войсковой части в войска Воздушно-космической обороны. Военную службу проходил на различных должностях — инженер отделения, старший инженер отделения, начальник смены отделения, начальник отделения, начальник отдела. В декабре 2009 года был уволен в запас по достижению предельного возраста пребывания на военной службе в звании подполковника. В настоящее время работает инженером отделения той же воинской части в качестве гражданского персонала.

СЛЕДЫ ОТ ПУЛЬ НА ЛОБОВОМ СТЕКЛЕ

Рассказ

Моему школьному товарищу Славке Кузнецову посвящается

Слава Кузнецов. Мы никогда с ним не были друзьями.

Где-то в середине 60-х, мой отец получил квартиру в новой «хрущёвке». Примерно в это же время и Кузнецовы въехали в соседний подъезд. Мы были одногодки, я был старше Славки месяца на два. В дошкольном возрасте нас водили в детские сады. Правда, в разные. Моя мама работала в одном из таких садиков, который находился в двух кварталах от дома, и мне тогда было странно, почему ж меня водят так далеко, когда в соседнем дворе есть такой же детский сад. Так как мы весь световой день проводили в саду, а вечерами малышня погулять не выпускали, то и пересекались мы со Славкой и многими другими моими сверстниками очень редко.

Время шло. Наступил день 1 сентября 1971 года. Родители отвели меня в школу. И вот там-то наши пути со Славой пересеклись – мы попали в один класс. Классы в то время формировали по адресному принципу. Так в нашем классе оказались все мои сверстники из нашего 84-го и соседнего 82-го дома по улице Первомайской Калининского района города Уфы, причём все пацаны. А основная масса девочек из практически соседнего со школой дома по улице Интернациональной. Этот дом, как и состав нашего класса, был уникален тем, что в нём жило пять пар двойняшек одного возраста, четыре из которых учились в нашем классе. Три пары девочек и две смешанные пары! Одна смешанная пара Гильмановых училась в «В» классе, остальные в нашем «Г».

Славка Кузнецов, он же «Сола». Ему, как и многим в детстве дали такое прозвище для простоты общения. Радик Сафаров был «Раджой», Раис Гайсин – «Расей», сосед Ринат Фаршатов – «Реной», а Славка – «Солой». Не знаю, почему мы его так называли, но он не обижался. Балагур и весельчак, он любил пошутить, и подтрунивать над своими друзьями, отпуская сальные шуточки или травя непристойные анекдоты.

Славка учился не так чтобы очень хорошо, переваливаясь с тройки на четвёрку. Но энергии у него хватало на всё. После школы, забросив портфели, мы гонял мяч до темноты с другими пацанами. Со 2-го класса у нас проводились неофициальные чемпионаты среди параллельных классов по футболу. Пока старшие занимали школьное футбольное поле, мы утапывали более-менее ровные близлежащие поляны или дворы своих же домов, в которых можно было без вреда для оконных стёкол свободно распоряжаться футбольным мячом. В нашей параллели было сначала 6, потом 5 классов и наш класс держался в тройке лидеров, с переменным успехом, деля 2-е места с «А»-шниками. Лучшим же всегда был самый боевой и хулиганский «В»-класс!

Может быть потому, что футбол с пацанских сплел вошёл в нашу жизнь, Славка, как и многие наши ребята уже классе в 4-м записался в спортивную секцию футбола стадиона «Нефтяник» г. Уфы. Интерес к этой игре у нас не ослабевал до самого выпуска из школы. Мы могли играть в любую погоду: в дождь, в слякоть, до темноты пока уже мяча видно не было, даже зимой по колено в снегу. Играли не за кубки и медали, а на принцип, доказывая на футбольном поле, кто сильнее, техничнее и ловчее. Хотя и в соревнованиях тоже принимали участие. Многие играли в любительских дворовых командах домоуправлений на первенства районов, города, а такие как Славка играли за свои клубы, в которых занимались футболом под руководством профессиональных тренеров. Даже какие-то спортивные разряды получали. Но всё равно баталии среди школьных команд для нас были важнее.

Когда после 8-го класса многие ушли в ПТУ и техникумы, из пяти классов осталось три. Всех учеников перемешали и собрали один класс с математическим уклоном, в который попал я и ещё трое ребят из нашего класса и два с обычной школьной программой.

Но футбольное противостояние не прекратилось! В нашем «А» классе собрались лучшие игроки бывших «В» и «А»-классов, а в оставшихся только Славка Кузнецов был игроком их уровня и поэтому даже сборные этих двух классов не могли нам составить достойной конкуренции.

Но детство когда-то кончается. Вот уже отзвенел последний школьный звонок и сданы школьные экзамены на аттестат зрелости. Отшумел выпускной вечер, плавно перешедший в утро. Пришла пора вступать во взрослую жизнь!

Славка не отличался особой одарённостью в науках и поэтому не спешил сдавать документы в какой-нибудь вуз, которых в Уфе хватало, и выбор был большой! Он, из семьи простых работяг, туда особо-то и не стремился. В железках покопаться ему было интереснее, не зря ж в УПК он учился на автослесаря. И, кажется, в этой области он и собирался получить образование, а параллельно закончил автошколу при ДОСААФ.

Так как родился Славка в ноябре, в осенний призыв он не попал. А призвали его весной – 1 апреля 1982 года. И так как он уже умел крутить «баранку», его отправили в учебку для подготовки военных водителей куда-то в Среднюю Азию, а оттуда их, молодых военных водителей, переправили в пылающий в гражданской войне Афганистан. Исполнять интернациональный долг.

Я не хочу становиться на какую-либо сторону баррикад, обсуждая или осуждая правильность или неправильность принятых тогда решений по поводу ввода наших войск в Афганистан. Это моё поколение, мои сверстники воевали там, проявляя как чудеса мужества, отваги и героизма, так и трусость, подлость и предательство. Все, от необстрелянных желторотых солдат-первогодков и молодых лейтенантов до побелённых сединами генералов, оказавшись на войне, обнажили все свои человеческие качества – от самых высоких и чистых до самых низменных и мерзких.

Одно могу сказать точно, что если бы мне было дано право выбора между Афганом и спокойным гарнизоном в глубинке, в то время я, не задумываясь, выбрал бы первое. Но мне довелось служить срочную службу именно в таком гарнизоне. И от нас мало, что зависело. Одного желания было недостаточно, чтобы попасть в Афганистан. Мой друг-однополчанин Рашит Ахметгареев забросал командование рапортами с просьбой перевести его туда (из Афгана в цинковом гробу привезли тело его лучшего друга), но всё было тщетно. Он дослужился от рядового до старшины и после демобилизации пытался поступить в Рязанское военное училище ВДВ, но упустил время и не прошёл по возрасту. Так ему хотелось попасть туда, но – увы!

Конечно, есть большая разница между «хотел попасть» и «попал». Не знаю, как, например, я бы вёл себя, попав на войну. Рассуждать об этом можно бесконечно.

Люди, воевавшие там, прошедшие все круги ада, и вернувшиеся живыми, по-разному потом адаптировались в мирной жизни. Мой двоюродный брат Лёнька – бравый воин-десантник, в 1988 году выходил со своей частью из Афганистана последним. Повидав много смерти и крови, он никак не мог устроиться на гражданке. Быть простым механизатором в колхозе или пасти стада, как его отец он, которого учили убивать, уже не мог. Его тянуло туда, где есть опасность, где можно применить свои «знания». Он продолжал «воевать». Порой под градусом, рвя на себе рубаху, шёл в рукопашную. Служил в транспортной милиции и, когда началась первая Чеченская компания, не раздумывая, поехал туда – воевать!..

Славка достойно прошёл все эти испытания. Из его письма, которое мне дал прочитать мой одноклассник, я узнал, некоторые подробности из его афганской службы. Писал на свой страх и риск, помня о том, что им не разрешалось писать о происходящих там событиях. Он отправил письмо через своего то-

варища в Союзе, чтобы избежать последствий.

Сначала он носился по горам в составе миномётного расчёта, таская на спине станину миномёта. Потом его посадили на бензовоз. Через перевал Саланг колонны автомашин, сопровождаемые бронетехникой, перевозили в Афганистан боеприпасы, горючее, продовольствие и другие грузы для ограниченного контингента советских войск и мирного населения отдалённых афганских районов. Работа военного водителя сложная. Надо и на дорогу смотреть, крутя «баранкой», чтобы ненароком не слететь с дороги, особенно в горах, где можно оказаться на дне какого-нибудь ущелья, да и вертеть головой по сторонам, чтобы не стать мишенью для маджахеда, притаившегося за каким-нибудь «камушком». Так и гоняли через перевал, иногда попадая в засады и под обстрелы. Несколько раз пробивали колёса, но крупных неприятностей пока не случилось.

Был обычный рейс. Заправившись и заполнив под завязку цистерну горючим, Слава в составе колонны двинулся в путь через перевал. Впереди, полязгивая гусеницами, полз серый от пыли танк. За ним на, предусмотренной для движения колонны, дистанции плёлся БТР, переваливаясь на ухабах и неся на броне десантников.

Некоторые из них, скорее всего впервые вышедшие в рейс для сопровождения, как воробьи, нервно вертели головами, озираясь и впиваясь всей кистью в рукоять автомата и набросив палец на спусковой крючок при каждом постороннем движении по сторонам от дороги. Более опытные ребята прочёсывали намётанным глазом каждый камешек на склонах гор и каждый кустик «зелёнки» в долине, стараясь не упустить того, что может грозить опасностью для, сопровождаемой ими, колонны. И только дембель, удобно пристроившись возле башни, дремал, кивая головой в такт движениям БТР, нырнувшего в очередной ухаб или ямку.

Славка вёл свой бензовоз по, до боли знакомой и не раз изъезженной им, дороге, где каждый поворот, каждая ямка или ухабина, казалось, были ему известны. Солнце предательски слепило глаза, то прячась, то выползая из-за горных вершин, мешая следить за дорогой. Рядом на пассажирском сиденье, на месте старшего машины, которого на этот раз не было, лежал верный боевой товарищ «Калашников» с обтёртыми от лазания по горам цевьём и прикладом, поблёскивая воронёной сталью ствола, заботливо смазанного Славкой перед выходом в рейс.

Колонна уже шла по перевалу. Машину раскачивало в набитой колее. И вдруг мощный хлопок взрыва, от которого заложило уши, и резкая боль от голени до бедра опалила правую ногу Славы. Бедняга «Калашников», приняв на себя часть осколков, лежал искорёженный на дне кабины. Мина разорвалась от наехавшего на неё правого колеса бензовоза. Раздумывать не было времени. Придерживая источающую кровью рану, Славка выбрался из машины и лёг у обочины, приготовившись к повторному взрыву. Шутка ли – за спиной у него было 10 тонн горючего! Но взрыва не было. Бензобак был полным и потому детонации не произошло. Машина, опершись на обод разорванного взрывом правого колеса, уткнулась в землю. Польшала резина покрышки, покрывая копотью правый борт. И только две мысли сверлили голову. Как же так произошло – ведь только что по этому месту проехало половина колонны с танком во главе! И вторая о том, что как же хорошо, что старшего машины не было.

На этот раз не прибавилось новых фамилий к скорбному списку павших в этой войне!..

И это был первый след, первая пробоина на лобовом стекле Славкиной жизни.

За образцовое исполнение своих должностных и специальных обязанностей при перевозке грузов для ограниченного контингента советских войск в Демократической республике Афганистан рядовой Кузнецов Вячеслав Алексеевич был награждён медалью «За боевые заслуги».

Отлежав в госпитале, рана благодаря «Калашникову», закрывшему собой своего боевого товарища, оказалась не очень серьёзной, Слава вернулся в свою часть. Восстановил ходовую часть своей машины и, как он выразился в письме, «скинул бочку». На её месте был построен бортовой кузов. И работа им предстояла не такая опасная, как прежде – перевозка песка и гравия с афганских каменоломен в Союз.

Наступила весна 1984 года. Я демобилизовался в конце апреля. В мае, начале июня мои сверстники, одноклассники один за другим возвращались, исполнив свой конституционный долг, отслужив срочную службу в Советской Армии, домой. Вот уже вернулся один из наших «афганцев» – Ринат Ибатуллин, учившийся в параллельном классе и одноклассник по 9-10 классу Славки Кузнецова. Он, как и Слава попал в автомобильную учебку, через полгода тоже колесил по афганским дорогам, подвозя разные грузы. Но ему повезло меньше. В один из рейсов колонна попала под обстрел, пуля попала Ринату в ногу, пробив кость. Полгода госпиталей, долгая реабилитация и в результате комиссация по ранению.

А Славки всё не было. Последний, самый разгильдяйский дембель уже вернулся домой. И вот новость – всё! Демобилизация! Пока готовили и ждали замену, дембелей не отпускали аж до 1 июля! Получается, что Славка прослужил 2 года и 3 месяца. Он самый первый из нас призвался и самый последний уволился! Все во дворе с нетерпением ждали его возвращения!

И вот однажды в погожий июльский день, я возвращался из института, сдав туда документы для продолжения учёбы. Подъезжая к своей остановке, я в окно увидел, стоящего в ожидании своего транспорта Славку. Открылись двери троллейбуса и мы, увидев друг друга, отодвинув пристающих с проверкой билетов, контролёров, обменявшись крепким рукопожатием, по-братски обнялись!

Передо мной стоял не тот Славка Кузнецов, мой школьный товарищ – разгильдяй и балагур! Это уже был Вячеслав Алексеевич, в свои двадцать с небольшим! Его когда-то чёрные, как вороново крыло волосы, пробивала седина и взгляд не мальчика, но мужа. В его глазах виделась смесь глубокой задумчивости, пережившего многое человека и отдалённые игривые искорки того, прежнего Славки. К тому времени его родители переехали в другой район, и он как раз собирался ехать туда. Мы прошли пару кварталов, он рассказывал, я слушал. Слушал и поражался как он просто, обыденно рассказывает о войне. И одна фраза запомнилась мне из этого рассказа, сказанная им в глубокой задумчивости и унёсшая его туда, в пережитое, напоминающая весь кошмар и ужас от увиденного. «Я видел, как взрываются «Грады!» («Град» – это снаряд от реактивного миномёта с одноимённым названием, типа «Катюши» времён Великой Отечественной, но гораздо мощнее). Он вспомнил, как под обстрел попала их колонна, в которой перевозили и боеприпасы. Снаряд гра-

натомёта угодил в машину, перевозившую эти снаряды. То, что творилось вокруг после разрыва этих снарядов, не поддаётся описанию!..

К сожалению, со Славой мы больше не виделись. Через несколько лет, после окончания военного вуза, я приехал в первый свой лейтенантский отпуск. И как-то на остановке, я встретил своего одноклассника – Салавата Мухамедьянова. Он, как оказалось, жил недалеко от дома, где жили мои близкие. Мы разговорились, вспоминая былое и делясь новостями. И он-то мне и поведал, как сложилась в дальнейшем судьба Славы. Так получилось, что Слава и Салават попали в одну бригаду по строительству жилых домов, они устроились туда с одной целью – построить себе кооперативную квартиру. Для того-то и устроились, чтобы убыстрить процесс, так как строители получали жильё в первых рядах.

Как-то на одной из вечеринок, посвящённых дню рождения Рината Ибатуллина, Слава познакомился с его двоюродной сестрой. Вспыхнуло чувство, оно заполнило обоих влюблённых без остатка. Вскоре, уже не в силах жить друг без друга, они узаконили свои отношения.

Девушка не отличалась крепким здоровьем, и врачи настоятельно рекомендовали ей воздержаться от рождения детей, беременность её могла просто убить!

К тому же они к тому времени перебрались в Красноярский край, где Слава работал водителем на одной из комсомольских строек. Но любовь рушит все преграды и творит чудеса. И, несмотря на запреты врачей, любящая супруга подарила Славе двух сыновей – погодок. Родители не чаяли души в малышах, окружая их заботой, порой отказывая себе во многом. Идиллия!

Но болезнь, засевшая в хрупком теле Славиной супруги, прогрессировала и съедала её день за днём. И однажды всё кончилось. Организм, поддерживаемый только любовью к мужу и детям, не выдержал. Она ушла. Ушла тихо и скромно, как жила. Ушла, оставшись в глазах и улыбках их сыновей. Горе разрывало сердце Славы! Любимая жена оставила его, вдали от родины, с двумя малышами на руках.

И это был второй след от пули на лобовом стекле Славиной жизни, больно ударившей прямо в сердце.

Слава вернулся в Уфу, с пробитым от горя сердцем. Но надо было как-то жить дальше, поднять мальчишек и вывести их в жизнь, в память о ней, любимой супруге, на смертном одре, просившем его только об этом!

Он работал на стройке. Строил свою квартиру, дом для своих подрастающих сыновей.

И произошла встреча. Где и как – история умалчивает. Но она должна была произойти, должна была появиться на Славином жизненном пути женщина. Хорошая женщина. И она появилась, и приняла его с двумя его малолетними детьми, не побоялась трудностей. А ведь начинались 90-е годы, годы длинных очередей и пустых магазинов, безденежья и безработицы, разгула преступности и милицейского беспредела.

И вместе они пережили это лихолетье, подняли и выучили сыновей. Но шрамы на сердце от пережитого, от невозполнимой потери любимой, каждый день напоминавших о себе в глазах и улыбках сыновей так и не зарубцевались.

И та маджاهدская мина, пощадившая его тогда в 1983-м, в далёком Афганистане и пуля того горя от потери любимой, застрявшая кровотокающей занозой в его сердце, разорвали его. В 2008-м его не стало. Сердце. Ему едва исполнилось 45 лет!

Александр САЛИХОВ, полковник запаса

Александр Шарифович Салихов — прозаик. Родился в 1972 г. в городе Душанбе. В 1987-1989 гг. учился в Душанбинской суворовской школе. В 1989 г. поступил во Львовское высшее военно-политическое училище на факультет журналистика. В 1992 г. переведён в Гуманитарную академию ВС РФ, после окончания которой в 1993 г. назначен на должность ответственного секретаря дивизионной газеты в Забайкальском военном округе.

С 1994 по 2000 гг. проходил службу в 201-й мотострелковой дивизии в Республике Таджикистан, где исполнял обязанности корреспондента и ответственного секретаря дивизионной газеты «Солдат России», инструктора-литератора и помощника командира дивизии по связям с общественностью и СМИ.

В 2000-2001 гг. — редактор газеты «Гвардейская слава» 42-й гвардейской мотострелковой дивизии в Чеченской Республике. В 2001 г. исполнял обязанности ответственного редактора

газеты «Защитник Родины» 58-й общевойсковой армии (г. Владикавказ).

В период службы в Вооружённых Силах участвовал в миротворческой операции по ликвидации последствий межнационального конфликта в условиях чрезвычайного положения на территории Республики Таджикистан и в контртеррористической операции на территории Чеченской Республики, ветеран боевых действий.

С 2002 г. после увольнения в запас из рядов ВС РФ и по настоящее время — преподаватель, старший преподаватель, доцент кафедры информационного обеспечения (журналистики) Военного университета МО РФ. Одновременно с 2006 г. по настоящее время — редактор газеты Общероссийской общественной организации выпускников суворовских и нахимовских училищ, военных спецшкол и кадетских корпусов «Кадетское братство». Опубликовал (в соавторстве) 8 публицистических и военно-исторических сборников.

Кандидат исторических наук, профессор Академии военных наук. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Имеет награды Министерства обороны РФ, других силовых ведомств России и иностранных государств. Лауреат литературных премий Союза писателей России им. М.Ю. Лермонтова и М.Д. Скобелева.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЛЕЙТЕНАНТ

Рассказ

– Эх, как бы тебя ещё модернизировать?!

– А вы мне лампочку на лоб приколотите, чтобы я и ночью работал...

(Прения в бюро рационализации и изобретательства)

В начале 1990-х годов лейтенант З. – выпускник престижного столичного военного ВУЗа – вследствие рабоче-крестьянского происхождения и природной «немохнатоволосатоплости», как и положено, был направлен по распределению в Забайкалье – на «маньчжурку». Туда, где «Китаю чем-то там грозя, стоит красавица Борзя» – на должность начальника солдатского клуба мотострелкового полка.

Времена были запостперестроечные, то есть великий и могучий Союз уже почил в бозе, а хилые ростки демократии более напоминали всепожирающие сорняки дикого капитализма, Вооружённым Силам чуждого, но неизбежного. В этих условиях общевоинское соединение, куда входил полк лейтенанта З., как и большинство ему подобных, испытывало катастрофическую потребность в не успевших покинуть ряды защитниках Отечества. Поэтому появление молодого и перспективного, а главное – не стремящегося сбежать обратно офицера, командование части приравняло к нечаянному джек-поту в распротранённых тогда всесоюзных лохотронах.

Спустя неделю по отношению к З. исчезло даже традиционное брюзжание предпенсионных подполковников о деградации молодёжи, ибо полковой очаг культуры источал аромат свежей краски, библиотекаря перестала «отсвечивать» на местном рынке, а нерусский киномеханик наловчился рвать плёнку не более четырёх раз за сеанс, чего не помнили даже ветераны части – современники Мао Цзе Дуна.

Служебное рвение лейтенанта сразу же было оценено по заслугам. Справедливо рассудив, что выдача литературы не требует непосредственного участия начальника клуба, важнейшее из искусств крутится на древнем экране только по выходным и праздникам, а также учитывая неженатость и бездетность, влекущие за собой вероятность тлетворно-разлагающего влияния местных «бичей», уже достаточно перевоспитанных пенитенциарной системой для того, чтобы их можно было выпустить из мест заключения, но ещё недостаточных для цивилизации, и где семья, в которой никто не сидел, считалась неблагополучной, командование решило расширить будничные кругозор офицера. Так З. стал «вечным» дежурным по полку...

Эксперимент удался на славу. Боевая и мобилизационная готовности части не рухнули, а в клубе даже прошла первая за последние ...надцать лет читательская конференция, на которой кое-кто из молодого пополнения впервые увидел в книге ещё и источник знаний. Кривая происшествий, преступлений, грубых нарушений воинской дисциплины и случаев травматизма пошла вниз, наглядно отображая благотворное воздействие на неокрепшие

солдатские умы тандема высокого искусства с утренним осмотром. Воспитательный талант лейтенанта немедленно был обращён на пользу общего дела, одновременно решив сразу две насущные проблемы. А именно: не дать захвнуть восходящему светилу отечественной педагогики и заполнить вакантную «клетку» замполита мотострелковой роты, во «временное исполнение обязанностей» коего без отрыва от основного производства новоиспечённый Макаренко тотчас же был оформлен приказом по полку.

Пережив непродолжительную эйфорию от собственной значимости, З. с головой окунулся в новый и дотоле неизведанный процесс непосредственного общения с личным составом. Снимая пробу в столовой перед приемами пищи, он цитировал аспекты обеспечения войск в работе Фридриха Энгельса «Государство и армия», при проверке караулов в памяти всплывали героические эпизоды из боевых действий недавно выведенного Ограниченного контингента, а на плацу и в парке перед глазами вырисовывались радужные картины новомодного ещё тогда веяния – реформирования Вооружённых Сил вообще и его полка в частности. По ночам в «дежурке» всё это превращалось в оформленные по всем правилам военно-методической науки конспекты для проведения занятий, чтобы затем сеять разумное, доброе, вечное...

Спустя ещё пару недель, вслед за августом неожиданно, но строго по графику, пришла зима. Крепкий забайкальский морозец бодро и настоятельно затребовал искусственного обогрева жилого сектора и казарменного фонда. По недоброй иронии судьбы гарнизонная котельная располагалась аккурат за полковым клубом. Разумеется, при всем небогатстве выбора иной кандидатуры на пустующее место главного кочегара, нежели добросовестный З., просто и быть не могло. Замкомполка по тылу в минуту расставания с полуразрушенным строением скорчил скорбную рожу, торжественно вручил лейтенанту связку ключей от прогоревших колосников и с чувством выполненного долга тут же исчез по неотложной служебной надобности в недрах близлежащего продсклада. Другой же замкомполка – по вооружению – по-отечески сочувственно похлопал свеженазначенного «энергетика» по плечу, помянул богов с горшками и даже провёл на груди металлолома, в изобилии устилавшего подножие заржавленной дымовой трубы, краткое персональное инструкторское занятие по общему устройству штоков переходного вентиля. После чего, оставив лейтенанта один на один с размороженной ещё в советские времена теплоцентралью, удалился восвояси, размышляя о надёжности и преимуществах печного отопления перед паровым.

З. же, руководствуясь принципом «Если не я, то кто?», вооружился ворохом засаленных инструкций и принялся изучать новоприобретённое хозяйство. Детальный осмотр котлов, задвижек и манометров выявил наличие отсутствия многочисленных узлов и агрегатов. Большая часть уцелевшего, выражаясь казённым языком, «ремонту и восстановлению не подлежала и требовала списания как многократно выслужившая установленные сроки эксплуатации». Однако пробный запуск воды в систему показал, что не так страшен чёрт вместе с его малюткой.

Декалитр китайской «хунхузовки» ускорил успешное завершение переговорного процесса с Юрой и Пашей – общепризнанными местными авторитетами в области сантехники, каковые с радостью готовы были на пару восстановить хоть Днепрогэс, лишь бы не иссяк алкогольный фонтан. Работа закипела не за страх, а за спирт, вы-

менянный лейтенантом у китайцев на рынке за оказавшуюся здесь абсолютно ненужной парадную шинель. Спустя непродолжительное время пышные султаны черного дыма, повалившие из покосившейся трубы, возвестили миру о почти полной реанимации источника тепла. Одновременно, в ходе демонстрации командованию готовности к зиме, в топках сгорела свято сберегаемая последняя НЗ-шная вагонетка угля. Ответственным за доставку одного из расположенного по забайкальским меркам практически рядышком (всего в сотне километров) угольного разреза был назначен... – правильно, лейтенант З. Раз он заведующий котельной, ему и кайло в руки...

От всех свалившихся на голову разномастных забот иной хлипкий гражданин эту самую голову давно бы просунул в намыленный силком и вышиб себе из-под ног табуретку. Но З. умел невозмутимо-стойко переносить создаваемые тяготы и лишения, а также владел научной организацией труда. Полковая дежурная машина регулярно совершала чартерные рейсы в угольный разрез, а рота, разделённая на три ударные бригады, рассосалась на погрузку, к топкам и в суточный наряд, сменяя друг друга на объектах в интересах социальной справедливости. Не была забыта и прямая специальность – культурно-просветительная работа – путём разучивания личным составом строевых и военнопатриотических произведений отечественных композиторов непосредственно на рабочих местах. Как говаривал Иосиф Виссарионович, «нам песня строить и жить помогает», а, соответственно, «будет хлеб – будет и песня».

Отладив работу вверенных ему организаций с точностью механизма швейцарских часов, З. даже немного заскучал. Пылливый ум требовал выхода молодой энергии. Ведь, как известно, совершенству нет предела. Проходя по жилому сектору военного городка, З. обнаружил дымок, струящийся из самопальных «буржук» на различных этажах стандартных пятиэтажек. Да и собственная квартира, которую лейтенант в силу известных обстоятельств навещал нечасто, встретила его могильным холодом. Как же так: уголёк в топке полыхает, копопыт из трубы покрыла снег в округе сантиметровым слоем, вода в системе циркулирует, по трубам журчит, а тут лёд на подоконнике. Правда, есть ещё и баня, которая работает только по выходным, но в котельной-то процесс идёт ежедневно... Озадаченный таким несоответствием, З. снова углубился в изучение инструкций, графиков и схем теплоснабжения. Вместе с пресловутыми Юрой и Пашей облазил колодцы, подвалы и бойлерные, отслеживая движение жидкости по тепломагистрали. И нашёл-таки! Как выяснилось, горячая вода из котельной исправно двигалась в сторону жилого сектора целевым назначением строго в один дом, а в этом доме – в один подъезд. Понятно, в какой – в комдивовский.

Воспитанный в духе всеобщего равенства и братства, лейтенант тут же перекрыл вентили, подняв таким образом температуру в остальных домах до плюсовой и уравнив командира соединения с остальными аборигенами военного городка. Реакция последовала незамедлительно.

Следующий рассвет З. встретил в генеральском кабинете. О чём беседовали два поколения защитников Отечества, по-видимому, навсегда останется военной тайной. Но судя по подписанному рапорту на увольнение, с которым лейтенант покидал начальственные апартаменты, диалог получился конструктивным. З. уехал из Забайкалья и с головой погрузился в коммерцию. А ещё через три месяца дивизия попала под сокращение. Но это уже совсем другая история.

Сергей ВАСИЛЬЕВ, капитан 2 ранга запаса

Сергей Яношевич Васильев родился 19 сентября 1968 года в городе Минске Белорусской ССР. В 1992 году с отличием и золотой медалью окончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища (выпуск состоялся уже в Гуманитарной академии Вооружённых Сил РФ).

Офицерскую службу на Северном флоте проходил корреспондентом-организатором в отделе информации редакции газеты СФ «На страже Заполярья», начальником отдела боевой подготовки флотской газеты. С 1998 по 2002 год — постоянный корреспондент журнала МО РФ «Ориентир» по Северному флоту. С июля 2002 по март 2008 года — постоянный корреспондент газеты «Красная звезда» по Северному флоту. С 1 марта 2008 года — заместитель

ответственного секретаря газеты «Красная звезда». В декабре 2012 года уволен в запас.

Участник десяти дальних походов, в том числе в составе экипажа АПЛ «Тамбов», ПЛ «Ярославль» и ТАВКР «Адмирал Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов». В феврале-марте 2000 года находился на Северном Кавказе в подразделениях 876-го отдельного десантно-штурмового батальона морской пехоты СФ.

Автор литературно-публицистического сборника «Пожелай мне военного счастья!...», изданного к 75-летию Краснознаменного Северного флота. Соавтор сборников «Помнить поимённо» (о североморцах, погибших на Северном Кавказе в ходе второй чеченской кампании), «Курск». Поход в бессмертие...» (посвящено подводникам, погибшим на АПК «Курск») и «Плавная рать Русской Арктики» (о 61-й отдельной Киркенесской Краснознамённой бригаде морской пехоты Северного флота).

Член Союза писателей России. Лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси-2014» в номинации «Военно-патриотическая».

ПОМНИ КАВКАЗ, ГЕНЕРАЛА!

Очерк

6 марта 2000 года не стало Героя России генерал-майора Александра Отраковского. Глубокой ночью на командном пункте 876-го отдельного десантно-штурмового батальона морской пехоты Северного флота близ чеченского селения Ведено на 54-м году жизни перестало биться сердце начальника береговых войск СФ, отважного морского пехотинца, боевого генерала. Он умер во сне...

Тогда до конца в это даже не верил. Потому что ровно за неделю до его смерти я разговаривал с Александром Ивановичем в Беное, откуда ОДШБ морской пехоты должен был совершить марш на новые позиции рядом с Аргунским ущельем. А у меня заканчивался срок командировки, и мы с генерал-майором Отраковским договорились об обстоятельном рассказе о действиях морской пехоты уже после войны, в Североморске.

За время, проведенное в Чечне, я встречался с Отраковским несколько раз. И в первый же день он предложил съездить в Ведено: познакомиться с командирами чеченских ополченцев. «Кстати, – мимоходом подчеркнул Александр Иванович, – в первую кампанию они воевали против нас. Но поняли, что дальнейшая война кроме слез и горя ничего чеченскому народу не принесет». Честно говоря, немного опешил: вот так запросто в «уазике» взять и поехать в одно из самых громких «осиных гнезд» непримиримых? Генерал, почувствовав заминку, улыбнулся: «Давай, все нормально. Нас здесь не тронут. Я у горцев, как бы это точнее выразиться, в авторитете. Так что оружие не понадобится – вон ПМ даже не в кобуре, а просто в кармане камуфляжа таскаю, а вот фотоаппарат захвати».

Разместились в салоне автомашины, Александр Иванович махнул рукой охране, пытавшейся по утопшей в грязи дороге развернуться на «бэтээре»: мол, догоняйте! – и мы вырулили из Беноя, где дислоцировался штаб отдельного десантно-штурмового батальона морской пехоты Северного флота.

Ехали быстро и тряско. Втроем: генерал, его водитель и я, только прибывший в командировку и, соответственно, пороху еще не нюхавший. На всю рать лишь водительский автомат Калашникова и пресловутый ПМ генерала. Отраковский спокойно, даже как-то по-хозяйски, всматривался в мелькавший за окнами машины пейзаж: разбитые войной дома, от бомб воронки, уверенно объезжаемые водителем. Видимо, маршрут ему уже привычен. «Да, – негромко вздохнул Александр Иванович, – наворотили».

– Я же сам кавказец, – Отраковский вполоборота повернулся ко мне, – родился в Кутаиси. Затем семь лет учился в Орджоникидзе, в суворовском училище. Золотые годы, благодатный край. И разве мог тогда подумать, что вернусь на малую родину с оружием в руках.

– Александр Иванович, – спросил генерала, – видел в штабе вашу тужурку с орденоскими планками. Неужели и ее приходится надевать? Камуфляж-то удобней.

– Она нужна, скажем так, для особых случаев, – Отраковский хитро улыбнулся. – Горцы с детства воспитываются в духе уважения к воинству и силе. Здесь хорошо знают цену орденам. Так что пусть видят и мои награды за службу нашей общей Родине. А вообще, психология чеченца – тонкая штука, ее понимать и учитывать надо. На войне дипломатия – вещь более чем необходимая, как дополнительный боекомплект...

В доме одного из командиров чеченского добровольческого батальона, больше смахивающем на неприступную крепость, мы пробыли более часа. И нужно было видеть, с каким уважением разговаривали горцы с Александром Ивановичем, советовались, откровенно подчёркивая, что с приходом морлехов в Веденское ущелье в самом Ведено, этом родовом гнезде Басаева, установился

мир. И пусть – мир хрупкий. Но огромная заслуга генерала Отраковского, показавшего себя истинным дипломатом, что Веденский район, хоть и трудно, однако возвращался к мирной жизни.

– Александр Иванович, оставались бы комендантом района, – просили ополченцы. – При вас покой этой земле гарантирован.

Местные жители были признательны генерал-майору Отраковскому за его морских пехотинцев. К слову сказать, во многом благодаря именно генералу «черные береты» не входили с боями в чеченские селения. Брали их в полукольцо, а Александр Иванович смело шел в селение (вот и вышеупомянутые «особые случаи» для генеральской тужурки с орденом «иконостасом» на груди), встречался со старейшинами, сельчанами. И те сами изгоняли из своих домов бандитов, вознося к небесам хвалу отважному офицеру и его подчиненным, называя морских пехотинцев освободителями. Горцы по достоинству ценили благородство генерала Отраковского.

– С бандитами, понятно, у нас разговор жесткий: били и будем бить до конца, – говорил Александр Иванович. – А вот с нормальными людьми – простыми жителями – надо человеческим языком общаться. Овладеть городом либо селом при нынешних-то огневых возможностях морской пехоты порой легче, чем завоевать доверие и уважение населения, его доброе расположение. А как местные жители будут относиться к нам, таким будет и отношение к нашему общему государству. Поэтому для меня лично самый важный бой – за умы и сердца мирных горцев.

Например, поселок Новогрозненский морская пехота освободила без единого выстрела. После его зачистки почти две недели североморцы держали в нем боевые позиции. За это время мирная жизнь в поселке мало-помалу наладилась: «черные береты» делили с местными жителями продукты питания, подсобили с подачей газа и электричества. Ну, а со старейшинами, главой администрации поселка генерал Александр Отраковский встречался почти каждый день.

– Когда выходили из Новогрозненского, – вспоминал позже помощник начальника береговых войск Северного флота полковник Михаил Могилко, – к штабу подъехало несколько легковушек. Оказалось, вместе с главой поселка для знакомства и установления контактов с военными приехали руководители администраций сел, еще не освобожденных от боевиков. Значит, сильнее страха перед бесновавшимися бандитами оказалось стремление здравых чеченцев скорее наладить мирную жизнь. Горцы верили генералу Отраковскому. И у нас была надежда, что не выстрелят в этих селах нам в спину. Словом, эти победы Александра Ивановича дорогого стоили...

После поездки в Ведено сводное подразделение морской пехоты отправилось в Грозный – на военный парад в честь Дня защитника Отечества. И первое, что приказал сделать Александр Иванович, когда колонна прибыла в аэропорт «Северный», – сразу же поднять над крышей полуразрушенного здания, где разместились морпехи, Андреевский флаг. Рядом с нами стояли десантники, спецназ внутренних войск, однако флаг развевался лишь над «черными беретами». По этому поводу офицеры из штаба Объединенной группировки даже шутили: мол, визитная карточка генерала Отраковского. А

на следующий день Александр Иванович гордо шел во главе «черных беретов» в парадном расчете. Его глаза светились счастьем и гордостью.

– Наш генерал прямо помолодел, – восхищенно перешептывались в строю морские пехотинцы.

У Александра Ивановича была мечта. Он хотел по возможности быстрее вывести морскую пехоту с войны домой, в Кольское Заполярье. Там назначить молодых, толковых офицеров, проявивших себя в боях, на вышестоящие должности. А затем...

– Ей-богу, уйду на пенсию, – шутил Отраковский на командном пункте ОДШБ в Беное. – Уеду в Анапу, к теплому морю. Устал...

В последний раз я видел генерал-майора Отраковского в ночь ухода батальона из Беноя: из штаба Объединенной группировки сообщили, что по разведанным ожидается прорыв банды Хаттаба с гор на Ведено. В камуфлированной куртке, теплой вязаной шапочке Александр Иванович сидел за столом, в который раз пристально изучая рабочую карту. На лице – печать усталости...

Когда в Северноморске прощались с отважным морским пехотинцем, через зал Дома офицеров Северного флота, где установили гроб с телом боевого генерала, прошли сотни и тысячи военных моряков, жителей флотской столицы. Люди несли с собой венки, цветы. В глазах – слезы. А адмирал Вячеслав Попов, командовавший в то время Северным флотом, сожалел, что так и не смог убедить генерала Отраковского вернуться из Чечни хотя бы на отдых. Александр Иванович в ответ на настояние комфлотом сказал, что он привел «черных беретов» на войну, вместе с ними он и уйдет с нее. А на войне все относительно: в бою в любой момент можно погибнуть от пули, шального осколка. Казалось, генерала Бог миловал. Однако сама же война и убила его сердце.

Солдаты войну не выбирают. Не выбирал ее и Александр Иванович. Но он всегда находился там, куда посылала его Родина. Отечество, честь, присяга – эти понятия для генерала Отраковского были отнюдь не какой-то метафизической абстракцией. Их он пронес через десятилетия службы на Черноморском, Балтийском и Северном флотах, через две чеченские кампании, всю свою жизнь. Не иначе как «королем морской пехоты» величали его подчиненные. К сожалению, «короли рождаются не для долгой жизни, но для славы» – это почерпнул в одном из исторических повествований. И они уходят, оставив, как правило, яркий след. Конечно, каждый свой. Генерал Отраковский же, уверен, оставил на родной для него земле Северного Кавказа след добрый.

Помню, когда были с Александром Ивановичем в доме командира чеченских ополченцев, хозяин со своими приближенными задал генералу вопрос: мол, уважаемый, как поступить с домом Басаева? Просили дать саперов, чтобы стереть с лица многострадальной чеченской земли саму «колыбель» этого выродка.

– Саперов, конечно, я вам дам, – подумав, ответил генерал Отраковский. – Но взорвем лишь забор вокруг дома. А в нем самом организуйте школу, чтобы на уроках истории ваши дети доподлинно узнали правду об этой войне, о нас... Чтобы помнили...

Последний прижизненный снимок: Герой России генерал-майор Александр Иванович Отраковский (в центре) со своими морскими пехотинцами-североморцами, 20 февраля 2000 года, аэропорт «Северный», город Грозный, Чечня.

Фото автора

Владимир ГОРЯЕВ, полковник в отставке

Владимир Иванович Горяев — прозаик. Родился в 1948 году в селе Шалы, ныне Республика Мордовия. Сын офицера-фронтовика. Окончил Полтавское зенитное ракетно-артиллерийское командное училище. Служил в Тамбове в мотострелковой дивизии. С 1974 по 1977 годы — Военная академия ПВО Сухопутных войск в г. Киеве, затем — Забайкалье. Службу окончил военным комиссаром Ленинского района г. Смоленска в 1998 году.

СИЛА СЛОВА

Рассказ

Первой моей нижегородской зимой стоял я перед сборно-щитовым одноэтажным зданием, переднюю часть которого в период лагерного сбора занимал штаб полка, в тыльной и большей его части по комнатам, кто с большим, кто с меньшим комфортом, располагались офицеры полка. Царила суега заселения: туда-сюда проплывали кровати, столы, стулья; укреплялись двери, стеклились окна, вывешивались стенды с документацией;

к флагштоку крепили флаг. Я же стоял на замороженной, но уже очищенной от снега, линейке и из глубин памяти всплывали картины и вспоминались люди и мысли двенадцатилетней давности...

Странную роль порой играют в судьбе человеческой слова. Что слово суть есть? Да так. Один или больше звуков, что, собственно, воздух поколебался и успокоился. Воздух успокоился, а ты – нет. Начинаешь реагировать. Ещё слово открывает (или скрывает?) понятие, обозначение чего. И порождает мысль. Кто-то, когда-то, что-то сказал, а тебе это запало, как заклинание какое-то. И при случае эта изречённая и утаённая мысль всплывает и повелевает: *делай так!*

За всю мою офицерскую службу не было такого, чтобы во время отпуска не навестил я родителей своих и жениных. А как гостил у родителей своих, так бывало после ужина вели мы с отцом долгие беседы, иные из них едва ли не под утро заканчивались. Мой папа, рассказывая о фронтовой судьбе, однажды поведал, как после излечения в госпитале прибыл в распоряжение Фронта. Фронт формировался, и до решения вопроса о назначении отца прикомандировали в какой-то отдел штаба Фронта. Отдел как раз и занимался комплектованием частей офицерами. Для этого нужно было выезжать в госпитали, работать среди выздоравливающих, выезжать в какие-то пункты сбора, военные комиссариаты, привозить оттуда офицеров, порой целые команды. В промежутке между поездками всякая работа внутри отдела. Каким-то образом работа старшего лейтенанта понравилась начальнику и состоялся разговор:

– Иван, оставайся в отделе, я это дело устрою. Работаешь ты добросовестно и надёжно. Останешься — будешь иметь и здесь, и здесь, – пошлёпывая раскрытой ладонью по груди и по плечу, имея в виду и награды и звания.

– Нет, я в войска! На фронт хочу!

– Ну и глупо, просто изумительно, как глупо! Пожалеешь...

Не сказать, чтобы отец пожалел. То есть прямых таких заявлений с его стороны не было. На груди его к исходу войны действительно было, на что посмотреть: медаль «За отвагу» и ещё множество иных, включая медаль Польши. Ордена Богдана Хмельницкого II степени, Отечественная война I и II степеней, Красной звезды. Особенно был ценен орден Богдана Хмельницкого – по статуту им награждались только командиры подразделений, так что в среде офицеров орден этот считался «окопным». Но завершение его службы возможно сложилось бы поиному, будь он в каком-нибудь «верхнем» штабе, а так попал под сокращение «миллион двести» при двадцати календарях. Потому вопрос с пенсией решался не сразу, пока не разыскали в архивах и не насчитали семь лет фронтовых.

А как был он для меня авторитетом непререкаемым и образцом исполнения воинского долга, так и слова его о том, что место достойного офицера в войсках, а не в штабах высоких, прочно засели в моей памяти.

Другой разговор состоялся в лейтенантские мои годы. Как-то проводили мы плановые боевые стрельбы на полигоне. Однажды вызвал меня начальник штаба полка, приказал прибыть в штаб лагерного сбора на собеседование с окружным кадровиком. По дороге встретил командира полка:

– Куда, лейтенант?

– На собеседование.

– А, будут предлагать жаркий влажный. Ответь достойно!

Пошёл, а сам думаю: «Как это достойно? Показать готовность служить, где Родина посчитает нужным? Или отказаться? Чёрт его знает!». Побеседовали.

– Вам предлагается служба в жарком влажном климате, срок командировки два года.

– Согласен.

– Готовьтесь, проходите медицинскую комиссию!

Прибыл в полк, доложил начальнику штаба.

– Хорошо, сегодня доктор выпишет направление. Завтра поедете в госпиталь, а сейчас возвращайтесь в подразделение.

Вечером после ужина прохожу мимо штаба полка. На крыльце, подобном беседке, командир полка, с ним два офицера штаба – расписывают преферанс. Командир был слегка навеселе, оживлён и добродушно общителен. Да и было с чего: полк отстрелялся весьма отменно.

– Лейтенант, поди-ка сюда.

– Товарищ подполковник, лейтенант ...

– Ладно, ладно. Верю, что Уставу обучен. Садись! В преферанс играешь? – не прерывая игры, больше глядя в карты, чем на вопрошаемого.

– Слабовато пока.

– Это ничего, сейчас заканчиваем эту партию, посмотрим, как слабовато. А пока расскажи, как беседовал?

Доложил, как дело было.

– Ну, и за чем тебе эта Гвинея? Я ж тебе сказал: ответь достойно.

– Я и ответил: куда Родина пошлёт. А Гвинея что ж? За два года подсобрал бы денег, машина, ещё что...

– Не угадал. Достойно это вот как: в родном полку мне нравится и не нужен мне берег турецкий. Вот осенью ставлю тебя командиром батареи, есть такой замысел, через год пишешь рапорт в академию. А уж после академии будет тебе и машина, и водитель к ней, и денег прибавится. И можешь ехать хоть в Гвинею, хоть в Египет – и там будешь не пешкой, – и деньги хорошие, и военные советники помладше в собственном распоряжении. И ещё совет: окончишь академию, твоя первая цель – командир полка, с командира полка начинается настоящая военная карьера. Промежуточная цель – начальник штаба полка, непременно, пару лет. Командир, не прошедший должность начальника штаба – не совсем полноценный командир, законов не знает, соблюдать не обучен, всё больше шашкой. Вот смотри: мы всем полком на стрельбах, а где мой заместитель? Правильно, по принципу: где хорошо – там сам, где тяжело – там зам; где важно и серьёзно, где решается главная задача – там командир, где второстепенная – там заместитель. А начальник штаба где? Всегда при командире, он главный организатор исполнения командирской воли. А замом чему научишься?

Командир бросил раскрытые карты на стол.

– Партия, господи! Николай Алексеевич, – партнёру по игре, начальнику разведки полка, – подсчитайте, а я пока с лейтенантом потолкую.

Пересел на другую скамью, подозвал меня, любезно пригласив присесть.

– Вот служишь ты неплохо, а план, как таковой, у тебя имеется?

– Ну да, добросовестное исполнение долга, а Родина...

– Тебя не забудет. Так бывает, но не часто. Выходит, что пока слабовато. Без мысли. Нужно иметь последовательные цели, это и есть план. То есть, вот твоя первая задача: утвердиться в должности командира батареи, набраться опыта: первое и главное – люди и дисциплина, второе – управление батареями, огнём батареи, третье – хозяйство. Батарея – это уже и вещевое, и продовольствие, и ГСМ, всё твое, как потопашешь, так и полопашешь. Вторая задача: поступление в академию, а значит подготовка минимум в течение года. Знаешь, какие экзамены нужно сдавать? Правильно, ещё не думал! Математика, физика, русский язык, физподготовка. Училищный диплом у тебя хоть и с отличием, но вот уж второй год в войсках, впрочем, уже кажется третий год пошёл? Так вот, а много ли математики-физики в голове осталось? Стало быть подготовка нужна. А что после академии делать, я тебе уже говорил. Ладно, ещё поговорим. Так, похоже, господа офицеры преферансную роспись для пульки приготовили. Садись, показывай свою слабоватость

Играл я действительно слабовато. Когда командир вышел из игры на раздаче, подсел поближе, посмотрел карту, спросил:

– Ну, фенрик, что собираешься заказывать? Знаешь, кто такой фенрик? – прямо засыпал вопросами.

– Шесть червей, как в торговле дошёл, – отвечаю по порядку поставленных вопросов, – фенрик – младший офицер шведской армии, фенрих – кандидат в офицеры в германской империалистической армии, оно же обидное прозвище младших офицеров из вольноопределяющихся в русской царской армии.

– Смотри, грамотен. Ладно, не обижайся. Поясни по заказу игры.

– Шесть червей, ход мой, да это и не важно. А больше ничего надёжного: второй король, третья дама, четвёртый валет, – у игрока это не взятки, у меня – четвёртый валет. Так что четвёртый валет не считаем.

– Не правильно. Вот смотри: четвёртый валет без пробы, шесть козырей, ход собственный, все прямые взятки – в один-два хода выбиваешь чужих козырей, три, а то и в два оставшихся хода обеспечат последовательно выход карт старше вала и тогда хоть восьмёрка, хоть валет твой – взятка. Так что семь червей.

Присмотрелся, – действительно. Так и сыграл.

Сам командир играл своеобразно: шестерных игр не играл вообще, предпочитал пасовать. При наличии неубиенной семерной всегда заказывал восемь, и, как правило, исполнял успешно. С мизерами разбирался мгновенно, и, если был пробой, выводил играющего на максимально возможное количество взяток.

В итоге «ободрали» меня несильно, но поучительно.

Преферанс играли, так называемый «офицерский», – проигравший выставлял выпивку и закуску. Закуску мне простили, а за выпивкой пришлось сбежать. Чувствовал я себя на том пиру неловко, природная стеснительность ещё не была выдвлена из меня суровостями военной жизни. Командир, довольный выигрышем, балагурил, как Чапай в вечернем чаепитии.

Александр САВИЦКИЙ, ПОЛКОВНИК В ОТСТАВКЕ

Александр Александрович Савицкий – редактор военно-художественной студии писателей Центрального Дома Российской Армии им. М.В. Фрунзе. Поэт, журналист, Заслуженный работник культуры России, лауреат нескольких литературных премий. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Окончил Военно-дирижёрский факультет Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского. Автор трёх сборников стихов и одной книги прозы. Полковник в отставке.

ПОЛКОВНИК ЛУШНИКОВ И РЯДОВОЙ ОКУНЕВ

Рассказ

«**Ч**то нас, призывников, ждёт дальше?!» – так, наверное, думал каждый из нас, когда мы, лениво и вместе с тем с внутренним нетерпением, вышли из вагонов московского поезда и образовали пёстрый строй на привокзальной площади захолустного городка. Кто-то смутно вспоминал напутствия своих друзей, соседей по двору, отслуживших в армии родственников.

– Парни, есть среди вас кто-нибудь хотя бы с неоконченным медицинским образованием?

– Мужики, кто из вас серьёзно занимался спортом?

Дима, с которым у меня завязались товарищеские отношения во время поездки, полушёпотом прокомментировал:

– Это так называемые «скауты». Которые подбирают пацанов для службы в медсанчасти или спортроте. Погоди, брат, сейчас и за тобой придут.

– Эй, ребятушки – бравы солдатухи, а есть ли среди вас музыканты?

Не очень, судя по безразличию на его лице, веря в успех, прапорщик-музыкант неторопливо проходил вдоль строя новобранцев.

– Я с музыкальным образованием, – не выкрикнул, а просто громко заявил о себе я.

– И на чём же ты, позволь полюбопытствовать, мил человек играешь?

– Вообще-то я окончил музыкальное училище как хоровик-дирижёр, но владею фортепиано: до училища прошёл полный курс обучения в музыкальной школе.

Прапорщик окинул меня оценивающим взглядом, и сказал:

– погоди, дай-ка я свяжусь с дирижёром.

Он отошёл в сторону, но всё равно было слышно, что он информирует (я уже знал, что по-военному – «докладывает») своего начальника, что есть, мол, музыкант, но не «духовик» и не ударник, а дирижёр-хоровик. Не могу судить о реакции на эту информацию дирижёра военного оркестра, но представившийся мне как Пётр Васильевич, товарищ прапорщик записал все мои данные, и присовокупил:

– Будешь служить хорошо, разрешу тебе обращаться ко мне без воинского звания, без имени и отчества, а просто: Васильевич.

Через месяц, пройдя положенный всем защитникам Отечества «курс молодого бойца», я был зачислен в музыканты дивизионного оркестра Воздушно-десантных войск рядовым с испытательным сроком: мне надлежало за полтора-два месяца освоить медный духовой инструмент альт. Как музыкант я знал инструмент альт из струнной группы, знал, конечно, что альт – это низкий по тембру женский голос, а ещё – что «альты» – это вторая часть женских голосов в хоре. Первая – сопрано.

Инструмент, предложенный мне, напоминал кондитерский крендель. И я, проявляя усердие в освоении этого инструмента (мои товарищи в оркестре не без подтрунивания обратили моё внимание, что духовой инструмент альт – это самое примитивное, что только может быть в военном оркестре) по несколько часов пытался извлечь из этого «простейшего» хоть какой-то вразумительный звук, что напомнило мне один из замечательных рассказов Бернарда Шоу.

– Ну, как успехи у новенького? – при случае спросил у приставленного ко мне музыканта-педагога военный дирижёр.

– Да как-то не очень, товарищ майор.

– Хм...Что ж, его в десантную роту пора отправлять, коли так. А то у меня и так «заштатников» – сверх нормы.

Но как это всегда бывает не только в литературе, но и в жизни, вмешался в мою судьбу его величество Случай.

Дело в том, что в нашей части, головной в дивизии, по приказу командира за год или за год с небольшим до моего назначения, был организован хор офицеров полка. Это было личное распоряжение командира части, полковника Лушников. Занимался с офицерами-хористами прапорщик Локоть. Ни сами занятия с хором, ни отвлечение его от исполнительства на трубе – а в этом деле он был асс: солист оркестра(!), – не доставляли Петру Васильевичу (тому самому, что встретил меня на привокзальной площади) ни малейшего удовлетворения от работы.

И вот он однажды, буквально притащив меня в кабинет дирижёра, сказал:

– Товарищ майор! Ну, зачем мне, человеку, считающему месяцы до пенсии,

напрягаться с этим хором?! Вот есть парень со специальным образованием, пусть он и тянет свою профессиональную ляжку! Тем более, как я понял, с освоением игры на альте дела у него, мягко выражаясь, не очень-то блестящи. Если же Вы будете настаивать, чтобы я и впредь занимался офицерским хором, то я лучше разорву контракт и уволюсь!

Откуда мне, рядовому, знать какие встречи и разговоры были у дирижёра с командованием полка, но как-то раз наш майор Георгий Зиновьевич Зоммер, вызвал меня в свой кабинет (такие вызовы всегда нас, музыкантов, напрягали: мало ли что?) и огласил свой вердикт: руководить хором офицеров отныне буду я.

«Есть!» – ответил я в соответствии с уставом, и уже в ближайшую пятницу прибыл в клуб полка для занятий с хором офицеров. Не буду описывать шутки лейтенантов и майоров в мой, рядового по призыву со стажем службы три месяца, адрес при первой встрече, но уже через полгода наш хор принял участие в концерте, посвящённом Дню защитника Отечества. Были исполнены произведения в сопровождении нашего духового оркестра, и а capella, то есть в чисто вокальном варианте.

На следующий день, минуя полагающуюся субординацию, я был вызван к командиру полка полковнику Лушникову.

– Слушай, Окунев! Ты – молодец! На концерте был комдив со своими замами, женой и дочерью, и он, прямо тебе скажу, был потрясён нашим хором. Кстати, вот идея, подброшенная им для нас с тобой: надо создать смешанный хор. Ну, чтобы и женщин привлечь. А то многие сидят без работы, скучают, томятся от безделья... И я тебе гарантирую: первой придёт на репетицию моя жена.

Так и случилось. Как только было объявлено о занятиях женского хора, как части смешанного, первой на репетицию пришла Клавдия Михайловна Лушникова, «полковничиха», а уж за ней потянулись жёны ротных и взводных, и даже жёны замов командира.

Майор Зоммер совершенно забыл о моём освоении альта («альтушки», как называли этот инструмент с ещё дореволюционных времён), о моих нарядах по оркестру. Он свято верил в свою природную творческую проницательность, когда определил меня в руководители хора, за что всякий раз получал благодарности не только от командира полка и его заместителей, но даже, пусть и редко – от самого (!) комдива.

Я не был ни честолюбивым, ни заносчивым. Как и все музыканты, я совершил три прыжка с парашютом с самолёта АН-2, и пять – с самолёта АН-12. «Васильевич» гордился мной, и нередко, зная, что солдат всегда голоден, угощал меня принесёнными из дома «бутербродами по-штуттгарски»: ломтём чёрного хлеба с салом и кружочками репчатого лука сверху.

Мы и до сих пор с ним созваниваемся по праздникам.

А прошлой весной на улице Тимура Фрунзе в Москве меня окликнул генерал-майор, мимо которого я, студент Гнесинки, прошёл, не обратив на него никакого внимания.

– Окунев!

Я остановился. Обернулся. Генерал снял перчатку (хоть и весенний месяц, но март ещё не греет) и протянул мне руку:

– Ну что, Окунев, забыл лицо своего командира?

Мне стало так не по себе, что мой бывший командир полка первым узнал всего лишь одного из полутора тысяч солдат вверенного ему в те годы соединения, что я, отвечая на его крепкое рукопожатие, не знал что сказать.

– Да не тушуйся ты, студент! И не млей от моих погон. Я прежний Лушников, не сомневайся. А помнишь, какой замечательный хор был в нашем полку? На каких бы должностях впоследствии я ни служил, а ничего равного не было. Кстати, не хочу этого скрывать: своим назначением в академию я обязан и «кропотливой работе с художественной самодеятельностью и разумной пропаганде патриотизма среди военнослужащих и гражданского персонала». Это я точно процитировал строчки из представления на меня. А ведь это наша с тобой победа! Разве не так?

Мы простились тепло, хотя и без объятий и обменов телефонами. Пусть я уже давно и не в строю, но запомнил: всяк сверчок знай свой шесток.

Не берусь судить, какие впечатления от службы остались у моих товарищей, а я своей службой в тайне горд: я, рядовой военного оркестра, вместе с командиром полка создал сводный хор офицеров и их жён, который прославил нашу часть и всю дивизию в масштабах целого военного округа.

Александр СВИРИДОВ, подполковник запаса

Александр Александрович Свиридов родился 23 февраля 1963 года в городе Почеп Брянской области. С 1966 года проживал в г. Алма-Ате, где окончил среднюю школу и энергостроительный техникум.

В 1983 году был призван в Вооружённые силы СССР. Полгода служил в учебном подразделении батальона связи ВДВ в г. Каунасе, по окончании которого был направлен в Афганистан и зачислен в отдельный гвардейский снайперский взвод 103-й Воздушно-десантной дивизии.

Участвовал в 54 боевых операциях. Награждён Орденом Красной звезды

В 1986 г. поступил в Высшую школу КГБ им. Дзержинского (ныне Академия ФСБ). По окончании получил диплом референта по Юго-

Восточной Азии со знанием китайского языка.

В 1991 г. поступил в спецподразделение КГБ «Вымпел». Участвовал в локальных военных конфликтах на территории Средней Азии и Кавказа.

В 1994 г. после распада «Вымпела» служил в Управлении по борьбе с терроризмом ФСБ РФ. Принимал участие в боевых действиях в Чечне. Награждён Орденом Мужества.

В 1998 г. окончил службу в связи с выходом на пенсию.

В настоящее время живёт в г. Москве.

МИР ВХОДЯЩЕМУ

Записки из Чечни

Сегодня ровно два месяца моего пребывания в Чечне. Критический рубеж позади. Жду новой жизни. Сажусь писать только, когда грустно. От этого и записи какие-то мрачные.

Недавно встречался с ребятами там, где война. Пашут мужики, не гоняясь ни за наградами, ни за деньгами, ни за славой. Пять месяцев в окопах. Связь с миром только через приёмники, которые им выдало начальство. Нос не задирают, воюют с моджахедами.

Вообще-то жизнь тут интересная, и смеха порой бывает больше, чем грусти. Только вот юмор своеобразный, понятный только здесь и сейчас.

Прибыло пополнение. Ребята свеженькие, чистенькие, с широко открытыми глазами. Обстреляются.

А ещё недавно на фильтр (фильтрационный пункт) возили женщину-снайпера – Свету. Она рассказывала, что никогда лично не вызывалась резать

глотку пленным, но обезвредила пятерых сородичей – обидчиков из мести, так как у неё убили мужа, отняли двоих детей. Пробравшись на какой-то праздник, бросила в толпу противотанковую гранату. У этого маленького озлобленного 29-летнего существа от женщины только и остался звериный материнский инстинкт: во что бы то ни стало найти и вернуть своих детей.

Вчера приехали ребята из «Вымпела», к тому же из моего Управления. Я понял, как грустно мне тут было, как одиноко без этих знакомых, родных рож, без наших общих разговоров и интересов. Очень тепло встретились, посидели, поговорили, повспоминали старое, как говорится бывшее. С этими ребятами я в таких переделках бывал, в таких передрыгах, что понимаю: они – часть меня. Верю им как себе, уверен, что если, не дай Бог, что-нибудь случится, не бросят, не предадут, так же, как и я их. Как будто и не было этих полутора лет! Всё-таки, боевое братство – самое крепкое братство на свете! Знаю, теперешние мои друзья – тоже на всю жизнь. Война своими невзгодами и лишениями быстро объединяет людей.

С этими записями получается какой-то разговор с самим собой. Не сойти бы с ума, хотя все мы тут какие-то странные.

В прошлое воскресенье съездили в Шатой. Это населённый пункт на юге Чечни, который якобы недавно освободили. Целью поездки была необходимость изъять у местного населения оружие. По дороге туда видели груды разбитой техники, венки, свежие могилы. Видимо, нашим ребятам туго тут пришлось, жёстко повоевали.

Деревни, которые вдоль дороги стоят, сожжены и практически разрушены. А в горах до пор сих стреляют. Средь бела дня обстреливают блокпосты. Обстреляли и нашу машину. Слава Богу, никого не ранили.

А какая тут природа! Настоящая кавказская! Я такую видел, но более цивилизованную, в Кабарде. Древние дикие горы, все в зелени. Река журчит где-то далеко-далеко внизу. На пересечении трёх ущелий, как старый рыцарь, стоит сторожевая башня 14-16 в.в. Такие башни строились на расстоянии видимости друг от друга до границы с Грузией. И если шёл враг, то дымом подавался сигнал от одной башни до другой, предупреждая таким образом народ об опасности. Теперь эти башни – лишь памятники старины. Они удивительно гармонируют с окружающей природой.

Вайнахи (чеченцы) строили такие же жилые башни. Только не такие высокие. Позволить себе такую башню мог только богатый человек, обладающий большим количеством скота, самой распространённой валютой того времени. Строилась она не один год, но в трудные времена всегда надёжно защищала своих хозяев от непрошенных гостей. В нижней части держали скот, верхняя использовалась под жильё. Во время опасности все перебирались наверх, втягивали лестницу и держали оборону.

Чечня постоянно печально славилась разбоями, грабежами, насилием, поэтому такие явления, как война, кровная месть, междоусобицы были делом обычным. Сами условия диктовали стиль жизни, отсюда и люди, прославившие себя жестокостью, злобой, лже-честью и лже-достоинством. Они до сих пор считают это нормой, и никак у них это не отобрать. Эти люди уважают только грубую силу.

Приехал новый доктор. Он третий. Мы все беспокоились: какой-то он будет. Если с доктором Мишей мы познакомились и сразу подружились, Володю нам Миша представил (они дружат семьями), то Игоря никто не знал. Однако он оказался хорошим парнем, тонкая натура, интеллигентное лицо.

За нашими докторами интересно наблюдать. Во-первых, каждый привозит с собой свой профессиональный инструмент. Это у них как закон. Миша Махатаев – хирург. Он привёз с собой скальпель, зажим, иглы и ножницы. Вова Устенко – терапевт, привёз тахометр (давление мерить), а Игорь захватил с собой из Астрахани молоточек, потому как по профессии психотерапевт. Вот-вторых, как оказалось, настроение наших медработников становится предсказуемым. Каждый предыдущий с огромным энтузиазмом начинает врачебную деятельность, через некоторое время наступает депрессия, а потом, ну, очень сильное возбуждение перед отъездом с этой Богом забытой земли.

Доктор Игорь приехал к нам откуда-то с Волги, очень интеллигентный, утончённый, с длинными музыкальными пальцами, он резко контрастировал с местными аборигенами, грубыми, шумными. По приезде он сразу попал под прессинг соскучившихся по свежим, необстрелянным сотрудникам бывалых войск. Он сидел на кровати и с тихим ужасом в глазах слушал их рассказы о ночных обстрелах, зверствах бандитов и прочие страсти, стараясь не выказывать страха, держался, как мог, иногда нервно хихикая. Я решил его успокоить. Сказал ему, чтобы он никого не слушал и в случае опасности был рядом со мной и делал, как я. Это почему-то действовало безотказно, причём на всех, кто первый раз попадал в такие условия. Люди как-то сразу успокаивались. Успокоился и доктор. Но тут случилось такое, что заставило его опять напрячься.

Окно в нашей комнате было заставлено мешками с песком практически полностью. Сверху оставалась лишь узкая полоска зарешеченной форточки. Она оставалась всегда открытой, чтобы хоть как-то вентилировать горячий воздух. И вот в эту форточку влетает гнилой персик и приклеивается прямо над моей кроватью. Первым это заметил доктор. Он молча вытаращил глаза и показал на сладкую кляксу пальцем. Я ничего не понял. «Наверное, с верхнего этажа кто-то бросил» - предположил я. Через секунду в форточку влетела косточка и ударила меня по руке. Глаза доктора Игоря стали ещё шире. Я молча взял лежавший рядом автомат, высунул ствол в окно и дал длинную очередь в темноту вечера, плавно поводя автоматом из стороны в сторону. Успокоенный только что доктор с широко открытыми глазами вжался в кровать. Такого поворота событий он не ожидал. Да, досталось доктору Игорю больше, чем двум предыдущим за всё время их пребывания здесь. Это тоже своеобразный показатель тех событий, что разворачивались вокруг нас.

Его здешняя практика началась в первый же день, он зашивал разорванную осколками руку одному незадачливому прапорщику. Затем пошли местные больные. Потом привезли наших раненных в засаде ребят. Будучи соседом по койке, я помогал доктору, как мог. На моё удивление о слишком бурном начале его чеченской практики доктор отвечал, что с ним всегда так.

Начиналось это ещё с Азербайджана, куда он, молодой лейтенант, прибыл служить. В первый же день там его чуть не застрелили из пистолета местные хулиганы, и в этот же день перевернулась машина с солдатами. Пришлось потрудиться.

В своём поведении он ничего героического не видел – только профессиональный долг.

Сегодня был очень насыщенный день. Мы ездили на фильтр, допрашивали пленного. Не сознался гад. Завтра, Бог даст, продолжим. А ещё был митинг по поводу провокации в деревне «Родина», в которой вырезали семью: семь человек с детьми и взрослыми. Местные, дикие и жестокие (их только заведи), валят всё на ОМОН. Но ведь очевидно, что наши в данное время на такое зверство не способны. Просто переговоры о статусе Дудаева в Чечне зашли в тупик. Вот его представители и провернули заказное дельце, чтобы обозлить людей. Мы ездили на этот митинг, видели, как в оголтелой толпе беснуются люди, заводятся в бешеном экстазе до дикой злобы и готовы разорвать любого, только укажи кого. Жуть!!! У всех наших нервы на пределе, спиртное уже мало помогает. Не расслабляет.

Как-то к нам зашёл наш начальник, пожаловался на жизнь, на то, что за его голову дают 100 000 долларов, а затем в очень удручённом состоянии ушёл к себе. А через некоторое время из его комнаты грохнул выстрел. Мы грешным делом подумали, что он застрелился. Влетели к нему, ан нет, живой, только очень удивлённый и растерянный – промахнулся. Вот так и живём ...

Мой друг, Тимур Зорняков, уехал в отпуск – счастливчик. А мне тут надоело всё до тошноты. Эти политические игрища, митинги, стрельба, угрюмые злые взгляды местных. Как хочется оказаться где-нибудь подальше отсюда, но, увы... долг.

Недавно наша колонна возвращалась из Моздока с топливом для машин. Транспортёр и два наливника с соляжкой и бензином. На подъезде к городу попали в засаду, технику обстреляли. На броне ехало 9 человек, в них стреляли из РПГ-17 – ручного противотанкового гранатомета многозарядного использования. При попадании такой гранаты в бронемашину возникает кумулятивная струя, которая прожигая броню, убивает членов экипажа, может вывести из строя вооружение, подорвать боекомплект. Это одна из причин, по которой десант бронемашин предпочитает ездить снаружи, на крыше брони. Через секунду граната угодила во вторую машину, она задымилась, третью расстреляли из автоматов. Из 9 человек, ехавших на броне, двум оторвало ноги, один из них до сих пор в крайне тяжёлом состоянии. Другого смертельно ранило, он скончался в госпитале утром. Остальных, кто был снаружи, посеколо осколками, кто сидел внутри – каплями раскалённого металла, их отправили в Москву, домой. У убитого остались жена с двумя детьми.

Вот и спрашиваю себя: за что, зачем?! Правительству нашему не до нас, ему важнее политические игры где-то там далеко. Непосредственное начальство тоже про нас забыло. Единственная помощь от них – бесплатные почётные похороны. Все от нас отмахнулись, просто поставили крестик о проделанной работе и – чёрт с нами. Они только удивляются, как мы до сих пор работаем, даем информацию. Грустно.

Жалко русскоязычное население, остались только те, кто не может выехать, у кого за душой не осталось ни копейки. Эти бедолаги оказались заложниками: в России они никому не нужны, но, к счастью, до сих пор верят нам. А чеченцы подняли головы, в открытую угрожают, притесняют оставшихся как могут.

В какое же страшное время мы живём, и какие испытания ещё придётся выдержать! Вот такие размышления приходят здесь среди голода, разрухи, среди людского горя, вдали от сытой, спокойной жизни, равнодушной ко всему происходящему здесь.

Нормально тут живут только бандиты и торгоши. Бандиты грабят, и торгоши грабят, лицемерно прикрываясь тем, что продают последнее... Однако очень разросся базар, яблоку упасть негде. Купля и перепродажа – единственное доходное занятие в нестабильное время – охватило массы народа. Продают всё и вся.

Сегодня я проспал 14 часов, это после 2-х бессонных суток и жуткого перенапряжения. Спал я долго и, как говорят ребята, очень беспокойно: кричал и стонал во сне. Но даже такой длительный отдых не принёс успокоения. Не расслабил. Проклятая жара и духота делают своё дело. Только к вечеру, когда зной спадает, начинаешь чувствовать себя человеком. А в дневное время спасает кондиционер, но ведь с собой его не потаскаешь...

В таких условиях выручает только общение с людьми, находящимися в таком же положении. Много хороших ребят, и каждый веселится, как может, и заряжает этим своим весельем, порой, диким и ненормальным, грубым и пошлым. Юмор тут очень своеобразный, грубый и жёсткий. Скажем так – казарменный юмор, но в наших условиях такой больше всего и подходит.

По вечерам, задолго до захода солнца, жизнь в городе замирает. Улицы пустеют, жители прячутся по домам. Единственными живыми душами в городе остаются бродячие собаки, некоторые покалеченные недавними боями, но живые. Они шныряют по улицам или валяются прямо на дорогах, чувствуя себя хозяевами города.

Хождение на улице или езда на автомобиле – запрещено. Ощетинившись стволами автоматов и пулемётов мрачные блокпосты как будто только и ждут, кто проедет или пройдёт, чтобы открыть огонь. По любой движущейся цели разрешается стрелять без предупреждения. Чтобы срочно куда-нибудь выехать, необходимо оповестить об этом коменданта, изложить ему свой маршрут, чтобы он по цепочке предупредил посты, и нас беспрепятственно пропускали. В эти часы мы запираемся в своём Управлении, сидим по комнатам и не высовываем носа на улицу. Лишь выставляем наружные посты комендантского взвода, состоящего из прапорщиков.

Ох, уж эти прапорщики! Живут они отдельно ото всех, в огромной комнате-аудитории. Живут по своим, только им ведомым законам. Их неформальные лидеры иногда устраивают «правилки», после которых некоторые из них, бросающие тень на их общество своим аморальным поведением или сильным пристрастием к горячительным напиткам, ходят с фингалом под глазом, а то и с двумя, в зависимости от степени провинности.

Некоторые из них, понимая, что эта война может стать трамплином для дальнейшей карьеры, тяготясь службой в чине прапорщика, заводили службу с офицерами, с начальниками подразделений, просили забрать их к себе. На моей памяти был такой случай, когда прапорщик перевёлся в отдел наружного наблюдения («наружку»), стал разведчиком-топтуном и успешно добывал необходимые сведения о передвижениях разрабатываемых объектов.

Некоторые хотели перейти в наш отдел по борьбе с терроризмом. Но их почему-то не брали.

С несколькими мы подружились. Они заходят в нашу комнату, которая как-то само собой превратилась в офицерское Собрание, рассказывают свои истории. Я им вслух читаю книги, найденные в разбитых домах, художественную литературу. Пьем чай, болтаем. По вечерам делать нечего.

Прапорщика, о котором я хочу рассказать, звали Юра. Фамилия была Юров. Вот так – Юра Юров. Он был страстный кинолог. Очень любил свою собаку – питбуля. Мог часами рассказывать, как он его тренировал перед собачьими боями, о самих боях. Юра производил впечатление грамотного, начитанного человека, увлекался музыкой. Он-то и рассказывал нам о правилах и обычаях в среде прапорщиков. А ещё он не пил, как все. Вообще не пил, и в нашей трезвой компании ему было очень интересно. До сих пор я со смехом вспоминаю его рассказы о своём соседе – Щербинине Николае. Тот был тоже прапорщиком, но каким-то чудаковатым. Честно сказать, все прапорщики отличались какой-то странностью. Но у каждого она была своя. Как будто какие-то жизненные обстоятельства помешали им перейти из юности в зрелую жизнь, и они стали прапорщиками.

Юра называл своего соседа Николая ненормальным. То есть с виду всё нормально, но почему-то тот любил голубям уколы делать. Я не понял: «Какие уколы, и как это – голубям?». Ну, Юра и разъяснил.

В воскресный день Коля, празднично одетый, идёт с женой под ручку. Жена держит сына. Вдруг, проходя мимо помойки, он видит стаю голубей. Оставив жену и сына, он крадётся к помойке, с ловкостью кошки хватая голубя, достаёт из кармана шприц и делает тому укол, голубь трепыхается и затихает. Удовлетворённый, Коля возвращается к поджидающей его семье. Но это было ещё не всё. Однажды сосед пришёл к Юре со щенком дога на поводке и спросил его, как кинолога, как кинолога, умеет ли он подстригать собаке уши?

Эта болезненная операция проводится для определённых пород собак, догов в том числе. Уши подрезаются, обрабатываются, чтобы собака выглядела соответственно своей породе. Проводится операция специалистом. Оказывается, его сосед армянин, купив щенка – дога, спросил Колю: – может ли он купировать ему хвост и подрезать уши? За это армянин посулил пятьсот долларов. Коля, зная, что Юра любит собак, решил, что тот легко справится с задачей за двести пятьдесят долларов. Взяв у армянина задаток в сто баксов, заверил его, что всё будет сделано на высшем уровне, профессионально.

Юра ответил, что никогда этого не делал и делать не собирается ни за какие деньги. Коля расстроился.

И вот, немая сцена: Коля, которому жалко возвращать сто долларов, Юра, которого так и не удалось уговорить, и несчастный маленький дог, ласково помахивающий ещё длинным хвостиком и шевеля ушками. Юра закрыл дверь, Коля ушёл вместе со щенком домой.

Через полчаса в дверь Юры вновь позвонили. Там стоял обеспокоенный Коля. Он попросил Юру срочно спуститься к нему и помочь хотя бы советом. Юра метнулся вниз. Его кинологическая натура затрепетала, когда он увидел несчастного щенка.

Не уговорив Юру, Коля решил сделать всё сам. Не отдавать же назад деньги. С хвостом получилось быстро, но не совсем правильно. Он отхватил его практически полностью, что для дога совершенно неприемлемо. А вот с ушками пришлось повозиться. Они никак не хотели выходить ровно, то одно получалось больше, то другое. Да ещё щенок мешал. Отчаянно скуля, он дёргался и метался, вероятно, от боли, не давая Коле сосредоточиться. А Коля всё ровнял ушки и ровнял, и до такой степени увлёкся, что ушки у маленького дога получились как у мышонка, крохотные и кругленькие.

Единственный совет, который мог дать Юра, взглянув на это безобразие, был: – Беги, Коля, беги!

Тот не заставил себя ждать. Схватив скулящего щенка, он привязал его за поводок к ручке двери армянина, позвонил, и, зажав сто баксов аванса в кулаке, уехал в деревню, к бабке, до лучших времён.

На протяжении всего рассказа мы корчились от смеха, а Юра, ничуть не смущаясь, монотонно продолжал...

Что случилось потом с Колей никто не знает, но, вроде, всё как-то обошлось. Он остался жить в своей квартире. Только вот сосед армянин к нему с просьбами больше не обращался. Колю одолели другие соседи. Вернее не сами соседи, а их кот, которого они выпускали гулять на улицу. Нагулявшись, кот возвращался домой, но перед этим, он подходил к полувику перед дверью Николая и метил его. Вонь стояла невыносимая, распространяясь по всему подъезду, она просачивалась в Колину квартиру. Коля терпеливо стал предупреждать соседей, объясняя ситуацию, но те только отмахивались, мол, что они могут поделать, ну, нравится коту Колин коврик. Коля долго терпел, но всему есть предел.

Подловив кота, когда тот в очередной раз расположился на его коврике, затащил его к себе в квартиру. Изведя две пачки лезвий (как он потом жаловался) Коля побрил всего кота наголо, нарисовал ему по бокам губной помадой жены полоски, как у тигра и выпустил в подъезд. Кот начал жалобно кричать, царапался, пытаясь прорваться в родную квартиру. Соседи, открыв дверь и увидев такое неприглядное чудовище стали прогонять несчастное животное, не признавая в нём своего любимца.

Я хохотал до слёз. Всё это тогда было смешным и веселило. Единственное, что меня несколько удивляло, как такие люди служат в ФСБ?! А с другой стороны, каждый борется со скукой по-своему. Видимо, не такие уж серьёзные были у Коли обязанности на службе. А потом, вдоволь наглядевшись на всех, кто уже служил, я и вовсе перестал чему-либо удивляться. Наверное, очень много я себе надумал и навоображал о службе в органах. А всё оказалось прозаичнее...

К концу моей командировки всё вокруг закипело событиями. Участились обстрелы, теракты, похищения. Бандиты активизировались.

Однажды мы совершенно случайно остановились у местного здания ФСБ. Война его не пощадила, но внутри уже вели ремонтные работы строители, приехавшие из Ростова. Не помню, зачем мы там остановились и почему, но задержавшись там минут на десять, услышали сильный взрыв. Рвануло в самом здании. Мы, не сговариваясь, бросились туда. На верхнем

этаже суетились испуганные рабочие, один из них лежал. Вместо стопы у него болтались лохмотья. Бедняга наступил на мину, которую ночью заложили дудаевцы.

Обычно ремонтируемые здания тщательно проверяются сапёрами. Но ночью их не охраняют, и бандиты, пользуясь этим, минируют здания, просто так, из вредности. Я ввёл раненому два укола промедола, остальные подхватили его, дотащили до машины, и мы помчались в госпиталь. Ехали быстро, но тут как назло, перед нами замаячил трактор «Беларусь», управляемый гордым старым чеченцем. Он никак не хотел уступать нам дорогу, несмотря на то, что мы сигналили ему не переставая, кричали, махали руками. Володя, высунувшись в окно, как Глеб Желтов, стал стрелять в этот трактор. Гордый чеченец сразу всё понял, вильнул в сторону и остановился. Раненого мы привезли в госпиталь, расположенный в аэропорту, сразу же на операционный стол. Стопу строителю спасти не удалось. Я потом встречал его уже в другом госпитале... Он меня узнал, вспомнил, как я делал ему укол.

Однажды вечером задержали мы трёх журналистов, во всяком случае они так себя называли. Во время комендантского часа их схватили на улице, когда, по их словам, они шли за водкой. Их посадили в комнате дежурного по Управлению. Допрашивать послали меня. На чеченцев они похожи не были. У всех имелись какие-то удостоверения, но было в них что-то неуловимо фальшивое, что заставило меня насторожиться, хотя, честно сказать, настораживался я последнее время постоянно. По поводу и без. Я пошёл за доктором, он психолог, поможет. Разберётся, врут или нет наши «журналисты». Доктор обещал прийти. Я вернулся к задержанным. И беседа продолжилась. А доктор всё не шёл. Я забеспокоился, уж не забыл, не передумал ли он?

В коридоре вдруг началось какое-то движение. Выскочив в коридор, среди прочих, увидел растерянное лицо доктора Игоря. На мой вопрос, в чём дело, он ответил: «Да вот, рожать ведут...». Я не понял, пока через несколько минут не увидел маленькую чеченку с огромным животом. Её, поддерживая, вели в нашу комнату. Забыв про задержанных «журналистов» (их потом допрашивали другие), я опрометью бросился к своей кровати. Стащил матрас. Чтобы спать было тверже, как я уже привык, между матрасом и кроватью я клал дверь. Эту дверь я застелил чистой простыней, уложил на неё чеченку.

Время рожать, как обычно, приходит неожиданно. Почувствовав вечером, что «пора», чеченка засуетилась. Собрала нехитрый скарб и пошла в сопровождении мужа в роддом. Роддом находился рядом с нашим Управлением и выглядел заброшенным и безжизненным. Но всегда там кто-то дежурил. Этот кто-то и сказал роженице, что роддом не работает, и если эти несчастные хотят рожать, пусть идут рожать в больницу за тридевять земель. Но уже наступил комендантский час и на улице могут без предупреждения застрелить.

По ночам в Грозном движение было не предусмотрено и стреляли во всё, что движется, поэтому чеченцев направили к «военным, находящимся поблизости», то есть к нам. Муж говорил потом, что если бы у него были деньги, их бы оставили в роддоме и сделали бы всё как следует. Они готовы были пойти в другую больницу, но у жены уже отошли воды, и будущие родители побрели в сторону нашего Управления.

Как раз перед зданием, за баррикадой, находился наш пост с бравыми прапорщиками-часовыми. Часовые сначала дали очередь из автоматов поверх голов неприкаянных супругов, только потом спросили: «Кто идет?». Те в один голос закричали: «Рожаем!» и прапорщики затащили их в наше здание в руки психотерапевта Игоря и на мою кровать.

Доктор не суетился. Несмотря на то, что он постоянно приговаривал, что многое забыл, делал всё быстро и четко. Едва чеченку положили на кровать, как начались роды.

Женщина была лет 25-ти, молодая и дикая. Видимо, её прелести, кроме мужа, никто не видел, а прежние роды принимали бабки-повитухи. Мне показалось, что она пыталась прикрыться, но природа делала своё дело. Стыд пропал. Меня же очень захватил этот процесс, первый раз в жизни я принимал участие в появлении новой жизни, маленького Человека.

Роженица охала, а мы, одетые в камуфляжную форму, с окровавленными перчатками на руках, в голос кричали, подбадривая её: «Давай, мать, давай!» Несмотря на её юный возраст, это был её третий ребенок. Про таких говорят: «Родила, как чихнула». Чеченка поинтересовалась, кто родился. Узнав, что мальчик, расстроилась, хотела девочку. А услышав, что рожала в Управлении ФСБ, чуть не зашлась от ужаса. Очень, видимо, нехорошо ей о нас говорили. Я пошутил, что сын вырастет – чекистом будет. Она же в ответ замахала руками: «Нет, нет, врачом будет, раз доктор роды принимал».

Вошёл генерал Хоперсков, взглянул на новорождённого, бросил: «Лет через пятнадцать возьмёт автомат – и в горы!»

За дверью толпились и сопели подвыпившие прапорщики. Им было очень интересно. Как же, ТАКОЕ, да в нашем скучном захолустье. Но хоть подвыпившие, а когда всё произошло, так внезапно и скоро, они первые принесли чистое бельё и горячую воду (это в наших-то условиях). Ещё в самом начале они втолкнули в комнату своего сослуживца, тоже не вполне трезвого. Но он когда-то четыре года учился в мединституте, практиковал как акушер. Доктор Игорь оставил его с нами, предупредив, чтобы он ни к чему не прикасался, а лишь только подсказывал, что надо делать. Игорь ловко управился со всем. Малышу перетянули и отрезали пуповину, поднесли к лампе-свету, спеленали и уложили на стол, рядом с мамой.

Постепенно все успокоилось. Мать осталась лежать на моей кровати, а мы начали лихорадочно соображать, что делать дальше.

Дело в том, что у чеченцев существует целая куча национальных, традиционных и религиозных запретов. Во-первых, Дудаев в одном из своих идиотских приказов под страхом расстрела запретил практику мужчин-гинекологов, во-вторых, надо было что-то сказать отцу ребёнка. Нас очень беспокоило, что он узнает, что роды принимали солдаты. Наше руководство послало машину за русской женщиной, работавшей в нашем управлении, чтобы представить её как акушерку.

До утра было далеко, спать мне было негде, и я всю ночь таскал нашей родившей гостью бутылки с холодным пивом из холодильника. Она клала их на живот, чтобы matka быстрее сокращалась. Принесил ей яблоки. Развлекал, как мог, пока она не уснула.

Утром мы уехали работать и вернулись только к ужину. Молодую маму недавно забрала родственница. У чеченцев не принято, чтобы отец забирал ребёнка из роддома. Традиция. Говорят, она спрашивала обо мне. Хотела сказать спасибо.

Интересно, где они сейчас и каким вырос этот малыш?!

Мне кажется, эта история показательной. Басаев, террорист-гинеколог, захватывает в Будённовске роддом, прикрывается беременными женщинами и новорождёнными младенцами как живым щитом. А почти в это же время русские солдаты делают всё, чтобы дать жизнь маленькому чеченцу.

Где правда? Где логика?

Всё это, видимо, где-то в глубине человеческой души и природы. Человеческой природы, а не звериной.

Я и до этого случая спал урывками целую неделю, а последняя бессонная ночь меня просто подкосила. Я очень плохо соображал. За всё мое пребывание в Грозном я ни капли спиртного не выпил. Зарок себе дал: на войне не пить – больше шансов выжить. А тут, зайдя в дежурку, увидев стакан с чаем, оставленный кем-то, вынул ложку и махнул его залпом. Оказалось – коньяк.

Что было потом, я плохо помню. Когда утром я очнулся, то по тревожно-внимательным взглядам понял: что-то я вчера делал не так. Говорят, что я вёл себя неадекватно, ручку «курил» вместо сигареты и прочее... Доктор стал спрашивать меня, не было ли у меня черепно-мозговой травмы? Не играл ли в детстве деревянными игрушками и не прописывали ли мне уколы в голову? Не падал ли в юности с сенокосилки? Все подумали, что я тронулся.

Честно говорю, свихнуться там было очень легко, но, как ни странно, всех спасала водка. Но потом по пьянке такие непотребности творились, что особо буйных с позором гнали домой.

Наш генерал Хоперсков видел меня в деле, мы часто с ним пересекались. Он знал, как я работаю. Случившееся он воспринял как несчастный случай на производстве и приказал эвакуировать меня как морально пострадавшего на большую землю. Я не возражал, несмотря ни на что.

Я устал. Я ПРОСТО ОЧЕНЬ УСТАЛ.

Утром следующего дня я улетел в Москву.

Максим СЕНТЯКОВ, рядовой

Максим Андреевич Сентяков родился 9 марта 1993 года в городе Ижевске. Пробовать себя в литературе начал в 14 лет. Автор четырёх сборников: книга стихов «Белые перчатки» (2010); книга стихов «Алая ткань» (2011); двухтомный сборник драматургии, поэзии и прозы «Зелот» (2013); сборник повестей «Бои» (2014). Его произведения публиковались в альманахах «Прикосновение» и «Строки...», в литературных газетах и журналах «Интеллигент», «Луч», «Новая литература», «Новая жизнь». Дважды номинировался на премию «Поэт Года».

Является создателем и вдохновителем творческого объединения «Поэты Ртутного Века» города Ижевска.

В 2015 году окончил Удмуртский государственный университет по специальности «юриспруденция». В настоящее время проходит военную службу в должности такелажника отделения хранения и подготовки специзделий отдела (детоксикации отравляющих веществ).

ПЛАМЯ

Рассказ

Втысячный раз я слышу этот поганый звук грядущих вестников смерти. Трассеры всегда в моей голове были подобны стальным слезам, льющимся с небес. Слишком много всякой дряни наплодилось в нашем мире. По обе стороны окопов и баррикад. Мы просто тлеем в чистилище, ожидая, когда и нас заберёт пуля германского юнца или многозарядный плач аса люфтваффе. Я видел, как падали на землю те, кто планировали свою жизнь на многие лета, и уж не как не задумывали отдать Богу душу при ближайшем налёте в чужой земле, зажатыми со всех сторон в тиски, лишёнными боеприпасов и провианта. Их падение было похоже на апофеоз драматического действия... После того, как пули прошли тело, взгляд неосознанно поднимается вверх, дабы убедиться, что не случай изрешетил эту худую грудь, но враг, inferнально смеющийся кровавой забаве над загнанным в угол противником. Затем взор, впитавший в себя небо, вперяется в раны, обильно сочащиеся красным соком солдатского нутра. Колени подкашиваются, упираются в грязь и, наконец, опрокидывают страдальца навзничь, предоставляя ему застыть в позе Болконского на веки вечные. И нет ни оваций, ни слёз, ни всхлипываний... Только ригидность павшего за Отечеством и серый пейзаж людского зверства, наполняющий мир прекрасных рождений и отвратных смертей.

Я так долго пытался надеяться на истину, что, в конце концов, невольно сошёл с прямой стези, вкушая ароматы фронтового празднества. Мне часто хочется просить прощения, но порой в голове, обуянной страхом, возникает паршивая уверенность, что никто не услышит моей исповеди, полной обычного людского отчаяния и безысходности. И я молчу, закупорив рот, оскверняя святое в беспечных некогда мыслях и плача внутри этого испещрённого осколками и шрамами тела... Прямо, как у Надсона:

***«Я рыдал бы о том, что и тесно и душно,
И мучительно жить, что на горе других
Я и сам начинаю глядеть равнодушно,
Не осиливши личных страданий своих...»***

Мы привыкли к лишению и медленному угасанию в этих проклятых окопах, которые по большей части вырыты нам на погребение. Из сих ям вряд ли кто-либо выйдет живым, посему нас останется только засыпать землёй, оставляя вечно пребывать здесь... Не самое привлекательное место для последних дней, но и ему ты рад, осознавая пасмурным утром после трёхчасового сна, что ещё одни сутки даны тебе вкушать яд пороха и металлический запах ветров.

Кольцо сжимается с каждым днём всё уже и уже, превращаясь медленно в петлю, что готова в любой момент затянуть наши щетинистые шеи и повесить на суках родных деревьев. В таком положении мысли выстраиваются в ряд возвышенных идеалов, призывая задышающегося бойца воспринять искренне и полно всю патетику государственных призывов к защите великих градов и их вождей! Но я плюю на них... Единственное за что я готов отдать жизнь – истина! Истина, просачивающаяся из глаз младенцев, оставшихся без отцов, из глаз женщин, верящих и любящих, из глаз паренька, закутанного в грязную шинель и остервенело целящегося в грудь стервятника, и, наконец, из серых небес, некогда светло-лазурных, но всегда – русских.

Мы – заклеянные руки, призванные сворачивать шеи тем, кто посягнёт на свободу. И пасть надлежит, только исполнив эту простую цель, возвеличивающую и дающую смысл всем деяниям, свершённым нами здесь, где дым, стелящийся беспрестанно над бритыми головами, словно епитрахиль, оставляет грехи бестолкового люда. Всегда приятно чувствовать покой во время скитаний и бурь. Песок, застилающий глаза восстающими фигурами, вряд ли остановит правый фланг немецких псов, но в любом случае спасибо ему за помощь...

Года сотрут нас из памяти, наши лица, сливаясь, превратятся в одно общее испитое и уставшее; глаза впитают цвет осеннего колорита, а тощие руки с накрученными поверх жилами станут воплощением непрерывных трудов. Но и в этом погасшем и в то же время рвущемся взоре, в этих слабых вдохах и выдохах фотокарточек, покрывающихся желтизной, любой заметит крест, лежащий и поныне на плечах, покрытых казённым сукном...

Через час нас окончательно раздавят, а если так, то уж уйти надлежит почестному, прорываясь и давясь встречными залпами. Коль придётся окрасить гимнастёрку багровым, коль придётся рдеть в серой пыли – я стану подобным пламени, навевающему ужас на бледные лица арийских выродков! Давайте стрелять, ребята!

СОДЕРЖАНИЕ

Александр МАРГЕЛОВ. Огненные дороги отца. Документальная повесть.....	3
Владимир КРУПИН. Полковник-паломник. Рассказ.....	21
Игорь НЕХАМЕС. Рассказы.....	28
Сергей ПЕТРОВ. Связь. Рассказ	51
Владимир СИЛКИН. Окрасился месяц багрянцем... Новелла....	58
Николай СТАРОДЫМОВ. Агитрейд: Иранская граница. Отрывок из дневника.....	63
Александр МАХНЁВ. Рассказы.....	78
Александр ВЫРВИЧ. Иоане, Иоане. Рассказ.....	89
Вячеслав КАЛИНИН. Один день сержанта Калинина. Рассказ.....	98
Александр КАРЦЕВ. Первый, второй. Рассказ.....	104
Валерий КИСЕЛЁВ. Апрель. Иронический рассказ.....	111
Константин ПОЛУПАНОВ. Бессмертники. Повесть	118
Александр КЕРДАН. Берёзка. Рассказ.....	163
Ирина ДЕГТЯРЁВА. Удержаться на краю. Рассказ.....	169
Екатерина НАГОВИЦЫНА. Тонкая струна. Рассказ.....	179
Оксана МОСКАЛЕНКО. Дед Порфир. Рассказ.....	187
Александр САРКИСОВ. Рассказы.....	190
Вадим АРЕФЬЕВ. Шамиуза. Рассказ.....	200
Сергей ТЮТЮННИК. Обломок Вавилонской башни. Повесть....	203
Владимир ШИГИН. Покоритель Сирии капитан Кожухов. Повесть....	243
Игорь ВИТЮК. Война, любовь и Чудотворец. Рассказ.....	261
Андрей ДУБОВОЙ. Кресты Колотака. Рассказ.....	265
Михаил СЛИНКИН. Боцман. Рассказ.....	270
Анатолий АНДРЕЕВ. Следы от пуль на лобовом стекле. Рассказ...	276
Александр САЛИХОВ. Универсальный лейтенант. Рассказ.....	282
Сергей ВАСИЛЬЕВ. Помни, Кавказ, генерала! Очерк	286
Владимир ГОРЯЕВ. Сила слова. Рассказ	291
Александр САВИЦКИЙ. Полковник Лушников и рядовой Окунев. Рассказ.....	295
Александр СВИРИДОВ. Мир входящему. Записки из Чечни.....	299
Максим СЕНТЯКОВ. Пламя. Рассказ.....	309

ГОРЯЧИЕ ВЕТРЫ

Книга современной военной прозы и публицистики

Некоммерческое литературно-художественное издание

Главный редактор и составитель —
Владимир Александрович Силкин

Выпускающий редактор —
Игорь Евгеньевич Витюк

Дизайн, вёрстка, подбор иллюстраций —
Игорь Евгеньевич Витюк

Дизайн обложки —
Александр Владимирович Кабин

Произведения приводятся в авторской редакции

Формат 60x90 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура PragmaticaC.
Условных печ. л. 19,5.

Электронное издание

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры и искусства
«Центральный Дом Российской Армии имени М.В.Фрунзе»
Министерства обороны Российской Федерации
129110, Москва, Суворовская площадь, д. 2, стр. 1

Издатель Витюк Игорь Евгеньевич
141206, г. Пушкино Московской области